Vop...

Вопросы истории

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
MAY 15 1961
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

4

МОСКВА · 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/voprosy-istorii_1961-04_4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

№ 4 АПРЕЛЬ 1961 г.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

И. А. Портянкин — В. И. Ленин и большевистская печать 1895—1914 годов 3
М. И. Куличенко (Харьков) — Роль В. И. Ленина в создании и укреплении государственного союза Советской России и Советской Украины (1917—1922 гг.) 21
Г. И. Мирский, Л. В. Степанов — Двадцатый век и колониализм . . 41
Академик **М. Н. Тихомиров** — Об охране и изучении письменных богатств нашей страны 62
Академик **С. Д. Сказкин, Н. А. Сидорова, А. Д. Люблинская** (Ленинград), **А. И. Неусыхин, З. В. Удальцова, Е. Э. Гранстрем** (Ленинград), **В. Л. Романова, З. Г. Самодурова** — За развитие вспомогательных исторических дисциплин в области изучения западноевропейского и византийского феодализма 69
А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов — Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.) 80

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

М. И. Ассатурова — Годичное общее собрание Отделения исторических наук 110

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л. М. Зак — И. С. Смирнов. Ленин и советская культура 120
Е. И. Дружинина — «Внешняя политика России XIX и начала XX века» 126
Б. Ф. Поршнев — Г. Жордания. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I. 133

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

М. Я. Попов — Б. Джимбинов. Советская Калмыкия; **В. Е. Власенко** (Киев), **В. Т. Чунтулов** (Киев) — А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России (очерк истории); **М. И. Фриман** (Ярославль) — М. И. Михайлов. Союз коммунистов—первая международная организация пролетариата; **Е. А. Лебедев** — В. К. Дашкевич. Из истории национально-освободительной борьбы тунисского народа; **Р. Ф. Иванов** — А. И. Блинов. Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время реконструкции США (1866—1868 гг.); **И. С. Галкин** — В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг. 141

Новые книги 156
Статьи в советских исторических журналах 159

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

И. М. Некрасова, Б. В. Гаубих — Научная конференция, посвященная 40-летию ленинского плана ГОЭЛРО 162
Н. М. Матвейчук (Киев), **Б. И. Стеля** (Киев) — Межвузовская научная конференция в Киеве 165
Г. А. Сибирева — Научная сессия в связи с 200-летием со дня рождения Сен-Симона 167
Хроникальные заметки 170

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. А. Федоров — Освещение истории России в английском и американском славистических журналах за 1959 год 172

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Я. М. Захер (Ленинград) — Луи Жакоб. Эбер, отец Дюшен, вождь санкюлотов, **А. Д. Колпаков** — Исследования о чартизме; **А. С. Кан** — Г. Нёррегор. Внешняя политика Дании в послевоенные годы: 1815—24 178

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии . 186
Заметки о статьях 187
Рецензии на книги советских авторов 201

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

А. И. Пушкаш — О работе венгерского исторического общества . . 203
Хроникальные заметки 204

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Е. Г. Гимпельсон — О составе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов второго созыва 206
А. Н. Кочетков (Рига) — Необходимые уточнения 208
И. И. Смирнов (Ленинград) — Новые материалы о вывозе хлеба из России (конец XVI в.) 210

Иосиф Абгарович Орбели 215

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала 216
Резюме статей на английском языке 217

СТАТЬИ

В. И. ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ 1895—1914 годов

И. А. Портянкин

Одной из ярких сторон многогранной деятельности В. И. Ленина является его работа в качестве организатора и идейного руководителя большевистской печати. На протяжении многих лет, начиная с 1895 г., он принимал непосредственное участие в создании и редактировании более 30 печатных органов нашей партии. Решающую роль сыграл Владимир Ильич в создании и развитии периодической печати молодой Советской республики.

В настоящей статье освещаются некоторые вопросы деятельности Владимира Ильича по руководству центральными органами большевистской печати в годы борьбы за создание партии, а также в периоды первой русской революции, столыпинской реакции и нового революционного подъема [1].

В. И. Ленин придавал исключительное значение периодической печати в классовых битвах пролетариата с первых шагов своей революционной деятельности. В 1895 г., возглавляя Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Владимир Ильич приступил к созданию марксистской газеты «Рабочее дело», которой из-за ареста руководящей группы «Союза борьбы» не суждено было увидеть свет. В конце 90-х годов прошлого века, разрабатывая план строительства пролетарской партии, В. И. Ленин приходит к выводу, что создать ее можно только при помощи общерусской марксистской политической газеты. И такой печатный орган как основное звено в общей цепи задач, рассчитанных на организацию революционной партии рабочего класса, на победу социалистической идеологии в российском рабочем движении, был создан в декабре 1900 г. прежде всего благодаря титаническим усилиям Владимира Ильича. Это была газета «Искра». В тот период мало кто представлял во всей полноте действительное значение и неисчерпаемые возможности политической прессы марксистского направления.

30 января 1901 г. В. И. Ленин писал Г. В. Плеханову: «Если нам суждено и возможно добиться действительной гегемонии, то исключительно при помощи политической газеты (подкрепленной научным органом), и когда нам с возмутительной наглостью заявляют, что политический отдел нашей газеты не должен конкурировать с политическим предприятием гг. либералов, то наша жалкая роль ясна, как божий день» [2]. Эти резкие слова были направлены против Струве, который

---

[1] В нашей исторической литературе за последние годы появился ряд интересных исследований о В. И. Ленине как редакторе и руководителе печати. Среди этих исследований заслуживают внимания прежде всего такие работы: И. Кузнецов, С. Матвиенко. Газета «Социал-демократ» (М. 1960), где обстоятельно показана роль Владимира Ильича как редактора ЦО партии на протяжении 1909—1917 гг.; К. Зародов. Ленинская газета «Пролетарий» (1905 год). (М. 1955); М. Сидоров. Большевистская газета «Пролетарий» (1906—1909 гг.). (М. 1956); А. Бережной. Ленин — создатель партийно-советской печати (Л. 1960).

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 34, стр. 35.

хотел, чтобы «Искра» не занималась вопросами большой политики, а ограничивалась только информацией о «чисто» рабочей жизни. В ленинском письме также — если не прямо, то косвенно — осуждалась и позиция Плеханова, Потресова и Засулич, по настоянию которых было подготовлено соглашение редакции «Искры» с представителями группы «демократической оппозиции» для совместного издания политического «Современного обозрения». По замыслу Струве, это издание должно было подорвать политическую роль общерусской марксистской газеты, оттеснить «Искру» на задний план, не дать ей возможности стать во главе освободительного движения народов России.

Рассматривая законы развития классового общества, В. И. Ленин подчеркивал, что на известной ступени его развития борьба между противоположными классами неизбежно становится политической. Самым полным и ярким проявлением этой политической борьбы является борьба партий. Каждая партия, выходя на арену общественно-политической жизни, создает свои орудия борьбы. И одним из них является периодическая печать — незаменимое средство активного участия любого класса современного общества в политической жизни страны. Тем более не могло обойтись без периодической печати революционное движение рабочего класса России, на который история возложила задачу первым прокладывать путь к социализму и коммунизму для всего человечества. В этой связи В. И. Ленин указывал: «Без журналистического аппарата ни одно массовое движение обойтись не может в сколько-нибудь цивилизованной стране» [3].

Возглавив историческую борьбу русских марксистов и «Искры» за создание пролетарской партии, за внесение социалистического сознания в рабочее движение, В. И. Ленин в работах «С чего начать?» и «Что делать?» впервые в истории марксизма научно обосновал и четко сформулировал общественную, революционно-преобразующую роль пролетарской печати. Одна из основных функций пролетарской газеты, указывал В. И. Ленин в статье «С чего начать?», состоит в том, чтобы изо дня в день вести принципиально выдержанную, всесторонне и прочно связанную с жизнью пропаганду марксистской теории, последовательно и неутомимо разъяснять массам политику революционной партии, беспощадно, непримиримо разоблачать буржуазную идеологию, ревизионизм. Другая чрезвычайно важная функция марксистской печати состоит в проведении целенаправленной агитации и самом широком освещении разнообразных явлений общественной жизни с точки зрения политики рабочей партии, агитации, призванной привлечь внимание трудящихся к очередным задачам революционной борьбы. С этими двумя сторонами деятельности печати органически связана третья ее общественная функция — организаторская. «Роль газеты,— писал Владимир Ильич,— не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор» [4].

Ленинское указание, что рабочая газета является коллективным организатором масс, имеет под собой глубочайшую практическую, теоретическую и политическую основу. Пропагандируя марксистско-ленинскую теорию, коммунистическая печать не только воспитывает массы в духе социалистической идеологии, но и мобилизует их на выполнение решений партии, ее очередных лозунгов и задач. Печать выступает как аккумулятор и выразитель общественного мнения передовых представителей рабочего класса, она является глашатаем великих идей марксизма-ленинизма.

---

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 93.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 10.

В. И. Ленин разоблачил свойственный буржуазным и реформистским деятелям взгляд на журналистику как на средство наживы и достижения личной политической карьеры. Создавая пролетарскую печать в России, Владимир Ильич поставил ее на службу рабочему классу, использовал для политического воспитания и организации широких народных масс на свержение самодержавия, ликвидацию помещиков и буржуазии, на установление диктатуры пролетариата и строительство социализма и коммунизма.

«Искра» была первой газетой нового типа. Она сразу выступила как печатный орган воинствующего, творческого марксизма. Ленинская «Искра» прочными узами была связана с пролетариатом и воплощала в себе органическое, диалектическое единство научного социализма и общерусского рабочего движения.

Как известно, в состав редколлегии «Искры», кроме В. И. Ленина, входили Плеханов, Мартов, Потресов, Аксельрод и Засулич. В. И. Ленин с самого начала занял в газете положение ведущего, фактически главного редактора; свою основную задачу он видел в правильном, марксистски выдержанном, творческом освещении всех вопросов, связанных с выработкой идейных основ партии нового типа, с разработкой ее организационных принципов и тактической линии. В. И. Ленин был руководителем огромного творческого размаха. Он умел раньше всех подметить новые явления в рабочем движении, уловить новые нотки в глухом ропоте крестьян, осветить их пламенем революционной теории, указать массам пути дальнейшего развития революционной борьбы.

В программном заявлении редакции «Искры» В. И. Ленин писал, что ее руководители не намерены превращать газету в простой склад разнообразных воззрений, что они будут вести ее в строго определенном, марксистском направлении. Владимир Ильич боролся за создание партии, способной возглавить народ для революционного переустройства России. Однако вскоре выяснилось, что среди членов редакционной коллегии нет единства по коренным вопросам строительства пролетарской партии. В. И. Ленин вел принципиальную борьбу за марксистскую выдержанность «Искры», за последовательное осуществление стоявших перед нею революционных задач.

Показательна в этом смысле позиция, занятая Владимиром Ильичем при обсуждении статьи Ю. Стеклова «Итак, с чего же начать?». Автор прислал ее как отклик на ленинскую работу «С чего начать?», в которой выдвинут план построения марксистской партии. Ю. Стеклов выступил с возражениями против ленинского плана, противопоставив ему оппортунистическую точку зрения, близкую взглядам экономистов.

В политической оценке оппортунистической статьи Стеклова все члены редакционной шестерки были единодушны. Но при решении вопроса о ее публикации мнения кардинально разошлись: В. И. Ленин категорически высказался против печатания статьи; Мартов, Плеханов и Потресов предлагали напечатать ее в «Искре», а Аксельрод — в «Заре». Беспринципность большинства редакции в данном случае была налицо. И лишь благодаря партийной принципиальности В. И. Ленина и его настойчивости оппортунистическая статья Ю. Стеклова не появилась ни в «Искре», ни в «Заре».

В. И. Ленин постоянно отклонял любые посягательства на принципиальную линию «Искры». В частности, он отверг притязания А. Богданова, который в качестве основного условия своего сотрудничества в «Искре» ставил требование печатать его статьи целиком, даже без частичных изменений.

«...Мы вообще согласны и на то,— указывал Владимир Ильич.— чтобы принимать или отвергать статьи целиком, без частных

поправок. Но вот уже первую Вашу статью мы вынуждены были бы отвергнуть при таком условии...». Статья «в таком виде пойти не может, ибо есть совершенно неуместные и нетактичные вещи... есть и частные дефекты, требующие исправления» [5].

Отклонение В. И. Лениным политически ошибочных статей, которые предлагали «Искре» различные авторы, не раз спасало газету от принципиальных ошибок и серьезных промахов.

В. И. Ленин внимательно прислушивался ко всем верным замечаниям соредакторов, советовался с ними, но вместе с тем он никогда не мирился с их отступлением от партийности, от принципов революционной теории. В своих взаимоотношениях с соредакторами Владимир Ильич руководствовался принципиальной политикой, считая ее самой правильной, единственно достойной деятелей пролетарской партии.

В. И. Ленину нередко приходилось отбивать нападки на важнейшие, принципиальные положения своих статей.

Так, в острой полемике против ошибочных взглядов Плеханова, Мартова, Аксельрода и других Владимир Ильич отстоял и добился опубликования таких своих статей, как «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Аграрная программа русской социал-демократии», сыгравших огромную роль в разработке стратегии и тактики большевистской партии.

На основе опыта работы редакции «Искры» В. И. Ленин сделал вывод о том, какими качествами должна обладать редколлегия печатного органа пролетарской партии. Он указывал, что это должна быть не литераторская, а партийная коллегия. «...В редакции должны быть исключительно настоящие, а не фиктивные редакторы...», должна быть «деловая, а не обывательская коллегия..., в ней каждый должен иметь по каждому вопросу свое мнение...» [6].

Благодаря ленинскому руководству «Искра» своими материалами идейно сплачивала революционных социал-демократов, воспитывала боевую когорту профессиональных революционеров, составивших костяк пролетарской партии.

Огромное внимание уделял Владимир Ильич как редактор расширению и укреплению связей «Искры» с массами, с местными социал-демократами и передовыми рабочими. Огромную роль в этом деле играли агенты и корреспонденты газеты. Благодаря им налаживались и упрочивались организационные связи между местными комитетами. Вокруг каждого номера «Искры» агенты и корреспонденты проводили большую идейную и организаторскую работу. Материалы «Искры» вызывали среди рабочих и местных социал-демократов восторженные отклики. В газету шло так много отзывов, что редакция публиковала их в виде обзоров [7]. Приведем в качестве примера отзыв о двух статьях «Искры» из одного неопубликованного письма от 7 марта 1902 года. Высоко оценивая материалы «Искры» о рабочей жизни и положении крестьянства, автор письма отмечал также и другие достоинства газеты: «... в «Искре» помещается статья о государственной росписи — и это прекрасно», «...говорится в «Искре» о китайской войне и говорится очень хорошо» [8]. Автор имел в виду ленинские статьи «По поводу государственной росписи» и «Китайская война». Как видим, читателей газеты интересовали самые разнообразные вопросы: освободительная борьба трудящихся против царизма, внутренняя политика и международная жизнь. Читая передовым рабочим статьи «Искры», ее агенты доказывали необходимость практи-

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 78.
[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 34, стр. 165.
[7] «Искра» № 14, январь 1902 года.
[8] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 24, оп. 24н, ед. хр. 20985, лл. 2—3.

еского объединения разрозненных кружков и групп в единую пролетар-
кую партию, добивались признания «Искры» общерусским идейным и
олитическим центром складывавшейся марксистской партии. При по-
ощи своих агентов и корреспондентов «Искра» сыграла большую роль
подготовке II съезда РСДРП, который увенчал победой дело создания
диной марксистской партии российского рабочего класса.

В. И. Ленин просматривал планы работы агентов и корреспонден-
ов, направлял их внимание на решение коренных задач, стоявших пе-
ед рабочим движением. В этом деле Владимиру Ильичу активно по-
могала Н. К. Крупская. Как секретарь редакции, Надежда Константи-
овна вела регулярную широкую переписку с агентами и корреспонден-
ами газеты. Хотя переписка велась в зашифрованном виде и сопряжена
ыла с огромными трудностями, она и до сих пор восхищает своей
егулярностью и обстоятельностью. Многие агенты ежемесячно полу-
чали из редакции не по одному, а по два и даже по три письма [9].
каждом из них был конкретный разговор по существу, ответы на воз-
никавшие перед корреспондентом вопросы, подробная информация о том,
ак идут дела в других организациях.

Так, 19 августа 1902 г. редакция получила от своего разъездного
гента адрес одного надежного человека из Одессы, которого можно бы-
о привлечь к активному сотрудничеству в «Искре». 23 августа редакция
облагодарила агента за полученный адрес и уведомила, что новому
тороннику «Искры» посылается подробное письмо. Вот это письмо, от-
равленное новому корреспонденту газеты 25 августа 1902 г.: «Доро-
ой товарищ! Чрезвычайно рады, что удалось, наконец, связаться с Одес-
ой. Необходимо завязать и упрочить связи. Пишите почаще, хоть раз
неделю... Подписывайтесь: Осип. Наладить правильную переписку
резвычайно важно, без этого дело не пойдет». Здесь же даются по-
робные указания, что делать, о чем писать: «Сообщите нам подробнее
положении дел в Одессе. Каково теперь направление Одесского ко-
итета? Велики ли у него связи? Как относится к организационным
ланам «Искры»? Каково настроение среди рабочих? Попадает ли к ним
аша литература?» [10].

Далее редакция сочла целесообразным сообщить своему новому кор-
еспонденту о том, как идут дела в других городах. «Наши дела теперь
чень хороши. Питерский комитет теперь всецело на нашей стороне, вы-
ускает теперь соответствующее заявление, с ним у нас очень оживлен-
ая переписка и тесные связи. Тверской и Московский комитеты тоже
аши. Северный союз (Иваново-Вознесенск, Кострома, Ярославль, Вла-
имир и пр.) наш (связи очень тесные), выпускает заявление об этом...
Имеем данные думать, что скоро юг примкнет к нам. Одним словом —
бъединение не за горами, и притом объединение фактическое, а не про-
го формальное. Ну, а раз таковое состоится — дело пойдет семимиль-
ыми шагами» [11].

Это письмо, как видно, вдохновило одесского корреспондента
Искры», и он довольно быстро прислал свои первые материалы. Полу-
ив их, редакция немедленно уведомила об этом автора: «Корреспон-
енции получили. Большое, большое спасибо. Написано замечательно,
алантливо... Присылайте еще». Вслед за этим корреспонденту были
аны подробные указания.

«Очень важно,— говорится в письме, написанном Н. К. Крупской и
росмотренном В. И. Лениным,— чтобы связались непосредственно с
усской организацией «Искры». Необходимо, чтобы люди, держащиеся
дного направления, спелись между собой и работали сообща. Не най-

---

[9] Там же, ф. 25, оп. 11н, ед. хр. 1729.
[10] Там же, ф. 24, оп. 4н, ед. хр. 1432, л. 6.
[11] Там же, л. 7.

дете ли возможность передавать получаемую Вами литературу в русскую организацию «Искры», которая заведует распределением литературы «Искры» по России. В случае Вашего согласия, дадим необходимые адреса для сношений» [12].

Большую заботу проявлял В. И. Ленин об увеличении тиража «Искры» и распространении ее путем перепечатки номеров газеты в русских подпольных типографиях. С этой целью агентами «Искры» были созданы искровские типографии в Кишиневе и Баку. Весной 1903 г. по заданию редакции была подготовлена подпольная типография в Петербурге для печатания «Искры» с матриц. Так, 5 апреля 1903 г. из Петербурга сообщали в редакцию: «Посылайте нам стереотипы «Искры». Новая техника так налажена, что можем воспроизводить со стереотипа 3 000 экземпляров в сутки» [13]. Однако до сих пор не установлено, удалось ли в Петербурге получить матрицы хотя бы одного номера газеты до перехода ее в руки меньшевиков.

В некоторых городах «Искру» перепечатывали с местного набора. Таким способом размножали газету, например, в Умани (на Украине). Здесь в организованной агентом газеты П. Г. Смидовичем подпольной типографии был набран и отпечатан один номер «Искры». 16 июля 1903 г. П. Г.Смидович писал в редакцию: «Печатаем с набора «Искру» № 41, около 3-х тысяч» [14]. Через два дня он сообщал: «На днях развезем по комитетам № 41. Посылаю вам образчик». Далее в письме говорилось: «Думаю теперь приступить к следующему номеру. Но нам не доставлено оригиналов. Поэтому немедленно вышлите... все последние номера. Не задержите» [15]. А еще через несколько дней П. Г. Смидович информировал редакцию, что 41-й номер «Искры» местного воспроизводства «уже распространен» [16]. Благодаря такой перепечатке «Искры» в России тираж ее отдельных номеров достигал 20 тыс. экземпляров.

Появление в любом городе очередного номера ленинской «Искры» поднимало революционную энергию рабочих, местных социал-демократов. Передовые рабочие России были не только читателями, но и корреспондентами «Искры». Они часто писали в газету по самым различным вопросам. Их боевые, полные революционной страсти заметки наполняли газету духом протеста против царского самодержавия и капиталистов, озаряли ее страницы ярким пламенем приближавшейся революции.

Благодаря постоянному притоку рабочих писем «Искра» правдиво освещала различные стороны борьбы трудящихся, извлекала из живой действительности полезные уроки и выводы для обогащения теории, искала более действенные пути и методы борьбы за революционное преобразование страны. Ленинское руководство «Искры» объединило вокруг газеты сознательных пролетариев России. В. И. Ленин постоянно просил агентов и корреспондентов, чтобы они шире привлекали рабочих к непосредственному сотрудничеству в газете, чтобы рабочие писали не только для печати, но и обменивались своими мыслями с редакцией.

В конце 1904 г. В. И. Ленин четко сформулировал вывод о том, что печатный орган только тогда будет живым и жизненным, когда в нем, помимо профессиональных журналистов, будут участвовать сотни и тысячи внештатных авторов из среды широких народных масс.

В «Письме к товарищам (К выходу органа партийного большинства)» В. И. Ленин подчеркивал: «Над социал-демократической газетой

---

[12] Там же, л. 15.
[13] Там же, ед. хр. 1428, л. 11.
[14] Там же, ед. хр. 1429, л. 1.
[15] Там же, л. 3.
[16] Там же, л. 6.

:олжны работать все социал-демократы. Мы просим корреспондировать сех, а особенно рабочих. Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе — без этого материала грош будет цена социал-демократическому органу, и он не будет заслуживать названия социал-демократического»[17]. Это ленинское письмо нашло широкую поддержку среди рабочих масс России. В одном из откликов, полученных редакцией газеты в феврале 1905 г., говорится, что многие из старейших и лучших рабочих, прочитав «Письмо к товарищам», одобряют издание большевистской газеты. Особенно им понравилась идея объединить в одном органе популярную рабочую газету с научным органом, теоретически освещающим вопросы общественно-политической жизни[18].

Разгромив «экономизм» как оппортунистическое течение в русской социал-демократии, большевики, возглавляемые В. И. Лениным, вступили в революцию 1905—1907 гг., вооруженные революционной, марксистской программой.

Владимир Ильич развертывает непримиримую борьбу против меньшевизма, за укрепление партии, разработку ее стратегии и тактики. Для решения этих задач, для осуществления идейного руководства революционной борьбой рабочего класса и крестьянства В. И. Ленин создает при помощи своих соратников большевистскую газету «Вперед». Создание этой газеты настойчиво диктовалось коренными интересами партии. Как известно, в октябре 1903 г. член редколлегии «Искры» Плеханов перешел на позиции меньшевиков и стал добиваться кооптации в состав редакции ЦО всех отвергнутых II съездом РСДРП бывших редакторов «Искры» — Потресова, Аксельрода и Засулич. В. И. Ленин не мог согласиться с нарушением Плехановым воли партийного съезда. Он решил выйти из редакции «Искры», укрепиться в ЦК партии и с этой позиции бить оппортунистов.

С номера 52 «Искра» была превращена меньшевиками в орган оппортунистического меньшинства партии, в орудие борьбы против большевиков. В результате этого партия оказалась без своего печатного органа. В создании новой большевистской газеты В. И. Ленин видел единственное средство для преодоления внутрипартийного кризиса, борьбы против меньшевистских дезорганизаторов, за укрепление боевых рядов партии перед лицом надвигавшихся революционных битв народа с самодержавием. «В этом органе,— писал В. И. Ленин о газете «Вперед»,— теперь вся суть...»[19].

В. И. Ленин блестяще использует эту газету для подготовки III съезда РСДРП, разработки и теоретического обоснования стратегии и тактики пролетарской партии в буржуазно-демократической революции. После III съезда Владимир Ильич возглавляет центральный орган партии газету «Пролетарий». Руководя газетами «Вперед» и «Пролетарий», В. И. Ленин, как и в большевистской «Искре», главное внимание уделяет обеспечению партийной принципиальности печатных органов, творческому освещению в них вопросов марксистской теории и опыта развертывавшейся революции. Владимир Ильич решительно вел борьбу против тех, кто недооценивал общерусскую партийную газету, противо-

---

[17] В. И. Ленин. Соч. Т. 7, стр. 490.

[18] ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 34, ед. хр. 19479.

[19] В. И. Ленин. Соч. Т. 34, стр. 233. Представляется необходимым отметить неточность и небрежность, допущенные А. Ф. Бережным в брошюре «Ленин — создатель партийно-советской печати» (Л. 1960). Говоря об «Искре», автор на стр. 8-й пишет, что она выходила по октябрь 1905 г. и что под руководством В. И. Ленина вышло 52 номера. Между тем ленинская «Искра» выходила лишь до 1 ноября 1903 г., и под руководством Ленина вышел 51-й номер. С 1 ноября 1903 г. «Искра» стала меньшевистской, и отождествлять эти две газеты, хотя и выходившие под одним названием, нельзя.

поставляя ей местнические интересы, проявляя непонимание того, что партийная газета — важнейшее средство политического влияния партии на массы.

Сразу после III съезда РСДРП в партийные организации было разослано специальное письмо редакции «Пролетария», в котором указывалось, что над изданием центрального партийного органа должна работать вся партия. Каждый, кого интересует жизнь всей партии, а не только его города или района, обязан активно участвовать в общепартийной газете. Его долг — делиться с партией своими наблюдениями, своим опытом. Без такого обмена мнениями, без коллективной дружной работы в этом направлении всех сознательных партийных работников, указывала редакция, мы никогда не будем знать истинного положения дел в нашей партии, никогда не будем в состоянии учесть наши силы, всегда будем тащиться в хвосте у жизни.

«Необходимо проникнуться сознанием того, что за свой центральный орган ответственен каждый член партии» [20]. Редакция подчеркивала, что в «Пролетарий» уже многие рабочие пишут, «но надо, чтобы писали во 100, в тысячу раз больше» [21].

Этого не понимал и не хотел понять член Русского бюро ЦК РСДРП А. Богданов. Вместо организации масс для сотрудничества в «Пролетарии» и оказания денежной помощи газете он добивался закрытия ЦО [22]. Богданов игнорировал огромную идейно-политическую и организаторскую роль центрального печатного органа, принижал идеологическую работу партии в массах, стремился отойти в сторону от той острой, непримиримой борьбы против меньшевизма, которую последовательно вел на страницах «Пролетария» В. И. Ленин вместе со своими соратниками, членами редколлегии В. В. Воровским, М. С. Ольминским, А. В. Луначарским. На попытки Богданова добиться закрытия газеты Владимир Ильич ответил: «...Мы ни в каком случае не бросим «Пролетария», пока не удастся печатать его в Питере на Невском» [23].

Вопреки сопротивлению А. Богданова В. И. Ленину удалось сохранить «Пролетарий», расширить связи газеты с партийными организациями и передовыми рабочими, обеспечить ее регулярный выход до тех пор, пока не возникла возможность издания легального большевистского органа в самой России.

Руководя газетами «Вперед» и «Пролетарий», В. И. Ленин повседневно опирался на помощь всего редакционного коллектива. Дружная работа редколлегий этих партийных газет строилась на принципиальной основе. Один из видных сотрудников этих газет, П. Н. Лепешинский, писал, что между членами редколлегий существовало исключительное единство: «Насколько близко было сотрудничество между редакторами «Вперед» и «Пролетария», видно из того факта, что не раз статья, начатая и доведенная до половины Ольминским или Воровским, дописывалась Лениным...» [24]. Это отмечали и сами члены редколлегий. М. С. Ольминский, например, вспоминал, что проходили «почти ежедневные свидания членов редакции» и всегда было «полное отсутствие разногласий» [25]. А. В. Луначарский подчеркивал, что своим отношением к редакторской работе В. И. Ленин вдохновлял всех редакционных сотрудников на большие и важные дела. Руководя небольшим редакционным коллективом, Владимир Ильич вносил в него

---

[20] ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 33, ед. хр. 19969, л. 3.
[21] Там же, л. 4.
[22] Там же, ф. 26, оп. 29, ед. хр. 18229.
[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 34, стр. 312.
[24] «Пролетарская революция», 1930, № 5 (100), стр. 170. Об этом же говорит и А. В. Луначарский (см. Сборник «Ленин — журналист и редактор». Госполитиздат. 1960, стр. 326—327).
[25] «Пролетарская революция», 1923, № 11, стр. 97.

дух революционной бодрости и энтузиазма. Он умел придать всему делу издания газеты характер необычайной важности. Владимир Ильич с огромной «страстностью относился ко всякой корреспонденции, ко всякому событию, ко всякой статье». Он был убежден, что редакция газеты делает «всемирно-историческое дело» [26].

Нарастание революции летом и осенью 1905 г. настоятельно диктовало необходимость расширения издательской деятельности партии, создания более широкой сети газет, организации при первой возможности легального печатного органа. В. И. Ленин настойчиво ставил вопрос перед Русским бюро ЦК об улучшении руководства партией при помощи печати. «Вам бы безусловно необходимо,— указывал Владимир Ильич в одном из писем,— выпускать бюллетень ЦК в формате не более 2-х печатных страниц, но выпускать дважды в неделю» [27]. В другом письме, в конце октября 1905 г., В. И. Ленин еще более категорично подчеркивал возросшую роль периодической печати: «Руководить партией при теперешнем гигантском, невероятном росте движения можно только печатью» [28].

В. И. Ленин выдвигает идею создания в России легальной большевистской газеты и рекомендует обратить на это дело серьезное внимание. В издании легальной общерусской партийной газеты с частой периодичностью и большим тиражом Владимир Ильич видел одно из важнейших средств усиления политического влияния партии на народные массы, ибо заграничный печатный орган («Пролетарий»), выходивший раз в неделю и доставлявшийся в Россию не всегда своевременно, не мог удовлетворить всех возросших потребностей партийного руководства. Какое значение придавал В. И. Ленин изданию легальной газеты, хорошо показала Н. К. Крупская в письме от 9 октября 1905 г., адресованном Г. Д. Лейтейзену во Францию. Вначале Надежда Константиновна отметила, что это письмо собирался написать Владимир Ильич, но революционные события, разыгравшиеся в России, не дали ему возможности осуществить это намерение. Далее сообщается, что с 1 ноября в Питере будет выходить ежедневная газета «Новая жизнь» при ближайшем участии В. И. Ленина, И. И. Скворцова-Степанова, А. В. Луначарского, А. М. Горького и др. Редакция, писала Н. К. Крупская, приглашает Лейтейзена сотрудничать в «Новой жизни» в качестве постоянного корреспондента во Франции [29].

Из этого же письма видно, что уже в начале октября 1905 г. у Ленина был обстоятельный план широкого развертывания легальной издательской работы партии в России. «Имеется в виду,— говорится в письме,— приступить к организации популярных брошюр «Дешевой библиотеки знания». Предполагается составить несколько серий брошюр... из переводных и оригинальных работ, положив в основу схемы пункты нашей программы..., а также злободневные лозунги политической и экономической борьбы пролетариата». В конце письма рукой Владимира Ильича написано: «Привет. Ленин» [30].

Первой легальной большевистской газетой в самый бурный период первой русской революции в ноябре — декабре 1905 г. была «Новая жизнь», созданная по инициативе и под руководством В. И. Ленина. Приехавший в начале ноября 1905 г. из Женевы в Петербург Влади-

---

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 45, оп. 1, ед. хр. 13, л. 17.
[27] В. И. Ленин. Соч. Т. 34, стр. 296.
[28] Там же, стр. 312.
[29] ЦПА ИМЛ, ф. 434, оп. 1, ед. хр. 29181, л. 2.
[30] Там же, л. 3. Этот план с помощью А. М. Горького был реализован в 1906 году. Под руководством назначенной ЦК РСДРП редакционной комиссии во главе с В. И. Лениным издательство «Знание» уже к 25 октября 1906 г. подготовило 25 рукописей, из которых часть была выпущена в свет (ЦПА ИМЛ, ф. 18, оп. 26, ед. хр. 33630, лл. 1—2).

мир Ильич возглавил издание газеты с номера 9 и сразу же принял меры к коренному улучшению работы редакции, к удалению из газеты людей, не способных осуществлять в ней решения III съезда партии. В частности, от идейного влияния на содержание газеты были отстранены А. Богданов, П. Румянцев, В. Базаров, поэт-декадент Н. Минский и его друзья.

В. И. Ленин использовал страницы «Новой жизни» для перестройки работы партии в свете требований, возникших в ходе революции, для повышения классовой сознательности рабочих и крестьян и мобилизации их на подготовку к вооруженному восстанию. В решении этих задач огромную роль сыграли появившиеся в «Новой жизни» ленинские статьи «О реорганизации партии», «Пролетариат и крестьянство», «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти» и другие.

После царского манифеста 17 октября 1905 г. в России появились десятки легальных газет самых разных политических направлений и оттенков — от либеральных и мнимодемократических до ложносоциалистических, выдававших себя за сверхреволюционные. И что ни газета, то готовое сбить с толку рабочего читателя своей «демократичностью» ее название: «Народная свобода», «Дело народа», «Рабочий голос», «Новая Россия», «Трудовой народ» и т. д. Почти каждая такая газета объявляла себя самой объективной выразительницей свободы и независимости. Они отвергали свою причастность к какой-либо политической партии, проповедовали идею беспартийности, а под ее флагом преподносили массам завуалированные буржуазные взгляды, тормозили прояснение революционного сознания рабочего класса.

В это время на страницах самой популярной тогда в России ежедневной легальной газеты «Новая жизнь» В. И. Ленин выступил со статьей «Партийная организация и партийная литература». В этой статье Владимир Ильич беспощадно срывает маску беспартийности с буржуазной, мелкобуржуазной и прочей антиреволюционной прессы и ее публицистов, клеймит их как прислужников капитала, помогающих господствующим классам держать народ в угнетении. В. И. Ленин показал, что речи буржуазных писателей, публицистов, журналистов об их независимости — одно лицемерие, ибо в обществе, основанном на власти денег, в обществе, где горстка тунеядствующих богачей живет за счет нищенствующей массы трудящихся, не может быть свободы реальной, независимой от власти денежного мешка.

В противовес буржуазным нравам, буржуазной торгашеской печати, буржуазному литературному индивидуализму и карьеризму, в противовес погоне за наживой и «барскому анархизму», отрицающему организованные начала, «социалистический пролетариат,— указывает В. И. Ленин,— должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме»[31].

Раскрывая существо принципа партийности, подчеркивая его значение в деятельности марксистской печати, в ее борьбе за идеологическое воспитание масс, В. И. Ленин прежде всего указывает, что литературное дело рабочего класса не может быть орудием наживы лиц или групп, что оно вообще не может быть индивидуальным делом, независимым от пролетариата. Оно — часть общепролетарского дела, «колесик и винтик» единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение авангардом рабочего класса — его марксистской партией. «Литературное дело должно стать составной частью

---

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 27.

организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»[32].

Следует отметить при этом, что впервые принцип партийности печати Владимир Ильич выдвинул задолго до первой русской революции. Он говорит об этом в работах «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Наша программа», «Наша ближайшая задача», «Насущный вопрос», в «Заявлении редакции «Искры», «Третий шаг назад» и ряде других. В 1905 г. В. И. Ленин дает развернутое обоснование этого принципа, ведет речь не только о партийности периодической печати, но также об идейности и партийности художественной литературы и искусства, о сознательном служении писателей, художников, деятелей искусства своему народу. Принцип партийности печати, литературы, искусства Владимир Ильич рассматривает как основную закономерность их развития. Ленинская статья «Партийная организация и партийная литература» явилась программой борьбы за партийность социал-демократической печати; она помогла разоблачить буржуазный характер меньшевистских газет, нанести поражение всякого рода антиреволюционным изданиям, прикрывавшимся флагом беспартийности; она помогла нашей партии и рабочему классу в борьбе за народность литературы, за переход ряда выдающихся писателей на сторону пролетариата.

Великая ленинская идея партийности литературы явилась огромным вкладом в творческое развитие марксизма, она вооружила идеологические кадры пролетарской партии надежнейшим компасом в борьбе за наши идеалы. Ленинская идея партийности является путеводной звездой в работе историков и всех деятелей общественных наук, обязывая их рассматривать любое событие прошлого и настоящего с марксистско-ленинских позиций, с точки зрения коренных интересов рабочего класса и всех трудящихся, борющихся за победу коммунизма.

Обосновывая принцип партийности печати, Владимир Ильич беспощадно бичевал меньшевистских публицистов, которые сотрудничали в буржуазной печати и тем самым идейно блокировались с кадетской партией. Строго осуждая участие Мартова, Череванина и других в кадетской газете «Товарищ», В. И. Ленин подчеркивал: «И теоретические соображения, и политические приличия, и практика европейской социал-демократии высказываются против такого участия». Далее Владимир Ильич требовал, чтобы «литераторы рабочей партии на деле, а не на словах только, были организованы, подчинены контролю, одним словом, были строго-партийны»[33]. IV партийная конференция по инициативе В. И. Ленина приняла постановление «Об участии в буржуазной прессе», которым запретила социал-демократам выступать со своими статьями в буржуазных газетах и журналах во всех тех случаях, когда идейное содержание этих статей определяется буржуазной редакцией и приносит вред делу партии. В духе ленинской идеи партийности конференция признала допустимым участие социал-демократов в буржуазной прессе только под контролем партийной организации и лишь в тех случаях, «когда это участие способно иметь какое-нибудь практически-политическое значение и влияние на массы»[34].

Ярким примером последовательного осуществления принципа партийности является борьба В. И. Ленина за марксистскую выдержанность «Пролетария» и «Социал-демократа» в годы реакции. В состав редколлегий этих органов, в отличие от газет «Вперед» и «Пролетарий» 1905 г., входили также и представители течений, враждебных лени-

---

[32] Там же.
[33] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 233.
[34] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, Изд. 7-е, стр. 185.

низму. Так, в состав редколлегии центральной большевистской газеты «Пролетарий» до лета 1908 г. входили отзовист Богданов и некоторые другие.

Несмотря на сложную внутриредакционную обстановку, В. И. Ленин последовательно осуществлял политику большевистской партии. Проводить эту линию в газете ему приходилось в непрерывной борьбе с оппортунистами.

В то время В. И. Ленин основное внимание обращал на теоретическое обобщение опыта революционной борьбы рабочего класса и крестьянства в 1905—1907 гг., на творческое развитие марксистской теории. «Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы,— писал Владимир Ильич,— тогда теоретическая борьба за революционное миросозерцание, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня» [35]. Эта теоретическая борьба за революционное миросозерцание была необходима для того, чтобы отстоять пролетарскую партию от разлагающей деятельности ликвидаторов справа и «слева», предохранить рабочий класс от яда философского ревизионизма и политического уныния, защитить теоретические основы марксистской партии — диалектический и исторический материализм. В. И. Ленин публикует в «Пролетарии» одну за другой статьи, в которых дает глубокое теоретическое обобщение опыта первой русской революции, показывает правильность марксистской теории и тактики большевиков, вскрывает несостоятельность ревизионизма, порочность оппортунистической тактики меньшевиков, сектантской линии бойкотистов, отзовистов и ультиматистов.

Богданов возмущался, что «бойкотистская точка зрения не находила себе в «Пролетарии» никакого выражения» [36] и, настаивая на своих порочных взглядах, он написал для газеты статью «Бойкотисты и отзовисты». После острых споров большинство редколлегии во избежание раскола в партии решило опубликовать ее, но с редакционным примечанием, в котором подчеркивалось, что, в сущности, автор статьи согласен с редакцией в оценке тактики бойкота. Однако Богданов, попирая интересы единства большевистской партии, не согласился с этим. На заседании редколлегии 23 июня 1908 г. он заявил, что по-прежнему остается бойкотистом, и потребовал опубликовать свое письмо в редакцию, в котором развивал сектантские, бойкотистские взгляды, заявив при этом, что когда начнутся выборы в IV думу, то он и его единомышленники будут добиваться проведения тактики бойкота [37]. По настоянию В. И. Ленина редколлегия отказалась напечатать это письмо. В знак протеста А. Богданов вышел из редколлегии «Пролетария», оставшись, однако, в составе его расширенной редакции, являвшейся фактически руководящим центром.

Выйдя из редколлегии газеты (или, как писал В. И. Ленин, из «узкой редакции»), Богданов образовал внутри расширенной редакции официальную оппозицию. Ему удалось с помощью примиренцев Зиновьева и Каменева получить для своей оппозиции свободу дискуссии по вопросам тактики на страницах «Пролетария». В ходе дискуссии богдановцы при поддержке Зиновьева и Каменева надеялись извратить большевистскую линию газеты. Свобода дискуссии, полученная отзовистами на страницах «Пролетария», грозила в этих условиях серьезными последствиями для партии. Благодаря решительной, принципиальной борьбе В. И. Ленина эта опасность была предотвращена. Начатая по настоянию А. Богданова дискуссия была использована Владимиром Ильичем для принципиально выдержанной идейной борьбы про-

---

[35] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 265.
[36] ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 36736, л. 9.
[37] Там же, лл. 11, 12.

тив отзовистской группы, для развенчания ее сектантских взглядов. Если в газете и печаталась статья отзовистского характера, В. И. Ленин одновременно помещал статью, вскрывающую политическую несостоятельность установок богдановской оппозиции. Автором ряда таких работ был сам Владимир Ильич. Ленинские статьи вносили принципиальную ясность в спорные вопросы. На основе конкретных фактов он отметал досужие вымыслы отзовистов, доказывал правоту тактической линии большевизма. В ряде своих выступлений в «Пролетарии» В. И. Ленин показал, что отзовизм ничего общего не имеет с большевизмом. «Отзовизм — не большевизм,— подчеркивал он,— а худшая политическая карикатура на него, которую только мог бы придумать злейший его политический противник»[38].

Острая идейная борьба В. И. Ленина в «Пролетарии» против богдановской группы сыграла решающую роль в победе большевистской партии над отзовизмом, бойкотизмом. В ходе этой борьбы Владимиру Ильичу приходилось преодолевать сопротивление со стороны скрытых пособников ликвидаторства — примиренцев Зиновьева и Каменева. Особенно рьяно они сопротивлялись разоблачению богостроительских идей, главными проповедниками которых являлись члены богдановской группы.

Перед газетой «Пролетарий» закономерно возникла необходимость решительно выступить против богостроительских идей. Надо было на страницах газеты показать, что пропаганда богостроительства ничего общего не имеет с марксизмом, с отношением большевиков к религии. Статью на эту тему написал В. Шанцер. 13 февраля 1909 г. она обсуждалась на редколлегии. На этом заседании, проходившем в отсутствие В. И. Ленина, присутствовали члены редколлегии Зиновьев и Каменев, а также приглашенные ими два члена расширенной редакции «Пролетария» — Шанцер и Богданов[39]. Под нажимом последнего Зиновьев и Каменев решили не выступать в газете против богостроительства[40]. Это капитулянтское решение Зиновьева и Каменева было на руку не только отзовистам и бойкотистам, но и меньшевикам-ликвидаторам, которые могли использовать его для демагогической борьбы против большевиков и их руководящего печатного органа.

Узнав об этом, В. И. Ленин на следующий же день собрал редколлегию и доказал ошибочность ее решения. По настоянию Владимира Ильича было признано обязательным в очередном же номере «Пролетария» опубликовать статью против богостроительства. Но тут выяснилось, что В. Шанцер под давлением Богданова взял свою статью из редакции. Поэтому по предложению Владимира Ильича срочно была подготовлена редакционная статья, которая и была опубликована 25 февраля 1909 г. в № 42 газеты «Пролетарий».

Кроме того, в одном из очередных номеров «Пролетария» Ленин выступает со статьей «Об отношении рабочей партии к религии», в которой, осуждая богостроительство, подчеркивает, что оно является отступлением от социалистического мировоззрения[41].

Исключительно острую борьбу вел В. И. Ленин со страниц «Пролетария» против меньшевиков-ликвидаторов, троцкистов и примиренцев. Касаясь непримиримой борьбы газеты за укрепление партии, против оппортунистических группировок самых различных мастей и оттенков, Владимир Ильич писал: ««Оставь надежду навсегда» — вот что говорил этим элементам «Пролетарий» каждым своим номером, каждым редак-

---

[38] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 328.
[39] «Протоколы расширенной редакции «Пролетария». Партиздат. 1934, стр. 272.
[40] Там же, стр. 43.
[41] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 378.

ционным собранием, каждым выступлением по какому бы то ни было очередному вопросу партийной жизни»[42].

Последовательная борьба В. И. Ленина за теоретические основы партии, за большевистскую выдержанность «Пролетария» сыграла в годы реакции решающую роль в идейно-политической и организационной консолидации революционных марксистов, в мобилизации широких масс рабочего класса на подготовку к новым революционным битвам.

С такой же партийной принципиальностью и последовательностью боролся В. И. Ленин за марксистскую линию «Социал-демократа». Владимир Ильич учил, что главное в каждом печатном органе — его партийная целеустремленность, публицистическая ясность и прямота.

Борьба В. И. Ленина за большевистскую линию центрального органа РСДРП «Социал-демократа» проходила в труднейших условиях. Владимир Ильич возглавил газету по решению августовского (1908 г.) пленума ЦК партии, который постановил возобновить регулярный выпуск «Социал-демократа» (первый номер вышел в феврале 1908 г. в Петербурге) и перенести его издание из-за полицейских преследований из России за границу[43]

Вскоре после пленума ЦК РСДРП В. И. Ленин развернул большую работу по подготовке к выходу очередного номера ЦО. В партийные организации было направлено от редколлегии письмо, приглашавшее всех социал-демократов принять активное участие в газете. «ЦО сможет выполнить свою задачу,— подчеркивала редколлегия,— только в том случае, если все местные организации, все товарищи, без различия фракций и направлений, помогут ему присылкой сведений, материалов, статей, отзывов и т. п.»[44].

С первых же дней возобновления издания «Социал-демократа» (второй номер газеты вышел 10 февраля — по новому стилю — 1909 г. в Париже) В. И. Ленину пришлось вступить в непримиримую борьбу с Мартовым, а через год — еще и с Даном, входившими в редколлегию ЦО от меньшевиков-ликвидаторов. Главной задачей газеты Владимир Ильич считал борьбу за укрепление партии, за революционное воспитание масс на основе решений V общепартийной конференции, решительно осудившей ликвидаторство как наиболее опасное оппортунистическое течение, действующее в угоду либеральной буржуазии. Большевистскую линию В. И. Ленина поддерживал А. Варский, входивший в редколлегию ЦО РСДРП от польских социал-демократов[45]. Несмотря на саботаж ликвидаторов, которых часто поддерживали примиренцы Зиновьев и Каменев, В. И. Ленину благодаря партийной непримиримости к оппортунистам удавалось вести ЦО партии в духе большевистских идей. С непреклонной волей Владимир Ильич отбивал все попытки ликвидаторов превратить ЦО в рупор антипартийных элементов. Публиковавшимися в «Социал-демократе» статьями В. И. Ленин наносил сокрушительные удары по примиренцам и ликвидаторам справа и «слева».

---

[42] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 36.

[43] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1, стр. 189, 192; ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 2н, ед. хр. 41855; ф. 18, оп. 20н, ед. хр. 36744. Следует отметить ошибочность утверждения А. Ф. Бережного в брошюре «Ленин — создатель партийно-советской печати» (Л. 1960, стр. 22), что «Социал-демократ» как ЦО партии выходил в Париже с февраля 1906 года. В 1906 г. в Петербурге выходил «Социал-демократ» (причем не с февраля, а в сентябре — ноябре), но это был орган меньшевиков, засевших в ЦК после IV съезда РСДРП, и к нему большевики никакого отношения не имели.

[44] ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 2н, ед. хр. 41855.

[45] Там же, оп. 8, ед. хр. 3660. С. Матвиенко в своей статье «Борьба В. И. Ленина за последовательно большевистское направление газеты «Социал-демократ» («Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, стр. 102) неправильно указывает, что в начале 1909 г. в редколлегию ЦО от польских социал-демократов входил Ю. Мархлевский. Последний возглавлял иностранный отдел «Социал-демократа», не являясь членом редколлегии (ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 3у, ед. хр. 35871).

Последовательная борьба В. И. Ленина за марксистскую, большевистскую выдержанность «Социал-демократа» увенчалась полным успехом. Убедившись в бесплодности своих попыток превратить ЦО в рупор противников ленинизма, Мартов и Дан, получившие от редколлегии порицание «за склочное поведение» [46], ушли из газеты. «Социал-демократ», редактируемый В. И. Лениным, сыграл большую роль в укреплении партийных рядов, в подготовке и проведении Пражской конференции, в деятельности партии по руководству новым революционным подъемом.

Решающую роль сыграл В. И. Ленин в создании «Правды». Владимир Ильич горячо поддержал инициативу петербургских рабочих об организации в 1912 г. ежедневной рабочей газеты. День выхода первого номера «Правды» — 5 мая 1912 г.— стал традиционным Днем советской печати.

После Пражской конференции, принявшей решение о создании ежедневной рабочей газеты «Правда», В. И. Ленин пристально следит за ее организацией, торопит с выпуском ее первого номера. В марте 1912 г., в письме в редакцию «Звезды», которая практически занималась подготовкой издания «Правды», В. И. Ленин просил: «Пишите точно, когда же ежедн[евная] газета, какой формат и пр.» [47].

С изданием «Правды» В. И. Ленин, партия, пролетариат получили трибуну, с которой они проводили ежедневную работу по подготовке взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия извнутри» [48].

В. И. Ленин из скромности рассматривал себя «в качестве постоянного политического сотрудника «Правды»...» [49]. В действительности же он был бессменным идейным руководителем газеты и главным ее редактором. Возглавляя Центральный Комитет партии, избранный на Пражской конференции, Владимир Ильич просматривал каждый номер «Правды» и день за днем в своих многочисленных письмах давал указания и советы редколлегии, критиковал ее промахи, поддерживал принципиально верные выступления.

Выполняя указания В. И. Ленина, «Правда» разоблачала ликвидаторов, троцкистов и иных оппортунистов, энергично боролась за единство рабочего класса на основе революционных лозунгов большевистской партии. И всегда ленинские идеи «Правды» встречали дружную поддержку рабочих масс. Так было и во время выборов в IV думу, когда «Правда» помогла партии одержать победу в рабочей курии, и в период борьбы против раскольнической деятельности ликвидаторской семерки в думской фракции, и в дни проведения страховой кампании, и т. д.

Как известно, ликвидаторская думская семерка, пользуясь перевесом в один голос, попирала волю большинства рабочего класса, оказавшего доверие шести большевистским депутатам, прошедшим в думу от крупнейших промышленных губерний. По указанию В. И. Ленина «Правда» развернула массовую кампанию в защиту большевистской шестерки. Газета из номера в номер высказывала волю рабочих. Их голос особенно мощно звучал со страниц «Правды» в октябре 1913 г., когда остро был поставлен вопрос: либо семерка депутатов отказывается от своих ликвидаторских идей и объединяется с большевистской шестеркой, либо неизбежен разрыв с ликвидаторами и создание самостоятельной большевистской фракции. Откликов было так много, что редакция «Правды» в каждом номере отводила для них целую полосу. Только в № 18 за 24 октября 1913 г. выразили свою волю 594 человека.

---

[46] ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 3у, ед. хр. 35839.
[47] «Ленинский сборник» XXV, стр 323.
[48] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 313.
[49] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 158.

В связи с огромным наплывом в газету рабочих корреспонденций и резолюций массовых собраний редакция стала печатать сводки о поступивших откликах. В одном из номеров газета сообщала, что за вторую половину октября в поддержку шести большевистских депутатов высказались рабочие коллективы 83 заводов и фабрик. Кроме того, в их защиту выступили четыре профсоюза, насчитывавшие 2 800 членов, и 300 человек прислали индивидуальные отклики [50]. В. И. Ленин восторженно отозвался об этих сводках. «Только что получил,— писал он,— воскресный № «За Правду». Особенно хороши подсчеты — надо их продолжать» [51].

Горячим одобрением со стороны самых широких трудящихся масс было встречено решение шести рабочих депутатов о создании самостоятельной большевистской думской фракции.

Для расширения рабочего движения, повышения политической сознательности и организованности рабочих «Правда» умело использовала страховую кампанию. Ликвидаторской идее расчленения единого страхового движения на небольшие группы «Правда» противопоставила большевистский лозунг создания общегородской больничной кассы. В проведении этого лозунга газета опиралась на широкую поддержку рабочих масс. Сначала с таким лозунгом выступили в «Правде» рабочие коллективы двух заводов [52], их поддержали рабочие еще 10 предприятий [53]. Ликвидаторская «Новая рабочая газета» ополчилась против этой инициативы, назвав ее «безнадежной и обреченной на неудачу».

«Правда» незамедлительно дала отпор этой выходке ликвидаторов, выступив со специальной статьей. Газета отметила, что к 10 октября за общегородскую кассу в Петербурге высказались рабочие 40 заводов и фабрик [54]. Следовательно, ликвидаторы, осуждая правдистский лозунг, выступили против воли большинства рабочих.

Разоблачив раскольнический план ликвидаторов, «Правда» призвала рабочие массы высказать свое мнение по спорному вопросу. «И мы не сомневаемся,— заявила газета,— что как в профсоюзном движении, так и в страховой кампании эти интеллигентские раскольники будут вышвырнуты из рядов рабочих организаций и отброшены на то необходимое расстояние, на котором они будут безвредны для движения рабочего класса» [55].

В ответ на призыв «Правды» рабочие коллективы еще 30 заводов и фабрик высказались за создание общегородской больничной кассы. Эту идею поддержали и профсоюзы [56].

Авторитет «Правды» в проведении страховой кампании был очень высок. Газета почти в каждом номере выступала со статьями, в которых разъясняла, как проводить работу по созданию больничных касс, чего должны требовать рабочие от своих представителей в страховых органах и т. д. Смелая, решительная защита «Правдой» интересов пролетариата, непримиримая борьба с ликвидаторами изолировала меньшевиков, обеспечила избрание в руководящие органы легальных рабочих организаций (профсоюзов, страховых органов, больничных касс и др.) представителей большевистской партии.

Борьба «Правды» против оппортунизма встречала одобрительный отклик со стороны партийных организаций и широких рабочих масс. Один из рабочих писал в газету, что, «как яркая звезда, она освещает мрак нашей жизни и зовет нас к свету, открывая пред нами широкие го-

---

[50] «За Правду» № 26, 2 ноября 1913 года.
[51] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 86.
[52] «Правда труда» № 9, 20 сентября 1913 года.
[53] «Правда труда» № 12, 24 сентября 1913 года.
[54] «За Правду» № 7, 11 октября 1913 года.
[55] Там же.
[56] «За Правду» № 34, 13 ноября 1913 года.

ризонты будущего. Она указывает нам на наши ошибки и разоблачает пицемерные «подходы» всевозможных врагов рабочих». Автор приветствовал «товарища, высказавшегося в статье «Итоги полугодовой работы» за установление рабочими «копейки» на рабочую газету», и тут же прилагал 2 руб. в фонд «Правды» [57]. Рабочие из Елисаветполя (Кировоград) в марте 1913 г. писали: «Только «Правда» является действительной выразительницей интересов рабочего класса и только она одна достойна быть истинным проводником пролетариата в его славной борьбе за лучшее будущее» [58].

Астраханские социал-демократы отмечали: «Правда» дала возможность нам, русским рабочим, высказать, что мы с презрением отворачиваемся от апостолов «нового слова», на самом деле повторяющих старые либеральные и реформистские пошлости... В настоящее время ликвидаторы настолько уже разбиты, что их орган «Луч» вопит и молит об объединении и прибегает для оправдания своего позорного прошлого к софизмам... Но никакого примирения с ренегатствующей писательской братией из «Луча» у последовательных марксистов не может быть» [59].

Имея в виду предательство Троцкого и других, астраханские социал-демократы заявили: «Никакие старания дипломатов от марксизма, так называемых «примиренцев», вечно путающихся в ногах социал-демократии, не помогут ликвидаторам. «Примиренцы» только срамят самих себя, ибо, солидаризируясь с ликвидаторами и прикрывая их, они обнаруживают свое духовное родство с ними» [60].

В. И. Ленин и возглавляемый им ЦК РСДРП повседневно заботились об улучшении работы газеты. Помимо официальных постановлений ЦК по вопросам работы «Правды», многочисленных ленинских писем в редакцию, из ЦК РСДРП регулярно направлялись в «Правду» указания, подсказывающие, что надо сделать, чтобы газета была еще более боевой, яркой и интересной. Например, в январе 1914 г., в связи с подготовкой к двухлетнему юбилею «Правды», В. И. Ленин и ЦК партии направили в редакцию письмо, в котором говорилось о том, что «необходимо улучшить литературную сторону дела. Для этого желательно сделать содержание газеты более разнообразным» [61].

В частности, указывались такие меры, способные сделать газету более разнообразной: 1) «давать чаще беллетристику», 2) «обязателен маленький фельетон Демьяна Б.», 3) «улучшить информационную часть: давать больше телеграмм, завести отдел «По России»..., завести отделы «среди железнодорожников» (только самое легальное), «среди учителей» и т. п.», 4) «давать хоть раз в неделю карикатуру, портрет, снимок. (Примеры: Горький, группы народных учителей и т. п.)», 5) «1—2 раза в неделю» давать «естественно-научные маленькие статейки», 6) «завести отдел «Что читать» и т. д.», 7) «время от времени давать статейки о студенческой жизни» [62].

Для осуществления этих задач, призванных «повысить тираж газеты», редакции рекомендовалось «поставить должным образом хозяйство, создать отделения в районах СПБ и в иногородних крупных рабочих центрах» [63].

Осуществляя указания В. И. Ленина и директивы ЦК РСДРП, редакция «Правды» расширила свои связи с рабочими Петербурга, Москвы и многих других городов России, стала выпускать газету еще более

---

[57] «Правда» № 101, 26 августа 1912 года.
[58] «Красный архив», 1925, № 1 (68), стр. 29.
[59] «Правда» № 86, 13 апреля 1913 года
[60] Там же.
[61] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 75, л. 1.
[62] Там же, л. 2.
[63] Там же, л. 1.

боевой, живой и разнообразной. Газета организовала выпуск специальных вкладок и приложений. Так, к четвертому номеру «Трудовой правды» (1 июля 1914 г.) в качестве приложения выпущен «Уральский листок», в котором было опубликовано 25 корреспонденций, писем и статей с Урала. Рабочие Верх-Исетского завода и других уральских предприятий горячо приветствовали редакцию за выпуск такого приложения и организовали сбор средств на это дело. Например, большевики Миньяра отправили в «Правду» 210 руб., собранных у 400 рабочих на издание «Уральского листка». В 1913—1914 гг. рабочие Мотовилихинского завода выписывали 87 экз. «Правды», рабочие Лысьвенского завода —150 [64].

Усилиями В. И. Ленина «Правда» стала самой популярной газетой в стране. В редакцию отовсюду шли просьбы рабочих высылать им «Правду». Так, из Одессы сообщали 21 апреля 1914 г., что рабочие охотно читают газету. В город поступает 400 экз., и все расходятся. Одесские товарищи просили прислать 2 500 экз. юбилейного номера «Правды» [65]. В связи с такими заявками номер «Правды», посвященный двухлетнему юбилею, был отпечатан тиражом в 135 тыс. экземпляров [66].

К «Правде» были обращены взоры не только рабочих России, но и других стран. Газета привлекала их симпатии идеями пролетарского интернационализма, непрестанными атаками против империалистических заговорщиков, разжигавших войну между народами балканских и других европейских стран, призывами к пролетариям всего мира крепить международную солидарность. Характерна в этом отношении передовая газеты — «Долой вмешательство!», осуждавшая авантюристическую позицию царизма и его европейских союзников на Балканах.

«Правда» активно разоблачала подготовку империалистических государств к мировой войне, призывала рабочих к международной солидарности. «Русскую демократию,— писала газета,— на Балканах может интересовать лишь одно: победа балканской демократии над теми военными и буржуазными кликами, которые втянули народы в позорную, бессмысленную и кровопролитную бойню. Не Адрианополь нужен балканским славянам, а мир и торжество демократии. Только она сможет залечить раны, нанесенные балканским народам политикой династий и буржуазии» [67]. Потому с таким восторгом передовая рабочая печать мира относилась к исторической деятельности «Правды». В статье «День рабочей печати в России» центральный орган Болгарской социал-демократической партии «тесняков» «Работнически вестник», выходивший под руководством Д. Благоева и Г. Киркова, 7 мая 1914 г. писал, что «Правда» гордо и неустрашимо несет знамя революции, знамя пролетарского социализма. С выходом «Правды» не только русский, но и весь международный пролетариат получил ежедневную газету, которая воспитывает рабочие массы в духе международной революционной солидарности.

Идейно направляемая В. И. Лениным, «Правда» сплотила вокруг большевистской партии абсолютное большинство трудящихся России и в огромной мере способствовала подготовке пролетариата к Великой Октябрьской социалистической революции.

Деятельность В. И. Ленина как руководителя партийной печати учит работников идеологического фронта высокой идейности, творческому сочетанию марксистской теории с практикой коммунистического строительства, тесной связи с массами, непримиримой борьбе с буржуазной идеологией и ревизионизмом.

---

[64] «Социал-демократ» № 32, 28 декабря 1913 года.
[65] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 326.
[66] Там же, ед. хр. 164.
[67] «Северная правда» № 15, 20 августа 1913 года.

РОЛЬ В. И. ЛЕНИНА В СОЗДАНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЮЗА СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ (1917—1922 гг.)

М. И. Куличенко

В. И. Ленин уделял огромное внимание оформлению и развитию государственного союза РСФСР и УССР. Изучение этой проблемы представляет большой интерес, так как дает историкам возможность более глубоко и всесторонне показать многогранную деятельность Владимира Ильича.

Данная тема уже получила значительное отражение в литературе, в частности, в трудах С. И. Якубовской, С. С. Гилилова, В. В. Пентковской, Д. Л. Златопольского и О. И. Чистякова, посвященных образованию СССР и руководящей роли Коммунистической партии и В. И. Ленина в этом процессе[1]. Деятельность В. И. Ленина как организатора государственного союза РСФСР и УССР частично освещена в работах Н. И. Супруненко и Б. М. Бабия о строительстве Украинского Советского государства[2], в исследованиях В. А. Чирко и В. М. Курицына, специально рассматривавших историю взаимоотношений Советской России и Советской Украины в 1917—1922 годах[3].

В указанных трудах подробно освещена ленинская теория по национальному вопросу и борьба Коммунистической партии за проведение ее в жизнь. Авторы этих трудов внесли существенный вклад и в разработку вопроса о роли В. И. Ленина в создании и укреплении государственного союза РСФСР и УССР. Тем не менее эту задачу еще нельзя считать вполне решенной. Часть работ была опубликована в период культа личности, когда, с одной стороны, роль В. И. Ленина в образовании СССР недооценивалась, а с другой — исследователям не были доступны многие материалы о деятельности вождя в период оформления СССР. Кроме того, в некоторых работах последних лет не использованы материалы партийных и советских архивов Украины. Ряд важных документов, характеризующих деятельность В. И. Ленина, ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У, правительств РСФСР и УССР, до настоящего времени не был привлечен к освещению темы.

Автор настоящей статьи не ставит своей целью рассмотреть весь круг вопросов истории создания государственного союза РСФСР и УССР.

---

[1] С. И. Якубовская. Объединительное движение за образование СССР. М. 1947; ее же. Строительство союзного Советского социалистического государства. М. 1960; С. С. Гилилов. В. И. Ленин — организатор Советского многонационального государства. М. 1960; В. В. Пентковська. Роль Леніна в створенні СРСР. Київ. 1957; Д. Л. Златопольский. Образование и развитие СССР как союзного государства. М. 1954; О. И. Чистяков. Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М. 1955.

[2] М. І. Супруненко. В. І. Ленін і Й. В. Сталін — творці Української Радянської держави. Київ. 1952; Б. М. Бабій. В. І. Ленін і будівництво Української Радянської держави. Київ. 1957.

[3] В. А. Чирко. Об'єднавчий рух на Україні за створення Союзу РСР. Київ. 1954; В. М. Курицын. Государственное сотрудничество между Украинской ССР и РСФСР в 1917—1922 гг. М. 1957.

На основе уже опубликованного, а также впервые привлекаемого документального материала в статье делается попытка проследить основные направления деятельности В. И. Ленина по созданию этого союза как одного из важнейших звеньев строительства Советского многонационального государства.

Развивая основополагающие идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин разработал научную программу пролетарской партии по национальному вопросу. В ходе борьбы за осуществление этой программы он неустанно отстаивал право всех народов, в том числе и украинского, на самоопределение.

В дооктябрьский период В. И. Ленин считал, что после победы пролетарской революции наиболее целесообразной формой взаимоотношений народов России в составе единого многонационального государства будет автономия[4].

После свержения царизма, исходя из того, что национально-освободительное движение на Украине и других окраинах России оказалось значительно сильнее, нежели можно было предположить раньше, В. И. Ленин, обобщая исторический опыт, пришел к выводу о возможности построения нового многонационального государства путем образования и последующего добровольного объединения на территории России независимых национальных республик при условии установления в них власти трудящихся. «Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия,— говорил В. И. Ленин на VII Всероссийской конференции РСДРП(б) в апреле 1917 года.— Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»[5].

Ленинская идея государственного союза России и Украины на основах равноправия и добровольности стала воплощаться в жизнь после победы Октябрьской революции, коренным образом изменившей исторические судьбы украинского и всех других народов нашей страны. Направляя деятельность партии по организации этого союза, В. И. Ленин исходил из наличия многовековых исторических, экономических и культурных связей трудящихся России и Украины, горячего стремления украинского народа вместе с великим русским и другими народами нашей страны бороться за построение нового, бесклассового общества.

В ходе социалистической революции на примере Украины были блестяще подтверждены слова В. И. Ленина о том, что освобожденные от гнета и эксплуатации народы России потянутся к союзу и объединению с великим русским народом, что они не пойдут за националистическими лозунгами местной буржуазии, не поддержат ее планов отделения от России[6]. Украинский народ решительно отверг попытки буржуазно-националистической контрреволюции оторвать Украину от братской России. В лице подавляющего большинства своих делегатов на II Всероссийском съезде Советов трудящиеся Украины единодушно поддержали решение об образовании Советского государства, основанного на принципах равноправия и дружбы народов.

Коммунистическая партия противопоставила силам контрреволюции единый революционный фронт трудящихся России и Украины. Созданию и укреплению этого фронта много внимания уделяли В. И. Ленин, ЦК партии и Совет Народных Комиссаров. За время с середины нояб-

---

[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 453; т. 20, стр. 92.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 268.
[6] См. там же, стр. 304.

ря до конца 1917 г. Совнарком 29 раз обсуждал вопросы, связанные с положением на Украине[7]. В частности, рассматривались вопросы оказания различных видов помощи Украине: военной, финансовой, партийными и советскими кадрами (посылка уполномоченных, делегаций и т. п.).

19 ноября Совнарком под председательством В. И. Ленина обсуждал вопрос «Об Украине и Раде». Было решено «созвать 20 ноября утром особую комиссию, которая должна всесторонне выяснить положение дел, переговорить по прямому проводу, выдвинуть кандидата на пост уполномоченного от правительства для поездки на Украину и т. д.».

22 ноября, выступая на I Всероссийском съезде военного флота, В. И. Ленин заявил о поддержке Советским правительством стремления трудящихся Украины образовать свое суверенное национальное государство[8].

29 ноября ЦК партии на заседании с участием В. И. Ленина обсуждал украинский вопрос в связи с предстоявшей всеукраинской партийной конференцией. Избранной на заседании специальной комиссии во главе с В. И. Лениным было предоставлено право решать по этому вопросу «все экстренные дела»[9].

СНК уделял много внимания вопросам взаимоотношений с Украиной в связи с провокационными действиями Центральной рады, возглавлявшей борьбу украинской буржуазии против социалистической революции. Наиболее остро эти вопросы стояли с середины ноября до середины декабря 1917 г., когда украинские трудящиеся усилили борьбу за победу социалистической революции, а Центральная рада особенно настойчиво стала добиваться отрыва Украины от Советской России.

В начале декабря Центральная рада открыто вступила на путь провоцирования войны с Советской Россией. СНК только за период с 2 по 16 декабря пять раз возвращался к обсуждению украинских дел[10]. 3 декабря Совнарком единогласно утвердил написанный В. И. Лениным проект «Манифеста к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде». В Манифесте разоблачалась контрреволюционная сущность политики Центральной рады и четко формулировались условия мирных переговоров с нею. Совнарком официально провозглашал в Манифесте право Украины на независимость, вплоть до отделения ее от России. В Манифесте впервые также высказывалось положение о возможности оформления государственного союза двух республик в виде федерации[11]. Такое решение вопроса полностью соответствовало воле рабочих и крестьян Украины, которые неоднократно высказывались за установление именно федеративных отношений с Россией[12].

Уделяя большое внимание развитию социалистической революции на Украине, В. И. Ленин в середине декабря 1917 г. отмечал изменение соотношения классовых сил на Украине в пользу революции[13].

В обстановке могучего революционного подъема украинского народа было создано суверенное Украинское Советское государство, провозглашенное на I Всеукраинском съезде Советов 12 декабря 1917 года. Выражая волю украинских трудящихся, съезд высказался за тесный государственный союз Украины с Россией. Касаясь формы

---

[7] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 19, оп. 1, ед. хр. 2—37 (подсчитано автором).

[8] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 309.

[9] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)». М. 1958, стр. 157.

[10] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 16, 17, 19, 20.

[11] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 323.

[12] «Известия Екатеринославского Совета РСД» № 144, 20 сентября 1917 г.; «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Т. 2. К. 1957, стр. 151, 359, 375.

[13] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 342.

этого союза, съезд объявил, что Украинская Республика является «федеративной частью Российской Республики»[14].

Избранный съездом ЦИК Советов Украины 14 декабря 1917 г. в телеграмме в Совнарком указывал, что свою важнейшую задачу новое Советское правительство Украины видит не только в том, чтобы устранить созданный Центральной радой конфликт с Советской Россией, но и в том, чтобы «обратить все силы на создание полного единения» между двумя братскими республиками[15]. Эта телеграмма была получена в Петрограде вечером 15 декабря, а уже утром следующего дня Совнарком в своем постановлении приветствовал образование «истинно народной власти на Украине» и обещал ей «полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины»[16].

Так под непосредственным руководством В. И. Ленина в огне социалистической революции начал складываться государственный союз Советской России и Советской Украины. Основой его являлось тесное сотрудничество двух братских народов в экономической, политической, культурной и военной областях. В. И. Ленин был вдохновителем и организатором этого сотрудничества.

Украинские рабочие и крестьяне посылали к В. И. Ленину делегации и отдельных ходоков, обращались к вождю за советами в строительстве своего национального государства, за помощью в проведении первых социалистических преобразований[17].

С момента провозглашения Украинской Советской республики Коммунистическая партия, В. И. Ленин приняли ряд мер для укрепления братского союза Советской России с Украиной. На заседании 19 декабря 1917 г. Совнарком вынес решение назначить на Украину своего официального представителя, которым был утвержден Г. К. Орджоникидзе[18].

В качестве представителя Советской России Г. К. Орджоникидзе в своей деятельности на Украине постоянно руководствовался указаниями В. И. Ленина, поддерживал тесную связь с ним. Прибыв в Харьков, Г. К. Орджоникидзе по поручению В. И. Ленина передал украинскому правительству предложение Совнаркома назначить представителя Украины при Совете Народных Комиссаров. Таким представителем в ранге народного секретаря был утвержден В. П. Затонский.

На заседании СНК 19 декабря 1917 г. был поставлен также вопрос о взаимоотношениях с Центральной радой. По предложению В. И. Ленина была принята резолюция, в которой указывалось, что переговоры в Радой допустимы только с целью устранения столкнове-

---

[14] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Т. 2, стр. 576. Существует мнение, что это решение означало вхождение Украины в состав «Российской республики» на правах автономии. Однако анализ документов съезда, правительственных органов УССР и других материалов свидетельствует о том, что, во-первых, Украина была провозглашена независимой Советской республикой; во-вторых, под термином «Российская республика» и употреблявшимся в том же значении термином «Российская федерация» в то время подразумевали не РСФСР (которая сложилась позднее), а всю страну Советов в пределах бывшей Российской империи, в которую на условиях полного равенства должны входить независимые республики русского, украинского и других народов. Так, в приветствии ЦИК Советов Украины III Всероссийскому съезду Советов от 12 января 1918 г., то есть до провозглашения Российской республики федерацией, съезд характеризовался «как верховный орган не только Великороссии, но и всей федеративной Российской Республики». «Третий Всероссийский съезд Советов Раб., Солд. и Кр. деп.». П. 1918, стр. 15, 22.

[15] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Т. 2, стр. 589.

[16] Там же, стр. 594.

[17] Подробнее об этом см. М. И. Куличенко. В. И. Ленин — вдохновитель и организатор борьбы трудящихся Украины за власть Советов. «Сборник научных работ кафедр общественных наук вузов г. Харькова». Вып. II. Харьков, 1957, стр. 27—47.

[18] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 30, л. 4.

ний с нею и предотвращения войны. Основным условием переговоров ставилось признание Центральной радой контрреволюционного характера мятежа Каледина, отказ Рады от союза с Калединым и устранение препятствий, мешавших Советской России ускорить разгром мятежников [19].

На заседании Совнаркома 30 декабря вновь обсуждался украинский вопрос [20]. Было принято предложение В. И. Ленина о прекращении переговоров с Радой, поскольку стала очевидной нецелесообразность последних, так как Рада начала враждебные действия против Советской республики. Вместе с тем, как отмечал В. И. Ленин, «в самой Украине революционное движение украинских трудящихся классов за полный переход власти к Советам принимает все большие размеры и обещает победу над украинской буржуазией в ближайшем будущем» [21].

Исходя из ленинской оценки положения на Украине, Совнарком на том же заседании утвердил директивы для советской делегации в Брест-Литовске об отношении к делегации Центральной рады, начавшей сепаратные переговоры с Германией. По этому вопросу была «принята резолюция т. Ленина» [22], в которой советским делегатам предлагалось не признавать делегацию Центральной рады и ожидать прибытия в Брест-Литовск представителей Советского правительства Украины.

8 января 1918 г. вопрос о представительстве УССР в СНК обсуждался на заседании Совнаркома. Было принято решение «включить Народного секретаря Вольной Украинской республики в состав Совета Народных Комиссаров с правом совещательного голоса» [23]. На другой день, 9 января, его функции были уточнены следующим образом: «Народный секретарь Украины тов. Затонский входит в качестве представителя от Вольной Украинской республики в Совет Народных Комиссаров с решающим голосом по делам, касающимся Украины, с совещательным голосом по остальным вопросам» [24].

Таким образом, взаимоотношения Советской России с Украиной определились как федеративные. Опыт этих взаимоотношений, как и взаимоотношений РСФСР с другими народами бывшей Российской империи, дал В. И. Ленину возможность сделать окончательный вывод о необходимости строить Советское многонациональное государство по федеративному принципу. Этот вывод нашел отражение в написанной В. И. Лениным в начале января 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была утверждена затем III Всероссийским съездом Советов, провозгласившим Россию федерацией советских республик. От имени украинского народа это решение единодушно поддержали на съезде делегаты 60 Советов Украины. Некоторые из делегатов Украины были избраны в состав высшего органа федерации — ВЦИК РСФСР.

В. И. Ленин проявлял повседневную заботу об укреплении государственного союза Советской России и Украины. Вместе с официальным представителем УССР В. П. Затонским он обсуждал важнейшие вопросы взаимоотношений обеих республик. Когда же В. П. Затонский на некоторое время выехал в Харьков, В. И. Ленин заботился о назначении вместо него другого представителя [25].

В. И. Ленин старался предупредить малейшую возможность возникновения трений между обеими республиками. Он, например, неоднократ-

[19] Там же, л. 5.
[20] Там же, ед. хр. 37, лл. 4—5.
[21] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 379.
[22] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 37, л. 5.
[23] Там же, ед. хр. 43, л. 3.
[24] Там же, ед. хр. 44, л. 2.
[25] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 431.

но указывал В. Антонову-Овсеенко, командовавшему войсками, боровшимися против Каледина, на отсутствие должных контактов с правительством Советской Украины и в то же время с удовлетворением отмечал «вполне дружественные» отношения с украинским правительством, сложившиеся у Г. К. Орджоникидзе[26].

Большое внимание В. И. Ленин уделял сотрудничеству с Советской Украиной на дипломатической арене. Уже в первой телеграмме правительству Советской Украины (16 декабря 1917 г.) Совет Народных Комиссаров информировал его о ходе мирных переговоров с Германией, о сговоре Центральной рады с Антантой и т. п. В конце декабря 1917 г. по поручению В. И. Ленина украинскому правительству было направлено предложение совместно выступить на переговорах с Германией. ЦИК Советов Украины высоко оценил этот акт доверия и равноправия обеих республик. На заседании 30 декабря он постановил «приветствовать ЦИК Всероссийский и Совнарком, особенно т. Ленина», а также просить Совнарком извещать украинское правительство «немедленно по прямому проводу о крупнейших событиях и переменах, особенно относительно Украины»[27].

Представители Советской Украины, следовавшие на переговоры в Брест-Литовск, по прибытии в Петроград тотчас были приняты В. И. Лениным. Владимир Ильич неоднократно указывал советской делегации в Брест-Литовске на необходимость защиты интересов Советской Украины и недопущение сговора Центральной рады с Германией. В ряде радиограмм этого периода он сообщал об успехах трудящихся Украины в борьбе с Центральной радой, об укреплении власти Украинского советского правительства[28]. В радиограмме «Всем, всем, всем!» от 23 января 1918 г. В. И. Ленин подчеркивал: «Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины с его народным секретариатом в Харькове провозглашен высшей властью Украины. Приняты федеративная связь с Россией и полное единство в делах внутренней и внешней политики с Советом Народных Комиссаров»[29].

Стремясь уничтожить Советскую власть на Украине, Центральная рада заключила договор с империалистической Германией и призвала ее войска на украинскую землю. В этих условиях Советская Россия помогала трудящимся Украины отстаивать с оружием в руках свою свободу и независимость. Совнарком РСФСР регулярно информировал правительство УССР о ходе борьбы против наступавших немецких войск. Получив одну из таких телеграмм, ЦИК Советов Украины 22 февраля принял решение образовать Комитет обороны из пяти человек, наделенный чрезвычайными полномочиями, для организации отпора империалистической Германии[30].

Однако нашествия германских оккупантов на Украину предотвратить не удалось. Международный империализм, стремясь поработить народы нашей страны, всячески пытался разъединить и ослабить их. Не случайно требованием германских империалистов, официально включенным в условия Брестского мирного договора, было отделение Украины от России. Вследствие тяжелого положения нашей страны Советское правительство было вынуждено принять это условие, но трудящиеся обеих республик были твердо уверены в том, что уже в самом ближайшем будущем они добьются победы.

В чрезвычайно сложной обстановке того времени ЦК партии и лично В. И. Ленин проявили большую заботу о сохранении национально-

---

[26] См. там же, стр. 432, 433; т. 35, стр. 267.

[27] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) УССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9.

[28] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 464, 465.

[29] «Ленинский сборник» XI, стр. 24.

[30] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, л. 18.

осударственной целостности Украины. Этот вопрос специально обсуж-
ался на заседании ЦК РКП(б) 15 марта 1918 г. с участием В. И. Лени-
а и представителей Украины, в том числе Артема (Ф. А. Сергеева) и
. П. Затонского. Принятое решение гласило: «На совместный украин-
кий съезд Советов РСКД должны поехать товарищи со всей Украины,
том числе из Донбасса. На съезде необходимо создать одно правитель-
гво для всей Украины. Всем партийным работникам вменяется в обязан-
ость работать совместно по образованию единого фронта обороны. Дон-
асс рассматривается как часть Украины» [31].

В марте 1918 г. состоялся II Всеукраинский съезд Советов. Съезд
аявил, что «в данный момент мирный договор, насилием навязанный
оссийской федерации германским империализмом, формально разры-
ает федеративную связь Украины со всей Советской федерацией... Но
о существу взаимоотношения советских республик остаются преж-
ими» [32].

В конце марта ЦИК и Народный секретариат Украины направили
Москву чрезвычайное посольство с тем, чтобы сообщить правительству
СФСР о решениях II Всеукраинского съезда Советов и твердом жела-
ии трудящихся Украины добиваться государственного объединения с
оветской Россией. 1 апреля посольство УССР выступило с декларацией
а заседании ВЦИК, а 3 апреля было принято в Совнаркоме РСФСР.
роходившее под председательством В. И. Ленина заседание правитель-
гва РСФСР выразило непоколебимую уверенность в том, что в тесном
инстве и при братской взаимопомощи трудящиеся России и Украины
обьются восстановления своего государственного союза [33].

Под руководством большевистской партии трудящиеся Украины
ели напряженную борьбу против немецких оккупантов. В статьях и
ыступлениях этого периода В. И. Ленин неоднократно указывал, что
вобода и независимость Украины могут быть обеспечены только при
атском союзе с Советской Россией [34]. Он подчеркивал эту мысль и
осетившим его делегатам I и II съездов Коммунистической партии
краины [35]. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, большевики
краины направляли освободительную борьбу трудящихся на восстанов-
ение власти Советов и возобновление государственного союза с Совет-
кой Россией [36].

Необходимые для этого условия сложились после изгнания немецких
ккупантов с территории Украины.

★

Нерушимое единство с Советской Россией было провозглашено в
публикованной 28 января 1919 г. Декларации Временного рабоче-
рестьянского правительства Украины. В ней подчеркивалась полная
олидарность Украинского Советского государства с РСФСР, их тесная
сторическая, экономическая и культурная связь, общие политические,
кономические и военные задачи. «Все это предрешает объединение
краинской Советской республики с Советской Россией на началах со-
иалистической федерации» [37],— говорилось в Декларации.

Указанным актом был возобновлен начавший складываться еще в
риод Октябрьской революции и прерванный затем германским нашест-

[31] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1.
[32] «Звезда» № 53, 22 марта 1918 года.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 88, лл. 2—3; «Правда», 4 апреля 1918 года.
[34] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 102.
[35] «Спогади про Перший з'їзд КП(б)У». К. 1958, стр. 39, 64; М. Погребінький. Другий з'їзд КП(б)У. К. 1957, стр. 44.
[36] «Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів і конференцій». 1958, стр. 16, 26.
[37] «Образование СССР». Сборник документов. 1917—1924. М.-Л. 1949, стр. 81.

вием государственный союз двух республик. Однако сложная обстановка начала 1919 г. помешала окончательному оформлению федеративных отношений между ними. В рассматриваемый период взаимоотношения РСФСР и УССР строились в соответствии с задачами практического сотрудничества для совместной борьбы с врагами и осуществления социалистических преобразований. Содержание их сводилось прежде всего к установлению тесных контактов между наркоматами и ведомствами обеих республик. В этом отношении важную роль сыграла вошедшая в практику с начала 1919 г. посылка на Украину представителей наркоматов и ведомств Советской России. Эти представители включались в состав коллегий соответствующих наркоматов и ведомств Украины и играли важную роль в налаживании тесной связи этих наркоматов с наркоматами РСФСР.

В конце 1918 г. по инициативе В. И. Ленина на Украину был направлен видный организатор продовольственного дела А. Шлихтер, вошедший в состав украинского правительства. В середине января 1919 г. на Украину прибыла комиссия ВСНХ с заданием оказать помощь Украине в создании местных совнархозов. Она содействовала установлению тесного контакта между Совнархозом УССР и ВСНХ РСФСР, наладила руководство закупками и товарооборотом Украины и России. В начале февраля в Харьков был прислан представитель Наркомата путей сообщения РСФСР.

Экономическое сотрудничество имело серьезное значение в укреплении государственного союза Украины и РСФСР. Повседневное внимание уделял этому делу В. И. Ленин. Под его непосредственным руководством вводилась единая денежная система, налаживались тесные контакты в работе промышленности и транспорта, в сельскохозяйственном производстве. Особенно большое значение придавал В. И. Ленин организации сотрудничества республик по восстановлению Донбасса, улучшению работы оборонных заводов, разрешению аграрного и продовольственного вопросов.

На первых порах экономические взаимоотношения РСФСР и УССР складывались без формального закрепления их законодательными актами. Они строились на основе общности интересов и взаимного доверия. Но уже к весне 1919 г. потребовалось более четко определить принципы экономического сотрудничества республик, поскольку военная обстановка требовала строгой централизации и наиболее целесообразного, планового распределения материальных ресурсов.

3 марта 1919 г. Президиум ВСНХ принял решение обратиться в ЦК РКП(б) с предложением об экономическом объединении всех советских республик. Это предложение получило одобрение ЦК РКП(б) и правительства РСФСР.

СНК УССР, на обсуждение которого было поставлено предложение ВСНХ РСФСР, также поддержал его. 7 марта В. И. Ленину была направлена телеграмма, в которой сообщалось, что правительство Украины приняло решение «объединить Укрсовнархоз с Российским Выссовнархозом, откуда Укрсовнархоз будет получать директивы» [38]. Совнарком УССР принял также постановление об объединении банковского дела обеих республик, предоставлявшее Народному банку РСФСР право распространить свои операции на украинскую территорию [39].

В результате переговоров между Совнархозом УССР и ВСНХ РСФСР 26 марта 1919 г. было заключено соглашение о единой экономической политике, фактически закрепившее создание экономического управления обеих республик, сосредоточенного в одном органе — ВСНХ РСФСР. Это соглашение не означало, однако, полного слияния их экономики; последнее произошло позднее, после образования СССР.

[38] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 49, лл. 15, 31.
[39] Там же, л. 12.

Особенно важное значение сотрудничество РСФСР и УССР приобрело с весны 1919 г., когда международный империализм усилил натиск на страну Советов. Самостоятельно, без братского союза с РСФСР, Украина, как и любая другая республика, не в состоянии была бы отстоять свою свободу и независимость. Сложившаяся обстановка настоятельно требовала полного слияния всех материальных ресурсов и военных сил и руководства ими из единого центра.

Инициатором укрепления военного единства РСФСР, УССР и других братских республик выступил В. И. Ленин. По его инициативе этот вопрос обсуждался 23 апреля 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б). В тот же день В. И. Ленин дал указание Реввоенсовету республики об объединении вооруженных сил всех советских республик. Программой деятельности партии по оформлению военного союза советских республик стал написанный В. И. Лениным при участии И. В. Сталина проект директивы о военном единстве. Изложенные в нем идеи в значительной мере были воплощены в решении пленума ЦК РКП(б), состоявшегося 4 мая 1919 года. В этом решении отмечались отрицательные последствия слабой связи армий отдельных республик и признавалось необходимым «восстановить в области военного управления и командования строжайшее начало единства организации и строгого централизма» [40]. Одновременно ЦК РКП(б) обязал партийные организации республик добиться, чтобы республиканские наркомвоены точно и неуклонно выполняли все приказы и распоряжения Реввоенсовета РСФСР и только с его ведома и под его руководством проводили мобилизацию населения, формирование и обеспечение войск [41]. ЦК РКП(б) учел своевременной постановку большевистскими фракциями ЦИК РСФСР и УССР вопроса о законодательном оформлении еще более тесного союза советских республик [42].

Выдвигая эту идею, Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным исходила из горячего стремления трудящихся всех национальностей, в том числе украинцев, к такому союзу. Это стремление было четко выражено в Конституции Украинской Советской республики, где говорилось о полной солидарности УССР со всеми советскими республиками и ее готовности вступить с ними в теснейшее политическое объединение и в теснейшее сотрудничество [43], в резолюциях митингов и собраний трудящихся, в решениях партийных и советских органов, на страницах печати. Так, в обращении совместного заседания ВУЦИК, Киевского Совета и различных общественных организаций к трудящимся Украины говорилось: «Рабочие и крестьяне России, Украины и других советских республик должны слиться в единый несокрушимый союз... Все должны сознать: вместе нам жить, вместе и умирать» [44]. Исполком Винницкого Совета в приветствии всем братским республикам писал, что только в теснейшем союзе они добьются полной победы [45]. Чаяния трудящихся Украины хорошо выразил председатель ВУЦИК Г. И. Петровский, подчеркнувший в статье «Единство советских республик» необходимость их теснейшего союза. Вне единства, вне объединения, писал он, им нет спасения в борьбе с империализмом [46].

Учитывая волю широких трудящихся масс, ЦИК Советов Украины 18 мая 1919 г. принял постановление об объединении руководства вооруженной борьбой всех народов Советской страны, а также всех материаль-

---

[40] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 17, л. 10.
[41] Там же, л. 9.
[42] «Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)» № 3, 4 июля 1919 года.
[43] Собрание узаконений (СУ) УССР, 1919, № 19, ст. 204.
[44] «Вестник НКВД УССР» № 5, 1 мая 1919 года.
[45] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 52, л. 23.
[46] «Коммунист» № 54, 10 мая 1919 года.

ных средств, необходимых для ведения этой борьбы [47]. Вслед за трудящимися Украины за оформление тесного военного союза высказались и трудящиеся других республик.

В результате переговоров между правительствами советских республик ВЦИК РСФСР принял декрет от 1 июня 1919 г. об объединении вооруженных сил и военного командования, а также централизации материальных ресурсов. Предусматривалось слияние совнархозов, органов железнодорожного управления и хозяйства, финансовых органов и комиссариатов труда и сосредоточение руководства ими в руках единых коллегий. В декрете указывалось, что объединение наркоматов должно быть проведено путем соглашения между правительствами республик, для чего была избрана комиссия, в задачу которой входила также выработка конкретных форм объединения [48].

Декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. и осуществленные партией в его развитие мероприятия фактически закрепляли уже сложившиеся на практике государственные взаимоотношения независимых советских республик, в том числе России и Украины. Но вместе с тем они знаменовали собой новый этап в развитии этих взаимоотношений, новую ступень на пути дальнейшего сближения республик и постепенного объединения их в едином союзном государстве.

Декрет ВЦИК обсуждался на нескольких заседаниях ЦИК Советов Украины, одобрившего меры по объединению советских республик. 21 июня 1919 г. в специальной телеграмме об этом было сообщено В. И. Ленину. Одновременно была избрана комиссия для выработки форм федеративной связи УССР с РСФСР [49].

Избранные ВЦИК и ВУЦИК комиссии по выработке предложений о формах государственных взаимоотношений ввиду усложнившейся военной обстановки не смогли развернуть свою работу. Однако в практическом сотрудничестве республик были достигнуты значительные успехи. Они выразились, в частности, в объединении ряда наркоматов, координации их деятельности и т. п. Вся эта работа проводилась под непосредственным руководством ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина. Уже 7 июня 1919 г. В. И. Ленину был послан телеграфный доклад наркомпрода УССР А. Шлихтера о мероприятиях по объединению комиссариатов продовольствия обеих республик [50]. Вслед за тем ЦК РКП(б) направил на Украину одобренную В. И. Лениным директиву об объединении наркоматов путей сообщения РСФСР и УССР [51].

Важнейшее значение для укрепления обороны Украины имело объединение вооруженных сил РСФСР и УССР. Благодаря этому части бывшего Украинского фронта получили новые пополнения, был укреплен командный состав, в войсках улучшилась политическая работа, быстрее ликвидировались пережитки партизанщины. В информации В. И. Ленину 23 июня 1919 г. говорилось, что включение Украинского фронта в общий фронт советских республик прошло вполне организованно и встретило большое сочувствие в рядах командного состава и красноармейцев [52].

Опираясь на братскую помощь великого русского народа, трудящиеся Украины в течение весны и лета 1919 г. вели героическую борьбу за свою свободу и независимость. Этой борьбой руководил В. И. Ленин. Сохранилось около 50 ленинских документов, относящихся к одному только периоду мая — июня 1919 г. и касающихся вопросов обороны Украины, мобилизации ее сил. Кроме того, десятки указаний давались

[47] «Образование СССР», стр. 125.
[48] Там же, стр. 126.
[49] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 9, л. 272.
[50] ЦГАОР СССР, ф. 1943, оп. 1, ед. хр. 531, л. 39.
[51] Партархив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 23, л. 13.
[52] ЦГАОР УССР, ф. 1738, оп. 2, ед. хр. 21, л. 21.

И. Лениным устно — при встречах с партийными, советскими и военными работниками Украины. Это был ценнейший вклад великого вождя практическое осуществление государственного союза РСФСР и УССР.

Однако, несмотря на величайшее напряжение сил всей Советской раны, отстоять Советскую власть на Украине в тот период не удалось. купация ее белогвардейскими бандами Деникина задержала на некорое время государственное объединение РСФСР и УССР. Но этот оцесс возобновился и пошел еще более быстрыми темпами после вобождения Украины.

ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин уделяли большое внимание делу сстановления Советской власти на Украине, укрепления союза СФСР и УССР. Этот вопрос несколько раз обсуждался при активном астии В. И. Ленина на заседаниях Политбюро и на специальных совеаниях в ЦК РКП(б). 21 ноября 1919 г., после рассмотрения тезисов И. Ленина о задачах Советской власти на Украине, Политбюро ЦК КП(б) приняло их и постановило,что РСФСР и УССР до созыва украского съезда Советов федерируются на основе постановления Политбюро и декрета ВЦИК от 1 июня 1919 года. В начале декабря вопрос Советской власти на Украине обсуждался на VIII Всероссийской партийной конференции. Владимир Ильич выступил по этому вопросу с кладом и заключительным словом, принял участие в прениях, разрабтал проект резолюции, который был одобрен конференцией.

Отметив бесспорную необходимость «теснейшего союза для всех ветских республик», партийная конференция подчеркнула, что пределение форм этого союза будет окончательно решено самими украскими рабочими и трудящимися крестьянами»[53]. До тех же пор ношения двух республик в соответствии с решениями конференции лжны были определяться «федеративной связью на почве решений ЦИК от 1 июня 1919 г. и ЦИКУ от 18 мая 1919 года»[54].

Партийная конференция наметила конкретные меры борьбы за нормализацию положения на Украине, укрепление ее экономики, развитие ациональной культуры, строительство государственного аппарата, опретила пути дальнейшего упрочения дружбы великого русского и украского народов.

Забота В. И. Ленина об укреплении союза РСФСР и УССР нашла иболее яркое выражение в его «Письме к рабочим и крестьянам раины по поводу побед над Деникиным», где детально разбирался опрос о возможных формах взаимоотношений РСФСР и УССР. Отмечая жное значение выбора формы государственного союза, В. И. Ленин то же время подчеркивал, что этот вопрос должен быть подчинен авной задаче — обеспечению единства трудящихся России, Украины ругих республик в борьбе против капитала. В. И. Ленин указывал, что еликорусским и украинским рабочим обязательно нужен тесный енный и хозяйственный союз»[55], формы которого могут быть самыми личными: объединение на основе федерации, слияние, полная независмость обеих республик. Но главное состоит в том, какая из них будет льше способствовать укреплению единства трудящихся.

Важнейшим условием прочного союза двух братских народов И. Ленин считал постепенное изживание национального недоверия. о недоверие, подчеркивал он, можно устранить лишь в совместной ьбе по отстаиванию диктатуры пролетариата, путем очень осторожно терпеливого и внимательного отношения к национальным чувствам. И. Ленин учил русских и украинских коммунистов беспощадно бо-

---

[53] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. . 7-е, стр. 459.

[54] Там же.

[55] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 271.

роться против всего того, что могло ослабить единство двух братских народов, разъединить их в угоду империалистам. Он призывал русских коммунистов решительно пресекать все и всяческие проявления великодержавного шовинизма и в то же время нацеливал украинских коммунистов на повседневную борьбу против буржуазного национализма во всех его разновидностях. Так, В. И. Ленин призывал разоблачать буржуазно-националистический характер партии боротьбистов. Он писал, что борьба этой партии против лозунга тесного и теснейшего союза Украины с РСФСР противоречит интересам пролетариата, что пропаганда разделения военных сил и поддержка бандитизма есть прямая помощь внутренней контрреволюции и международному империализму [56].

Руководствуясь решениями VIII Всероссийской партийной конференции и указаниями В. И. Ленина, ЦК КП(б)У и правительство Украины в начале января 1920 г. дали директиву организовать на местах всестороннее обсуждение вопроса о государственных взаимоотношениях РСФСР и УССР [57].

18 января 1920 г. этот вопрос обсуждался на общем собрании Черниговской городской партийной организации. Собрание единодушно высказалось за самый тесный военный и экономический союз РСФСР и УССР, крайне необходимый с точки зрения интересов трудящихся и успешности их борьбы против империализма [58]. Екатеринославская общегородская партийная конференция 1 февраля 1920 г. также одобрила ленинскую идею теснейшего союза двух братских республик и отметила необходимость непримиримой борьбы против украинского шовинизма [59]. Донецкая губернская партийная конференция 23 февраля 1920 г. заявила: «С какой бы практической стороны мы ни подошли к этому вопросу, мы получаем один и тот же вывод: в интересах трудящихся масс Украины, в интересах трудящихся масс России, в интересах объединения политических и экономических сил ударного кулака международной революции необходимо государственное слияние трудовых масс Украины и России» [60].

Вопрос о государственных взаимоотношениях обеих республик широко обсуждался также на съездах Советов Украины, на рабочих и крестьянских конференциях и собраниях, на страницах печати. Подводя итоги этому обсуждению, орган ЦК КП(б)У газета «Коммунист» писала, что рабочие и крестьяне Украины глубоко убеждены в крайней необходимости самого тесного союза братских республик как важнейшего условия сохранения своей свободы и независимости, построения бесклассового общества [61].

Оформление государственного союза РСФСР и УССР проходило в упорной борьбе против украинских буржуазных националистов, в частности против боротьбистов. Большевики Украины руководствовались в этой борьбе указаниями В. И. Ленина. Собрание Черниговской городской партийной организации 22 декабря 1919 г. постановило считать обязанностью всех членов партии неустанное разоблачение антинародной сущности боротьбистов — этих прямых агентов петлюровцев — за их самостийническую политику, за их сепаратистское требование создания обособленной украинской Красной Армии и т. п. [62]. Харьковский губревком в начале января 1920 г. констатировал, что боротьбисты и их газета «Пролетарская правда» ведут националистическую травлю, клевещут на

---

[56] См. «Ленинский сборник» XXXV, стр. 93—94.

[57] Партархив Института истории партии при ЦК КПУ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 18—19.

[58] Там же, л. 22.

[59] Там же, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 99, л. 22.

[60] Там же, ед. хр. 320, лл. 6—7.

[61] «Коммунист» № 41, 19 февраля 1920 года.

[62] Партархив Института истории партии при ЦК КПУ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 6, л. 48

усских коммунистов, распространяют петлюровские лозунги «самостий-ости» Украины, и призвал к борьбе с ними [63].

Опираясь на мощное объединительное движение трудящихся, боль-евики Украины добились изоляции и разгрома буржуазных нацио-алистов всех мастей, обеспечив тем самым условия для дальнейшего крепления государственного союза РСФСР и УССР.

В 1920 г. взаимоотношения обеих республик основывались на опыте, остигнутом в практике их государственного сотрудничества за весь редыдущий период, начиная с октября 1917 года. В. И. Ленин подчер-ивал, что взаимоотношения РСФСР и УССР развивались в этот период соответствии с договором от 1 июня 1919 года. «На базе этого догово-а,— указывал он,— который означает тесную федерацию двух респуб-ик в борьбе против империалистических стран, мы строим все более более тесный союз» [64]. В январе 1920 г. на основе решений VIII Всерос-ийской конференции Коммунистическая партия при активном участии . И. Ленина осуществила ряд новых важнейших мероприятий в этом аправлении.

4 января представители РСФСР и УССР подписали разработанные о рекомендации ЦК РКП(б) и В. И. Ленина «Общие директивы Россий-кого и Украинского советских правительств о военной политике на краине». Директивами предусматривалось объединение военно-админи-ративного и военно-снабженческого аппарата России и Украины, уста-авливались формы и методы строительства украинской Красной Армии ак составной части общефедеративной армии, намечались меры по лик-идации партизанщины и борьбе с бандитизмом. Осуществление этих ер оказало благотворное влияние на укрепление военного союза рес-ублик.

17—18 января на заседании Политбюро ЦК РКП(б) с участием . И. Ленина специально обсуждался вопрос «О форме государственных заимоотношений между Россией и Украиной». В принятых тезисах одчеркивалось, что основой взаимоотношений республик является оциалистическая федерация. Тезисы служили руководством при обсуж-ении на заседании ЦК КП(б)У 22 января 1920 г. вопроса «О государст-енных отношениях Украины и России». Было решено одобрить тезисы, вопрос о государственных взаимоотношениях РСФСР и УССР вынести а обсуждение Всеукраинской партийной конференции [65].

На основе этих решений были определены конкретные задачи даль-ейшего развития государственного союза РСФСР и УССР. Большая ра-ота, например, проводилась по уточнению взаимоотношений наркоматов беих республик, как объединенных, так (особенно) и необъединенных.

В начале 1920 г. установилось тесное сотрудничество правительств СФСР и УССР в законодательной области. Декретом Всеукраинско-о ревкома от 27 января 1920 г. «Об объединении деятельности УССР РСФСР» на соответствующие комиссии (наркоматы) Всеукрревкома возлагалась обязанность срочно определить, какие декреты РСФСР, водимые в действие на Украине, требовали уточнений в соответствии местными условиями. Одновременно Всеукрревком возобновил работу збранной ВУЦИК в июне 1919 г. комиссии по выработке конкретных орм объединения Советской Украины и РСФСР [66]. 7 февраля правитель-ва обеих республик совместно за подписями В. И. Ленина и Г. И. Пет-овского опубликовали положение о создании Совета Украинской трудо-ой армии. В марте украинское правительство приняло постановление О согласовании законодательной практики УССР и РСФСР по вопро-у об отделении церкви от государства».

[63] Газета «Власть Советам» (г. Сумы) № 32, 14 января 1920 года.
[64] В. И. Ленин, Соч. Т. 30, стр. 302.
[65] Партархив Института истории партии при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 501, л. 3.
[66] «Збірник узаконень та разпоряджень Всеукрревкому». 1919—1920, № 1, ст. 7.

Дальнейшие задачи законодательного оформления государственных взаимоотношений РСФСР и Украины обсуждались 17 февраля 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина. В соответствии с его указаниями 19 февраля 1920 г. этот вопрос рассматривался на заседании ЦК КП(б)У. В целях подготовки к IV Всеукраинской партийной конференции, на обсуждение которой был поставлен этот вопрос, ЦК КП(б)У постановил опубликовать для широкого ознакомления трудящихся тезисы ЦК РКП(б) о государственных взаимоотношениях УССР с РСФСР, принятые еще в январе 1920 года. Их содержание фактически не менялось. В постановлении говорилось: «...резолюцию отпечатать, исправив нумерацию абзацев, исключив в § 19 слово «временно» [67]. Одновременно ЦК КП(б)У постановил обнародовать принятые в начале января 1920 г. «Общие директивы Российского и Украинского Советских правительств о военной политике на Украине» [68].

Тезисы ЦК КП(б)У «Государственные отношения Советской Украины и Советской России» стали программой дальнейшего развития государственного союза двух братских республик. Они были одобрены IV Всеукраинской партийной конференцией, состоявшейся в марте 1920 года. Тем самым конференция сыграла значительную роль в развитии государственного союза РСФСР и УССР. В целом взаимоотношения РСФСР и УССР к весне 1920 г. фактически утвердились в форме договорной федерации. Целесообразность этой формы была подтверждена практикой сотрудничества обеих республик и мощным объединительным движением трудящихся масс. Только после этого решение вопроса о закреплении государственного союза РСФСР и УССР в законодательном порядке было вынесено на рассмотрение IV Всеукраинского съезда Советов.

Работа съезда проходила под знаком выполнения указаний В. И. Ленина. Съезд избрал Владимира Ильича своим почетным председателем, а также почетным членом ВУЦИК и послал ему приветственную телеграмму. В единогласно принятой 20 мая 1920 г. по предложению Артема (Ф. А. Сергеева) резолюции говорилось, что УССР, сохраняя самостоятельность, находится в то же время в тесном государственном союзе с РСФСР на основе социалистической федерации. Съезд единодушно одобрил объединение ряда комиссариатов обеих республик и поручил ВУЦИК, избранному съездом, и дальше вести такую же политику теснейшего единения с Советской Россией [69].

С целью укрепления братских связей УССР и РСФСР съезд поручил ВУЦИК войти в переговоры с ВЦИК о представительстве в нем Украинской республики и избрал в состав ВЦИК 30 представителей. 16 июня 1920 г. это решение рассматривалось на заседании ВЦИК РСФСР и было одобрено. Таким образом был сделан новый шаг по пути объединения РСФСР и Украины в едином союзном государстве.

Летом 1920 г. по-прежнему практиковалось совместное издание законодательных актов обеих республик. Так, 10 июня 1920 г. за подписями В. И. Ленина, М. И. Калинина и Г. И. Петровского был опубликован декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О Всеукраинском комитете по всеобщей трудовой повинности». 15 июня Совнарком РСФСР принял за подписью В. И. Ленина постановление «О порядке составления, рассмотрения, утверждения и исполнения финансовых смет доходов и расходов УССР». Эти декреты еще более централизовали управление экономикой России и Украины, более четко определяли права и обязанности центральных и местных органов, порядок финансирования и пр.

---

[67] Партархив Института истории партии при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 501, л. 10.
[68] Там же.
[69] «Образование СССР», стр. 152.

Большую роль в укреплении государственных связей республик период 1919—1920 гг. сыграла предпринятая ЦК РКП(б) по указанию В. И. Ленина посылка виднейших партийных и государственных ятелей Советской России на Украину (М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин и др.). Она имела целью азание помощи Украине в строительстве и укреплении государственного аппарата, организации обороны и социалистического строительства.

Так под руководством Коммунистической партии и ее вождя — И. Ленина в огне гражданской войны и иностранной интервенции закалялась дружба двух братских народов, укреплялось их сотрудничество, складывался государственный союз.

★

Победоносное завершение борьбы против объединенной внешней и утренней контрреволюции явилось ярким свидетельством силы и очности союза советских республик. В новых условиях, когда редстояло восстановить разрушенное войной хозяйство и перейти к роительству социализма, необходимо было еще более укрепить это инство. Вдохновителем и организатором сплочения советских республик выступила, как и раньше, Коммунистическая партия во главе В. И. Лениным.

Еще в период завершающих боев по разгрому Врангеля партия инняла меры для дальнейшего укрепления государственного союза СФСР и УССР. 23 ноября 1920 г. пленум ЦК КП(б)У постановил днять перед ЦК РКП(б) и предстоящим VIII Всероссийским съездом Советов вопрос о конкретизации государственных взаимоотношений Советской России и Украины в связи с новыми условиями и задами их сотрудничества, а также о необходимости создания для этого вместной федеративной комиссии[70].

ЦК РКП(б) поддержал инициативу большевиков Украины. По едложению В. И. Ленина 7 декабря 1920 г. он принял решение созать специальную комиссию и поручил ей «разработать и внести в ЦК роект постановления об урегулировании международных и правовых ношений между РСФСР и УССР»[71]. В дальнейшем по инициативе И. Ленина было решено укрепить братское единство двух республик заключением союзного договора. Проект договора обсуждался 24 екабря 1920 г. пленумом ЦК РКП(б) при участии В. И. Ленина и л одобрен[72]. От имени правительства РСФСР договор был подписан И. Лениным 28 декабря[73].

29 декабря союзный договор между РСФСР и УССР был единоушно утвержден VIII Всероссийским съездом Советов. Состоявшийся марте 1921 г. V Всеукраинский съезд Советов также единогласно одобрил договор, отметив в своем решении, что он является «новым агом к укреплению единого революционного советского фронта между рабочими и крестьянами России и Украины»[74].

Союзный договор полностью отвечал духу ленинской национальной олитики. В нем подчеркивалась суверенность Украинского Советского государства и отмечалось, что общие обязательства РСФСР и УССР другим странам могут определяться только общностью классовых инресов рабочих и крестьян обеих республик. Сложившийся в годы ажданской войны военно-политический союз Российской федерации и

[70] Партархив Института истории партии при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 499, л. 147.
[71] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 42, л. 3.
[72] Там же, ед. хр. 48, л. 1.
[73] «Образование СССР», стр. 248—249.
[74] СУ УССР, 1921, № 3, ст. 93.

Украины был дополнен союзом экономическим — этого требовали общие интересы восстановления народного хозяйства и строительства основ социализма в стране. В соответствии с договором военно-хозяйственный союз РСФСР и УССР закреплялся объединением ряда наркоматов и введением представителей Советской Украины в высшие общефедеративные органы власти.

В течение 1921 и начала 1922 г. происходила дальнейшая конкретизация, уточнение и дополнение положений договора от 28 декабря 1920 г. путем заключения отдельных соглашений, принятия соответствующих законодательных актов и т. п. Весь этот процесс проходил под непосредственным руководством ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина. В соответствии с указаниями В. И. Ленина в январе 1921 г. был решен вопрос о задачах и функциях уполномоченных наркоматов РСФСР при Совнаркоме УССР. В феврале на территорию Украины было распространено действие законодательных актов РСФСР по объединенным для обеих республик наркоматам. В марте с одобрения В. И. Ленина была создана комиссия из представителей РСФСР, УССР и других советских республик для рассмотрения вопроса о разработке общефедеративной конституции, в апреле — комиссия по урегулированию взаимоотношений между наркоматами РСФСР и УССР.

При активном участии В. И. Ленина продолжало развиваться сотрудничество в законодательной области. В апреле 1921 г. по его рекомендации Совнарком УССР установил порядок распространения на территорию Украины действия принятых ВЦИК и СНК РСФСР законов общефедеративного характера, в октябре было подписано соглашение ВЦИК и ВУЦИК «О сношениях центральных учреждений РСФСР и УССР» и т. п.

Уделяя большое внимание укреплению политического единства РСФСР и УССР, В. И. Ленин вместе с тем придавал важное значение их сотрудничеству в экономической области. Сохранившиеся документы, воспоминания современников показывают, как много внимания уделял В. И. Ленин вопросам осуществления нэпа на Украине, восстановления Донбасса, промышленности Украины вообще, разрешения аграрного и продовольственного вопросов, налаживания сотрудничества РСФСР и УССР в области внешней и внутренней торговли. В. И. Ленин поддержал инициативу Совнаркома УССР об учреждении «Полномочного представительства УССР по делам хозяйственного строительства при Рабоче-крестьянском правительстве РСФСР» (июнь 1921 г.). Работа полпредства содействовала упрочению экономических отношений обеих республик.

Благодаря повседневному вниманию и заботе ЦК РКП(б), В. И. Ленина Советская Украина в тесном союзе с РСФСР и другими братскими республиками успешно восстанавливала свое народное хозяйство, развивала национальную государственность и культуру.

Большую активность проявляла УССР в области внешних сношений. По инициативе В. И. Ленина РСФСР и УССР совместно выступали при заключении мира с Польшей, в тесном союзе друг с другом решали все вопросы взаимоотношений с капиталистическим миром.

16 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о дипломатическом объединении всех республик для совместного отпора объединенному фронту империалистических держав на Генуэзской конференции. Большевики Украины горячо поддержали это решение. 23 января Политбюро ЦК КП(б)У постановило «считать безусловно необходимым единый дипломатический фронт Советской федерации, по возможности в форме единой делегации представителей всех советских республик» [75]. 22 февраля Советская Украина вместе с другими респуб-

[75] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 532, л. 2.

ликами передала правительству РСФСР полномочия представлять их интересы в Генуе, заключить и подписать от их имени договоры и соглашения, которые будут выработаны на конференции. Полномочия делегации Советской России (в нее входил и представитель УССР) тщательно обсуждались в ЦК РКП(б) при самом активном участии В. И. Ленина.

Организованный Коммунистической партией дипломатический союз советских республик, их совместные выступления на конференциях в Генуе, а затем в Гааге были одним из этапов строительства советского многонационального государства.

Сложившийся под руководством В. И. Ленина и лежавший в основе государственного союза УССР и РСФСР договорный тип советской федерации сыграл важную роль в укреплении экономического и политического единства республик. В совместной борьбе против внешних и внутренних врагов, в процессе сотрудничества и взаимопомощи по проведению первых социалистических преобразований крепла дружба русского и украинского народов, изживалось недоверие между ними. Этому способствовала неустанная воспитательная работа, которую проводила Коммунистическая партия.

К весне 1922 г. выявилась настоятельная необходимость дальнейшего укрепления союза Советской России и Украины. Коммунистическая партия выработала ряд новых мер в этом направлении.

11 мая по просьбе ЦК КП(б)У вопрос о государственных взаимоотношениях республик был поставлен на заседании Политбюро ЦК РКП(б). После сообщения Д. З. Мануильского и М. В. Фрунзе и тщательного обсуждения вопроса Политбюро еще раз подтвердило независимость и суверенность Украинского Советского государства. Вместе с тем оно подчеркнуло необходимость укрепления государственного союза Украины с РСФСР. Сообщая о постановлении Политбюро Центральному Комитету КП(б)У, Д. З. Мануильский и М. В. Фрунзе телеграфировали в Харьков, что Политбюро «дало указание о необходимости строго придерживаться основ [прежней] политической линии по отношению к Украине»[76].

Созданной Политбюро ЦК РКП(б) комиссии в составе И. В. Сталина, М. И. Калинина, Д. З. Мануильского и Н. А. Скрыпника под председательством М. В. Фрунзе было поручено в месячный срок провести работу по уточнению взаимоотношений между наркоматами РСФСР и УССР.

В течение мая — июня 1922 г. на основании указаний комиссии соответствующие наркоматы РСФСР и УССР разработали проекты соглашений между собою и обсудили их на своих заседаниях. Эти проекты были одобрены ЦК КП(б)У и СНК УССР и обсуждены затем комиссией Политбюро ЦК РКП(б). На своих первых пяти заседаниях комиссия одобрила соглашения восьми наркоматов и ведомств обеих республик.

Итоги работы комиссии рассматривались на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 10 августа 1922 года. Обсуждение вопроса показало, что назрела необходимость дальнейшего совершенствования взаимоотношений РСФСР не только с Украиной, но и с другими советскими республиками. Для выработки соответствующих мер Оргбюро ЦК РКП(б) создало 11 августа 1922 г. новую комиссию из представителей ЦК РКП(б) и центральных комитетов компартий республик.

В борьбе за укрепление государственного союза РСФСР и УССР в условиях новой экономической политики партия встретила серьезные трудности, связанные в первую очередь с необходимостью борьбы против русского великодержавного шовинизма и украинского буржуазного национализма[77]. Большой помехой было также наличие в руководящих

---

[76] Там же, ф. 3, оп. 7, ед. хр. 59, л. 60.

[77] Подробнее см. об этом, например, в работе С. И. Якубовской «Строительство союзного Советского социалистического государства».

органах Украины тенденций к местничеству. В. И. Ленин указывал на эти тенденции большевикам Украины [78].

Пути дальнейшего укрепления государственного союза УССР и РСФСР, как и его формы, определились не сразу. Как известно, И. В. Сталин считал, что советские республики должны входить в состав РСФСР на правах автономии. Этой же точки зрения придерживался секретарь ЦК КП(б)У Д. З. Мануильский [79]. Некоторые другие руководящие работники УССР высказывались за сохранение старых форм взаимоотношений, считая, что нужно лишь более строгое регулирование их центральными партийными органами.

Заслуга открытия новой формы государственного союза советских республик всецело принадлежит В. И. Ленину. Ознакомившись с предложением И. В. Сталина об «автономизации», которое 23—24 сентября 1922 г. было одобрено комиссией Политбюро ЦК РКП(б), В. И. Ленин решительно выступил против него как неправильного и предложил принципиально новое решение проблемы. В письме на имя Политбюро ЦК РКП(б) от 27 сентября 1922 г. Владимир Ильич высказался за объединение всех советских республик в единое союзное государство на основе сохранения их суверенности. При этом В. И. Ленин особенно подчеркивал необходимость установления полного равенства всех объединяющихся республик. Он писал: «...мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию...» [80]. Пленум ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г. одобрил предложения В. И. Ленина и постановил положить их в основу строительства Союза Советских Социалистических Республик.

11 октября 1922 г. Политбюро ЦК КП(б)У, заслушав информацию Г. И. Петровского и М. В. Фрунзе о решениях пленума ЦК РКП(б), поддержало эти решения и постановило популяризировать их в прессе [81].

Необходимость быстрейшего создания союза Советских республик на новых основах остро чувствовалась в самой практике взаимоотношений РСФСР и УССР. Не случайно этому вопросу придавал такое большое значение В. И. Ленин. Еще не вполне окрепнув после болезни, он вынужден был заниматься решением наиболее актуальных вопросов сотрудничества республик. Осенью 1922 г. при его активном участии, например, решались вопросы бюджетных взаимоотношений и налоговой политики, развития угольной и металлургической промышленности Украины, слияния наркоматов внешней торговли и ряда полпредств обеих республик.

Объективная необходимость установления новых форм государственного союза РСФСР и УССР находила свое проявление также в растущем с каждым днем объединительном движении миллионных масс трудящихся. К осени 1922 г. это движение на Украине, как и в других советских республиках, вступило в наивысшую фазу своего развития. Его основным содержанием стало уже не просто стремление к укреплению и развитию федерации советских республик, а конкретно выраженное и осознанное массами требование объединения в едином союзном государстве.

Выражая настроения широких трудящихся масс Украины, депутаты Харьковской, Киевской и Донецкой губерний выступили на III сессии ВУЦИК 15 октября 1922 г. с предложением установить такие взаимоотношения между советскими республиками, которые превратили бы их сотрудничество в действительно прочное объединение в форме союзного государства. Это предложение было горячо поддержано депутатами всех других губерний Украины, а также Пленумом ЦК КП(б)У, состоявшимся

---

[78] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 267—268.

[79] См. С. И. Якубовская. Строительство союзного Советского социалистического государства, стр. 144.

[80] «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 497.

[81] См. С. И. Якубовская. Строительство союзного Советского социалистического государства, стр. 153.

06 октября 1922 года. Подчеркнув, что «5-летний опыт государственного управления и практика взаимоотношений между советскими республиками требуют сделать дальнейший шаг в области федерального строительства», сессия ВУЦИК поручила Президиуму ВУЦИК и Совнаркому УССР войти в переговоры с правительствами всех советских республик об оформлении общесоюзных законодательных и исполнительных органов и особенно органов регулирования взаимоотношений с капиталистическим миром» [82].

Ленинскую идею образования СССР горячо одобрили миллионные массы трудящихся Украины. 29 октября 1922 г. Черниговская губернская партконференция заявила, что «объединение союзных советских республик будет большим политическим плюсом, потому что мы будем более организованными, более сплоченными и благодаря этому сумеем еще больше укрепить наше политическое положение» [83]. Екатеринославский губком 9 ноября также горячо приветствовал идею создания единого союзного государства и призвал всех членов партии развернуть широкую агитационную кампанию для разъяснения значения объединения всех советских республик в составе СССР [84].

Вопрос об образовании СССР подвергся всестороннему обсуждению на уездных и губернских съездах Советов. В постановлении IX съезда Советов Ахтырского уезда, Харьковской губернии, говорилось: «Исходя из интересов создания мощи пролетарских республик, съезд считает, что вопрос объединения советских республик в единый союзный центр является назревшим и настаивает на его немедленном проведении в жизнь» [85]. В том же духе высказался III съезд Советов Брацлавского уезда, Подольской губернии [86].

Обсудив вопрос об образовании СССР, съезд Советов Одесской губернии 3 декабря 1922 г. указывал, что он «выражает единодушное мнение рабочих и крестьян Одесской губ. о еще большем укреплении единого фронта в области экономической, военной и политической и требует еще более тесного братского союза между советскими республиками» [87]. В решении VII съезда Советов Харьковщины подчеркивалось огромное значение объединения республик для их планомерного экономического развития. Съезд заявлял, что он «считает правильной мысль о создании Союза Социалистических республик, объединенному правительству которого должны быть подчинены и по его директивам работать главнейшие наркоматы... и предлагает харьковской делегации на Всеукраинском съезде Советов РККД всецело поддержать идею свободного по воле самих республик объединения» [88].

Выражая волю миллионных трудящихся масс Украины, VII Всеукраинский съезд Советов, открывшийся в Харькове 10 декабря 1922 г., рассмотрел вопрос о государственном объединении УССР с РСФСР и другими братскими республиками. В основу обсуждения этого вопроса съезд положил одобренные В. И. Лениным и утвержденные Политбюро ЦК РКП(б) 30 ноября 1922 г. «Основные пункты Конституции СССР». В своей работе съезд руководствовался также телеграммой В. И. Ленина, в которой указывалось, что главной задачей съезда является решение вопроса об объединении республик, а также принятие мер по подъему тяжелой промышленности и улучшению деятельности государственного аппарата [89].

---

[82] «Бюллетень III сессии ВУЦИК VI созыва» № 6, 16 октября 1922 г., стр. 28—29.
[83] См. В. Чирко. Указ. соч., стр. 122.
[84] Там же.
[85] Государственный архив Харьковской области (ГАХО), ф. Р-203, оп. 1; ед. хр. 798, л. 121.
[86] Партархив Института истории партии при ЦК КПУ, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 1052, л. 21.
[87] «Известия» (Одесса) № 900, 5 декабря 1922 года.
[88] ГАХО, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 836, лл. 16, 60.
[89] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 416.

В ответной телеграмме В. И. Ленину съезд писал: «Еще до получения Вашей телеграммы съезд постановил приветствовать Вас и выразить Вам чувство горячей любви и преданности трудящегося населения Украины. Следуя Вашим указаниям, съезд уделит особое внимание вопросам советского строительства, сельского хозяйства и промышленности и в тесном союзе и единении с прочими советскими республиками будет работать для осуществления принципов коммунизма» [90].

Опираясь на ясно выраженную волю трудящихся, VII Всеукраинский съезд Советов по докладу М. В. Фрунзе единодушно вынес решение одобрить объединение советских республик в едином союзном государстве. На заключительном заседании была принята телеграмма В. И. Ленину: «Сейчас под звуки Интернационала,— говорилось в ней,— Всеукраинским съездом Советов единогласно принята по докладу правительства резолюция о немедленном создании нового государственного объединения под названием «Союз Социалистических Советских Республик»... Горячо приветствуя Вас, как своего идейного вождя, съезд надеется в недалеком будущем видеть Вас и на посту руководителя Общесоюзного Советского Правительства» [91].

Ленинская идея объединения советских республик в едином союзном государстве единодушно была поддержана также трудящимися всех национальностей нашей страны. В тысячах резолюций митингов и собраний, съездов и конференций советские люди, обращаясь к В. И. Ленину, горячо приветствовали образование Союза ССР, окончательно оформленного на I Всесоюзном съезде Советов 30 декабря 1922 года.

Так под непосредственным руководством великого Ленина, Коммунистической партии проходил сложный процесс укрепления дружбы братского сотрудничества русского и украинского народов, завершившийся их объединением вместе с другими народами нашей страны в могучем Союзе Советских Социалистических Республик.

---

[90] «Коммунист» № 285, 12 декабря 1922 года.
[91] «Образование СССР», стр. 300.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК И КОЛОНИАЛИЗМ

Г. И. Мирский, Л. В. Степанов

Колониальная система империализма была частью исторического багажа, с которым мир вступил в нынешнее столетие. На рубеже XIX и XX вв., когда здание колониализма было только что возведено, идеологи империалистической буржуазии выступали откровенными трубадурами колониальной политики, уверенными в прочности колониальных режимов. Жюль Ферри, один из организаторов колониальных захватов и «строителей» французской колониальной империи, так выразил представления господствовавших классов Европы о перспективах колониализма: «Любая часть колониальных владений, ничтожнейшие клочки их должны быть для нас священны... Речь идет не о завтрашнем дне, а о полувеке, о целом веке, который ждет нас впереди...» [1]. Империалисты рассчитывали, что их колониальные владения сохранятся в целости и неприкосновенности на неопределенно долгие времена.

Все, казалось, благоприятствовало их чаяниям. Идеологи подновившейся национальной буржуазии в колониях уверяли правящие круги метрополий в своей лояльности. Европейский социал-оппортунизм устами Рамсея Макдональда предлагал утвердить в колониях власть феодально-племенных вождей и ввести в них так называемую «полудемократию» под эгидой «объединенного имперского совета министров» [2].

В начале XX в. лишь верная марксизму часть социал-демократии развертывала научно обоснованную критику колониализма на основе выдвинутой К. Марксом и Ф. Энгельсом теории национально-колониального вопроса. Дальнейшее развитие эта теория получила в трудах В. И. Ленина, который гневно разоблачал колониализм как проявление одной из отвратительных черт монополистического капитализма. В. И. Ленин гениально вскрыл основные черты капиталистического общества в его высшей, монополистической стадии, указал на антагонистические противоречия империализма, закономерным итогом развития которых является неуклонное ослабление и неизбежная гибель капиталистической системы. В ленинском учении об империализме неопровержимо доказывались историческая неизбежность и закономерность подъема национально-освободительного движения, ставшего резервом классовой борьбы мирового пролетариата, и освобождения угнетенных колонизаторами народов.

События XX века с его бурными революционными переменами блестяще подтвердили правильность марксистско-ленинского учения и опровергли беспочвенные прогнозы поборников колониализма. В наши дни откровенные выступления в защиту колониальных режимов становятся все более редкими. Не случайно, что даже представители ведущей империалистической державы, главного оплота современного колониализма — Соединенных Штатов Америки, такой «классической» колонизаторской державы, как Великобритания, а также Франции, Голландии и других обладающих колониальными владениями стран не

---

[1] R. Maurice. Jules Ferry (1832—1893). Paris. 1903, p. 305.
[2] Цит. по: «Советское востоковедение», 1957, № 6, стр. 9.

осмелились голосовать в ООН против Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Эти события отражают те глубочайшие сдвиги, которые произошли в мире за истекший период. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, успешное социалистическое строительство — сначала в Советском Союзе, а затем в ряде стран Европы и Азии — определили пути общественного развития человечества в XX столетии. В наши дни мировая социалистическая система становится главным фактором развития мира. После второй мировой войны кризис колониальной системы достиг своего апогея, начался распад этой системы.

Характеризуя крушение системы колониального рабства как второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма, Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в ноябре 1960 г. в Москве, отмечало в своем Заявлении: «Великая Октябрьская социалистическая революция разбудила Восток, вовлекла колониальные народы в общий поток всемирного революционного движения. Победа СССР во второй мировой войне, установление строя народной демократии в ряде стран Европы и Азии, торжество социалистической революции в Китае, образование мировой социалистической системы в огромной мере ускорили развитие этого процесса. Силы мирового социализма решающим образом содействовали борьбе народов колоний и зависимых стран за освобождение от гнета империализма. Социалистическая система стала надежным щитом независимого национального развития освободившихся народов» [3].

Если XX век начался в обстановке, когда весь мир находился под пятой империализма, то сегодня одна треть человечества идет по пути социализма, а другая треть сбросила с себя политическое иго империалистических колонизаторов. В повестку дня современности поставлен вопрос о полной и окончательной ликвидации колониального гнета.

★

Общественно-экономической основой колониализма в период империализма является господство монополий, пришедшее на смену свободной капиталистической конкуренции. Монополистический капитализм, отмечал В. И. Ленин в 1916 г., «перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли» [4].

Завершение создания мировой колониальной системы к началу XX в. явилось результатом широкой экспансии финансово-промышленных монополий, стремившихся захватить в свои руки источники сырья, расширить рынки сбыта, увеличить сферы приложения капиталов. «Владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником...— писал В. И. Ленин.— Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний» [5]. Эксплуатация колоний в эпоху империализма стала для монополий одним из наиболее значительных источников получения максимальных прибылей.

Следует иметь в виду также и военно-политический аспект колониализма — использование империалистами колоний для распространения своего влияния, укрепления стратегических позиций, мобилизации ресурсов для войн.

---

[3] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 года». М. 1960, стр. 33—34.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 179.

[5] Там же, стр. 247.

Империалистическая колониальная политика чаще всего осуществлялась путем военных акций. Конец XIX — начало XX столетия характеризуется широкой вооруженной агрессией империалистических держав в Азии, Африке и Латинской Америке. Завершая подчинение народов Центральной Африки, войска французских колонизаторов преследовали и истребляли воинов непокорного султана Рабеха. Английские солдаты Китченера в Судане уничтожали остатки рассеянных отрядов махдистов. На Суматре голландские империалисты силой оружия пытались поставить на колени народ индонезийского государства Атье. Каждый год и чуть ли не каждый месяц наступившего столетия был свидетелем все новых колониальных войн империализма. В период с 1900 по 1914 г. Англия участвовала в карательной экспедиции восьми империалистических держав в Китае, вела войну против южноафриканских республик, военной силой подавила крестьянские волнения в Пенджабе и Бенгалии. Франция за это время осуществила оккупацию Марокко, провела серию военных акций в Индокитае, вместе со своими империалистическими союзниками вторглась в Китай. Италия оккупировала Ливию; Германия в результате четырехлетней истребительной войны почти поголовно уничтожила восставшие против колониального гнета племена Юго-Западной Африки, а также предприняла военную авантюру в Марокко, известную как «прыжок Пантеры»; Соединенные Штаты Америки, помимо вооруженного вмешательства в дела Китая, осуществили военную интервенцию в Мексике; Япония, подобно другим империалистическим державам, начала колониальные захваты и аннексировала Корею.

Наряду с открытой вооруженной агрессией колонизаторы прибегали в этот период и к иным, «более тонким» методам вмешательства во внутренние дела малых стран с целью их закабаления и подчинения. В 1901 г. односторонним актом на основе так называемой поправки Платта Соединенные Штаты опутали Кубу сетями кабальных политических обязательств перед Вашингтоном. В ноябре 1903 г. США спровоцировали «революцию» на севере Колумбии, которая завершилась провозглашением «независимости» Панамы. Марионеточное правительство Панамы позволило США превратить стратегически важную зону Панамского канала в американскую колониальную территорию.

В этот период был подписан ряд межимпериалистических соглашений о разделе сфер политического влияния и экономического господства, что содействовало упрочению позиций колониальных держав в Северной Африке, Иране, Сиаме, Китае и т. д. Вместе с тем уже в конце XIX в. возникли первые межимпериалистические конфликты за передел мира, например, испано-американская война 1898 года.

Дипломатическое и военное наступление империалистов на свободу народов было неразрывно связано с экономической экспансией монополистического капитала. Усилению экспорта французского капитала в Марокко сопутствовало установление полного политического господства Франции над этой страной. Всеобъемлющее подчинение Индии английской короне было также теснейшим образом связано с переходом британского капитализма к новым методам колониальной эксплуатации. Даже некоторые исследователи, далекие от научного понимания природы империализма, вынуждены констатировать, что в основе создания колониальных империй лежит экономическое ограбление народов. Так, американский буржуазный историк Л. Миддлтон писал: «Помимо стремления найти рынок для бельгийского экспорта, на захват Конго Леопольда толкали слоновая кость и каучук этой страны; Франция установила свое владычество над Алжиром, Тунисом и Марокко ради их фосфатов, железа, цинка, растительных богатств и сельскохозяйственных возможностей; кайзеровский рейх захватил территории, став-

шие германской Восточной и Юго-Западной Африкой, во имя их пастбищ алмазов (открытых в 1908 г. в юго-западном протекторате) и минеральных ресурсов; а Англия прибрала к рукам Египет и Судан ради их богатых урожаев хлопка и полезных ископаемых» [6].

В ходе борьбы держав за экономический и политический раздел мира в период становления империализма наряду с колониями создавались переходные формы колониальной зависимости, сохранялись государства формально суверенные, на деле же находившиеся в политической и экономической зависимости от империалистических держав. Каждая колония или полуколония являлась придатком метрополии, вся колониальная система была эксплуатируемым экономическим придатком капиталистической системы мирового хозяйства. Народы колоний и полуколоний оказались устраненными от какого бы то ни было участия в международных делах.

К началу первой мировой войны колониальная система охватывала бо́льшую часть нашей планеты. В 1914 г. население земного шара составляло около 1,7 млрд. человек, из которых на долю метрополий и других независимых стран приходилось приблизительно 700 миллионов. В колониях и полуколониях жило около 1 млрд. человек. В общей сложности колониальная система распространялась на территорию около 90 млн. кв. км (то есть занимала примерно 67% земли). В ходе создания колониальной системы вместе с тем происходило углубление и обострение основных противоречий империализма, к числу которых относятся противоречия между трудом и капиталом, между метрополиями и колониями, между империалистическими державами. Обострение этих противоречий делало неустойчивым господство империалистов в колониальных и зависимых странах.

Сплошь и рядом монополисты были вынуждены прибегать к военной силе для подавления сопротивления порабощенных ими народов. Восстания в колониях и полуколониях — характерное явление начала XX века. Однако в этот период народные восстания, активные выступления политической оппозиции и другие формы освободительного движения были единичными эпизодами и представляли собой, как правило, разрозненные действия, которые сравнительно легко подавлялись колонизаторами. Новый, неизмеримо более мощный и массовый характер национальная борьба приобрела после 1905—1907 годов. Первая русская революция оказала сильнейшее влияние на развитие национально-освободительного движения. Она послужила толчком для революционного подъема в странах Востока, где под влиянием событий в России все более ясно осознавались задачи национально-освободительной борьбы. На арену борьбы за свои политические и экономические интересы на Востоке выходит растущий пролетариат. 1905 годом началась эпоха пробуждения Азии, эпоха демократических революций в странах Востока, нанесших первый серьезный удар по империалистической системе колониального гнета. В. И. Ленин писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [8]. В 1911—1912 гг. произошла революция в Китае. В Монголии под руководством арата Аюши монгольский народ, вдохновленный героизмом русских революционеров, поднялся на восстание и в течение 1905—1906 гг. успешно боролся против чужеземных поработителей. В 1908 г. вспыхнули крестьянские восстания в Индокитае. Почти половина территории Филиппин была охвачена борьбой крестьянских

[6] L. Middleton. The Rape of Africa. New York. 1936, p. 224.
[7] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 245.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 66.

ртизанских отрядов, выступавших против господствующих классов раны, поддерживаемых американским империализмом. В Индонезии вободительное движение Самата, ранее проповедовавшего ненасильст-нные методы борьбы, переросло после 1905 г. в боевые действия про-в колонизаторов. В Индии революционный подъем 1905—1908 гг. вы-лся в массовые демонстрации, забастовки, во время которых выдвига-сь требования политического самоуправления, бойкота иностранных варов. В Афганистане доктор Абдул Гани организовал группу борь-л за конституционные реформы. В Иране вспыхнула революция 1905—11 годов. Под влиянием русской революции пришли в движение наци-альные силы в Османской империи: в 1908 г. произошла младотурец-я революция. Назревавший в Египте подъем национально-освободи-льной борьбы вылился в 1906 г. в широкое антианглийское движение. 1907—1908 гг. марокканцы подняли восстание против французских купантов.

Но в тот период целостность мировой колониальной системы импе-ализма еще не была нарушена. Причиной тому являлись слабость ционально-освободительного движения в колониальных и зависимых ранах, его разобщенность перед лицом единого фронта колонизато-ов. «Историческим фактом является то, что до победы Великой Октябрь-кой социалистической революции народам не удавалось разбить ковы колониализма,— отмечал Н. С. Хрущев.— История доказала, что з утверждения социализма хотя бы в части мира не могло быть речи б уничтожении колониализма» [9].

С победой Великой Октябрьской социалистической революции в азвитии человечества началась новая эпоха, главное содержание ко-рой составляет переход от капитализма к социализму. В связи с миро-ой войной и победой социалистической революции в России начался бщий кризис капитализма, составной частью которого явился ризис колониальной системы. В развитии национально-освободитель-ой борьбы народов колониальных и зависимых стран начался но-ый этап, национально-освободительная борьба стала составной частью ирового антиимпериалистического фронта. Социалистическая рево-юция в России нанесла сокрушительный удар по мировой капи-алистической системе, показала угнетенным народам мира вдохнов-яющий пример успешной борьбы за независимость и свободу. . И. Ленин писал, что опыт борьбы за победу пролетарской рево-юции «покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как и кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяю-щих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее еволюционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта ойна сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплу-тируемых, таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобож-ение народов Востока является теперь вполне практически осущест-имым...» [10]. Событием огромного исторического значения являлось и то, то Октябрьская революция, проходившая под лозунгом интернациона-изма, освободила от колониального гнета более 33 млн. человек, на-елявших обширные территории окраин царской России.

Виднейшие деятели национально-освободительного движения стран остока высоко оценивали значение Великой Октябрьской социалисти-еской революции для развития борьбы народов колониальных и зави-симых стран. Выдающийся китайский революционер-демократ Сунь Ит-сен назвал ее «великой надеждой человечества» [11]. Президент Ин-

---

[9] Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения. «Проблемы мира и социализма», 1961, № 1, стр. 21.

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 132.

[11] Цит. по: В. Я. Аварин. Распад колониальной системы. М. 1957, стр. 4.

донезии Сукарно заявил, что «это величайшее историческое событие, имевшее место за пределами азиатского континента, поразило народы Азии, которые вели борьбу за национальную независимость, и укрепило их уверенность, что они также в конце концов добьются победы в борьбе за справедливость, если они будут бороться организованно и со всей настойчивостью» [12].

После победы Октябрьской революции в России национально-освободительное движение колониальных и зависимых народов стало более организованным и зрелым. Во многих странах оно оказалось в состоянии успешно противостоять натиску колонизаторов.

Первая мировая война не могла разрешить противоречий между империалистическими державами, в том числе и по колониальному вопросу. Она привела лишь к некоторому перераспределению сфер влияния. В результате закрепленного в Версале передела мира перестала существовать германская колониальная империя. Ее колониальные владения площадью в 2,9 млн. кв. км с населением более 12 млн. человек стали главным предметом дележа между странами-победительницами. Другим объектом передела оказались территории, входившие в распавшуюся Османскую империю. Здесь, на Ближнем Востоке, колониальное владычество Англии и Франции получило юридическое благословение Лиги Наций. Система мандатов, созданная Лигой Наций, «оформила» колониальное господство империалистов в Сирии, Ливане, Палестине. Политическое ярмо колониализма было навязано также Ираку и Иордании. Однако поддерживать «статус-кво» на основе подобной «перекройки» колониальных владений в пользу группы монополистических хищников-победителей не казалось осуществимым даже самим империалистам. Д. Ллойд-Джордж поделился с английскими парламентариями своими сомнениями по этому поводу: «Я не верю, что без пересмотра мандатов можно иметь мир на земле... Возьмите Бельгию с населением в семь или восемь миллионов человек. Она владеет лучшим куском германской Восточной Африки. Ей же полностью принадлежит Конго. Малонаселенная Португалия обладает миллионом квадратных миль... У каждой из этих стран имеются большие территории в тропиках. А вот вам Германия. У нее нет ничего. И Италия, которая практически также ничего не имеет» [13]. Первая мировая война, произведя насильственный «пересмотр» в империалистической колониальной системе в пользу одной группы стран, не устранила причин для нового вооруженного конфликта между колониальными державами. Обострение противоречий в стане колонизаторов делало позиции империалистических держав более уязвимыми перед лицом национально-освободительного движения.

В годы первой мировой войны в крупнейших колониальных и зависимых странах — Китае, Индии, Индонезии и ряде других — наблюдалось некоторое развитие промышленности, выросла сеть железных дорог, увеличилось число промышленных рабочих. Например, к 1922 г. фабричный пролетариат в Индии составлял уже 1,3 млн. человек [14].

Об устойчивости колониальной системы в этот период не могло быть и речи. После победы социалистической революции в России революционная волна прокатилась по всему колониальному миру. Начался кризис колониальной системы, ставший частью общего кризиса капитализма. Национальные силы в колониях и полуколониях обрели мощного союзника в лице первого пролетарского государства. «Движение 4 мая» в Китае, антияпонское восстание 1919 г. в Корее, массо-

---

[12] Там же.

[13] Цит. по: L. Middleton. Указ. соч., стр. 293—294.

[14] С. М. Мельман. Экономика Индии и политика английского империализма. М. 1951, стр. 31.

вые кампании ненасильственного сопротивления и вооруженные выступления индийских патриотов, организация революционных советов и подъем партизанского движения дженгелийцев в Иране, серия народных восстаний в Египте, провозглашение республики в Турции, достижение политической независимости Афганистаном и т. д.— такова была реакция угнетенных народов колониального Востока на всемирно-историческую победу революционного пролетариата в России.

На этот раз колонизаторам в ряде случаев пришлось пойти на уступки освободительному движению. Все это означало, что угнетенные народы не хотели жить по-старому, а колонизаторы были уже не в силах править по-старому. Весь колониальный мир представлял собой бурлящий котел, и колонизаторам постоянно приходилось то здесь, то там открывать спасительные клапаны реформ. В период между двумя мировыми войнами со всей очевидностью обнаружилось, что политический суверенитет слаборазвитых стран может иметь различное содержание в зависимости от соотношения сил империализма и антиимпериалистического движения на мировой арене. Иными словами, их формальный политический суверенитет не мог иметь серьезного значения в период безраздельного господства империализма, но он оказался реальным фактором в борьбе за полную национальную независимость, когда на $^1/_6$ части мира возникло пролетарское государство, победоносно выдержавшее натиск объединенных империалистических сил.

Нагляден в этом отношении пример кемалистской Турции. Ататюрк не сочувствовал коммунистическим идеям, но он отлично понимал, что залог независимости Турции— в ее дружбе с Советским Союзом. История полностью подтвердила правильность его политики, в основе которой лежало сохранение дружественных отношений с великим социалистическим государством. В 1920 г., когда империалистические державы предполагали осуществить расчленение и полное порабощение Турции, Советская Россия первой из всех государств мира признала правительство Кемаля, а годом позже заключила с ним договор «О дружбе и братстве». В условиях экономической блокады, которой подвергли Турцию империалисты, Советский Союз, несмотря на испытываемые им в тот период значительные трудности, пришел на помощь турецкому народу в его экономическом строительстве. Кредиты и техническая поддержка со стороны СССР помогли Турции заложить основы национальной промышленности. Дружеские и взаимовыгодные отношения между СССР и Турцией были нарушены турецкой реакцией после смерти Ататюрка. Используя это, империалисты сделали все, чтобы снова вернуть Турцию в положение полуколонии.

Пример Турции не единичен. Национальное руководство Афганистана в тот период успешно использовало политический суверенитет своей страны для укрепления дружественных связей с Советским Союзом и ослабления зависимости от империализма. Премьер-министр Афганистана Мухаммед Дауд указывал на это обстоятельство: «Афганистан не забывал и никогда не забудет, что первой страной, которая приветствовала завоевание Афганистаном свободы и независимости, был Союз Советских Социалистических Республик» [15].

Таким образом, победа Октябрьской революции и укрепление социалистического строя в СССР подорвали фронт колонизаторов, способствовали ослаблению их политического влияния в ряде полуколоний и подъему национально-освободительного движения во всем мире.

В период между первой и второй мировыми войнами свойственные империализму противоречия еще более углубились. Бесчеловечная эксплуатация империалистами трудящихся масс колониальных и зависи-

---

[15] «Правда», 11 октября 1956 года.

мых стран способствовала необычайному обострению противоречий между народами этих стран и колониальными державами. Одновременно усилилась борьба империалистических держав за новый передел мира и прежде всего за передел сфер влияния и колониальных владений, охватывавших перед второй мировой войной почти 70% территории капиталистического мира, где проживало около полутора миллиардов человек[16].

В 1939 г. империалисты ввергли мир в новую мировую войну. В связи с войной и последовавшим затем отпадением от капиталистической системы многих стран Европы и Азии начался второй этап общего кризиса капитализма.

Годы второй мировой войны особенно наглядно показали, что колониальная система империализма представляет собой чудовищную машину ограбления зависимых стран. Например, затраты, произведенные Индией в годы второй мировой войны в интересах английского империализма, составили почти 3 млрд. фунтов стерлингов. Кроме того, от остальных колоний и зависимых территорий (не считая доминионов) Англия безвозмездно получила различных товаров на сумму в 1 144 млн. фунтов стерлингов[17]. Огромная военная дань легла тяжелым дополнительным бременем на плечи трудящихся масс колоний.

Во время войны Индия превратилась в важнейший источник продовольствия для британских вооруженных сил. Не считаясь с нуждами ее жителей, английская колониальная администрация выкачивала из страны зерно и другие продукты питания. Эти действия английских властей способствовали тому, что в 1943 г. в Бенгалии разразился голод, стоивший жизни почти 3,5 млн. человек.

Вместе с тем вторая мировая война несколько ослабила экономические позиции империализма в подвластных ему странах, подорвала сложившуюся систему транспортных и торговых связей между метрополиями и колониями. В этих условиях колонизаторы были не в силах воспрепятствовать активизации национального капитала. В результате в Индии, например, с 1939 по 1945 г. число фабрично-заводских предприятий возросло с 10 466 до 14 761, а количество рабочих в обрабатывающей промышленности увеличилось почти на миллион человек[18]. Аналогичные процессы происходили в годы войны почти во всех колониальных и зависимых странах. Однако капиталисты метрополий всеми средствами стремились не допустить развития в колониях тяжелой промышленности, препятствовали ввозу промышленного оборудования.

С победой Советского Союза над германским фашизмом и разгромом японского империализма во второй мировой войне открылся новый этап национально-освободительного движения; под его ударами начался распад колониальных империй. Кризис колониальной системы достиг своей высшей точки.

Осенью 1945 г. были провозглашены независимые республики в Индонезии и Вьетнаме, освободилась от империалистического господства северная часть Кореи. В 1946 г. пришло к концу французское владычество в Сирии и Ливане, был спущен британский флаг с каирской цитадели и начались переговоры о полной эвакуации англичан с египетской земли. В 1947 г. стали на путь независимого национального развития Индия, Бирма и Цейлон, возникла республика Пакистан, запылал пожар национально-освободительной войны в Малайе. В 1949 г. после длительной героической борьбы окончательно разорвал цепи империалистического гнета великий китайский народ, родилась Китайская Народная Республика. Победа народной революции в Китае

---

[16] «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 11, стр. 109—115.
[17] В. Тягуненко. Войны и колонии. М. 1957, стр. 93—94.
[18] Там же, стр. 13.

не только нанесла сокрушительный удар по империализму в Азии и способствовала в огромной мере изменению соотношения мировых сил в пользу социализма, но и дала новый мощный толчок национально-освободительному движению в Азии, Африке и Латинской Америке.

Ослабление лагеря империализма в итоге второй мировой войны, возрастание мощи Советского Союза, фронтальный прорыв империалистической цепи и образование мировой системы социалистических государств явились главными факторами, обусловившими успех народов колониальных и зависимых стран в их борьбе за свою национальную независимость. Глубокие социально-экономические процессы, происходившие в последние десятилетия в колониальных и зависимых странах, создавали объективную основу для роста национально-освободительной борьбы. Обострились противоречия между народами колониальных и зависимых стран, стремившихся к самостоятельному национальному развитию, и империализмом, который хотел сохранить колониальные порядки и за счет усиления эксплуатации колоний и полуколоний преодолеть свои экономические и политические затруднения. Колоссальные сдвиги произошли и в сознании угнетенных народов. Идеи свободы, независимости и равенства овладели широкими народными массами и стали могучей материальной силой. Все более широкие слои народов колониальных и зависимых стран включаются после второй мировой войны в борьбу за обновление человеческого общества на принципах свободы, демократии и социализма.

Сейчас империалистическая пропаганда, как правило, пытается изобразить дело таким образом, будто бы метрополии, «воспитав и доведя до должного уровня зрелости и развития» народы колоний, великодушно даровали им свободу. Раздаются даже жалобы по поводу «неблагодарности» бывших колониальных народов, не оценивших якобы всего величия «благородной цивилизаторской миссии» Запада.

Однако исторические факты свидетельствуют о том, что колонизаторы отнюдь не «добровольно» предоставили независимость колониям, но были вынуждены убраться оттуда под давлением национально-освободительного движения.

Интересно проследить, как колонизаторы «ушли» из Индонезии. В ноябре 1946 г. голландские власти на словах признали независимость Индонезийской республики, но уже в июле 1947 г. они развязали против нее разбойничью колониальную войну. После кратковременного прекращения военных действий в декабре 1948 г. голландские империалисты, возобновив агрессию, оккупировали почти всю территорию республики. Лишь осенью 1949 г. Голландия была вынуждена окончательно признать суверенитет Индонезии, однако она и по сей день удерживает за собой часть индонезийской территории — Западный Ириан.

Как колонизаторы «ушли» из Сирии? В мае 1945 г. французские войска подвергли варварской бомбардировке один из древнейших городов мира — Дамаск, чтобы подавить национально-освободительное движение и покончить с независимостью Сирийской республики, суверенитет которой формально был ими признан. Однако в 1946 г. французские империалисты были вынуждены вывести свои вооруженные силы из Сирии.

Английская печать и официальная историческая наука по сей день пытаются утверждать, что предоставление независимости бывшим английским колониям происходило иначе. Действительно, Бирма получила независимость без вооруженной борьбы, но лишь потому, что английское правительство поняло неизбежность безнадежной колониальной войны в случае, если оно попытается воспротивиться неукротимому стремлению бирманского народа к национальному освобождению. Американские буржуазные авторы В. Томпсон и Р. Адлофф писали о положении в Бир-

ме в своей книге «Конец империи в Юго-Восточной Азии»: «К лету 1946 г. народ так явно сплотился вокруг Антифашистской Лиги народной свободы, что англичане были поставлены перед выбором: либо передать Лиге власть в Бирме, либо вести колониальную войну»[19]. Такой же выбор стоял перед английским империализмом и в Индии. «В течение 1946 г. имели место серьезные мятежи в Королевском индийском флоте, менее серьезные — в Королевских военно-воздушных силах, а также беспорядки меньшего масштаба — в Индийской армии»[20],— писал в своих мемуарах последний командующий английскими войсками в Индии, генерал Ф. Тьюкер. Известный английский политический и военный деятель лорд Исмэй, оценивая миссию, порученную лорду Маунтбэттену, назначенному весной 1947 г. вице-королем Индии, утверждал, что это было равносильно «принятию командования в открытом океане на судне, у которого пожар на палубе, а трюм полон взрывчатыми веществами»[21].

Английские империалисты были вынуждены уйти из Бирмы, Индии, Египта, Малайи, с Кипра, а французские империалисты «добровольно» покинуть Тунис и Марокко, потому что во всех этих странах национально-освободительное движение народов достигло такого размаха, что подавление его при помощи вооруженной силы оказалось бы бесперспективным делом.

Поражение Франции в «грязной войне» в Индокитае явилось еще одним свидетельством того, что в середине XX в. уже нельзя силой подавить волю народов к свободе. Вначале империалистам казалось, что в Индокитае они одержат легкую победу. Так, летом 1947 г. французский премьер Рамадье заявил в парламенте: «В Индокитае фаза крупных операций уже миновала»,— а военный министр Кост-Флорэ хвастливо утверждал: «В Индокитае нет больше военной проблемы»[22]. Но прошло три года, и французские империалисты потерпели поражение в крупном сражении на севере Вьетнама. Через пять лет французские войска были разбиты в битве за Хоа-Бинь, а в 1954 г. они капитулировали в Дьен Бьен Фу.

Со второй половины 40-х годов европейские колониальные державы, будучи уже не в состоянии собственными силами сломить сопротивление борющихся за свою независимость народов колониальных и зависимых стран, все чаще прибегают к помощи американского империализма, ставшего главным оплотом колониализма и международным жандармом. Поэтому вьетнамский народ одержал победу не только над французскими колонизаторами, но и над их американскими партнерами, заключившими с французскими монополистами еще в декабре 1951 г. соглашение о военной помощи в Индокитае и отправлявшими туда ежегодно военное снаряжение на сумму в полмиллиарда долларов. В самый критический момент битвы под Дьен Бьен Фу в Вашингтоне рассматривался вопрос о посылке во Вьетнам американских бомбардировщиков. Речь шла о возможности прямого военного выступления США на стороне Франции. При этом госдепартамент пытался склонить к аналогичным агрессивным действиям также Англию, предлагая осуществить во Вьетнаме «коллективную акцию», наподобие той, которая под флагом ООН была предпринята в Корее. Однако по этому вопросу англичане заняли выжидательную позицию[23]. Тогда Ланьель и Бидо стали сепаратно договариваться с госдепартаментом и Белым домом об американской интервенции. Переговоры протекали весьма успешно. Вот

[19] V. Thompson, R. Adloff. Empire's End in Southeast Asia. New York. 1949, p. 50.
[20] F. Tuker. While Memory serves. London. 1950, p. 80.
[21] Alan Campbell-Johnson. Mission with Mountbatten. London. 1951, p. 354
[22] P. Naville. La guerre du Viet-Nam. Paris. 1949, pp. 151—152.
[23] J. Laniel. Le drame indochinois. Paris. 1957, p. 88.

что писал об этом Ланьель: «...11 мая г-н Диллон сообщил нам, что президент Д. Эйзенхауэр готов испросить у Конгресса необходимые полномочия...» [24].

Однако события развивались не так, как этого хотели французские и американские колонизаторы. Успешная борьба индокитайских патриотов, широкое движение французского народа, и прежде всего рабочего класса Франции, против «грязной войны» в Индокитае сыграли большую роль в падении кабинета Ланьеля. Новый премьер Мендес-Франс вынужден был стать на путь заключения перемирия в Индокитае. Народ Северного Вьетнама навсегда сбросил оковы империалистической эксплуатации.

Как отмечалось в Заявлении представителей коммунистических и рабочих партий, «народы колониальных стран завоевывают свою независимость как путем вооруженной борьбы, так и невоенным путем, с учетом конкретных условий каждой страны. Прочной победы они добиваются на основе мощного национально-освободительного движения. Колониальные державы не даруют свободы народам колоний и добровольно не покидают эксплуатируемые ими страны» [25].

Характерно, что почти повсюду колониальные державы пытались сохранить свое господство с помощью раскола национальных сил и расчленения освобождающихся от колониального ига стран.

Вот что пишет индийский исследователь В. Менон о проекте, который привез в Индию из Лондона в начале 1947 г. лорд Маунтбэттен: «Он подготовил план, основой которого была передача власти провинциям, или же конфедерациям. Когда Неру ознакомился с этим планом, он резко выступил против него. Тогда лорд Маунтбэттен вернулся к альтернативному плану создания двух доминионов» [26]. Не будучи в состоянии осуществить свой замысел раздробления Индии на множество квазисамостоятельных провинций, британские империалисты стали на путь раздела Индии на два государства.

В Индокитае в марте 1946 г. французы создали «автономное государство» Кохинхину. В Индонезии голландский премьер-министр Беел в мае 1947 г. провозгласил образование Мадурского государства. Затем были созданы марионеточные правительства в Восточной Индонезии, в Восточном и Западном Борнео. По свидетельству индийского историка Д. Чаудхри, «голландцы умножали число этих... государств с целью разжигания противоречий между различными частями Индонезии, а также для того, чтобы нанести смертельный удар Республике при помощи наемников, поставленных на высокие посты» [27]. Однако продолжение традиционной политики колонизаторов «разделяй и властвуй» в новых исторических условиях не принесло желанного успеха империалистам.

События первых послевоенных лет показали, что эпохе капиталистического разбоя приходит конец, что пробил час великого раскрепощения народов.

Потерпев столь тяжелые неудачи, империалисты перешли к сколачиванию единого фронта против национально-освободительного движения. Этот фронт возглавили Соединенные Штаты. Большинство колониальных войн, которые вели империалистические державы после второй мировой войны, проходили при самом активном участии американского империализма. Этот факт финансовой, политической и вооруженной поддержки Соединенными Штатами европейских колониальных держав свидетельствует о том, что последние уже не в состоянии в оди-

---

[24] Там же, стр. 110.

[25] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 года», стр. 34.

[26] V. P. Menon. Transfer of Power in India. Bombay. 1957, p. 440.

[27] J. Chaudhry. The Indonesian Struggle. Lahore. 1950, p. 135.

ночку противостоять могучему натиску освободительного движения. При этом американский империализм оказывал и оказывает помощь колонизаторам отнюдь не бескорыстно, но рассчитывает и сам поживиться за счет колониального грабежа.

Став главным оплотом колониализма, американский империализм одновременно стремится во что бы то ни стало представить Соединенные Штаты противниками колониальной экспансии. «Соединенные Штаты, некогда сами являвшиеся колонией, сочувствуют и симпатизируют стремлениям народов к политической независимости» [28],— писал Д. Ф. Даллес. Ему также лицемерно вторил Никсон: «У нас нет честолюбивого стремления к господству, и краеугольным камнем нашей внешней политики является желание помочь странам освободиться от чужеземного господства» [29]. Эта попытка изобразить США в качестве поборника свободы народов носит фарисейский характер и рассчитана на обман народов. На самом же деле отношение правящих кругов США к борющимся за свое освобождение народам колониальных и зависимых стран ничем не отличается от позиций, занятых в этом вопросе империалистами «классических» колониальных держав — Англии, Франции, Бельгии и т. д. Более того, США сами являются колониальной державой.

В американской политической литературе весьма распространен тезис о «незрелости» некоторых колониальных народов, об их «неспособности» к самоуправлению, о «преждевременности» предоставления им независимости, который логически смыкается с пресловутой «теорией вакуума». Эту «теорию» американский буржуазный автор Д. К. Кинг сформулировал так: «Результатом послевоенного ухода колониальных держав из Юго-Восточной Азии явилось создание вакуума силы (power vacuum), который слабые и неустойчивые государства этого района не смогли заполнить» [30]. «Теория вакуума» была официально выдвинута в обоснование доктрины Эйзенхауэра на Ближнем Востоке и вызвала глубокое возмущение арабской общественности. Эта и другие родственные ей «теории» и «концепции» широко использовались и используются империалистами для прикрытия политики сколачивания военно-колониальных блоков. В 1954 г. был создан блок СЕАТО, в 1955 г.— Багдадский пакт. В основе создания подобных блоков лежит идея использования военного «сотрудничества» для политического и экономического закабаления стран — их участников. Для этого империалисты сначала, как правило, ставят под свой контроль вооруженные силы втягиваемых в блоки стран, вовлекают их в гонку вооружений, принуждают тратить национальные средства на милитаризацию с тем, чтобы затем вынудить правительства зависимых стран обратиться к США за экономической помощью на таких условиях, которые фактически означают установление иностранного контроля над экономикой страны.

Буржуазная пропаганда пытается внушить народам слаборазвитых стран, что блоки якобы необходимы для их же блага, так как «по отдельности эти страны слишком малы, чтобы сохранить свой суверенный статут» [31], что блоки — это гарантия мира и стабильности внутри слаборазвитых районов, что они-де не дают «мелким местным конфликтам перерасти в большие войны» [32]. Но активнее всего правящие империалистические круги стремятся «доказать», что военные блоки — это защита от «коммунистической угрозы». Проповедь антикоммунизма — отравленное оружие империалистической буржуазии.

---

[28] «Foreign Affairs», October 1957, p. 39.
[29] «New York Herald Tribune», 7 апреля 1957 года.
[30] J. K. King. Southeast Asia in Perspective. New York. 1956. p. 59.
[31] «The Idea of Colonialism». New York. 1958, p. 458.
[32] «Department of State Bulletin». Vol. XXXVII, № 853, 4. 4. 1955; «Foreign Affairs», July 1957, p. 663.

Цель подобной пропаганды — склонить на сторону США буржуазию стран Востока, играя на ее классовых чувствах; отвлечь народы колониальных и зависимых стран от их насущных экономических и политических проблем, ослабить антиимпериалистическую борьбу; ее цель также состоит в том, чтобы обмануть американский народ, попытаться оправдать в его глазах расходы по сколачиванию блоков и сохранению у власти в странах Востока махровых реакционеров.

Важной формой проникновения американского империализма в страны Востока является так называемая «помощь» слаборазвитым странам. Американские империалисты прилагают огромные усилия к тому, чтобы использовать в своих корыстных целях стремление народов слаборазвитых стран к прогрессу, их желание ликвидировать в кратчайший срок отсталость и нищету и обеспечить сотням миллионов людей уровень жизни, достойный человека.

Странам Востока американская «помощь» навязывается, как правило, в обмен на военные соглашения, на предоставление американским империалистам баз и концессий. Американский журналист Уолтер Липпман писал, что подобная «помощь», по существу, сводится к «поддержанию из года в год системы военных союзов, созданной при Трумэне и расширенной и усовершенствованной при Эйзенхауэре...»[33]. Газета «Washington Post» обращала внимание на то, что «часто бывало легче добиться ассигнования миллионов долларов в форме безвозмездной помощи для Чан Кай-ши, чем жалких грошей в форме займа для Индии», а львиная доля помощи на 1960 г. предназначалась Южной Корее, Тайваню, Южному Вьетнаму, Пакистану и Турции[34]. В период с 1945 по 1958 г. «помощь» США трем своим «союзникам» на Ближнем Востоке — Турции, Ирану и Израилю — составила 1,7 млрд. долларов[35].

Американский профессор Пол Ханна, давая оценку широко разрекламированной программе «четвертого пункта», писал, что она была «ограничена по своему объему», а суммы, ассигнованные на экономическую помощь, оказались ничтожно малы по сравнению с требуемыми[36]. Египетский журналист Куддус отмечал: «Американская помощь всегда зависела от того, как американское правительство смотрело на нашу политику по отношению к Западу. Когда оно было довольно нашей политикой, сумма помощи достигала 54 миллионов долларов; когда его надежды на нас начали ослабевать, она понизилась до 2 миллионов, а когда оно совсем отчаялось в нас, помощь была прекращена вовсе»[37].

Американская «помощь» — это орудие давления и шантажа, средство для подчинения военно-политическому диктату США экономики слаборазвитых стран. Однако значительное большинство национальных деятелей Востока — против вступления в американские военные блоки и предоставления территории своих стран под военные базы. Национальная буржуазия, стоящая у власти в большинстве независимых стран Востока, повсюду обнаруживает тягу к нейтрализму.

Нейтрализм стран Востока — явление, имеющее как политические, так и экономические корни. С одной стороны, самые широкие общественные слои этих стран заинтересованы в том, чтобы не допустить мировой войны, которая угрожает чудовищными разрушениями и гибелью сотен миллионов людей. Поэтому страны Востока не желают примы-

---

[33] «New York Herald Tribune», 4 апреля 1957 года.
[34] «Washington Post», 28 мая 1959 года.
[35] «Middle Eastern Affairs», 1959, № 6—7, p. 233.
[36] «Middle Eastern Affairs», 1959, № 5, pp. 181, 188.
[37] «Роз эль-Юсеф» (на арабском языке). 9 мая 1960 года.

кать к сколачиваемым империалистами блокам и военным союзам, которые постоянно содействуют созданию напряженности и могут стать орудиями развязывания мирового конфликта. Народы бывших колониальных и зависимых стран испытывают огромную ненависть к империализму. Новые государства в Азии и Африке возникли на основе развития антиимпериалистической национально-освободительной борьбы. С другой стороны, экономические интересы национальной буржуазии слаборазвитых стран требуют установления сотрудничества со всеми государствами, которые могут оказать реальную помощь в развитии их экономики. Национальная буржуазия Востока отчетливо видит выгоду налаживания торговых связей с социалистическими странами, основанных на принципах взаимности, сознает благотворность бескорыстной советской помощи. Нейтралитет независимых стран Востока — это деловой нейтралитет, облегчающий их национальное развитие. Немаловажное значение для объяснения нейтрализма тех или иных освободившихся от колониальной зависимости стран Азии и Африки имеет позиция народных масс, которые кровно заинтересованы в развитии национальной экономики и преодолении вековой отсталости. Решение же этих сложных задач возможно только в условиях мира. Примерно к середине 50-х годов в мире образовалась группа нейтральных государств, состоящая из ряда новых суверенных стран Востока.

Солидарность азиатских стран имеет свои традиции. Достаточно вспомнить, что после начала агрессии голландского империализма против Индонезии в декабре 1948 г. Индия, Пакистан, Бирма и Цейлон объявили бойкот голландской авиакомпании КЛМ, а 20 января 1949 г. в Нью-Дели по инициативе Д. Неру состоялась конференция 14 азиатских государств, заклеймившая голландскую агрессию и предложившая Совету Безопасности принять действенные меры для ее пресечения. Однако лишь к 1955 г. движение солидарности народов Азии и Африки получило широкий размах. Перед лицом консолидации фронта империалистов новые государства Азии и Африки, ставшие на путь независимого развития, начали согласовывать свои внешнеполитические действия. Так родилась идея Бандунга.

В истории международных отношений новейшего времени Бандунгская конференция занимает особое место. Впервые встретились за круглым столом руководящие деятели Азии и Африки, впервые прозвучал на весь мир голос нового Востока, возвещая конец мрачной и позорной эпохи колониального владычества Запада.

Бандунгская конференция, подтвердившая принципы мирного сосуществования, принципы независимости и нейтралитета, явилась важным этапом на пути укрепления афро-азиатской солидарности. «Родились новая Азия и новая Африка»,— провозгласил Сукарно, и это была констатация факта, значение которого трудно переоценить. Бывшие колонии заняли важное место на международной арене, создали влиятельную политическую группу, образовали единый фронт, противостоящий фронту колонизаторов. Освободившиеся от колониального ярма народы Азии и Африки стали активной политической силой современности.

Новые сильные удары получила колониальная система в 1956—1958 годах. В этот период центр национально-освободительной борьбы находился на Ближнем Востоке, который привлекал империалистов прежде всего своими нефтяными богатствами. Здесь сосредоточено около 2/3 всех разведанных запасов нефти капиталистического мира, добыча которой в этом районе за последние 20 лет увеличилась в 10 раз. Но это вовсе не означало, что соответственно выросли доходы стран, где добывается черное золото, ибо им распоряжались западные монополии. Капиталисты охотно инвестировали добычу ближневосточной нефти, считая это предприятие весьма прибыльным (в отдельные годы прибыли состав-

ляли до 400% на вложенный капитал). Кроме того, Ближний Восток имеет огромное военно-стратегическое значение как важнейший узел мировых путей. Империалисты всеми средствами пытались удержать этот район. С помощью НАТО им удалось привлечь на свою сторону Турцию и Иран. Однако из арабских стран один лишь Ирак вошел в империалистический Багдадский пакт, тогда как Египет и Сирия образовали антиимпериалистический фронт для борьбы против этого пакта под лозунгами арабского национализма и позитивного нейтралитета.

Пользуясь тактикой подкупа, шантажа и давления, империалисты решили заставить Египет отказаться от избранного им пути. Американские правящие круги обещали Египту кредиты на строительство Асуанской плотины, однако, когда стало ясно, что Египет не собирается отказываться от нейтралистского курса, они взяли свое обещание обратно. Тогда египетское правительство нашло другой источник средств для строительства плотины: оно национализировало компанию Суэцкого канала, получавшую ежегодно около 100 млн. долл. дохода в виде сбора с судов, проходящих через канал. Западные державы отказались признать этот справедливый и законный акт египетского правительства. Империалисты Англии и Франции рассматривали действия Египта как серьезный подрыв своих позиций на Востоке. Понимая, что в действиях Египта нашел свое проявление общий процесс национально-освободительного движения всего Востока, колонизаторы перешли в контрнаступление, стремясь использовать суэцкий конфликт для нанесения удара по борющимся народам Востока. Они хотели военной победой над Египтом возродить практику «карательных» колониальных экспедиций прошлого. 29 октября 1956 г. Египет стал жертвой англо-франко-израильской агрессии. Однако полный провал суэцкой авантюры был неизбежен. Вторгшись в Египет с молчаливого благословения США, Англия и Франция потерпели жестокое морально-политическое поражение. Им удалось лишь на несколько недель захватить клочок египетской территории. Мировое общественное мнение решительно осудило действия агрессоров. Однако решающую роль в срыве замыслов колонизаторов сыграла твердая позиция Советского Союза. Империализм отступил, оставив после себя развалины Порт-Саида и возбудив неугасимую ненависть арабских народов.

Суэцкий кризис наглядно продемонстрировал, что осуществление молодыми государствами Востока самостоятельной национальной политики обусловливается прежде всего существованием мощной социалистической системы. Исход суэцкого конфликта знаменовал собой провал колонизаторской политики Англии и Франции на Ближнем Востоке, доказал, что времена колониальных карательных экспедиций безвозвратно прошли, и вдохновил народы Азии и Африки на дальнейшую борьбу с империализмом.

Воспользовавшись ослаблением позиций европейских колониальных держав на Ближнем Востоке, США предприняли энергичные попытки заменить эти державы в данном районе, сделать его «заповедным полем» своего империалистического грабежа.

Обосновывая свои империалистические притязания «доктриной Эйзенхауэра», правящие круги США объявили о включении этого района в так называемый «периметр американской обороны», то есть в сферу своего контроля. При этом термин «Ближний Восток» трактовался американскими колонизаторами весьма широко. Американская печать сообщала, что под ним госдепартамент, кроме собственно ближневосточных стран, подразумевает также и Северную Африку, Эфиопию, Бельгийское Конго, Кению и другие африканские страны[38]. Журнал

[38] «New York Times», 7 января 1957 года.

«Monthly Review» отмечал, что «доктрина Эйзенхауэра делает заявку на создание огромной африкано-азиатской империи»[39].

Но «глобальные» замыслы вашингтонских «строителей империи» потерпели фиаско. Арабские народы, сбросившие со своих плеч ярмо англо-французских колонизаторов, не собирались пускать к себе новых «хозяев». Попытка применить на практике «доктрину Эйзенхауэра» против Сирии осенью 1957 г. закончилась плачевно для американских империалистов. Им пришлось убедиться, что в арабских странах народы правильно оценивают подлинную позицию США по отношению к национально-освободительному движению и считают, что основная угроза на новом этапе их борьбы исходит от американского империализма. Ливанский народ восстал против американского ставленника — президента Шамуна, признавшего «доктрину Эйзенхауэра», а 14 июля 1958 г. революция в Ираке смела реакционный, продажный, разложившийся режим Нури Саида. Из колониального Багдадского пакта выпал Ирак. И тогда в бессильной злобе, осознав крах своих планов, видя, как волны национально-освободительной борьбы подкатываются к нефтяным вышкам Рокфеллера и Меллона, американские правящие круги пошли на безрассудную военную акцию, подобную суэцкой авантюре. Одновременно с английскими войсками, высадившимися в Иордании, американская морская пехота вступила на землю Ливана. Но вновь, как и в период суэцкой авантюры, развитие событий показало, что в нашу эпоху колонизаторы не в состоянии подавить с помощью оружия стремление народов к независимому национальному развитию, что на пути колонизаторов неодолимой стеной стоит социалистический лагерь. В июльские дни 1958 г., когда мир оказался на грани войны, только решительная позиция Советского Союза не допустила распространения агрессии на Иракскую республику. Империалисты отступили, их войска вскоре очистили арабскую землю, мир был спасен, а независимость арабских стран сохранена. Народы Востока убедились в том, что империалисты Соединенных Штатов являются такими же воинствующими колонизаторами, как и монополисты Англии и Франции.

Военно-политическая битва, разыгравшаяся на Ближнем Востоке в 1956—1958 гг. между силами империализма и национально-освободительного движения, закончилась сокрушительным поражением колонизаторов. Даже сочувствующий колонизаторам военный и политический деятель полковник израильской армии Беер признавал, что за три года «холодной войны» на Ближнем Востоке Запад проиграл все битвы: экономическую (Асуанская плотина), психологическую (неудачный нажим на Сирию в 1957 г.), военную (проигрыш суэцкой кампании) и социально-политическую (революция в Ираке) [40]. Эти поражения империализма имели значение, далеко выходящее за пределы ближневосточного района. Обстановка на Востоке, включая Африку, изменилась. Безвозвратные потери колонизаторов объяснялись дальнейшим ослаблением империалистических государств в ходе развития общего кризиса капиталистической системы и превращения мировой социалистической системы в решающий фактор современности, определяющий ее главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества.

С середины 50-х годов в развитии общего кризиса капиталистической системы наступил новый, третий этап, определяющими чертами которого являются торжество социализма в большой группе стран Европы и Азии, могучий рост сил, борющихся за социализм во всем мире, неуклонное ослабление позиций империализма в экономическом со-

---

[39] «Monthly Review». February 1957, p. 356.

[40] J. Beer. Der Nahe Osten — Schicksalsland zwischen Ost und West. München, 1959, S. 243.

ревновании с социализмом, новый огромный подъем национально-освободительной борьбы и ускоряющийся распад колониальной системы.

Силы мира и прогресса получили решающий перевес. Выросла и окрепла солидарность всех народов, борющихся против империализма. Любой народ, поднявшийся против своих империалистических угнетателей, имеет возможность опираться на поддержку мирового социалистического лагеря.

В этих условиях колонизаторам все труднее осуществлять свои антинародные замыслы. Однако империалистические державы во главе с Соединенными Штатами Америки во что бы то ни стало хотят сохранить колониальную эксплуатацию в новых формах и при помощи новых методов. «Империалисты,— отмечается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий,— стремятся выхолостить, подорвать национальный суверенитет освободившихся стран, извратить смысл самоопределения наций, навязать под флагом так называемой «взаимозависимости» новые формы колониального господства, поставить у власти в этих странах своих марионеток, подкупить некоторую часть буржуазии, используют отравленное оружие национальной розни, чтобы ослабить силы молодых неокрепших государств» [41].

События, развертывающиеся в настоящее время в Азии, Африке и Латинской Америке, свидетельствуют о дальнейшем углублении процесса крушения колониализма. Кубинская революция развивается под постоянной угрозой военного вторжения со стороны американского империализма. Правительство Эйзенхауэра, взбешенное ходом событий в этой малой стране, вчерашней полуколонии Вашингтона, планировало в последние месяцы своего пребывания у власти осуществить вооруженную интервенцию против Кубы. Черные тучи нависли над отважной республикой, народ взялся за оружие, чтобы бороться под гордым лозунгом «Родина или смерть». Однако американский империализм был вынужден отступить. Еще раз подтвердилось, что в наши дни международная обстановка, соотношение сил в мире уже не позволяют империалистам осуществлять открытую вооруженную расправу над народами, борющимися за независимость.

Поползновения американского империализма задушить революционную Кубу вызвали бурю негодования всей мировой общественности. Выражая позицию передовых сил мира, Советское правительство заявило, что оно не оставит кубинский народ в беде и окажет ему необходимую поддержку. Выполняя свое слово, Советский Союз предоставил Кубе экономическую помощь. Этот акт Советского правительства американская пропаганда пытается представить как «установление политического контроля СССР на Кубе». Однако, по справедливому замечанию двух побывавших на Кубе американских авторов, «правда заключается в том, что советская торговля и помощь не только не закабаляют Кубу, но, напротив, они дают Кубе возможность впервые в ее истории достичь подлинной независимости от всех иностранных держав. Со времен Марти это было самое горячее желание каждого кубинского патриота. Тот факт, что теперь оно получает практическое воплощение, бесспорно, является величайшим достижением революции. И это такое достижение, которым будет дорожить и за которое будет драться не на живот, а на смерть огромное большинство кубинского народа» [42].

Кубинская революция — наиболее яркое проявление подъема национально-освободительной борьбы в Латинской Америке. И это отнюдь не случайное явление. Тот факт, что Соединенным Штатам не удалось мо-

---

[41] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 года», стр. 35.

[42] L. Huberman, P. Sweezy. Cuba: Anatomy of a Revolution. New York. 1960, p. 171.

билизовать правительства других латиноамериканских стран на участие в интервенции против Кубы, сам по себе говорит об упадке политического влияния вашингтонских колонизаторов к югу от Рио-Гранде.

Отмечая образование за последние годы в Латинской Америке еще одного фронта активной борьбы с американским империализмом, Н. С. Хрущев говорил: «Еще совсем недавно огромный континент отождествлялся одним понятием — Америка. И это понятие в значительной мере выражало содержание — Латинская Америка была по рукам и ногам связана империализмом янки. Теперь своей борьбой латиноамериканские народы показывают, что американский континент — это не вотчина Соединенных Штатов Америки. Латинская Америка напоминает действующий вулкан. Лава освободительной борьбы смела диктаторские режимы в ряде стран Латинской Америки. На весь мир прозвучал гром героической кубинской революции. Кубинская революция не только отбивает натиск империалистов, она идет вглубь и вширь, знаменует собой новый, более высокий этап национально-освободительной борьбы, когда к власти приходит народ, когда сам народ становится хозяином своих богатств» [43].

В последние годы особенно бурные события происходят в Африке, где процесс национального освобождения привел в течение минувшего десятилетия к созданию 26 суверенных государств на месте бывших колоний Англии, Франции и Бельгии, из них 16 возникло в 1960 году. Почти все эти государства добились независимости в основном мирным путем. Однако это явилось результатом развернувшегося в них мощного антиимпериалистического движения.

В Африке конца 50-х годов вопрос стоял так: либо африканским колониям будет предоставлена независимость, либо освободительное движение перерастет в неодолимое народное восстание, в котором европейский колониализм мог полностью утратить все свои позиции на африканском континенте. Такое положение дел заставило колонизаторов пойти на уступки.

В наши дни бывшие колониальные народы, добившиеся независимости, ведут настойчивую борьбу за ее упрочение. Попытки колонизаторов приостановить этот процесс неизбежно ведут к усилению национально-освободительного движения. Так было в Гвинее, независимость которой, провозглашенная в соответствии с установленным в Париже порядком, вскоре приобрела смысл значительно более реальный, чем того хотели французские правящие круги. Стремясь не допустить независимого национального развития Гвинеи, Франция подвергла маленькую африканскую республику жестокой экономической блокаде и интенсивному политическому нажиму. Однако благодаря немедленному признанию и поддержке со стороны стран социализма и афро-азиатских государств Гвинея сохранила свою самостоятельность и приступила к широкому развитию национальной экономики.

Крайнее обострение обстановки в Конго с лета 1960 г. также явилось следствием желания колонизаторов во что бы то ни стало сохранить ключевые позиции в этой богатейшей стране.

План бельгийских монополистов в отношении Конго строился на зыбкой почве предварительного соглашения с конголезскими лидерами, которые дважды в марте — апреле 1960 г. приглашались в Брюссель на конференции «круглого стола». Это соглашение предусматривало, что экономика Конго будет находиться под контролем смешанного бельгийско-конголезского общества. Проект создания подобного смешанного общества, «помимо его финансовой изобретательности,— отмечала английская газета «Financial Times»,— имеет определенные политические досто-

---

[43] Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения. «Проблемы мира и социализма», 1961, № 1, стр. 20.

нства. Появится возможность для такого рода централизации акцио-
ерного капитала местного правительства, что Бельгия приобретет зна-
ительное влияние в руководстве им»[44]. Что же касается военной сторо-
ы вопроса, то имелось в виду сохранить не только бельгийские гарнизо-
ы в ключевых пунктах страны, но и оставить в конголезской армии весь
ельгийский офицерский состав, включая главнокомандующего.

Просчет бельгийских колониальных стратегов состоял в том, что они
овершенно не принимали во внимание подлинных национальных чаяний
онголезского народа, который вовсе не стремился к тому, чтобы после
мены флагов в Леопольдвиле остаться в экономической кабале и под
оенно-политическим контролем ненавистных чужеземцев-угнетателей.

События в Конго обнаружили две противоположные тенденции, ха-
актерные для современного колониализма. В них проявилась очередная
спышка межимпериалистических противоречий. Так, на конголезские
емли заявил претензии премьер-министр подвластной англичанам Феде-
ации Центральной Африки Рой Веленский, а французское правитель-
тво поставило перед бельгийскими властями вопрос: «Сколько стоит
Конго?»,— полагая, что Франция должна пользоваться правами первого
окупателя. Американские монополии делали ставку на самозванного
равителя Катанги палача и прислужника колонизаторов Чомбе. В то
же время Бельгия стремилась удержать свою вчерашнюю колонию под
воим контролем целиком.

Однако перед лицом усиления борьбы народа Конго за подлинную
ациональную независимость империалистические державы, приведя в
ействие механизм НАТО и используя свое влияние на исполнительные
рганы ООН, объединились с тем, чтобы подавить освободительную борь-
бу конголезцев. Единство действий колонизаторов становилось тем более
чевидным, чем сильнее проявлялась солидарность с конголезским наро-
дом всех прогрессивных сил во главе с Советским Союзом.

В бессильной злобе перед растущей национально-освободительной
борьбой конголезского народа колонизаторы и их прислужники соверши-
ли чудовищное преступление, зверски убив премьер-министра законного
правительства Конго Патриса Лумумбу и его ближайших соратников.
Весть об этом злодейском убийстве была воспринята всеми народами
мира с величайшим гневом и возмущением. В заявлении Советского
правительства, отражающем мнение всего советского народа, говори-
лось: «Убийство премьер-министра Лумумбы, председателя сената Окито
и министра Мполо — это международное преступление, полную ответ-
ственность за которое несут колонизаторы, в первую очередь — бель-
гийские... Бельгийские колонизаторы, конечно, не осмелились бы пойти
на все это, если бы они не чувствовали за собой поддержки своих союз-
ников, целой коалиции колониальных держав, которые с самого начала
подталкивали бельгийцев на путь авантюр в Конго и которые также не
могут избежать тяжелой ответственности за совершенное злодеяние»[45].
Однако эти преступления вызвали лишь растущую ненависть конголез-
ского народа к колонизаторам, способствовали дальнейшему росту на-
ционально-освободительного движения и сплочению его сил вокруг за-
конного правительства Конго, возглавляемого Антуаном Гизенгой.

Важнейшим событием в борьбе народов против колониализма яви-
лась XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Выражая волю миллио-
нов людей — граждан социалистических государств, думы и стремления
народов Азии, Африки и Латинской Америки, Советское правительство
внесло на рассмотрение Генеральной Ассамблеи Декларацию о предо-
ставлении независимости колониальным странам и народам, которая тре-
бовала безотлагательно покончить с остатками колониального гнета, пре-

[44] «Financial Times», 26 февраля 1960 года.
[45] «Правда», 15 февраля 1961 года.

доставить всем колониальным странам, подопечным и несамоуправляющимся территориям полную независимость и свободу в строительстве собственных национальных государств. Декларация призывала также «ликвидировать все опорные пункты колониализма в виде владений и арендованных районов на чужих территориях».

Обосновывая неизбежность и историческую обусловленность скорого и полного краха колониальной системы, Н. С. Хрущев говорил: «Всем должно быть ясно, что нельзя никакими средствами и силами остановить борьбу народов за свое освобождение, так как это великий исторический процесс, происходящий со все возрастающей и необратимой силой»[46].

Историческая борьба, начатая Советским Союзом в стенах ООН во имя полного освобождения угнетенных народов мира, завершилась большой победой. 14 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея 89 голосами при 9 воздержавшихся (группа стран-колонизаторов во главе с США) приняла афро-азиатскую Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Безоговорочно осудив колониальное угнетение, а также попытки его реставрации в любых видах и подтвердив неотъемлемое право всех без исключения народов на независимое национальное развитие, Декларация торжественно провозгласила необходимость «незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях»[47].

Подчеркивая выдающееся значение этого документа и огромную роль Советского Союза в его подготовке и принятии, министр иностранных дел Ирака заявил: «Принятие Генеральной Ассамблеей Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам решительно знаменует окончание многовековой эксплуатации колониальными державами менее развитых стран и народов. Это эпохальное решение придает подлинно реальный смысл Уставу Объединенных Наций, а его осуществление принесет новое взаимопонимание в отношениях между государствами, взаимопонимание, основанное на новых концепциях равенства между народами, независимо от их расы, религии или степени развития. Афро-азиатская декларация обязана своим появлением на свет и успехом инициативе СССР, который поставил вопрос о колониализме в центре внимания ООН в наиболее подходящий момент быстро меняющейся истории слаборазвитых стран. Советская декларация, наиболее полно и научно обосновавшая проблему борьбы против колониализма, была и останется важной вехой в освободительном движении угнетенных народов»[48].

Середина XX века принесла тяжелые поражения колониализму не только в военной и политической, но и в экономической области.

В последние годы особенно интенсивно развивается экономическое и техническое сотрудничество между социалистическими государствами и бывшими колониями и полуколониями. Это сотрудничество оказывает чрезвычайно благотворное влияние на экономическое развитие молодых национальных государств Востока. «Для создания независимой национальной экономики и повышения жизненного уровня своих народов эти страны, хотя они и не входят в мировую социалистическую систему, могут пользоваться ее достижениями»[49],— говорил на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев. Начавшееся в 1959 г. осуществление грандиозного семилетнего плана явилось лучшей и надежнейшей гарантией выполнения Советским Союзом взятых им на себя обязательств перед слаборазвитыми странами и дальнейшего расширения помощи народам, строящим свою национальную экономику.

---

[46] Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов! М. 1960, стр. 39.
[47] «Правда», 16 декабря 1960 года.
[48] «Правда», 17 декабря 1960 года.
[49] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М. 1956, стр. 25.

Помощь СССР и других социалистических государств слаборазвитым странам подорвала монополию капитализма на поставки современного технического оборудования, на предоставление кредитов бывшим колониям и полуколониям и на вывоз их традиционной продукции. Тем самым слаборазвитые страны впервые получили реальную возможность избавиться от доставшейся им в наследие от колониализма кабальной зависимости от мирового капиталистического рынка. Этому способствует и то обстоятельство, что советская помощь направляется преимущественно на создание и укрепление национальной индустрии бывших колоний и полуколоний, то есть ведет к разностороннему развитию их народного хозяйства и преодолению экономической отсталости.

Уже сейчас эффективные результаты советской экономической помощи дают многим слаборазвитым странам возможность с уверенностью смотреть в будущее. Построенный в Индии с советской помощью Бхилайский металлургический комбинат быстро наращивает мощности до 2,5 млн. т стали в год, что составляет двойной объем индийского металлургического производства в 1956 году. Одно из величайших гидротехнических сооружений мира — высотная Асуанская плотина, строящаяся с советской помощью в Египетском районе ОАР, поможет создать условия для увеличения посевных площадей страны на одну треть и впятеро поднять производство электроэнергии. Число таких примеров можно было бы умножить.

Крушение колониальной системы не означает, что с колониализмом уже покончено и что освободившиеся народы могут всецело посвятить себя созидательному труду. Пример Конго показывает, что империалисты не отказываются от попыток восстановить свое господство в странах, которым они только что торжественно «даровали» независимость. Колониализм еще существует даже в самой прямой и неприкрытой форме в Родезии и Ньясаленде, Анголе и Мозамбике, Кении и Танганьике. В Алжире свирепствует разбойничья колониальная война, льется кровь людей, виновных только в том, что они хотят жить такой же самостоятельной жизнью, как и их братья в Тунисе и Марокко. Международный жандарм США и его сателлиты из агрессивного блока СЕНТО развязали разбойничью колониальную войну против законного правительства и народа Лаоса. Совесть человечества гневно протестует против преступлений рабовладельцев XX в., пытающихся насильственно удержать народы во мраке средневекового гнета. Однако любые попытки колонизаторов повернуть вспять корабль истории обречены. Против империалистов объединяются все революционные силы человечества: народы, строящие социализм и коммунизм, революционное движение рабочего класса в капиталистических странах, национально-освободительная борьба угнетенных народов, общедемократические движения. Пользующаяся поддержкой подавляющего большинства людей на земном шаре борьба за полную ликвидацию колониализма — одного из наиболее грубых и бесчеловечных проявлений капиталистической «цивилизации» — одержит решительную победу.

ОБ ОХРАНЕ И ИЗУЧЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ БОГАТСТВ НАШЕЙ СТРАНЫ

Академик М. Н. Тихомиров

Эта статья ставит своей задачей обратить внимание нашей общественности на некоторые вопросы, связанные с сохранением и изучением величайших богатств письменности, сосредоточенных в СССР. Автор статьи исходит из мысли о громадных достижениях и в этой сфере, осуществленных при Советской власти, но главная задача статьи — показать не столько достижения, сколько наметить пути дальнейшей работы по сохранению и изучению письменных богатств страны и указать на недостатки в этой области

Прежде всего хотя бы в кратких словах необходимо дать представление о тех поистине грандиозных письменных богатствах, которыми обладает Советский Союз и о которых недостаточно осведомлены даже многие историки.

В наших хранилищах наиболее полно и обильно представлены рукописи трех братских славянских народов: русских, украинцев и белорусов. Памятники древнерусской письменности сохранились уже от XI в.; среди них на почетном месте стоит древнейшая датированная рукопись — евангелие 1057 г., написанное в Новгороде для посадника Остромира, родственника Ярослава Мудрого.

Количество пергаменных рукописей XI—XII столетий сравнительно невелико и измеряется единицами. Значительно полнее и притом тоже уникальными рукописями представлены XIII—XV века. В наших библиотеках хранятся старейшие списки летописей, Русской Правды, различного рода сказаний, грамоты и прочие документы.

Что касается более позднего времени, то количество рукописей даже XVI столетия до сих пор не учтено, не говоря уже о позднейших столетиях. Богатейшим хранилищем рукописных книг и актов является Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА) в Москве. В нем, например, хранятся дела XVI—XVIII вв., заключающие бумаги Посольского приказа с актами, относящимися к сношениям России с другими странами Европы и Азии. Они имеют громадное значение не только для истории России, но и для истории таких стран, как Турция, Иран, Англия, Франция и др.

В громадном количестве в архивах СССР сохранились документы XVIII—XIX вв. и особенно полно документы советского времени.

Надо прямо сказать, что все основные источники по истории России, Украины и Белоруссии всех веков хранятся в СССР и делаются достоянием науки с помощью и трудами советских ученых. Вот почему такой громадный интерес к советским публикациям источников проявляется зарубежными учеными, занимающимися историей славянских стран. Каждое открытие в наших библиотеках и хранилищах оплодотворяет историческую науку, а такие открытия, как правило, делаются советскими учеными, знающими и изучающими наши письменные богатства.

Уникальными по своему характеру являются и письменные богатства других народов СССР. Армения и Грузия уже в ранние века нашей эры имели свою письменность, сохраненную до нашего времени, не-

смотря на вражеские вторжения, разорявшие эти страны. Собрание Научно-исследовательского института древних рукописей при Совете министров Армянской ССР (Матенадаран) в Ереване занимает первое место в мире по обилию и ценности армянских рукописей, хотя армянские рукописи хранятся и в некоторых зарубежных библиотеках. То же самое можно сказать о письменных богатствах Грузии, сосредоточенных в Тбилиси.

СССР обладает обширнейшими и замечательнейшими собраниями восточных рукописей, в первую очередь арабских, персидских, узбекских, таджикских, татарских и др.; хранилище восточных рукописей в Ленинграде является одним из ценнейших в мире. Крупнейшее значение имеют и собрания Академии наук Узбекской ССР в Ташкенте и Академии наук Таджикской ССР в Сталинабаде. Но этим не исчерпывается богатство восточных рукописей, сосредоточенных в нашей стране. Они имеются и в Баку, и в Казани, и в Уфе, и в Махачкале, и в других городах. Не забудем и о рукописях на языках других народов СССР (на бурятском, казахском и т. д.). Ценное значение имеют собрания еврейских, а также караимских рукописей.

Широкие связи России с другими странами послужили предпосылкой для создания в нашей стране замечательных письменных богатств народов Балканского полуострова и Западной Европы. Постоянно разоряемые войнами и нашествиями южнославянские народы (болгары, сербы) сохранили лишь немногие остатки своей богатой письменности. Между тем постоянный интерес русских ученых к братским народам на Балканах обеспечил накопление большого количества болгарских, сербских и молдавских рукописей в хранилищах СССР. Систематический сбор их начался уже в XVII столетии по инициативе патриарха Никона. По его приказанию Арсений Суханов вывез значительное количество славянских и греческих рукописей в Россию, положив начало замечательному Синодальному, или Патриаршему, собранию, хранящемуся теперь в Москве в Историческом музее. Без всякого преувеличения можно сказать, что никакое другое государство не может равняться по своим собраниям славянской письменности с СССР. Да и собрания греческих рукописей в Москве и Ленинграде стоят на одном из первых мест в мире.

Неутомимая деятельность русских собирателей позволила накопить и большие богатства документов и рукописей на латинском, а также на французском, немецком и других западноевропейских языках. Напомним о деятельности П. П. Дубровского, собиравшего рукописи во Франции в период французской революции в конце XVIII столетия.

Конечно, в пределах краткого обзора можно дать лишь небольшое представление о том великом богатстве памятников мировой культуры, которое накопили и сохранили народы нашей страны. Советская власть с самого начала наметила меры их сохранения. В. И. Ленин первый обратил внимание на письменные богатства СССР и даже в условиях тяжелой послевоенной разрухи наметил пути их сохранения и приумножения.

За годы Советской власти достигнуты большие успехи в области развития источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Заново разработаны новые темы, которых никогда не касались историки в дореволюционное время (история крестьянства, рабочего класса и т. д.). Появилось значительное количество трудов по истории народов СССР и публикаций документов. Возникли новые журналы и сборники по вопросам источниковедения («Исторический архив», «Проблемы источниковедения», «Археографический ежегодник» и др.). Советская историческая мысль развивалась в сторону дальнейшего критического освоения источников.

Однако в этой области не все благополучно. Поэтому не лишне будет остановиться на некоторых вопросах, задерживающих развитие

охраны и изучения наших письменных богатств, а также на тех условиях, в которых богатства мировой письменности хранятся, изучаются и делаются достоянием нашей науки.

Важнейшим условием развития исторической науки является сохранение письменных и книжных богатств, дошедших до нас от давних времен. Выше говорилось уже о той большой заботе, которую В. И. Ленин проявил при переустройстве архивных учреждений нашей страны. На основании ленинского декрета архивные органы провели громадную работу по сохранению крупнейших богатств нашей письменности. Эта работа проводилась, конечно, не только одними архивными учреждениями, но и многочисленными библиотеками и музеями. Однако первостепенная задача правильного хранения письменных богатств далеко не одинаково разрешается разными учреждениями.

Пока наибольшее внимание к условиям хранения документов проявило Главное архивное управление, построившее в Москве специальные здания для своих архивов. Новые здания для хранения богатств письменности построены в ряде столиц союзных республик (в Ереване, Ташкенте и некоторых других). Прекрасное здание Матенадарана в Ереване уже сейчас привлекает к себе большое количество туристов. Но не везде, к сожалению, созданы благоприятные условия для хранения источников.

Например, величайшее по своему значению собрание славянских и греческих рукописей Государственного Исторического музея буквально задыхается в одной комнате, заставленной к тому же столами и шкафами. Конечно, музею трудно развернуться в имеющемся здании. Но до каких пор многие собрания рукописей и старопечатных книг будут держать в деревянных шкафах времен Очакова и покорения Крыма? Ведь таким собранием, каким является собрание греческих рукописей и бывшая Патриаршая библиотека, может гордиться любая страна мира.

Несколько лучше положение в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, но и здесь требуется срочное расширение площади рукописного отдела. Что было хорошо при Румянцеве, 150 лет тому назад, теперь выглядит бедно и убого. То же самое приходится сказать о Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

К сожалению, сама Академия наук СССР в значительной мере дает пример неуважения к общепринятым условиям хранения рукописей. Много лет уже ставится вопрос о построении небольшого четырехэтажного дома для архива Академии наук, в котором сосредоточены фонды крупнейших ученых Советского Союза. Но разговоры остаются разговорами. Пока же архив Академии наук помещен в подвале и недавно еще находился рядом с кухней; часть документов страдает от сырости, другая — от сухости.

Вопрос о надлежащем хранении архивных богатств замечательного рукописного и книжного фонда СССР, одного из богатейших, если не богатейшего в мире, имеющего колоссальное мировое культурное значение, заслуживает особого рассмотрения и срочного вмешательства.

Наряду с этим нельзя не отметить и недостаточность работы, которая до настоящего времени производилась для приведения в порядок колоссального рукописного и книжного богатства нашей страны. Правда, за последние годы Главное архивное управление и его учреждения выпустили большое количество путеводителей по архивным фондам, и эту плодотворную работу надо, конечно, продолжить. Кое-что делает Библиотека имени В. И. Ленина в Москве, работники которой с большим интересом относятся к нововведениям и мероприятиям в области охраны книжных богатств. Но в целом описание рукописей даже в ви-

де небольших каталогов сделалось почему-то уделом не столичных учреждений, а переместилось далеко на периферию. Следует приветствовать печатание описаний рукописей Академии наук Узбекской ССР. Проводится значительная работа по описанию рукописей в Грузии, в Армении и т. д., но собственно столичные учреждения работают в этой области очень мало.

Отдел рукописей Государственного Исторического музея в Москве является одним из ценнейших собраний памятников древнерусской рукописной культуры. Рукописи музея были описаны крупнейшими специалистами славянской палеографии академиками В. Н. Щепкиным и М. Н. Сперанским, проф. В. Ф. Ржигой, А. Д. Седельниковым, Н. П. Поповым и др. Недавно издан обзор письменных и старопечатных богатств музея (М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М. 1958). Однако возникает вопрос: почему нельзя издать уже готовый каталог рукописей; это остается непонятным.

Недостаточно проявляют интерес к древним рукописям в Государственной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Здесь давно уже не появлялось обстоятельных описаний славянских рукописных книг. А недавно вышел в свет очередной выпуск указателя русских актов XVII в. тиражом всего лишь в 100 экземпляров!

В Центральном архиве древних актов, пожалуй, не меньше, если не больше, древнейших памятников русской письменности, давно привлекающих к себе внимание исследователей. Однако приходится удивляться, почему до сих пор еще не изданы описания основных собраний этого крупного хранилища рукописных книг. Весьма полезные, но краткие путеводители и обзоры (в этой области много сделано В. Н. Шумиловым), конечно, не могут заменить каталога.

Некоторая работа по описанию рукописей ведется в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве. В 1959 г. вышло в свет описание собраний Лукашевича и Маркевича, в которых сосредоточены главным образом украинские и южнорусские рукописи. В прошлом году появилось в печати описание древнерусских музыкальных рукописей, собранных двумя выдающимися исследователями в этой области— Разумовским и Одоевским. В производстве находится первый том предпринятого Отделом многотомного описания самого большого и ценного рукописного собрания Отдела — так называемого Музейного собрания, насчитывающего в своем составе более 6 тысяч рукописей. Но это — будущее, а в настоящее время и в Библиотеке имени В. И. Ленина преобладают рукописные каталоги.

Отсутствие полных каталогов наших рукописных и книжных богатств порой бывает вопиющим. Например, тот, кто захочет получить хоть какие-либо сведения о русских старопечатных книгах XVII — XVIII вв., должен будет обратиться к каталогу Каратаева, изданному 100 лет тому назад, в 1861 году. А между тем какие грандиозные богатства старопечатных книг собраны теперь в наших библиотеках! О таких собраниях 100 лет тому назад Каратаев не мог и мечтать.

Отсутствует даже какой-либо сводный каталог древнейших рукописей, имеющих мировое значение. Только в последнее время работа по составлению каталога важнейших рукописей и книг, находящихся в хранилищах СССР, предпринимается Археографической комиссией Отделения исторических наук АН СССР совместно с другими учреждениями, но выполнить эту большую работу Комиссия сможет только в контакте с архивами и библиотеками и в течение многих лет. Начало делу положено: ряд учреждений (Институт истории АН СССР, Научно-исследовательский институт древних рукописей при Совете министров Армянской ССР (Матенадаран) в Армении, Отделение исторических наук АН Узбекской ССР, Институт истории АН Украинской ССР и др.) обе-

щал всемерную поддержку и участие в составлении сводного каталога рукописей, намеченного на первом этапе для учета всех рукописей, хранящихся в СССР и написанных до 1400 года.

Чрезвычайно важным является вопрос об издании документов. В этой области сделано много, но все-таки явно недостаточно по сравнению с требованием времени. Ведь открытие и введение в научный оборот новых документов не только обогащает историческую науку, оно является как бы обязательной предпосылкой для ее развития. Иначе некоторые вопросы будут решаться по-прежнему только повторением высказываний различных авторов, сведением их вместе, дополнениями и т. д. Этим, в частности, занимаются очень многие зарубежные авторы, работающие по тематике истории народов нашей страны. Делают это они нередко по простой бедности, по неприкрытой скудости имеющихся у них наличных источников. Советские ученые находятся в этом отношении в гораздо лучших условиях и не только по одной русской, украинской и белорусской тематике, но также по тематике восточной и отчасти даже по западноевропейской.

Однако количество изданий источников сравнительно невелико и порой имеет тенденцию к сокращению по самым неосновательным причинам. Например, недавно снималось с плана издание «Закона судного людем», памятника, имеющего громадное значение по истории славянского законодательства. Этот памятник дошел до нас только в русских рукописях, хотя обычно считается, что краткая редакция «Закона» была составлена в Болгарии (теперь это издание печатается). Крайне замедленными темпами издаются и другие замечательные документы наших архивов. Даже материалы о революции 1905—1907 гг. или по истории крестьян печатаются с крайним замедлением. Между тем некоторые издания могли бы иметь громадное международное значение.

Необходимо вновь подумать об издании источников; может быть, следует составить даже общий план издания источников первостепенной важности по всем отраслям исторической науки.

Одновременно с публикацией источников требуется обратить внимание и на их археографическую обработку. Главное архивное управление и Институт истории АН СССР разработали правила по изданию документов; эти правила сами по себе являются ценным вкладом в науку. Но некоторые вопросы остались до сих пор неясными и неразработанными. Возьмем хотя бы вопрос о том, надо ли издавать документы полностью или с купюрами. Например, в ценных изданиях Института истории и ЦГАДА по истории крестьянской войны под предводительством Степана Разина сделаны пропуски царских титулов. В результате во имя ничтожной экономии в пять-шесть страниц на целый том каждый документ издан обрывочно, не имеет начала, текст нередко прерывается отточиями.

Не разработан целый ряд вопросов, связанных с изданием документов и их археографической обработкой. Нельзя при этом забывать о том, что всеобъемлющие правила издания документов могут дать только общее направление, так как невозможно по одному типу издавать документы XII и XX веков. Никакая общая инструкция не в состоянии будет удовлетворить требования, предъявляемые к грамоте Мстислава 1130 г., с одной стороны, к указу Сената 1911 г. — с другой. Усиление работ по археографии является насущной потребностью, как и составление соответствующих инструкций применительно к определенным документам.

Громадные задачи стоят перед нами в области вспомогательных исторических дисциплин. Само название «вспомогательные дисциплины» плохо отражает их значение. Правильнее их было бы называть специальными историческими дисциплинами. Какие ж это «вспомогательные

дисциплины» — палеография и нумизматика, когда на основании их определяется основа основ исторической науки: даются датировка и определение подлинности источников?

Громадное значение палеографии, нумизматики, исторической географии до сих пор еще не осознано нашими институтами, занимающимися историческими изысканиями. Следует подчеркнуть то обстоятельство, что палеографические работы практически замерли. Можно назвать всего несколько историков, знакомых с греческой, латинской и восточной палеографией. В целом о работах по палеографии можно сказать, что ими занимаются отдельные немногие знатоки. Хорошо, что такие знатоки существуют, но значение палеографии и исторической географии настолько велико в исторической науке, что отдельными лицами здесь не обойдешься. В частности, надо позаботиться и о расширении понятия палеографии. В недавнее время возникло намерение создать и палеографию новейшего периода, в том числе и советского.

Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины все еще не заняли должного места в нашей исторической науке, в частности, и в учреждениях Отделения исторических наук Академии наук СССР, не говоря уже о Московском университете и других вузах. Больше того, в некоторых случаях замечается прямое отставание от насущных задач исторической науки. Все еще появляются работы, авторы которых беззаботно, некритически относятся к анализу источников. Палеография и историческая география до сих пор не получили полного признания даже в стенах специальных исторических вузов и факультетов. Прекрасной иллюстрацией к этому далеко не прекрасному положению является тот факт, что количество часов, отводимых в вузах на изучение источниковедения и таких дисциплин, как палеография и дипломатика, непрерывно сокращается. Почти прекратился выпуск пособий по этим дисциплинам. Достаточно сказать, что за 20 лет не выходило ни одного альбома палеографических снимков, предназначенного для работы со студентами. Попытки издать подобный альбом наталкиваются на яростное сопротивление Книготорга, который заявляет, что подобный альбом не разойдется в стране больше чем в 300 экземплярах (хотя один Московский университет требует значительно большее количество экземпляров). Стыдно глядеть на те в полном смысле отрепья старых снимков, каких-то жалких фотографий, которыми пользуются студенты на занятиях по палеографии в Московском университете (не будем уже говорить о других вузах). А между тем общественность нашей страны обнаруживает чрезвычайный интерес к письменности и не только русской, но и к письменности всех народов СССР. Так, сессия, посвященная археографии и источниковедению, организованная в Ереване Археографической комиссией совместно с Научно-исследовательским институтом древних рукописей при Совете министров Армянской ССР (Матенадаран), непрерывно посещалась многочисленными слушателями в течение недели.

Большое внимание необходимо обратить на дальнейшее улучшение преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в вузах. К сожалению, даже на историческом факультете Московского университета палеография отсутствует как предмет для специализирующихся по кафедре истории южных и западных славян. Вернее, там преподается только латинская палеография, а кириллов-ская, славянская по происхождению палеография почему-то признана ненужной.

До сих пор доподлинно даже неизвестно, в каких вузах преподаются источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины и по каким пособиям. Кафедра источниковедения существует только в Московском университете, кафедры же археографии и вспомогательных исторических дисциплин — в Историко-архивном институте в Москве.

Особенное значение имеет пропаганда исторических дисциплин, их связь с жизнью. В этой области можно сделать очень много. Ведь такие темы, как старая письменность, редкие книги, письма замечательных советских людей и пр., неизменно привлекают внимание широких кругов населения. В этом году школьники делали походы для сбора рукописей и, хотя как будто это не детское дело, собрали у населения ряд рукописей. Известен широкий интерес не только школьников к нумизматике, к собиранию марок. На одном заседании Археографической комиссии был поставлен вопрос об изучении марок с палеографической точки зрения для датировки писем советского времени. Один из выступавших наглядно показал, как на марках можно создать иллюстрированную историю СССР, такую понятную и доступную, такую яркую и убедительную, какую нельзя написать словами.

Важное значение имеют конференции специалистов по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, как это имело место в июне 1960 г. в Ереване.

Нельзя также забывать и о наших журналах; но тут творится что-то непостижимое. Так, «Огонек» поднял на щит домыслы Н. Энговатова о начале славянской азбуки, даже не потрудившись проверить их содержание с помощью специалистов. И это едва ли случайное явление. Как порой понимается значение источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, можно видеть по журналу «История СССР», журналу специальному, в редакционной коллегии которого состоят крупные историки. В нем статьи по этим дисциплинам печатались обязательно петитом, вне зависимости от их ценности и содержания. Значит, и такие статьи, как «Корсунская легенда» А. А. Шахматова и «Русский рубль» В. О. Ключевского, были бы в журнале напечатаны также петитом как что-то малозначительное?

Эту статью можно было бы закончить общим пожеланием о необходимости расширения работ по изучению письменных богатств, хранящихся в нашей стране. Но одних пожеланий мало; благими пожеланиями, как говорил Данте, усеяны дороги в ад. Надо предпринять действенные меры к дальнейшему улучшению охраны, описания и изучения наших письменных богатств путем пропаганды в журналах и газетах, путем обмена опытом крупнейших научно-исследовательских и архивных учреждений, а также приступить к выработке необходимых мероприятий на ближайшее будущее.

ЗА РАЗВИТИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО И ВИЗАНТИЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

Академик С. Д. Сказкин, Н. А. Сидорова, А. Д. Люблинская, А. И. Неусыхин, З. В. Удальцова, Е. Э. Гранстрем, В. Л. Романова, З. Г. Самодурова

Знаменитое изречение «Книги имеют свою судьбу» относилось к античной, то есть к рукописной, книге. И хотя впоследствии этому изречению оказалась подвластна также печатная книга, все же наиболее удивительные превратности судьбы испытали по преимуществу рукописи античности и средневековья. Многие из них совершили поистине удивительные путешествия, оказавшись в самых различных странах. Немалое число таких рукописей прибыло в свое время и в крупные культурные центры России, и ныне советские ученые, главным образом историки, филологи и литературоведы, оказались счастливыми обладателями огромных рукописных богатств, ценнейших памятников письменности, истории и культуры народов Европы и Азии. В библиотеках и архивах СССР хранится большое количество ценнейших западноевропейских, греческих и восточных рукописей IV—XIX веков.

Наибольшая часть западноевропейских рукописей входит в коллекцию П. П. Дубровского, находящуюся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина[1]. Эти рукописи можно разделить на две группы: рукописные книги и архивные материалы. В числе рукописей первой группы следует указать кодексы V—X вв., представляющие собой памятники письменности неисчислимой ценности. Среди них рукопись V в.— сочинение одного из первых «отцов» церкви, Августина; группа рукописей унциального письма; замечательное своим орнаментом англосаксонское евангелие VIII в.; кодекс, содержащий копии писем папы Григория I с автографом известного историка VIII в. Павла Дьякона и т. д. Хотя в научной литературе эти рукописи хорошо известны, они никогда не потеряют своего значения для специалистов в области истории письма и миниатюры. Из собрания П. П. Дубровского не меньший интерес вызывает группа раннеготических рукописей XI—XII вв., привлекающих исследователей главным образом своими палеографическими и художественными достоинствами. Среди этих рукописей встречаются и такие, которые представляют собой значительную ценность по содержанию. Так, изучение текста Хроники Адемара Шабанского показало, что это еще одна неизвестная до сих пор исследователям редакция хроники, без

---

[1] О коллекции П. П. Дубровского см. А. Д. Люблинская. Рукописи времен западного средневековья и эпохи французской революции XVIII в. в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Исторический журнал», 1939, № 6; ее же. Западные рукописи в Ленинградской публичной библиотеке. «Советская наука», 1940, № 9; ее же. Источниковедение истории средних веков. Л. 1955, стр. 355—357; Т. В. Луизова. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Вопросы истории», 1952, № 8.

анализа которой издание указанного источника не может считаться удовлетворительным. Из многотысячной коллекции П. П. Дубровского выделяется большая группа французских рукописей XIII — XV вв., превосходных по своему художественному оформлению. Некоторые из этих рукописей так же, как и многие неиллюминованные (неукрашенные) кодексы того периода (хроники, литературные произведения, юридические, астрономические, естественноисторические трактаты), представляют большой интерес как исторические источники.

В числе рукописей второй группы (архивные материалы), входящих в коллекцию П. П. Дубровского, главное место занимают документы XII—XV вв., связанные с историей Франции: грамоты, касающиеся земельных владений монастыря Сент-Антуан-де-Шан, а также грамоты, относящиеся к другим монастырям и городам, счета различного рода, отчеты о сборах налогов, списки повинностей и т. д. Документы этой группы содержат интереснейшие данные по социально-экономической истории Франции. Но особое внимание привлекает 10-тысячное собрание писем и документов крупнейших политических деятелей Франции и Западной Европы XVI—XVII веков. Можно с уверенностью сказать, что для исследователей внутренней истории Франции и дипломатических отношений в Западной Европе XVI—XVII вв. эти материалы служат ценнейшим источником.

В Ленинградской публичной библиотеке хранится многотысячная коллекция П. К. Сухтелена, содержащая рукописи преимущественно по истории Голландии и Швеции XVII—XVIII веков. В нее входит также большой архив недолговечного Вестфальского королевства. В составе бывшего Эрмитажного собрания имеются в основном французские рукописи XVII—XVIII вв. и чрезвычайно ценное собрание латинских средневековых кодексов из монастыря Вейсенау. Особо надо отметить знаменитую рукопись середины XV в. «Большие Французские Хроники» из библиотеки бургундских герцогов. Она украшена прекрасными миниатюрами работы Симона Мармиона [2].

В архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ) имеется огромная коллекция академика Н. П. Лихачева; в ней богато представлена средневековая Италия. В Центральном государственном архиве древних актов в Москве хранится приобретенное в конце XVIII в. графами Строгановыми в Париже собрание французских дипломатических донесений XVI в., насчитывающее более 18 тыс. документов (так называемая коллекция Ламуаньона). Эти документы содержат богатейший материал по внешней политике Франции за первую половину XVI века. Ряд ценных рукописных книг и документов по истории Германии, Италии и других стран Западной Европы в средние века хранится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина [3]. Во многих библиотеках нашей страны (особенно университетских) можно найти небольшие собрания западноевропейских средневековых рукописных книг и документов, представляющих порой значительный интерес: например, в Тарту имеются важные источники по истории Швеции (архив Делагарди); весьма обильны архивные богатства Одессы; несколько интересных латинских рукописей (главным образом по своим палеографическим особенностям) имеется в Научно-исследовательском институте древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран).

Научное значение этих фондов чрезвычайно велико. В подавляющем большинстве это обширные и тщательно составленные коллек-

---

[2] Г. А. Чернова. Миниатюры Больших Французских Хроник (Опыт изучения исторических иллюстраций). М. 1960.

[3] См. С. В Житомирская. Западное средневековье в рукописях Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Сборник «Средние века». Вып. X. 1957.

ции, включающие значительные комплексы однородных и весьма ценных материалов. Несколько писем крупного политического деятеля всегда могут чем-то дополнить уже освоенный наукой фактический материал. Но тысячи писем и инструкций Екатерины Медичи, Генриха IV и других королей, полководцев, дипломатов XVI—XVII вв. представляют собой неотъемлемые составные части основной массы исторических источников, без которых невозможно всестороннее исследование истории изучаемого периода. В этом и заключается исключительная ценность большинства рукописей и документов наших западноевропейских коллекций как исторических источников, не говоря уже об их важности для изучения истории письменности.

Не меньший научный интерес представляют греческие рукописи, хранящиеся в библиотеках и архивах разных городов Советского Союза: Москвы, Ленинграда, Пскова, Киева, Казани, Харькова, Тбилиси, Еревана. Общее число их достигает двух тысяч. Наиболее многочисленными являются собрания греческих рукописей (средневековых и в меньшем числе новогреческих), находящихся в Москве и Ленинграде. В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде и в Архиве ЛОИИ хранится около 1 300 рукописей. В Москве самыми крупными собраниями греческих рукописей являются коллекции Государственного исторического музея и рукописного отдела Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Отдельные рукописи хранятся в научной библиотеке Московского университета, в Государственной публичной библиотеке Украинской ССР в Киеве, в отделе рукописей Государственного музея Грузии в Тбилиси, в Матенадаране в Ереване, в Центральном государственном архиве древних актов, в научной библиотеке Харьковского государственного университета и в некоторых других городах [4].

Состав собраний греческих рукописей в значительной мере определяется происхождением этих собраний. Основными их составителями и коллекционерами были духовные лица (Порфирий Успенский, Антонин Капустин и др). Поэтому подавляющее большинство собранных ими рукописей содержит богослужебные тексты. Однако в собраниях Советского Союза хранится немало замечательных памятников классической литературы Греции: некоторые трагедии Эсхила, списки поэм Гомера, трагедий Софокла, сочинений Пиндара, Плутарха, Диогена Лаерция и др.

Что касается памятников византийской литературы, то среди них имеются такие, как Хроника Михаила Глики в списке XIII в., которая любопытна с точки зрения содержащихся в тексте разночтений по сравнению с текстом Боннского корпуса, Всемирная хроника патриарха александрийского Евтихия в списке XVII—XVIII вв. (греческий текст этой хроники неизвестен). Кроме того, в собраниях Советского Союза есть ряд хроник либо в отрывках, либо в довольно полных списках. Есть списки некоторых византийских историков — Георгия Франдзи, Симеона Логофета, Церковная история Евсевия Памфила, отрывки из Церковной истории Феодорита и пр. Кроме сочинений исторического содержания, имеются и другие произведения византийской письменности:

---

[4] Арх. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1. Греческие рукописи. М. 1894; С. А. Белокуров. О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М. 1899, стр. CXXVI—CXXXIX; Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. XIX—XX вв. М.-Л. 1958; ее же. Греческие рукописи в собраниях Советского Союза. «Византийский временник» («ВВ»). Т. XI. 1956; ее же. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. «ВВ». Т. VIII. 1956; А. П. Каждан. Греческие рукописи Библиотеки им. В. И. Ленина. «Вопросы истории», 1946, № 10.

словари, грамматические сочинения, произведения народной литературы. В ряде рукописей содержатся различной величины отрывки хронографов и исторических сочинений, житий святых, бесед и поучений, а также цельные сочинения подобного рода. В библиотеках нашей страны хранится немалое число рукописей и XVI—XIX веков. Среди них некоторые представляют интерес для изучения истории греческого народа, находившегося под властью турок, и освободительной борьбы греков против турецкого владычества, истории новогреческой литературы и новогреческого языка.

Юридических памятников имеется немного; наиболее ценными являются сборник документов, известный под названием «Вазелонских актов», и пергаментная рукопись X в., в состав которой входят новеллы византийских императоров.

В Советском Союзе хранятся в разных собраниях широко известные памятники византийского искусства, как, например, Трапезунтское евангелие X в., евангелие-апракос X в., Апостол 1075 г., Псалтирь, написанная около 1080 г. для Константина Порфирородного (сына византийского императора Михаила VII Дуки), евангелие XI—XII вв., украшенное прекрасными миниатюрами четырех евангелистов, заставками почти в целый лист и инициалами.

Перед советскими учеными стоят неотложные и важные задачи по научной обработке, описанию, каталогизированию и публикации этих имеющих уникальный характер и представляющих огромную научную ценность западноевропейских и греческих средневековых рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах СССР. Кое-что в этом направлении уже сделано. Крупнейший советский палеограф О. А. Добиаш-Рождественская составила научный каталог рукописей V—IX вв[5]., полный карточный алфавитный каталог всех западноевропейских пергаментных рукописей собрания Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также написала ряд статей, посвященных отдельным рукописям этого собрания[6]. Латинские рукописи XI—XII вв. из того же собрания, написанные раннеготическим письмом и разнообразные по своему содержанию, явились предметом исследования другого советского палеографа, Т. В. Луизовой. Она не только дала научное описание изученных рукописей, но на основе тщательного палеографического исследования предложила свое оригинальное решение вопроса о происхождении так называемого готического письма — одной из важнейших теоретических проблем латинской палеографии[7]. Каталогизированы и описаны западноевропейские рукописи из фондов Архива ЛОИИ[8].

Теоретические вопросы в области греческой палеографии изучает Е. Э. Гранстрем. Ею разрабатываются такие сложные проблемы, как

---

[5] К сожалению, до сих пор напечатан только первый выпуск этого каталога, содержащий научное описание рукописей V—VII веков. См. О. А. Добиаш-Рождественская. Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки. Рукописи V—VII веков. Л. 1929 (Государственная публичная библиотека в Ленинграде. Серия IV. Occidentalia. Средневековье в рукописях Публичной библиотеки. Вып. III).

[6] О. А. Добиаш-Рождественская. Хроника Адемара Шабанского и ее рукопись в Ленинграде. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Вып. 4. 1939; ее же. О незамеченном. «Средневековье в рукописях Публичной библиотеки». Вып. II. 1927; ее же. Выставка западных часовников с миниатюрами в Публичной библиотеке. «Библиотечное обозрение», 1927, № 12, и др.

[7] Т. В. Луизова. Раннеготические рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Труды» Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. I(IV). Л. 1957; ее же. Об исторических условиях возникновения так называемого готического письма. Сборник «Средние века». Вып. V. 1956.

[8] «Путеводитель по архиву Ленинградского института истории». М.-Л., 1958.

возникновение византийского минускула и связь славянской и греческой письменности[9]. Кроме того, Е. Э. Гранстрем подготовила и опубликовала первый выпуск сводного каталога греческих рукописей Ленинграда[10].

Советскими историками достигнуты некоторые успехи и в области публикации хранящихся в СССР архивных материалов, относящихся к эпохе средневековья. Так, в 1937 г. было опубликовано весьма ценное издание «Акты Кремоны»[11] (I том), в настоящее время сдан в печать второй том этого издания. Исследован и издан ценный памятник «Вазелонские акты», содержащий документы, касающиеся земельных владений монастыря Иоанна Предтечи Вазелон, или Завулон, расположенного неподалеку от Трапезунта[12]. Замечательный памятник XI в.— царьградская лицевая псалтирь — подлинная жемчужина книжного искусства Византии, вышедшая, по мнению издателя, из царского скриптория, опубликована членом-корреспондентом АН СССР В. Н. Лазаревым[13]. В последних выпусках сборника «Средние века» напечатаны интересные документы о народных движениях 1559—1560 гг. во Франции[14]. Эти публикации вызвали большой интерес у советских и французских специалистов. Вышел в свет аннотированный каталог бастильского архива, составленный А. Д. Люблинской[15].

В последнее время Институт истории АН СССР предпринял издание 10-томной серии документов по западноевропейскому средневековью. Сдан в печать первый том этой серии — «Документы по истории гражданских войн во Франции (1561—1563 гг.)», готовятся к изданию: второй том, посвященный внешней политике Франции первой половины XVI в. (из коллекции Ламуаньона), и третий том — «Документы по истории городов Северной Италии XIII—XIV вв.» (из Архива ЛОИИ).

Таким образом, советские медиевисты и византинисты достигли некоторых успехов в области научной обработки и использования рукописных богатств нашей страны. Однако сделано еще очень мало.

Работа по выявлению и популяризации наших рукописных фондов до сих пор ведется слабо. Большинство крупнейших собраний западноевропейских и греческих рукописей все еще не каталогизировано. Упомянутые выше обзоры рукописных собраний не охватывают всех рукописных богатств, хранящихся в архивах и библиотеках Советского Союза, так как целью этих обзоров была лишь самая общая характеристика собраний с выделением наиболее примечательных памятников. Больше того, до сих пор не изданы давно подготовленные к печати каталоги. Так, свыше 30 лет ждет своего опубликования второй выпуск каталога латинских рукописей (VIII—IX вв.) из собрания Государствен-

---

[9] Е. Э. Гранстрем. К вопросу о возникновении византийского минускула. «ВВ». Т. XIII. 1958; ее же. О связи кирилловского устава с византийским унциалом. «ВВ». Т. III. 1950; ее же. К вопросу о происхождении глаголической азбуки. «Труды» Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. IX. Л. 1953; ее же. О происхождении глаголической азбуки. ТОДРЛ. Т. XI. Л. 1955; ее же. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей. ТОДРЛ. Т. X. Л. 1954.

[10] Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. I. Рукописи IV—IX вв. «ВВ». Т. 16. 1959.

[11] «Акты Кремоны X—XIII вв. в собрании Академии наук СССР». Подгот. к изданию С. А. Аннинским, предисловие О. А. Добиаш-Рождественской. М.-Л. 1937.

[12] Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л. 1927; Ф. И. Успенский. Монастырские акты Иоанна Предтечи Вазелон. «Известия Российской академии наук». VI серия. Т. 13. 1919.

[13] В. Н. Лазарев. Царьградская лицевая псалтирь. «ВВ». Т. III. 1950.

[14] Сборник «Средние века». Вып. XII—XVI.

[15] «Документы из бастильского архива». Аннотированный каталог. Составила А. Д. Люблинская. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л. 1960 (на ротаторе).

ной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, составленный О. А. Добиаш-Рождественской. Западноевропейские и греческие рукописи, хранящиеся в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, отражены лишь в инвентарных записях, нет не только их печатного каталога, но даже каталога на карточках, дающего сколько-нибудь удовлетворительное представление об этих фондах. Не каталогизированы интересные неопубликованные архивные документы по истории Франции из собрания Строгановых (ЦГАДА). Отсутствуют также печатные каталоги греческих и западноевропейских средневековых рукописей и других собраний СССР, особенно находящихся в местных архивах. Некоторые из существующих печатных каталогов (например, каталоги греческих рукописей), составленные в прошлом веке, устарели и не отражают всего богатства рукописных фондов.

Вследствие этого советские исследователи не могут себе представить в полном объеме содержание наших рукописных фондов, что, естественно, затрудняет их работу и препятствует введению в научный оборот ценнейших, неизвестных до сих пор исторических источников. Такое положение отрицательно сказывается на решении многих проблем западноевропейского средневековья и истории Византии, стран Центральной и Юго-Восточной Европы и отражается на развитии советской медиевистики в целом. В связи с этим одной из главных задач, стоящих перед историками-медиевистами, является подготовка и издание печатных каталогов греческих, латинских и западноевропейских средневековых рукописей из собраний Советского Союза и составление на их базе сводных каталогов всех средневековых рукописей, хранящихся в архивах и библиотеках нашей страны.

Заметим, кстати, что советские медиевисты пока не принимают участия в составлении Всемирного сводного каталога датированных латинских рукописей. Решение о его издании было принято на Международном коллоквиуме по латинской палеографии, состоявшемся в Париже в 1954 году. В 1957 г. в системе французского Национального центра научных исследований был образован Международный палеографический комитет, установивший основные принципы создания каталога. Описания датированных латинских рукописей должны сопровождаться их факсимильными образцами. Наличие такого издания снабдит палеографов богатейшим материалом, который можно будет свести воедино, сопоставить и систематизировать, использовать для установления научно обоснованной и общепризнанной классификации типов письма, в чем ощущается настоятельная потребность. Можно будет с несравненно большей точностью, чем ныне, датировать и устанавливать, где написаны рукописи, не имеющие прямых данных о месте и времени их написания, определить хронологические и географические рамки распространения того или иного типа письма и т. д. Такой Всемирный сводный каталог составляется из национальных сводных каталогов, над подготовкой которых в настоящее время работают палеографы и архивисты многих стран. Уже вышел в свет первый том, содержащий описание рукописей парижских библиотек[16]. Собрания западноевропейских средневековых рукописей, хранящиеся в СССР, настолько обширны и ценны, что отсутствие их каталогов во Всемирном сводном каталоге создало бы весьма ощутимые пробелы, а для советских палеографов затруднило бы их работу.

Наряду с каталогизацией, как нам представляется, следует приступить и к систематической публикации наиболее ценных частей наших собраний. В настоящее время стала особенно настоятельной публикация хранящихся в СССР архивных документов по истории Западной

[16] Catalogue des manuscrits en écriture latine. Par. Ch. Samaran et R. Marichal. T. I. Musée Condé et Bibliothèques Parisiennes. Paris. 1959.

Европы в средние века (вплоть до середины XVII в.). Как уже отмечалось, в наших архивных фондах сосредоточены огромные богатства: в них хранятся тысячи документов по истории различных стран Западной Европы в средние века (главным образом Франции, но также и Германии, скандинавских стран и др.), а кроме того, и по истории средневекового Востока. Эти документы чрезвычайно существенны для изучения важнейших исторических процессов и политических событий средневековой истории, и их издание необходимо для дальнейшего успешного развития исторической науки. Однако до сих пор остаются неопубликованными интереснейшие документы по истории Франции конца XV в. (около 200 писем), по истории религиозных войн в этой стране во второй половине XVI в. (около 3 тыс. писем, из них издана лишь небольшая часть), а также документы по истории Франции XII—XIII и XVII вв. и др. Отсутствие изданий этих документов создает пробел в изучении истории ряда стран и тем самым задерживает развитие исследований не только по истории средних веков, но и всей исторической науки.

Необходимо также исследовать историю латинского и греческого средневекового письма как одного из важнейших разделов истории культуры. В этой области перед палеографами стоят очень интересные задачи. Для советских исследователей первостепенную важность имеют те стороны палеографии, где она непосредственно смыкается с историей культуры и входит в нее составной частью. Наряду с печатью письмо является одним из мощных факторов развития культуры, служащих людям средством общения и запечатлевающих достижения человеческой мысли. Оно не может изучаться изолированно от жизни общества в целом. Именно поэтому палеография имеет более широкое значение, чем остальные вспомогательные дисциплины, и знакомство с нею насущно необходимо для историков. Установление связей между графической эволюцией письма и теми требованиями, которые предъявляются к нему на различных этапах жизни средневекового общества в результате развития школ, университетов, науки и литературы, деятельности многочисленных канцелярий и т. п., причины появления и распространения новых типов письма, накопление в данной области многих навыков, механически усваивавшихся последующими поколениями, постепенная демократизация и индивидуализация письма, установление основных этапов прогресса в развитии средневекового письма — вот далеко не полный перечень подобного рода задач. Необходимо подчеркнуть, что развитие теоретической стороны палеографии питает живительными соками и развитие палеографии как практической дисциплины, так как именно установление известных закономерностей в эволюции письма дает, например, обоснованные принципы для установления времени написания огромного числа недатированных рукописей, для локализации их происхождения и т. п., избавляет от излишнего субъективизма и от неуверенности при решении многих конкретных вопросов.

Наряду с теорией палеографии следует заняться и многими практическими темами: усовершенствованиями в технике письма, эволюцией букв, характером орудий письма и материалов и т. д. Надо тщательно изучить вопросы о составе средневековых рукописей для определения их целевого назначения, а также обратить внимание на оформление рукописей в зависимости от их содержания и назначения, что позволит выяснить требования, предъявлявшиеся разными слоями общества к труду писца и к оформлению книги и документа. Надо исследовать проблему возникновения и распространения разных типов средневекового письма (унциала, минускула, курсива и т. д.), уточнить основные принципы датировки недатированных рукописей и установления их происхождения. В этой связи важно изучать историю отдельных скриптори-

ев (мастерских письма). Надо продолжить работу по выявлению соскобленных и смытых текстов, поскольку архивные собрания СССР богаты палимпсестами. Необходимо также обратить особое внимание на изучение проблем связи славянской и греческой, греческой и латинской письменности, что даст возможность исследовать многие вопросы истории письма, в том числе и вопросы о времени происхождения славянской азбуки, о типе греческого письма, послужившего образцом при составлении славянского алфавита. Рукописные богатства, хранящиеся в СССР, могут послужить основой (с привлечением факсимильных и других изданий) при исследовании многих из перечисленных проблем.

Почти все сказанное относится и к другим вспомогательным дисциплинам (дипломатике, сфрагистике, нумизматике, эпиграфике и пр.), которые призваны служить как исследователям в области истории, филологии, искусствоведения, так и музейным и архивным работникам. Пренебрежение к этим дисциплинам может привести к досадным пробелам, а порой и ошибкам. Имеющиеся в нашей стране богатые собрания актов и печатей позволяют заниматься специальными вопросами дипломатики и сфрагистики западноевропейского средневековья, а ценные коллекции средневековых монет необходимы для изучения истории денежного обращения, финансов, обработки металлов и т. д.

В свете этих задач по каталогизации и публикации рукописей и работы в области палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин особенно бросается в глаза нетерпимое положение с подготовкой кадров, способных практически разрешить данные задачи. Подготовка архивистов-палеографов по истории феодализма Западной, Центральной, Юго-Восточной Европы и Византии фактически не ведется. Число специалистов такого рода, имеющихся в нашей стране, непрерывно уменьшается. Немногочисленные специалисты в области палеографии и других вспомогательных дисциплин принадлежат к старшему поколению советских историков и в большинстве случаев не имеют учеников, которым они могли бы передать свои знания. Молодые же историки, оканчивающие исторические факультеты, лишь в редких случаях обладают некоторой подготовкой для расшифровки и чтения греческих, латинских и западноевропейских средневековых рукописей. Кафедра классической филологии филологического факультета Московского университета готовит специалистов исключительно в области классических языков золотого периода греческой и римской литературы. Исторический же факультет МГУ, располагающий особой кафедрой древних языков, вообще не готовит специалистов-палеографов. Такое положение наблюдается и в других крупнейших университетах страны. Не лучше обстоит дело и в Институте истории АН СССР. Кроме того, подготовка, полученная в студенческие годы, может дать лишь некоторые, очень скромные навыки и самое общее знакомство с данной специальностью. Для овладения методами (и методикой) вспомогательных дисциплин необходима аспирантура. Однако практически она отсутствует. Нередки случаи, когда перед исследователями встают такие затруднения по чтению, датировке, локализации и определению памятников письменности, монет, гербов и т. д., в разрешении которых бессильны помочь справочные издания, а компетентных консультантов не имеется.

Между тем дальнейшее развитие советской исторической науки настоятельно требует от советских медиевистов большой и тщательной работы по исследованию и изданию богатейших рукописных фондов, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда и других городов СССР. Совершенно очевидно, что для исправления положения, сложившегося в области вспомогательных исторических дисциплин, следует принять срочные и действенные меры и в первую очередь путем подготовки квалифицированных специалистов-палеографов. По нашему мнению, не-

обходимо ввести через посредство Министерства высшего и среднего специального образования СССР в Московском и Ленинградском университетах (а также и в некоторых других высших учебных заведениях, где это возможно) особую специализацию по палеографии и другим вспомогательным историческим дисциплинам. Из числа студентов, оканчивающих ежегодно МГУ и ЛГУ по кафедре средневековой истории, следует готовить (начиная с III курса) специалистов по палеографии, причем в МГУ эта подготовка может производиться также и по кафедре древних языков, которая располагает квалифицированными преподавателями, являющимися одновременно и медиевистами и палеографами. Необходимо посредством аспирантуры готовить специалистов по греческой, латинской и западноевропейской средневековой палеографии в Институте истории АН СССР, а также в институтах истории республиканских академий наук. Прежде же всего следует срочно составить учебные пособия по греческой и латинской палеографии.

Для развития средневековой палеографии в нашей стране желательно наладить систематические научные связи крупнейших научных учреждений СССР, занимающихся греческой и латинской палеографией, с научными учреждениями зарубежных стран и практиковать с ними постоянный обмен микрофильмами и фотокопиями рукописей и специальной новейшей литературой по средневековой палеографии [17]. Очень полезным было бы также ознакомление с современным опытом в области палеографии и вспомогательных дисциплин, накопленным в странах народной демократии (ГДР, Чехословакия, Польша) и в капиталистических странах (Франция, Англия), где в университетах ведется большая исследовательская работа по этим проблемам. Заграничные научные командировки также дали бы много для подготовки и совершенствования специалистов.

Большие задачи стоят перед советскими медиевистами в области источниковедения и переиздания источников [18]. Это теснейшим образом связано с работой по каталогизации и публикации архивных материалов. Подготовка квалифицированных специалистов-палеографов невозможна без постоянного развития источниковедения истории средних веков. А широкое развитие источниковедения невозможно без публикации соответствующих источников. Научная публикация источников по медиевистике, как известно, производилась в течение XIX и XX столетий в различных странах. Многие из этих изданий имеются и в наших библиотеках, но лишь в весьма ограниченном количестве и, как правило, в единственном экземпляре, и притом почти исключительно в библиотеках Москвы, Ленинграда и еще двух-трех крупнейших университетских и научных центров страны. Это делает использование данных источников возможным лишь для узкого круга специалистов, проживающих в указанных центрах, и зачастую закрывает доступ к ним всем другим, так как единственные экземпляры по межбиблиотечному абонементу не выдаются. Таковы некоторые группы источников по социальной, политической, правовой и идеологической истории средневековой Европы (например, варварские правды, некоторые законодательные акты, важнейшие хроники и анналы, самые важные памятники, свидетельствующие о зарождении передовых идей в средние века, и т. д.).

Значительную работу по переизданию памятников средневековой истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы проводит Археографическая комиссия совместно с Институтами истории и славяноведения АН СССР. Начато издание многотомной серии славянских,

---

[17] О подобного рода учреждениях во Франции см. Н. А. Сидорова. Научная командировка в Париж. Сборник «Средние века». Вып. XVI. 1959.

[18] См. А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л. 1955, стр. 355—357.

византийских, венгерских, румынских и других источников под общей редакцией академика М. Н. Тихомирова. Вышли в свет уже два тома серии: «История» Феофилакта Симокатты и две византийские хроники X в. («Псамафийская хроника» и «Взятие Фессалоники» Иоанна Камениата). Вышел в свет и ценнейший средневековый источник эпохи так называемого великого переселения народов — «Гетика» готского историка VI в. Иордана[19]. Сданы в печать перевод и комментарий хроники византийского историка Льва Дьякона, содержащей интересные сведения по русско-византийским отношениям, и уникальный устав X в. византийских цехов (так называемая Книга эпарха). Подготовлены к печати издание гуситских хроник (совместно с чешскими учеными), а также хроника средневекового южнославянского хрониста Фомы Сплитского. Венгерский историк Э. Маюс и советские ученые подготавливают издание хроники средневекового венгерского писателя Яноша Туроци. Болгарский ученый И. С. Дуйчев готовит к печати Анонимную византийскую хронику IX в. «Scriptor incertus».

Иначе обстоит дело с переизданием источников по истории западноевропейского средневековья. В этой области уже много лет нет, по сути дела, никакого движения. А между тем потребность в таких источниках со стороны высших учебных заведений и широких масс советских учителей огромна. Эти источники должны издаваться на языке подлинника с параллельным русским переводом. Такого рода издания являлись бы результатом научной работы над текстом переводимых памятников и давали бы по возможности адекватное и научно обоснованное толкование их содержания. При этом разные группы источников должны издаваться различными сериями, и издание каждого памятника должно содержать необходимые научные комментарии. В каждую из этих серий следует включить полные тексты избранных памятников. Такими сериями могли бы быть:

а) Варварские правды, куда должны войти основные записи обычного права тех народов Западной Европы, которые ведут свое происхождение от древнегерманских племен, и в первую очередь — континентальные варварские правды Западной Европы VI — начала IX века. Предлагаемое издание варварских правд может иметь научное значение не только само по себе и не только в области медиевистики. Оно сможет принести пользу и в изучении ранних периодов истории СССР, так как даст ряд параллелей к Русской правде; кроме того, оно может оказаться полезным и при исследовании славянских памятников обычного права (Польской правды, статутов Винодола и Полицы, законника Стефана Душана и др.). Вместе с тем издание континентальных западноевропейских варварских правд сможет послужить важным стимулом для ознакомления широкого круга историков с процессом разложения общины и с ранним этапом феодализации в Западной Европе.

б) Серия избранных законодательных памятников. В нее могут войти разного рода законодательные памятники, относящиеся к разным периодам и различным странам Западной Европы: важнейшие капитулярии франкских королей и ордонансы французских королей; документы о деятельности Генеральных штатов; законы и ассизы английских королей и документы по истории возникновения английского парламента; аналогичные законодательные памятники по истории других стран Западной Европы (например, Германии, пиренейских и скандинавских государств и др.).

в) Серия нарративных памятников, в которую могут быть включены избранные хроники и анналы по истории разных стран Западной Европы. Наряду с нарративными источниками по истории франкского

---

[19] Иордан. Гетика. Перевод, вводная статья и комментарии Е. Ч. Скржинской. М. 1960.

государства, а затем Франции, Англии, Германии, Италии, Испании и др. в эту серию следует включить и аналогичные памятники по истории западных славян (например, хроники Мартина Галла, Козьмы Пражского, Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, Гельмольда и т. д.).

г) Избранные документы по истории средневековых городов (городские и цеховые статуты некоторых городов Италии, Франции, Германии и т. д.).

д) Избранные источники по истории средневековой идеологии и т. д.

Трудно переоценить то значение, которое будет иметь работа по изданию этих памятников для подготовки в СССР квалифицированных специалистов в области источниковедения истории средних веков, для повышения квалификации кадров, работающих не только в высших учебных заведениях, но и в многочисленных архивах нашей страны.

Таковы, на наш взгляд, основные задачи, стоящие перед советскими медиевистами и византинистами в области палеографии, источниковедения и других вспомогательных исторических дисциплин. Дальнейшее развитие советской медиевистики и советского византиноведения настойчиво требует скорейшего разрешения этих насущных задач.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА СКЛАДЫВАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА (XVII в.)

А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов

Проблема складывания всероссийского рынка выдвинута и разработана В. И. Лениным. Актуальность ее состоит в том, что она дает ключ к пониманию целой эпохи в истории нашей Родины. «Только новый период русской истории (примерно с 17 века),— писал В. И. Ленин,— характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных» [1]. Подчеркивая буржуазный характер процесса складывания внутреннего рынка, В. И. Ленин указывал: «Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность» [2].

В трудах В. И. Ленина намечены основные пути изучения проблемы складывания всероссийского рынка. Следуя ленинским указаниям, советские историки достигли серьезных успехов. Однако отдельные стороны проблемы изучены недостаточно, к исследованию других советская наука еще только приступает. Многолетняя научная разработка названной проблемы позволяет подвести некоторые итоги советской историографии в этом плане и наметить примерный круг вопросов, подлежащих дальнейшему изучению. Небезынтересно отметить, что редкое исследование, посвященное социально-экономической истории России в период позднего феодализма, в той или иной мере не касается проблемы формирования всероссийского рынка. Данная проблема нашла освещение и в таких фундаментальных обобщающих трудах, как «История Москвы», «Очерки истории СССР», учебник по истории СССР для высшей школы, «Всемирная история».

Настоящая статья хронологически ограничена XVII в., то есть начальной стадией процесса. При определении хронологических рамок работы авторы руководствовались ленинской характеристикой нового периода в русской истории, начинающегося примерно с XVII столетия. Цель статьи—на основе анализа имеющейся литературы подвести некоторые итоги изучения новых явлений и процессов, начинавших пробивать себе дорогу в экономике феодальной России XVII века. Авторы отнюдь не собираются провозглашать эру капитализма в XVII в., они сознают, что начальный этап складывания всероссийского рынка протекал в условиях полного господства феодальной формации, в условиях усиления крепостнических отношений во всей социально-экономической и общественной жизни страны.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137—138.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 15.

★

В. И. Ленин дал четкую формулировку общественного разделения труда как основы товарного производства и рынка. Из этого следует, что при исследовании проблемы возникновения и развития всероссийского рынка необходимо обратить самое серьезное внимание на состояние производства, в первую очередь товарного, и на протекавшие в нем процессы. Это позволит вскрыть внутренние пружины, приводившие в движение товарные массы в сфере обращения, и оценить складывание достаточно устойчивых рыночных связей, характерных для нового периода русской истории.

В. И. Ленин указывал, что законом всякого развивающегося товарного и тем более капиталистического хозяйства является рост торгово-промышленного населения за счет земледельческого и что «самым наглядным выражением рассматриваемого процесса является рост городов»[3]. В этом заключается важнейшее проявление роста общественного разделения труда. Исходя из данного положения, представляется целесообразным начать изложение с характеристики отделения города от деревни в условиях средневековой России, как оно вырисовывается на основании работ советских историков. В трудах Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, А. М. Сахарова, А. П. Пронштейна и других исследователей показано, что еще в период, предшествовавший складыванию всероссийского рынка, русский город являлся средоточием торгово-ремесленного населения. В работах, посвященных XVII в., раскрыт процесс углубления общественного разделения труда в новых исторических условиях и освещена роль ряда городских центров в экономической жизни страны. Монография П. П. Смирнова дала представление о количественном росте посадов и их населения к середине XVII века[4]. С торгово-промышленным населением городов все больше вынуждено было считаться правительство при осуществлении своей политики. Посад выдвигал требования, направленные против привилегированного феодального землевладения в городах, и добивался их удовлетворения.

Проследив динамику роста городов на Руси с 1462 по 1844 г., С. Г. Струмилин показал, что с середины XVI в. наблюдается ускоренный рост числа городов, резко отличающий этот период от предшествующего[5]. Увеличение городского населения в течение XVII в. советские историки связывают с медленным, но не прекращающимся отвлечением части сельских жителей (главным образом занимавшихся торгами и ремеслами крестьян) на посады. Одним из показателей устойчивости торгово-промышленных занятий горожан являлось отмеченное в литературе стремление посадских людей в случаях перемены места жительства селиться в более привычной обстановке города. В частности на это указывают изученные В. И. Шунковым материалы сыска 1639—1641 гг. в Новгороде и Пскове[6].

Русскому городу XVII в. (Тихвину) посвящено специальное исследование К. Н. Сербиной. В ее монографии показан процесс превращения монастырской слободки в крупный торгово-промышленный посад. К. Н. Сербина приходит к заключению, что на Тихвинском посаде происходило «постепенное исчезновение деревенских черт», а основная мас-

---

[3] См. там же, стр. 18—19, 45, 489.

[4] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба в первой половине XVII в. Тт. I—II. М.-Л. 1947—1948.

[5] С. Г. Струмилин. Экономическая природа первых русских мануфактур. «Вопросы истории», 1948, № 6, стр. 60.

[6] В. И. Шунков. Ремесло в Новгороде и Пскове по данным сыска 1639—1641 гг. «Исторические записки». Т. 5. 1940, стр. 103—104.

са жителей города уже оторвалась от занятия «землепашеством» и жила на покупном хлебе [7].

Торгово-промышленная жизнь Соли Камской изучена Н. В. Устюговым. Автор делает вывод, что на посаде Соли Камской и в окрестностях к исходу XVII в. создается промышленный центр с резко выраженной специализацией. Солеваренная промышленность оказывала глубокое воздействие на развитие посада [8].

В работе Л. В. Даниловой о втором по величине (после Москвы) городе тогдашней России — Ярославле —также указывается, что здесь неземледельческие занятия, безусловно, преобладали у жителей, причем «огородничество, садоводство и другие сельские промыслы имели второстепенное, подсобное значение» [9].

В недавно опубликованной книге А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова на примере городского центра Поморья XVII в. — Устюга Великого — показана достаточно высокая степень отделения города от деревни [10].

П. А. Колесников изучил другой поморский город — Тотьму [11]. Его выводы подтверждают социально-экономическую характеристику русского города XVII в., содержащуюся в исследованиях других советских историков.

В меньшей мере изучены города других районов России. Но и те немногочисленные работы, которые посвящены данному вопросу, отмечают существенные сдвиги в их экономике. В небольшой статье А. И. Воронкова о подмосковном городе Кашире было сделано интересное наблюдение: посадские люди в XVII в. почти совсем перестали заниматься земледелием, тогда как в предыдущем столетии сельскохозяйственные занятия играли видную роль в экономике города [12].

Касаясь истории поволжского города Васильсурска в XVII в., Н. А. Бакланова отметила ведущее значение торгов и промыслов в его экономике. Население довольно быстро увеличивалось за счет притока извне. Занятия земледелием, хотя и имели заметное распространение, носили все же подсобный характер [13].

Особые условия возникновения и развития городов существовали на южных границах Русского государства, где военная опасность со стороны кочевых соседей (в первую очередь крымских татар) была всегда острой. Преобладание военного элемента среди населения этих городов, слабость и малолюдность посадов, однако, не исключали того, что постепенно города-крепости превращались в центры торгово-промышленной деятельности, в которую вовлекалось и военное население. Данный вывод вытекает из работ А. А. Новосельского [14] и Е. В. Чистяковой [15].

---

[7] К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.-Л. 1951, стр. 307.

[8] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М. 1957, стр. 41—97, 144—201.

[9] Л. В. Данилова. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в. (По материалам Ярославля). «История СССР», 1957, № 3, стр. 90.

[10] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М. 1960, стр. 122—126, 655—656.

[11] П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII в. Вологда. 1957; его же. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. «История СССР», 1958, № 2, стр. 131—143.

[12] А. И. Воронков. Кашира в XVII в. «Московский край в его прошлом». Ч. I. М. 1928, стр. 35—46.

[13] Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Васильсурска в XVII в. «Исторические записки». Т. 40. 1952, стр. 283—287.

[14] А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М. 1948, стр. 293—307, 402—415.

[15] Е. В. Чистякова. Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине

Сходные явления можно наблюдать на Урале. Здесь город Кун-о, первоначальное население которого состояло из крестьян[16], за не-олько десятилетий с момента возникновения выдвигается в торгово-ромышленном отношении.

Что касается городов Сибири, то они с интересующей нас точки зре-я пока мало исследованы. Однако, судя по наблюдениям О. Н. Вил-ва, в число важных торгово-ремесленных центров выдвинулся То-льск[17]. Изучение торговли Нерчинска привело В. А. Александрова выводу о крупном значении этого города в качестве пункта обмена ссии с Китаем. Возрастал приток населения на Нерчинский посад[18]. енее заметно отделение торгово-промышленной деятельности от зем-дельческих занятий у населения Енисейска[19] и Красноярска[20]. пецифика сибирских посадов для XVII в. заключалась в их относи-льной экономической слабости, причины которой крылись в ряде фак-ров. Трудности поселения в далеком крае, сильная конкуренция бо-е развитых в промышленном отношении городов Европейской Рос-и, необходимость (там, где возможно) обращаться к земледелию ввиу острой нужды в хлебе — все это сказывалось на посадах Сибири, держивая их превращение в города (в социально-экономическом ысле слова).

Как показывают исследования советских историков, на протяжении VII в. заметными темпами шло превращение ряда сельских населенных нктов в значительные торгово-промышленные центры, которые в со-ально-экономическом отношении становились типичными городами, тя формально не числились таковыми. Наиболее ярко эти явления ска-лись на развитии двух сел — Лыскова и Мурашкина, принадлежавших ярину Б. И. Морозову, что отмечал В. Г. Гейман[21]. К XVII в. относится чало возвышения села Павлова в том же Нижегородском крае, ко-рое со временем стало знаменито своей сталеслесарной промышлен-стью. Не случайно В. И. Ленин обратил внимание на историю Павлова отметил, ссылаясь на данные писцовой книги 1621 г., что «происхожде-е этих промыслов очень древнее...»[22]. Промышленный рост села Пав-ва прослежен в работах С. И. Архангельского[23]. Наблюдения Н. Щепетова говорят о том, что уже в XVII в. село Иваново, Суздаль-ого уезда, находившееся во владении князей Черкасских, приобрело лик торгово-промышленного пункта. Лишь незначительная часть на-ления занималась сельским хозяйством. Главное внимание большин-ва жителей было сосредоточено на торговле и промыслах[24].

VII в. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. XXV. 1954, . 46—62; ее же. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г. Воронеж. 53.

[16] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—чале XVIII в. М. 1956, стр. 46—47 и др.

[17] О. Н. Вилков. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в. «История ССР». 1958, № 1, стр. 105—124.

[18] В. А. Александров. Русско-китайская торговля и Нерчинский торг в конце VII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». борник статей. М. 1958, стр. 422—464.

[19] А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его ачение для снабжения Восточной Сибири хлебом. «Труды» Московского государвенного историко-архивного института. Т. 10. 1958, стр. 115—134.

[20] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. IV. М. 1959, стр. 86—89.

[21] В. Г. Гейман. Боярин Б. И. Морозов и крупнейшие его вотчинные села урашкино и Лысково, Нижегородского уезда. «Хозяйство крупного феодала-крестника XVII в. Хозяйство боярина Б. И. Морозова». Ч. II. М.-Л. 1936, стр. 15—43.

[22] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 363.

[23] С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата ижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький. 1950, стр. 44.

[24] К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьян-ва в вотчинах Черкасских в XVII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в оссии (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей. М. 1958, стр. 53—72.

Безусловно, в России XVII в. подавляющее большинство насе ния занималось сельским хозяйством. Горожане составляли незна тельный процент населения страны. Даже часть посадского насе ния не оставляла земледельческих и животноводческих занятий. И же, исходя из данных литературы, можно сделать вывод, что в XVII процесс отделения города от деревни продолжал прогрессировать. род приобретал более отчетливую окраску как центр торгово-промы ленной жизни определенного района. Выдвигались новые поселения родского типа. Перед историками стоит задача продолжить конкрет исторические исследования о городах России XVII в., в частности и чить историю западных и северо-западных городов (Смолен Псков, Новгород и др.), волжских (Кострома, Нижний Новгород, И зань, Астрахань), южных городов, а также сибирских посадов в пла их развития как торгово-промышленных центров.

Необходимо дальнейшее изучение территориального разделен труда в XVII веке.

Н. Л. Рубинштейн в специальной работе высказал мнение, территориальное разделение труда и выделение экономических райо в России наметилось лишь со второй половины XVIII века. По его м нию, выделение таких районов применительно к XVII в. «имело сугу ограниченный и преходящий характер и принципиально отличало от экономического районирования в собственном смысле слова»[25].

Безусловно, ряд экономических районов, определившихся в XVII впоследствии не сохранился. И это понятно, так как в течение XVII первой половины XIX в. продолжался рост территории России, в х зяйственный оборот вовлекались новые обширные области, отлича шиеся к тому же большим разнообразием естественных услови Выдвигались новые центры, приходили в упадок некоторые стар (например, в русском Поморье). Однако следует иметь в виду, что фо мирование всероссийского рынка, имевшего базой развивавшееся това ное производство, происходило в России на основе роста общественно разделения труда, которое не может рассматриваться только как ес ственно-географическое.

Приведенный Н. Л. Рубинштейном для подтверждения его мысл пример с железоделательным производством в Устюжском районе подкрепляет, а, напротив, серьезно колеблет точку зрения автора. Де ствительно, развивавшаяся металлургия Устюга Великого второй по вины XVII в. базировалась не на местном, а на привозном (в т числе заграничном) сырье[26]. Если взять кожевенную промышленно Ярославля и Казани XVII в., то можно также убедиться, что эти цент стягивали к себе сырье из многих районов страны, даже из таких от ленных, как Урал[27]. Известно существование производственных свя тихвинской и устюженской металлургии, возникавших на основе ро разделения труда и конкурентной борьбы на рынке[28]. Следователь уже в XVII в. некоторые отрасли русской промышленности базировали не на местном, а на привозном сырье.

Наконец, не вполне прав Н. Л. Рубинштейн, полагая, что наметившиеся в XVII в. экономические районы имели «преходящий характе Важные предпосылки территориального разделения труда, как сви тельствует монография С. В. Бахрушина, обнаружились уже в кон

---

[25] Н. Л. Рубинштейн. Территориальное разделение труда и развитие в российского рынка. «Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб ник статей памяти акад. А. М. Панкратовой». М. 1958, стр. 88—100.

[26] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 403—404, 660.

[27] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Ура в XVII — начале XVIII в., стр. 152—153; Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 91—

[28] К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 143.

VI века[29]. В XVII в., согласно данным ряда исследователей, по мере азвития всероссийских рыночных связей углублялось общественное азделение труда и выявлялись более отчетливые признаки эконо-ического районирования[30] Ведущее положение центральных райо-ов в области промышленного развития страны, которое стало заметно XVII в., сохранилось и в эпоху развитого капитализма. В. И. Ленин одчеркивал, что центральные местности страны обладают «вековой ромышленной культурой...»[31]. К XVII в. следует отнести и начало вы-еления сельскохозяйственных областей на южной окраине Русского осударства. Еще Ю. В. Готье обратил внимание на то, что география аспространения барщины и оброка, характеризовавшаяся господ-твом оброка в местностях, расположенных к северо-востоку и отчасти северу от Москвы, в общих чертах сохранялась и в XVIII — первой оловине XIX века[32]. Технические культуры (лен, конопля) в нема-ой мере определили в XVII в. профиль северо-западных районов Новгородско-Псковско-Смоленского края). Таким образом, вполне ус-йчивые черты территориального разделения труда, получившие свое азвитие в более позднее время, в период капитализма, обнаружились в кономике России не позже XVII века.

В. И. Ленин показал, что при изучении рынка необходимо исходить первую очередь из исследования производства, хозяйства. Он от-ечал: «Внутренний рынок появляется, когда появляется товарное хо-яйство; он создается развитием этого товарного хозяйства...»[33]. По-тому изучение всероссийского рынка следует начинать с исследования азвития товарного производства в связи с генезисом капиталистических тношений. Рассмотрим товарное производство в области промышлен-рсти. В связи с этим следует остановиться на следующих вопро-ах: 1) переход от работы на заказ к работе на рынок в мелкой про ышленности посада; 2) свертывание феодальных категорий ремесла бслуживающего казенные и дворцовые нужды; 3) развитие специали ации в городской промышленности; 4) рост товарности сельского ре есла и крестьянских неземледельческих промыслов; 5) деятельности купщиков; 6) укрупнение мелкого товарного производства на посаде возникновение мануфактур; 8) предпринимательство крупных феода-ов в промышленности; 9) применение вольнонаемного труда в промыш-енном производстве феодального хозяйства, на мануфактуре и в посад-кой промышленности.

Состояние ремесла и мелкого товарного производства в Русском го-ударстве XVII в. явилось предметом исследования Н. В. Устюгова. Ав-р пришел к выводу, что русские ремесленники работали и на заказ на рынок, причем товарное производство значительно усилилось во орой половине и особенно к концу столетия[34]. Переход от работы на аказ к работе на рынок рассмотрен по отдельным категориям реме-ла (казенное, дворцовое, записное, посадское, или тяглое). К сожале-ию, вотчинное ремесло в хозяйстве светских и духовных феодалов не олучило освещения в статье. Основное внимание Н. В. Устюгов уде-

---

[29] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I. М. 1952, стр. 55—106.

[30] См. Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском осударстве XVII в. «Исторические записки». Т. 34. 1950, стр. 166—197.

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 292.

[32] Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории ономического быта Московской Руси. Второе издание. М. 1937, стр. 352.

[33] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 47.

[34] Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском госу-арстве XVII в., стр. 197; см. также написанные Н. В. Устюгозым разделы в кол-ктивных трудах Института истории Академии наук СССР: «История Москвы». I. М. 1952, стр. 366—394; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», 1955, стр. 57—87.

лил посадскому ремеслу, в котором переход к работе на рынок проявлялся наиболее ярко. Указанный процесс протекал неодинаково в различных отраслях производства: в одних более отчетливо (металлургия и металлообработка, переработка растительного и животного сырья), в других — менее (деревообработка).

В монографии К. Н. Сербиной также рассмотрены некоторые общие вопросы развития ремесла и мелкого товарного производства в русском городе XVII века. Как установила К. Н. Сербина, тихвинских ремесленников можно разбить на три группы: 1) работавшие по заказу потребителя (овчинники, портные и др.), 2) товаропроизводители (кузнецы, шапочники и др.), 3) работавшие и на заказ и на рынок (сапожники, кожевники и др.). Изделия ремесленников второй группы поступали на многие рынки страны и шли за границу. Из среды этих ремесленников вышли скупщики, оттеснившие производителей от рынка. Именно в этих отраслях эксплуатировался наемный труд[35].

По наблюдениям Л. В. Даниловой над развитием мелкой промышленности Ярославля во второй половине XVII в., основные отрасли ее уже характеризовались преобладанием мелкого товарного производства. Относительно ведущей отрасли — кожевенной — автор замечает, что в ней новой чертой является уже не переход от работы на заказ к работе на рынок, а расширение товарного производства[36].

Результаты изучения мелкой промышленности Тихвина, Кунгура, Ярославля, Устюга Великого позволяют предположить, что во второй половине XVII века преобладание мелкого товарного производства было свойственно развитым отраслям промышленности многих русских посадов.

В XVII в. под влиянием изменений в экономике страны в связи с переходом непосредственных производителей к работе на рынок происходят резкие перемены в отдельных категориях ремесла. Отмеченные М. Н. Тихомировым[37] и С. В. Бахрушиным[38] признаки постепенного упадка феодального ремесла еще во второй половине XVI в. значительно усилились в XVII столетии. Если посадское, или тяглое, ремесло становилось господствующим в хозяйстве страны, то феодальные категории ремесла (казенное, дворцовое, записное) свертывались. Истории записного ремесла посвящена книга А. Н. Сперанского[39]. Наибольший интерес представляют выводы автора относительно комплектования и положения кадров «записных» ремесленников на протяжении указанного времени. В книге показано, что в течение столетия серьезным образом изменялся статус «записных» ремесленников. Если в начале XVII в. правительство прибегло к созданию этой особой категории казенных специалистов, наделив ее некоторыми льготами и обособив от прочей посадской массы, то во второй половине века оно вынуждено было все чаще отступать от укоренившейся практики. Вместо отбывания возложенных на них повинностей натурой каменщики, кирпичники и другие специалисты переводились на денежный оброк. А. Н. Сперанский отметил широкое вовлечение «записных» ремесленников в торгово-промышленную деятельность. Некоторые «записные» становились самостоятельными предпринимателями, большинство же разорялось, будучи не в силах выполнять возраставшие повинности, и переходило на положение нищих или наемных работников. А. Н. Сперанский указывает на факт развития рынка труда в строительной промышленности. Это

[35] К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 173—179.
[36] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр 107, 110.
[37] М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в. «Исторические записки». Т. 3. 1938, стр. 150—152.
[38] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I, стр. 26—29.
[39] А. Н. Сперанский. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М. 1930.

азывалось на организации работ, которые во второй половине столе-
я, как правило, велись подрядным способом.

Книга А. Л. Якобсона показывает аналогичные изменения, про-
кодившие среди дворцовых ремесленников[40]. Автор проследил, как са-
развитие хамовного производства постепенно уничтожало феодаль-
е рамки, в которых оно возникло. Хамовное тягло в виде натураль-
х поставок с определенного земельного участка к исходу XVII в.
рерастало в денежный оброк. Изменились и формы оплаты: вместо
дового хлебного и денежного жалованья для «сиделых» ткачей вво-
лся «поденный корм». Отмечалось также усиление эксплуатации
орцовых текстильщиков. Втягивание хамовников в торгово-промышлен-
ю деятельность и рост эксплуатации приводили к разрушению кор-
рации, к выделению зажиточного слоя и бездворных работников. Раз-
вался процесс «размывания» этой сословной группы и за счет но-
приходцев — «гулящих людей».

Состояние художественных производств (серебряного дела и др.)
илось предметом исследований В. И. Троицкого[41]. Автор констати-
ет, что московские серебряники, находившиеся на казенной службе,
к правило, были малообеспеченными людьми, хотя и получали «госу-
рево жалованье». Им приходилось порой обращаться к работе на
стного заказчика и на рынок. Вместе с тем из среды серебряников вы-
лились разбогатевшие мастера, которые брали подряды на поставку
одукции, расширяли свое производство.

Для понимания причин роста товарного производства промыш-
нных изделий, расширения рынка сбыта последних весьма важно
смотреть вопрос об углублении специализации промышленного труда
течение XVII века. Для предыдущего периода (вторая половина
VI — начало XVII в.), изученного с этой точки зрения С. В. Бахру-
ным, уже было характерно наличие относительно высокой дробно-
и ремесленных специальностей[42]. В XVII в. данный процесс за-
гно прогрессировал, появлялись новые специальности, более резко
ступало отделение операций по добыче сырья и его переработке. Не-
лая роль в этом принадлежала укреплению рыночных связей.
Н. Сербина отмечает постепенное разделение добывающей и обра-
тывающей промышленности в железоделательном производстве.
ли в начале века кузнецы сами выполняли весь цикл работ от копки
ды до изготовления продукции включительно, то со временем поло-
ние изменилось. Кузнецы переходили к работе на привозном полу-
брикате. На посаде вследствие этого исчезли домницы и профессия
ричных, или доменных, мастеров». Кузнечное дело получало более чет-
о специализацию и в основном сосредоточивалось на выработке ук-
да[43]. К. Н. Сербина устанавливает несомненные производственные
зи тихвинского и устюженского железоделательного производства.

Дробность специализации в области металлообработки, кожевен-
о дела и других видов ремесла отмечена также в отношении круп-
шего центра ремесла и мелкого товарного производства — Моск-
. Наблюдения М. В. Довнар-Запольского подтверждены и продол-
ны в работе Д. И. Тверской. В Москве второй половины XVII в. автор
читывает 259 ремесленных специальностей, не включая печатников,
нетных мастеров и тяглецов-хамовников, которых можно рассматри-
ть в качестве частичных рабочих мануфактуры. Правда, Д. И. Твер-

---

[40] А. Л. Якобсон. Ткацкие слободы и села в XVII веке (Кадашево, Хамов-
ки, Брейтово, Черкасово). М.-Л. 1934.

[41] В. И. Троицкий. Организация золотого и серебряного дела в Москве в
II в. «Исторические записки». Т. 12. 1941, стр. 117, 120—124.

[42] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I, стр. 29—32.

[43] К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 96—97, 141.

ская ограничивает свой вывод оговоркой, что «специализация в это период все же еще не была вполне устойчивой» [44]. Приводимый автор материал, однако, скорее говорит о незавершенности процесса специализации, когда совмещение профессий не было редкостью.

В мелкой промышленности другого крупного центра страны — Ярославля — Л. В. Данилова насчитала для второй половины XVII — начала XVIII в. 218 ремесленных профессий, что указывает на наличие «детальных» рабочих как одного из необходимых условий зарождения более высоких форм промышленного развития [45].

Значительная дробность ремесленных специальностей, правда, менее резко выраженная, чем в Москве и Ярославле, отмечена исследователями для Пскова [46] и Устюга Великого [47] — свыше 50 профессий. В районах будущего крупного текстильного производства среди ремесленников в XVII в. также обозначалась высокая степень специализации труда, подготовлявшая предпосылки для мануфактуры (дворцовые слободы в Москве и Ярославском уезде, Кинешма, Кострома и др.) [48].

Выше уже шла речь о том, что в XVII в. немало сел и деревень в результате развития промышленного производства, по сути дела, приобрело и приобретало значение городских центров. Процесс перехода от работы на заказ к работе на рынок протекал не только в городе, но и в сельском ремесле, особенно в области выплавки металла и его обработки, судостроения и др. [49]. Обращает на себя внимание довольно далеко зашедшая ремесленная специализация в некоторых сельских местностях, принадлежавших, например, боярину Н. И. Романову (даже неполный перечень позволяет установить до 30 профессий в селах близ Калуги, Твери и Москвы) [50]. В селе Лыскове отмечено 32 ремесленных специальности [51].

Широкое распространение домашней промышленности в конце XIX в., указывал В. И. Ленин, было свойственно только захолустным местностям. В XVII в. домашние промыслы, составляющие необходимую принадлежность натурального хозяйства крестьян, очевидно, бытовали повсеместно.

Однако в ряде мест, особенно в северных и северо-западных районах, неземледельческие промыслы крестьян были довольно прочно связаны с рынком. Важно подчеркнуть, что неземледельческие занятия сельского населения получали распространение не только в районах, где природно-климатические условия были неблагоприятными для хлебопашества. В Псковском, Новгородском, Ржевском, Ярославском, Ростовском, Костромском, Нижегородском, Вологодском, Смоленском, Калужском, Дорогобужском, Вяземском, Старорусском и других уездах на переработке льна и конопли специализировалось крестьянское население. В первую очередь изделия из этих технических культур шли на

---

[44] Д. И. Тверская. Москва второй половины XVII столетия как центр складывающегося всероссийского рынка. М. 1959, стр. 27.

[45] Л. В. Данилова. Указ. соч. Исправленный перечень профессий см. «История СССР», 1957, № 5.

[46] В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 102—117.

[47] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 491.

[48] А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 45—49, 110; Е. Ф. Дюбюк. Обрабатывающая промышленность Костромского края в ее прошлом. Кострома. 1924.

[49] Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в., стр. 177—178, 182—183; К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 89—90; Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М. 1959, стр. 110—11; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 207—211.

[50] Е. И. Заозерская. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII века. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сборник IV. М. 1960, стр. 42—43.

[51] С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 44—46.

жды крестьянской семьи, однако при посредстве скупщиков промыслы е более связывались с рынком и к концу XVII столетия в значительй мере превратились в товарное производство. По всей стране была спространена выработка сукна сельским населением[52]. Изделия из на, конопли и шерсти в ряде районов (Поморье, Верхнее Поволжье, ковский и Смоленский уезды), поступая на местные рынки, отсюда возились в другие районы страны и за границу. Особенно много торов закупалось торговыми людьми для отправки в Сибирь. Сибирский сортимент был весьма разнообразен: в него входили ткани, одежда, едметы охоты и рыболовства[53]. В лесных местностях был развит ревообрабатывающий промысел. Довольно прочно был связан с нком пушной промысел.

Под воздействием рыночного спроса в крестьянских промыслах натилась некоторая специализация. Так, крестьяне вотчин князей ркасских в Суздальском уезде, по свидетельствам документов, занились «холщевым промыслом»[54]. Крестьяне Ветлужских станов Гацкого уезда продавали в Устюге Великом изделия, необходимые для ных перевозок по Сухоно-Двинскому водному пути (рогожи, кули). ким образом, рыночные связи в ряде случаев переставали быть слуйными. Среди скупщиков изделий крестьянских промыслов фигурироли не только посадские люди, но и представители крестьянской рхушки.

В целом промыслы XVII в. изучены недостаточно, особенно в хойстве крепостных крестьян центральных областей.

Конкретное изучение роли торгового капитала в экономической изни России XVII в. показало необходимость выявления роли скупщи- в области как промышленного, так и сельскохозяйственного проводства. Скупщик, вызванный к жизни в процессе формирования всессийского рынка, постепенно стал подчинять своему влиянию непоедственного производителя города и деревни. Скупка предметов прошленного труда осуществлялась в XVII в. торговыми людьми, а кже разбогатевшими посадскими ремесленниками, оставлявшими свои нятия и переходившими нередко исключительно к торговой деятельсти. Несомненные следы крупных скупщических операций сохранили ученные советскими историками материалы Тихвина, Устюга Великого, ославля, Новгорода, Пскова, Кунгура и др. Скупка ремесленных делий на местных рынках выросла в XVII в. настолько заметно, что посредственные производители практически уже не могли участвоть в межобластном обмене, который все более переходил в руки торвцев-оптовиков. Посредством скупщических операций создавались знаельные товарные массы, обращавшиеся на рынке.

Проникновение скупщика в область производства сказывалось и в кой форме, как размещение торговыми людьми крупных заказов среди саадских ремесленников. В Устюге Великом в 50—70-х годах XVII в. стные кузнецы выполняли заказы на поставку крупных партий гвозй, скоб, замков, топоров, ножниц и других изделий из металла заказков[55].

К началу XVIII в. часть ярославских и кунгурских кожевников рагала на скупщиков, среди которых, возможно, уже находились орга-

---

[52] Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском госуестве XVII в., стр. 185—189, 195—196.

[53] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 1. М. 1955, стр. 237, 243, 245; В. Базилевич. Таможенные книги как источник экономической истории России. роблемы источниковедения». Сборник I. М.-Л. 1933, стр. 120—121; И. С. Макаров. постные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в. «Исторические иски». Т. I. 1937, стр. 204; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., . 205—212, 304—307, 570—574.

[54] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 55—56.

[55] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 411—413, 635, 661 и др.

низаторы работы на дому[56]. К. Н. Сербина отмечает, что в Тихви скупщики отрезали местных кузнецов-товаропроизводителей от рынк монополизировав сбыт металлических изделий[57].

Деятельность скупщика является показателем серьезных перемен только в области обмена, но и в производстве. Теснее связывая пр мышленность с рынком, торговый капитал начинал эксплуатировать н посредственных производителей. Однако в XVII в. непосредственн вторжение скупщика в мелкую промышленность наблюдалось еще ре ко. Лишь создавались предпосылки, позволявшие в дальнейшем то говому капиталу выступить в роли организатора рассеянной м нуфактуры.

Одна из тенденций развития мелкого товарного производства с стоит в его укрупнении и в расширении применения наемного труд К настоящему времени в советской литературе накоплен некоторый м териал по этому вопросу. В Нижнем Новгороде и в Устюге Великом с мечено появление на почве мелкого товарного производства и скупш ческих операций довольно значительных мастерских в винокуренно кожевенной, мыловаренной, салотопенной и других отраслях посадск промышленности[58]. Кожевенные «дворы» и «заводы» как предприяти перерастающие рамки мелкого товарного производства, выявлены материалам Среднего Поволжья[59], Костромы[60], Пскова[61], Яросла ля[62] и других мест. То же следует сказать относительно винокуренн предприятий в Среднем Поволжье и в других районах страны. Проце укрупнения солеваренного производства Соли Камской и Балахны, ра вивавшийся на базе мелких промыслов, прослежен на протяжен конца XVI — начала XVIII века[63]. На рыбных и соляных промысл в низовьях Волги в XVII в. господствующие позиции стало занима крупное производство, организованное гостями, разбогатевшими г садскими людьми и крестьянами[64]. Укрупнению мелкого товарно производства способствовало распространение подрядных и откупн операций, особенно к концу XVII века. Выше говорилось, что в стро тельном деле второй половины XVII в. подрядный способ становил ведущим. Та же линия видна в производстве кирпича, где возника укрупненные частные предприятия[65], в судостроении[66] и др.

Необходимо продолжить изучение мелкого товарного производст

---

[56] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 92—99; А. А. Преображенск Очерки колонизации западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 177—178.

[57] К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 142.

[58] Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х год XVII в. «Ученые записки» Института истории РАНИИОН. Т. 5. М. 1929, стр. 3 А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 491—492 и др.

[59] Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволж на рубеже XVII—XVIII вв. «Петр Великий». Сборник статей. I. М. 1947, стр. 225—2 Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во втор половине XVII в., стр. 96—123.

[60] Е. Ф. Дюбюк. Указ. соч., стр. 1—3.

[61] Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в. «Исторические писки». Т. 34. 1950, стр. 200.

[62] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 93—97.

[63] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII стр. 134—143; С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 29—30.

[64] И. В. Степанов. Организация соляных промыслов в низовьях реки Во в XVII в. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Се исторических наук. Вып. 8. 1941, стр. 146—156; его же. Хозяйственная деятельно московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке. «Ученые записки» Лен градского государственного университета. Серия исторических наук. Вып. 5. 19 стр. 97—108.

[65] Н. В. Воронов. Документ о кирпичном производстве в XVII—XVIII «Материалы по истории СССР». Т. V. М. 1957, стр. 10—11.

[66] Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых второй половине XVII в., стр. 111.

отдельным районам и отраслям с целью выяснения закономерностей о развития на территории всей страны.

Закономерным этапом развития производительных сил в России VII в. было возникновение мануфактурной промышленности.

Советская историография сделала немало для выяснения первых агов крупного производства в различных отраслях народного хозяйства России. Согласно последним данным, Россия XVIII в. унаследовала предшествующего столетия около трех десятков мануфактурных едприятий, не считая тех, которые прекратили свою деятельность ра- е начала XVIII века[67]. Б. Б. Кафенгаузом высказано мнение, что чало мануфактурного периода в истории России надо датировать VII столетием[68].

Мануфактуры в области черной металлургии явились предметом ссмотрения ряда советских исследователей. Звенигородские желе- делательные заводы изучались Н. А. Баклановой[69], первые в Рос- и доменные чугунолитейные и железоделательные заводы Тульско- ширского края — И. В. Чекан[70], Н. Б. Баклановым, В. В. Мавроди- м и И. И. Смирновым[71], подмосковные стеклоделательные предприя- я — Н. А. Баклановой[72]; поташное производство в Поволжье — И. Архангельским[73], А. А. Гераклитовым[74], а также исследова- ниями, которые касались крупного вотчинного хозяйства Б. И. Моро- ва,— В. Г. Гейманом[75], П. Ф. Бакановым[76]; возникновение и деятель- сть первых кожевенных и суконных мануфактур — Г. А. Новицким[77]. зличные стороны хозяйственной (в том числе относящейся к про- мышленности) деятельности Алексея Михайловича в рамках цар- ого хозяйства нашли место в книге А. И. Заозерского[78].

Добывающая промышленность XVII в. (солеварение) стала пред- етом изучения А. А. Савича. В его книге о Соловецкой вотчине рас- отрено состояние солеваренного дела во владениях богатейшего верного монастыря[79]. В. Г. Гейман дал очерк солеваренных промыс- в гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде[80]; С. В. Бахрушин—

---

[67] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 87—113.

[68] Б. Б. Кафенгауз. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России. опросы генезиса капитализма в России». Сборник статей. Л. 1960, стр. 7.

[69] Н. А. Бакланова. Звенигородские железные заводы в XVII в. «Московский ай в его прошлом». Ч. 2. М. 1930, стр. 89—101.

[70] И. Чекан. Тульские и каширские железные заводы XVII в. «Очерки по тории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII в.». М. 1928, . 143—162.

[71] Н. Б. Бакланов, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов. Тульские и ширские заводы в XVII в. М. 1934.

[72] Н. А. Бакланова. Стеклянные заводы в Московском государстве XVII в. черки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII в.». 1928, стр. 119—141.

[73] С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 48—59.

[74] А. А. Гераклитов. Арзамасская мордва. М. 1930.

[75] В. Г. Гейман. О хозяйстве боярина Б. И. Морозова. «Хозяйство крупного одала-крепостника XVII в.». Ч. I. Л. 1933, стр. 41—42.

[76] П. Ф. Баканов. Товарное производство в феодальной вотчине XVII века. опросы истории», 1953, № 5, стр. 94—102.

[77] Г. А. Новицкий. Из истории насаждения суконных фабрик в XVII веке. руд в России». № 2. Л. 1924, стр. 19—31; его же. Первые московские мануфак- ры XVII в. по обработке кожи. «Московский край в его прошлом». М. 1929, . 47—60.

[78] А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII века. Из истории хозяйственной приказной политики царя Алексея Михайловича. М. 1937. Второе издание, . 125—146.

[79] А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. (Опыт изучения хозяйства социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь. 1927, . 93—133.

[80] В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде XVII в. (Материалы по истории русской промышленности). «Летопись занятий хеографической комиссии за 1927—1928 годы». Вып. 35. Л. 1929, стр. 11—38.

гостя Н. А. Светешникова [81]. Балахнинская солеваренная промышлен-ность изучалась С. И. Архангельским [82], солеварение Соли Камской и ее уезда — Н. В. Устюговым [83].

Настоящая статья не ставит перед собой цель раскрыть тему о ма-нуфактуре XVII в. во всем ее многообразии. Однако необходимо рас-смотреть вопрос о мануфактуре в связи с охарактеризованными выш процессами развития мелкого товарного производства.

Географическое размещение первых русских мануфактур показы-вает, что, как правило, они возникали в районах, где уровень мелкого товарного производства был достаточно высоким. В качестве пример можно сослаться на Тульские, Каширские и Олонецкие заводы. Они воз-никли в местности, где добыча и обработка металла, кузнечное дело еще до постройки заводов имели значительное распространение и были свя-заны с рынком. Еще более разительным является пример с предприя-тиями Н. Демидова — впоследствии самого видного уральского завод-чика. «Мужицкие» заводы Урала XVII в. (то есть мелкие металлурги-ческие заведения, работавшие на рынок) в известной степени подгото-вили почву для последующего роста здесь горнометаллургической мануфактуры [84]. Развитие ткацкого дела в Москве и Ярославле открыл дорогу текстильным мануфактурам. То же следует сказать о местностях которые впоследствии определились как видные текстильные центр (Иваново, Кинешма и др.) В XVII в. производство холста в Иваново приобрело товарный характер [85]. Английские коммерсанты, владельцы крупного канатного производства в Вологде, во второй четверти XVII значительно расширили выработку канатов по сравнению с XVI веком. Этому, несомненно, благоприятствовало дальнейшее развитие мелкого товарного производства пеньки в крестьянских хозяйствах прилегающих к Вологде районов. Крестьяне продавали на вологодский канатный двор пеньку как в непереработанном, так и в пряденом виде. На вологодском «канатном дворе» было занято не менее 400 наемных русских работников. Канатный двор еще бо́льших размеров существовал в Ар-хангельске. Другой двор действовал в Холмогорах [86]. Кожевенная про-мышленность с. Богородского, Горбатовского уезда, Нижегородской губернии [87], на которую обратил внимание В. И. Ленин, своими корнями уходит в XVII столетие [88]. Именно к XVII в. восходит знаменитый мо-витинский шапочный промысел [89], названный В. И. Лениным типичной капиталистической мануфактурой [90].

Что касается основных выводов, к которым пришли исследователи мануфактуры, то кратко они сводятся к следующему. Точка зрения о яко-бы «искусственном» возникновении мануфактур в России признана не-состоятельной. Первые русские мануфактуры в ряде случаев возникали как предприятия капиталистического типа (заводы иностранцев и торговых людей), применявшие наемный труд и связанные с «вольным» рынком. Для горнометаллургической промышленности эта мысль наиболее

---

[81] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. II. М. 1954, стр. 231—247.

[82] С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 27—34.

[83] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII

[84] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Т. I. М.-Л. 1949, стр. 45—51.

[85] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 56.

[86] Э. П. Телегина. К вопросу о торгово-предпринимательской деятельности англичан в России в 30—40-е годы XVII в. «Ученые записки» Благовещенского государственного педагогического института имени М. И. Калинина. Т. IX. Историко-филологический факультет. Благовещенск. 1958, стр. 232—234.

[87] В. П. Шеломаев. Кожевенная промышленность Нижегородской области. Исторический очерк и перспективы. Богородск. 1928.

[88] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 352.

[89] Е. Ф. Дюбюк. Указ. соч., стр. 1—3.

[90] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 344.

отчетливо выражена С. Г. Струмилиным [91], для соляной — В. Г. Гейом [92] и Н. В. Устюговым [93]. Вместе с тем в XVII в. обозначи- тенденция к обеспечению мануфактуры принудительной рабочей ой, в чем сказывалось воздействие господствовавших феодально-остнических отношений на новые явления в промышленности. умеется, не следует переоценивать удельного веса мануфак- ы в экономике России XVII века. Главное место по-прежнему при- лежало домашней промышленности, ремеслу и мелкому товарному изводству.

Совершенно очевидно, что необходимо продолжить конкретно-исто- еские исследования по истории первых русских мануфактур, а так- укрупненных мастерских. Заслуживают большего внимания такие еходные от мелкого товарного производства к мануфактуре формы мышленных предприятий, как «рудни» в металлургии, исследован- пока что лишь на территории Левобережной Украины и Смолен- ы [94]. Интересен и требует выяснения вопрос о генетической связи ду тогдашними мануфактурами и торгово-промышленной деятель- ью остающегося за ее бортом окрестного населения.

Крупная мануфактурная промышленность XVII в. создавалась в ви- частных и казенных предприятий. К исходу XVII в. наметилась образная линия размежевания круга производств, в которых преоб- ли казенные или частные мануфактуры. Казна по преимуществу осо- внимание уделяла предприятиям обрабатывающей промышленно- (текстильное и кожевенное производства). Но и в этих отраслях доля ного капитала была достаточно заметной. Наибольший удельный частного капитала приходился на добывающую и прежде всего варенную промышленность, в которую охотно вкладывали средства ейшие купеческие фамилии России.

Наряду с поставками продукции (особенно металлических изделий) дарству русская мануфактура того времени (казенная и частная) а живую связь с рынком. Тульские заводы А. Винуса и его преем- ов поставляли на вольный рынок «связное» железо и некоторые меты хозяйственного обихода [95]. Стеклоделательные предприятия московья также значительную долю изделий продавали частным м [96]. Поташные заводы, принадлежавшие казне, крупным феода- (Б. И. Морозов и др.) и представителям купечества, в основном ори- ровались на экспортную торговлю [97]. Исключительно на вольный к работала солеваренная промышленность Соли Камской и ее уез- Даже дворцовое ведомство с принадлежавшими ему ткацкими приятиями не обходилось без обслуживания рыночного са [99].

XVII век примечателен и в смысле активизации предпринимательдеятельности со стороны феодалов. В ряде отраслей промышлен-

---

С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I. Феодальный д (1500—1860 гг.). М. 1954, стр. 83—97, 107 и др.

[92] В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде II в.

[93] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.

[94] П. К. Федоренко. Рудни Левобережной Украины в XVII—XVIII вв. М. Г. Т. Рябков. К вопросу развития промышленности Смоленского края во второй половине XVII в. «Материалы по изучению Смоленской области». Вып. 3. Смо- 1959, стр. 223—241.

[95] И. В. Чекан. Указ. соч., стр. 161—162; Н. Б. Бакланов, В. В. Мавро- И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 125—138.

[96] Н. А. Бакланова. Стеклянные заводы в Московском государстве XVII в., 19—141.

[97] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 112.

[98] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., 293—310.

[99] А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 103—106.

ности возникали промышленные предприятия, находившиеся в руках ря, бояр и других крупных феодалов. Хорошо изученное в литерату хозяйство боярина Б. И. Морозова дает в этом отношении очень тересный материал. В его владениях были созданы железоделательн поташные, винокуренные и другие заводы, поставленные в основном службу рынку, в том числе заграничному [100]. Крупным по тому време предприятием был чугунолитейный завод боярина И. Д. Милославс го [101]. В солеваренную промышленность вкладывали свои средс феодалы, как светские (боярин В. И. Стрешнев), так и духовные (Со вецкий, Пыскорский и др. монастыри) [102]. Соль, как правило, шла продажу. Для частных предприятий феодалов (за исключением соля варниц) был характерен значительный масштаб эксплуатации п нудительного труда. Промышленная деятельность наиболее предпри чивых феодалов служила дополнительным источником их доходов и в гивала феодальное хозяйство в товарно-денежные отношения.

Применение вольнонаемного труда в области промышленности п слеживается вполне отчетливо.

Известно применение наемного труда на промышленных предпр тиях крупных феодалов (Б. И. Морозова, И. Д. Милославского и др.)

Большинство квалифицированных работников на металлургичес мануфактурах составляли вольнонаемные. Среди них находилисы иностранцы. Некоторые подсобные работы (углежжение) также про водились наемными рабочими [104].

В Тульской оружейной слободе у казенных ремесленников ра тали по найму не только местные жители, но и иногородние. Для ко XVII в. об этом имеются прямые указания источников. Несмотря разноречия по вопросу о времени сложения слободы и характера ко рации тульских кузнецов, советские историки едины в оценке доста но высокого уровня разделения труда в среде тульских кузнецов и со нии здесь предпосылок для возникновения мануфактур [105].

В работе о псковских литейщиках В. А. Богусевич пришел к ключению, что развитие литейного дела в Пскове в XVI—XVII вв. картину разложения ремесленных предприятий и выделения масте предпринимателей [106].

Во второй половине XVII в. вольнонаемные работники появи на казенных кирпичных заводах. В конце столетия некоторые обжиг щики из числа бывших записных ремесленников имели собственные воды, работавшие, надо полагать, на наемном труде [107].

В XVII в. наемный труд господствовал в солеваренной промыш

---

[100] См. вступительные статьи Б. Г. Геймана к сборнику документов «Хозя крупного феодала-крепостника XVII в.»; П. Ф. Баканов. Указ. соч., стр. 94—

[101] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 90—91.

[102] А. А. Савич. Указ. соч., стр. 93—116; Н. В. Устюгов. Солеваренная мышленность Соли Камской в XVII в., стр. 62—66, 97—106, 218 и др.

[103] В. Г. Гейман. О хозяйстве боярина Б. И. Морозова, стр. LXXVI—LXX П. Ф. Баканов. Указ. соч., стр 97—102.

[104] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX стр. 30—32.

[105] А. В. Бородин. На заре русской заводской промышленности. Русска лезная и чугунолитейная промышленность в XVII в. М. 1927; М. Крут К истории тульских кустарных промыслов. «Записки Историко-бытового отдела дарственного Русского музея». Т. 2. Л. 1932, стр. 5—19; В. Н. Кашин. Тул оружейная слобода в XVII веке. «Проблемы истории докапиталистических общ 1935, № 1—2, стр. 111—141, № 5—6, стр. 76—99; В. Н. Ашурков. Тульские ор ники и их классовая борьба в XVII — первой четверти XIX в. Тула 1947.

[106] В. А. Богусевич. Псковские литейщики XVI—XVIII вв. «Проблемы ис докапиталистических обществ». М.-Л. 1934, № 9—10, стр. 157—161.

[107] Н. В. Воронов. О рынке рабочей силы в России в XVIII в. (по риалам кирпичной промышленности). «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 94.

ти Нижнего Поволжья [108], Балахны [109], Костромского края [110], Серего- [111], Соли Камской [112].

Труд наймитов преобладал на протяжении всего столетия на рыб- промыслах в низовьях Волги (исключая дворцовые учуги, где с 0-х годов наблюдалась эксплуатация подневольного труда [113]), а же широко применялся на рыболовных промыслах Кольского полу- рова [114]. Он имел место на предприятиях разбогатевших ремеслен- ов и торговых людей (кузницы, винокурни, солодовни, кожевенные ры, мыловарни, салотопни, кирпичные сараи, рыбные сушильни, хар- ные амбары). Это отмечено на посадах Нижнего Новгорода [115], вина [116], Пскова [117], Ярославля [118], Кунгура [119] и Устюга Великого [120]. емные работные люди встречаются в посадской промышленности Ту- [121], Пскова и Новгорода [122]. Отмечено применение наемного труда промышленности, расположенной в сельской местности. Павловские нецы (замочники, ствольники) для отделочных работ нанимали мо- обойцев [123]. Наемный труд широко применялся в строительстве. Как ановил А. Н. Сперанский, примерно с 70-х годов XVII в. правитель- отказывается от принудительного труда записных ремесленников ереходит к подрядному способу работ. Наблюдения Н. А. Бакла- ой свидетельствуют об эксплуатации наемного труда при возведении енных зданий уже в 60-х годах XVII века [124]. В дворцовом хозяйстве строительстве обычно применялся наемный труд в форме подряда [125].

В свете приведенных фактов эксплуатации наемных работников видно, что нет оснований рассматривать XVII век как период роста ь простого товарного производства, приурочивая начало его превра- ия в капиталистическое только к XVIII веку [126].

Целый ряд новых явлений, связанных с начальной стадией форми- ания всероссийского рынка, можно видеть в сельском хозяйстве I века.

Углубление общественного разделения труда вызывало рост товар- и сельского хозяйства на протяжении XVII века. Увеличивалось

---

[108] И. В. Степанов. Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги II в., стр. 160; его же. Работные люди Поволжья в XVII в. (К вопросу о стере найма). «Вопросы генезиса капитализма в России». Сборник статей, 90—109.

[109] С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 29—34.

[110] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. II, стр. 231.

[111] В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском в XVII в., стр. 30—38; «Очерки по истории Коми АССР». Т. I. Сыктывкар. 1955, 22.

[112] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., 3, 241, 331.

[113] И. В. Степанов. Хозяйственная деятельность московского правительства жнем Поволжье в XVII в.

[114] Н. И. Ульянов. Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII в. рический сборник». Т. I. Л. 1934, стр. 114—116.

[115] С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 24.

[116] К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 113—115.

[117] Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в., стр. 200.

[118] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 96, 100, 103.

[119] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в — начале XVIII в., стр. 157—182.

[120] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 129, 493—494, 656—657.

[121] В. Н. Кашин. Указ. соч., стр. 84—85.

[122] В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 110, 116.

[123] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 59—61.

[124] Н. А. Бакланова. Постройка нового Гостиного двора в Москве в 1665 гг. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. 52, стр. 195.

[125] А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в., стр. 177—178.

[126] Е. И. Заозерская. К вопросу о сущности и основных этапах «нового пе- в истории России. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 117.

неземледельческое (главным образом городское) население, более отче ливой становилась хозяйственная специализация сельских районо К областям, потреблявшим привозное зерно, относились Северн Поморье, Нижнее Поволжье, казачий Дон, примерно до середи 80-х годов XVII в. Сибирь. В XVII в. сложилось несколько хлебопро водящих районов (Вологодский, Устюжский, Вятский, Кунгурский, Ниж городский и др.), а также льноводческих (Псковский, Смоленский и др животноводческих (по Северной Двине, Вычегде, в Кунгурском и Пско ском уездах и др.), между которыми стал производиться продуктов обмен. Нельзя забывать и об освоении русским крестьянством земел ных просторов Юга, Поволжья, Урала и Сибири.

К увеличению массы продуктов, поступавших в товарное обращ ние, приводило также усиление эксплуатации крестьян как феодалам так и феодальным государством в форме денежных поборов [127].

Для определения степени товарности сельского хозяйства в XVII необходимо остановиться на следующих вопросах: 1) товарное про водство в крестьянском хозяйстве, 2) роль скупщика, 3) вкладыва посадскими людьми средств в сельскохозяйственное производст 4) товарное производство в сельском хозяйстве светских и духовн феодалов.

Специальные монографические исследования коснулись главным разом хозяйства черносошного крестьянства Поморья [128] и «госу ревых» крестьян Сибири [129].

Все исследователи единодушно отмечают, что бо́льшую часть об щавшегося на рынке хлеба давало крестьянское хозяйство. Уров товарности отдельного крестьянского зернового хозяйства был обусл лен размерами пашни, числом рабочих рук, обеспеченностью ско и т. д. В подавляющем большинстве крестьяне продавали небольш партии зерна, муки и крупы. Характер источников не позволяет у новить точно степень товарности мелких крестьянских хозяйств. следователи полагают, что на рынок поступало зерно в виде случа образовавшихся излишков, для уплаты налогов и, наконец, для прод с целью приобретения на рынке товаров, не производившихся сам крестьянами. О продаже продуктов для уплаты денежной ренты детельствуют челобитья посадских и крестьянских общин [130]. Кроме т А. Ц. Мерзоном и другими отмечено, что основная сумма денеж налогов уплачивалась как раз в период оживленной хлебной говли [131]. Совершенно очевидно, что огромная масса черносошных, д цовых, помещичьих, монастырских и прочих крестьян по мере возра ния денежной ренты в XVII в. была вынуждена ежегодно прода хлеб и другие продукты, ибо им надо было в определенные сроки у чивать деньгами подати и поборы феодалам и феодальному государо

---

[127] Подробнее см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», ст 48—53.

[128] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Ура XVII — начале XVIII в., стр. 96—154; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ стр. 144—222, 505—576, 657—659.

[129] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воев XVII и начала XVIII в. Иркутск. 1949; В. И. Шунков. Очерки по истори низации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.-Л. 1946; его же. Очерки по рии земледелия Сибири (XVII в.). М. 1956; З. Я. Боярщинова. Население То го уезда в первой половине XVII века. «Труды» Томского государственного у ситета. Серия историко-филологическая. Т. 112. 1950; Ф. Г. Сафронов. Кре ская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск. 1956.

[130] Н. В. Устюгов. К вопросу о раскладке повинностей по дворовому в конце XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник с стр. 225.

[131] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 151—154, 506; А. А. ображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVI стр. 141—142.

В. И. Ленин отмечал, что денежные оброки и подати в свое время сыграли большую роль в становлении товарного хозяйства [132].

Для выяснения вопроса, была ли продажа рядовыми крестьянами своих продуктов вынужденной (для уплаты податей) либо случайной или же хлеб специально производился ими как товар, необходимо также знать, прибегало ли к покупкам на рынке сельское население и если прибегало, то в какой мере. В Нижегородском уезде и прилегающих местностях скупщики зимой продавали крестьянам доставленные из Нижнего Поволжья соль, соленую рыбу, галантерею [133]. По данным таможенных книг Устюга Великого, крестьяне приобретали на рынке скот, привозные пищевые продукты, промышленные изделия и даже иностранные товары. Все указанные товары крестьяне покупали как на посаде, так и у торговцев (в том числе у богатых устюжских крестьян, торговавших во второй половине XVII в. в Устюге, Холмогорах и других городах), разъезжавших по территории Устюжского, Тотемского, Сольвычегодского, Яренского уездов, Ветлужских станов Галицкого уезда (последний входил в состав Замосковного края). Правда, крестьяне в это время гораздо больше продавали на рынке, нежели покупали [134], ибо домашние промыслы имели широкое распространение.

Так же обстояло дело в области животноводства. Факты продажи крестьянами живого крупного рогатого скота, мяса, сала, кож, масла и др., как правило, отмечаются источниками в небольших размерах. В целом же из таких партий на рынках животноводческих районов складывались для вывоза громадные товарные массы. К этим районам относятся Среднее Поволжье, Двинские волости Устюжского уезда, Сольвычегодский, Яренский, Кунгурский, Псковский уезды [135].

Как показала в своей статье Е. В. Чистякова, псковские крестьяне продавали лен во всех видах. Товарность этой технической культуры, которой Псковский край славился по всей стране и за границей, надо полагать, была значительной [136].

Сравнительно высокого уровня достигло производство на продажу хмеля в связи с большим спросом на него со стороны винокуренной промышленности. В Поморье выделялся обширный хмелеводческий район, обнимавший Важский, Тотемский и Устюжский (Сухонские волости) уезды. Мелкие крестьянские хозяйства продавали небольшие партии хмеля, но, видимо, довольно регулярно [137]. Много хмеля привозили в Москву крестьяне Московского, Арзамасского, Коломенского, Рязанского, Нижегородского, Владимирского, Суздальского, Касимовского и других уездов [138], то есть из юго-восточной части Замосковного края.

Таким образом, уже в изучаемый период, несмотря на сохранявшийся в значительной степени натуральный характер хозяйства боль-

---

[132] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 126, 548.

[133] Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII в., стр. 309—310.

[134] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 215—219, 618—624.

[135] И. С. Макаров. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в., стр. 215; Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в., стр. 213. А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 148—152; К. А. Горбунова. Рынок Ильинского погоста Вилегодской волости Сольвычегодского уезда в XVII в. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. 10. М. 1957, стр. 344—345; А. Ц. Мерзон. Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 190—198, 569—570. К. Г. Митяев отмечает устойчивость оборотов по рогатому скоту на смоленском рынке, не указывая контингента продавцов. К. Г. Митяев. Обороты и торговые связи смоленского рынка в 70-х годах XVII века. «Исторические записки». Т. 13. 1942, стр. 61—66.

[136] Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в., стр. 212—213, 217.

[137] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 198—201, 551—559.

[138] С. И. Сакович. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в. «Исторические записки». Т. 20. 1946, стр. 141; Д. И. Тверская. Указ. соч., стр. 84.

шинства крестьян, происходило неуклонное втягивание рядового мелкого крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения.

Вполне отчетливо можно наблюдать наличие товарного производства у немногочисленной верхушки поморского и сибирского крестьянства. Зажиточные крестьяне, распоряжавшиеся большими пахотными участками, часто прибегали к эксплуатации чужого труда. Подчас ежегодно некоторые из них выбрасывали на рынок крупные партии хлебных продуктов. Примечательно, что богатые крестьяне реализовывали продукцию не только на местном, но и на отдаленных рынках, где в связи с нехваткой зерна цены были гораздо выше. Крестьяне Устюжского уезда все чаще отправляли хлеб «своей пахоты» в Холмогоры, Архангельск, Мезень и на Печору; кунгурцы — в Соль Камскую. Известная часть в их товарной продукции приходилась на переработанные зерновые продукты — муку, крупу. Это явление показано для Устюжского и Кунгурского уездов [139], как очевидное предположение отмечено для Сибири [140].

У устюжских и кунгурских крестьян, обладавших большими сенокосными угодьями, имело место товарное производство животноводческих продуктов [141].

На устюжском рынке небольшая группа состоятельных крестьян регулярно вела крупную торговлю хмелем [142].

Чем крупнее и богаче было крестьянское хозяйство, тем более прочной являлась его связь с рынком. В его облике появляются черты, несвойственные потребительскому хозяйству основной массы крестьян. Для верхушки деревни становится характерным эксплуатация чужого труда. Такие крестьяне сами уже не занимаются земледельческим трудом, их главным занятием была торговля. Появление такой крестьянской верхушки в феодальной деревне ярко отражает проникновение рыночных отношений.

До настоящего времени усилия исследователей были направлены на изучение крестьянского хозяйства русского Севера и Сибири. Это явно недостаточно для суждения о процессах, протекавших в сельском хозяйстве всей страны. До сих пор не изучено хозяйственное положение черносошных крестьян Тотемского и отчасти Сольвычегодского уездов, Вятской земли, а главным образом частновладельческих крестьян (помещичьих, дворцовых, монастырских) Европейской части России. К этой сложной задаче должно быть приковано внимание советских историков. Вопросы эволюции крестьянского хозяйства, уровня его материальной обеспеченности, производительности труда, бюджета крестьянской семьи, состояния рыночных цен на сельскохозяйственные продукты заслуживают специальной разработки на локальном материале. Их освещение раскроет новые черты, появляющиеся в хозяйстве крестьян в связи с началом формирования внутреннего рынка.

К XVII в. относится резкое возрастание скупки сельскохозяйственных продуктов. Объем скупщических операций настолько велик, что можно говорить о преобладании скупщика в поставке многих товаров на московский и иные рынки. При установлении степени товарности крестьянского хозяйства надо учитывать не только продажу хлеба, скота и проч. непосредственными производителями, но и деятельность много-

---

[139] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 139; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 166—168, 183, 576—593, 657—658.

[140] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 328, 429; А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение для снабжения Восточной Сибири хлебом, стр. 121.

[141] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 146; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 190—191.

[142] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов, Указ. соч., стр. 556—559.

численных торговых посредников, которая зачастую не находит в источниках достаточного освещения [143].

В Поморье и Сибири скупщики закупали громадное количество зерновых продуктов. На протяжении XVII в. наблюдается рост скупщических операций, часть посредников вела такие операции систематически. Скупщики не ограничивались перекупкой зерна на посаде и ярмарках, но в широких размерах скупали у крестьян хлеб непосредственно в деревнях. Приезд скупщика в деревню прочно вошел в жизнь. Это засвидетельствовано прямыми показаниями источников (сибирские крестьяне с хлебом «ждут купцов — торговых людей»). Скупщики иногда заранее выдавали задатки крестьянам под зерно будущего урожая; разумеется, на кабальные условия вынуждены были соглашаться малосостоятельные земледельцы. С помощью кабалы торговый капитал усиливал эксплуатацию крестьянства. Скупкой зерна в Поморье и Сибири занимались не только посадские люди и члены привилегированных корпораций, но и разбогатевшие крестьяне, стоявшие во главе крупных хозяйств (например, жители Устюжского и Кунгурского уездов) [144]. В 60—80-х годах XVII в. разбогатевшие крестьяне из владений Строгановых скупали хлеб в Зауралье и в Кунгуре [145]. У крестьян Нижегородского уезда хлеб скупался для отправки в Нижнее Поволжье [146]. В Симбирске скупленный хлеб концентрировался в крупные партии, отправляемые по Волге в Астрахань [147]. Особенно большой район охватывали торговые операции москвичей. Они скупали хлеб в Рязанском, Нижегородском, Шацком, Темниковском, Краснослободском, Арзамасском и других уездах [148]. В основном скупщики закупленный в сельской местности хлеб сбывали не на местном рынке, а на рынках, где были высокие цены.

Известную роль в хлебных районах играли казенные закупки хлеба для Крайнего Севера, Дона, Сибири и заграницы [149]; здесь же получили развитие подрядные операции [150], а также скупка зерна для винокурения [151].

Значительные размеры приняла скупка продуктов животноводства. Торговые люди Ярославля, Вологды и Костромы на устюжском рынке обычно покупали кожи у посадских мясников, которые пригоняли скот, скупленный в уезде у крестьян. Посадские люди Нижнего Новгорода

---

[143] С. И. Сакович. Указ. соч., стр. 130—149.

[144] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 328, 335—337, 430; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 130—135, 140; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 168—179, 189, 537—549, 657; А. В. Журавлева. Хозяйство черносошных крестьян Поюжских волостей Устюжского уезда в XVII в. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. 10. 1957, стр. 348—349.

[145] А. П. Пьянков. Хозяйство уральской деревни в эпоху торгового капитала (Очерк из экономической истории Урала XVII века). Пермь. 1926, стр. 22; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 130.

[146] Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII в., стр. 309—310.

[147] Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв., стр. 230.

[148] Д. И. Тверская. Указ. соч., стр. 62, 81.

[149] И. С. Макаров. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в., стр. 205—206; Е. В. Чистякова. Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине XVII в., стр. 51, 60; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 330—332; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 308—309, 549—551.

[150] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 332—333

[151] Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв., стр. 225, 229, 230; Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в., стр. 93, 102, 103; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 101, 464, 508.

скупали в прилегающих районах скот, кожи. Скупленные в Казанском и Чебоксарском уездах кожи и сало большими партиями отправлялись в Архангельск. Скупщиками выступали не только местные жители, но и иногородние и даже иностранцы. Так, вывоз кож и сала из Кунгура находился в руках вятичей, устюжан, казанцев и ярославцев [152].

В скупке льна и пеньки участвовали богатые крестьяне, перепродававшие большие партии этих продуктов иностранцам [153]. У псковских крестьян иногда скупали лен иностранные торговцы [154].

Для Устюжского уезда характерна довольно регулярная скупка хмеля местными посадскими людьми и крестьянами, изредка иногородними, а также крестьянами из соседних уездов. Подавляющая часть хмеля продавалась в Соли Вычегодской, Лальске, Туглиме, Соли Камской [155].

Скупщик вырос на почве проникновения товарно-денежных отношений в деревню. Своими операциями он расширял сферу товарного сельского хозяйства. Рост скупщических операций — свидетельство усиливавшейся эксплуатации крестьян торговым капиталом.

Еще в дореволюционной литературе отмечалось наличие в России в XVII в. землевладения у посадских людей. Советские историки по этому вопросу не только ввели в оборот новый материал, но и с иных методологических позиций изучили это явление. В условиях роста рыночного спроса на зерно, скот и другую сельскохозяйственную продукцию верхушка городского населения и члены торговых корпораций вкладывали средства, накопленные в торговле и промыслах, в сельскохозяйственное производство. Часто горожане, выходцы из крестьян, продолжали заниматься наряду с торговлей земледелием, но главным образом у посадских людей были земли, перешедшие путем покупки и ростовщических сделок от черносошных и «государевых» крестьян.

Товарность хозяйства богатых посадских людей в Поморье и Сибири была высокой. Многие устюжане систематически продавали хлеб, причем основная часть их продукции уже в переработанном виде (мука, крупа) отправлялась в Холмогоры и Архангельск. Некоторые хозяйства производили зерно для работных людей, занятых в солеваренных промыслах. В. И. Грудцын отправлял хлеб из Устюжского уезда в принадлежавшее ему Леденгское усолье близ Тотьмы. Крупнейшими тяглыми землевладельцами Соликамского уезда были братья Суровцевы и А. В. Ростовщиков. Они снабжали хлебом «своих деревень» работников, занятых в их солеваренных промыслах на посаде. У торговых людей имелись значительные земельные площади. Сами владельцы, сосредоточившись на торговле, конечно, не занимались земледелием. Они эксплуатировали чужой труд (работников, половников). Так, у гостя В. И. Грудцына в Устюжском уезде было свыше 290 четвертей пашни в одном поле, здесь стояло 8 дворов «людских» и 86 половничьих (226 чел. м. п.). В Иркутском уезде крупный хлебный подрядчик А. Ушаков владел заим-

---

[152] И. С. Макаров. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в., стр. 215; Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв., стр. 224, 227; Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в., стр. 213, 223; Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII в., стр. 304, 310; ее же. Торги и промыслы Васильсурска в XVII в., стр. 285; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 148—151; К. А. Горбунова. Указ. соч., стр. 344—345; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 191—194, 446—451, 569—570.

[153] К. В. Базилевич. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. «Известия Академии наук СССР». VII серия. Отделение общественных наук. 1932, № 2, стр. 100—101.

[154] Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в., стр. 213—223.

[155] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 199—200, 559—568, 657.

кой «в длину верст з 10, а поперег на версту», где пашенные крестьяне пахали на хозяина десятинную пашню [156].

Торговые люди обращались и к животноводству. К. П. Калмыков отходами винокурни в Чебоксарском уезде откармливал скот [157].

Подобное явление можно отметить и в огородничестве. Гостю Г. М. Фетиеву принадлежало в Вологде (откуда огородные культуры вывозились на другие рынки) до 27 огородов. Е. И. Заозерская законно предполагает, что часть овощей с этих огородов шла на продажу [158].

Землевладение посадской верхушки являлось одним из проявлений предпринимательства «капиталистов-купцов».

В землевладении феодальной страны поместья и вотчины бояр, дворян, монастырей, церквей и духовенства занимали ведущее место. Поэтому важно проследить те изменения в феодальном хозяйстве, которые связаны с начавшимся формированием внутреннего рынка.

В ряде вотчин имело место товарное производство некоторых продуктов, преимущественно зерна. Приволжские владения Б. И. Морозова (Нижегородский, Арзамасский, Курмышский, Алаторский, Темниковский уезды) специализировались на доставке товарного хлеба в Нижний Новгород и близлежащие пункты. В зависимости от рыночных цен боярин иногда воздерживался от продажи зерна, дожидаясь выгодной конъюнктуры [159]. Князь В. В. Голицын часто продавал продукты своего хозяйства [160]. По мнению А. А. Новосельского, в хозяйстве стольника А. И. Безобразова избыточным продуктом был только хлеб. Вотчинник постоянно интересовался хлебными ценами, так как, видимо, продавал зерновые продукты [161].

Хозяйство помещиков Пазухиных в конце XVII в. регулярно выбрасывало на рынок зерно (чаще всего пшеницу), муку и крупу, конопляное семя, птицу, мясо и сало свиное, масло и др. Из их алаторского поместья продукты продавались в Нижнем Новгороде, Сызрани, Самаре, на Яике (с этой казачьей областью торговая связь была постоянной) и даже в Москве. По мнению Е. Н. Ошаниной, постепенное втягивание дворянского хозяйства в товарно-денежные отношения в Поволжье под воздействием Волжского торгового пути было особенно заметно по сравнению с поместьями, расположенными в центре страны [162]. Обследование 1653 г. выявило, что помещичьи хозяйства новгородского Софийского дома продавали хлеб местным потребителям или за границу [163].

---

[156] К. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века. Л. 1933, стр. 16—17; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 127, 205—207, 217; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 329, 366; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., стр. 272; А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение для снабжения Восточной Сибири хлебом, стр. 121, 123; А. Ц. Мерзон, О. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 179—181, 341, 576—593, 657—658.

[157] Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в., стр. 104—105.

[158] Е. И. Заозерская. Вологодский гость Г. М. Фетиев (Из быта торговых людей XVII в.). «Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея». I. Л. 1928, стр. 200.

[159] В. Г. Гейман. О хозяйстве боярина Б. И. Морозова, стр. XXV—XXVI; Д. И. Петрикеев. Земельные владения боярина Б. И. Морозова. «Исторические записки». Т. 21. 1947, стр. 72—73.

[160] А. А. Степанов. Князь В. В. Голицын, как хозяин-вотчинник. «Доклады Академии наук СССР». Л. 1926, май — июнь, стр. 46—47.

[161] А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.-Л. 1929, стр. 68, 158—159, 183.

[162] Е. Н. Ошанина. Хозяйство помещиков Пазухиных в XVII—XVIII веках. «Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 84—92.

[163] Б. Д. Греков. Хозяйство крупной русской вотчины XVI—XVII вв. «Известия Российской Академии наук». VI серия. Т. XIX. Л. 1925, 1 апреля — 1 мая, № 6—8, стр. 253.

Анализируя хозяйство Н. И. Романова первой половины XVII в., Е. И. Заозерская отмечает, что в отличие от некоторых крупных хозяйств второй половины столетия вотчина была очень слабо связана с рынком, огромные деньги боярина лежали мертвым капиталом [164].

В дворцовом хозяйстве зерно предназначалось для изготовления вина, которое шло на продажу; здесь же на продажу сеялся лен [165].

Таким образом, в хозяйстве бояр и в хозяйстве московских и провинциальных дворян часть продуктов имела ярко выраженный товарный характер. На средства, вырученные от продажи сельскохозяйственных продуктов, приобретались промышленные изделия. Пазухины в Москве, Казани, на Макарьевской ярмарке покупали одежду, ткани, украшения, железные изделия. Обращение к рынку, несмотря на натуральный характер помещичьего хозяйства XVII в., становится, по мнению Е. Н. Ошаниной, необходимым [166]. Как отметил А. И. Заозерский, во второй половине XVII в. боярский двор уже не мог обходиться без рынка, закупая не только изделия промышленности, но и пищевые продукты [167].

Новые явления заметны и в хозяйстве духовных феодалов, особенно поморских монастырей.

Высокотоварным было зерновое хозяйство крупных устюжских монастырей. Не ограничиваясь продажей хлеба на местном рынке, Архангельский и Гледенский монастыри ежегодно отправляли продукты в Холмогоры. Монастырское земледелие велось на больших земельных массивах, неуклонно возраставших на протяжении столетия за счет земель черносошных крестьян. Здесь эксплуатировалось много половников. Степень товарности хозяйств других устюжских монастырей, городских и волостных церквей и духовенства менее заметна [168]. Продажа зерна с течением времени становилась все значительнее. Как установила Г. Н. Лохтева, Гледенский монастырь реализовывал на рынке около трети поступавшего к нему зерна. Крепнувшая связь с рынком привела к увеличению доли муки и крупы в объеме продаваемых хлебных продуктов. Если в 1630—1640-х годах мука не продавалась, то с 1650-х годов она регулярно поступала на рынок. Росла также товарность животноводства. В свою очередь, Гледенский монастырь приобретал на рынке много сельскохозяйственных и промышленных продуктов, не производившихся в его хозяйстве [169].

Специально исследована вотчина вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Л. С. Прокофьева в своей монографии указывает, что ведущая отрасль сельского хозяйства этого феодала — зерновая — не была связана с рынком. Этот тезис вызывает сомнение. Л. С. Прокофьева установила, что монастырские власти во второй половине XVII в. отказываются от хлебного оброка с крестьян и переходят к барщинному хозяйству. Едва ли это не было связано также и с продажей зерна на рынке. Монастырь продавал скот, покупал лен, коноплю, овощи [170].

К середине столетия хозяйство новгородского Софийского дома

---

[164] Е. И. Заозерская. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII века, стр. 65.

[165] А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в., стр. 216—217, 220.

[166] Е. Н. Ошанина. Указ. соч., стр. 89.

[167] А. И. Заозерский. Боярский двор. Страничка из истории одного боярского дома «Русский исторический журнал». Кн. VIII. 1922, стр. 93—94, 105—106; см. также А. А. Степанов. Указ. соч., стр. 46—47.

[168] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 181—187, 189, 593—603.

[169] Г. Н. Лохтева. Развитие товарно-денежных отношений в вотчинном хозяйстве XVII века (По материалам Троицко-Гледенского монастыря). «Ученые записки» Московского областного педагогического института. Т. LXXIV. Труды кафедры истории СССР. Вып. 5. М. 1958, стр. 71—129.

[170] Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII веке. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.-Л. 1959, стр. 18—20, 27—28.

производило продукты не только для собственных нужд, но и в небольшой, правда, мере на рынок. Для архиепископа и его слуг покупались разнообразные продукты [171].

Формировавшийся рынок в известной мере оказывал влияние и на внутреннюю жизнь феодальной вотчины. Развитие противоречий между основным производящим классом страны — крестьянством — и феодалами находит свое место и в области рыночных отношений по мере становления товарного производства сельскохозяйственных продуктов. Крупные вотчинники (Б. И. Морозов и др.) и рядовые дворяне (А. И. Безобразов, Пазухины и др.), а также некоторые духовные феодалы для повышения товарности своих хозяйств нередко прибегали к отработочной ренте, заводили барскую запашку, чаще всего в более плодородных районах Юга и Поволжья [172].

Со своей стороны, зависимое крестьянство, также приходившее в соприкосновение с рынком, стремилось к возможно большей хозяйственной самостоятельности и к избавлению от наиболее грубых видов феодального угнетения, стеснявших инициативу крестьян. В этом плане важны наблюдения советских историков, относящиеся к различным категориям крестьян и к разным районам.

Крестьяне красноярского Введенского монастыря часто выполняли барщину «наймуя». Большинство помещичьих крестьян новгородского Софийского дома откупались от барщины деньгами [173]. На протяжении XVII в. в практике устройства крестьян на сибирскую десятинную пашню все шире распространялась сдача новоприходцам части и даже всего тягла старожилами, особенно более состоятельными. При этом новопорядчики получали определенную долю имущества прежнего тяглеца [174].

Во второй половине XVII в. западносибирское крестьянство, находившееся на десятинной пашне, все чаще ставило вопрос о замене натуральных повинностей, связанных с обработкой десятинной пашни, фиксированным хлебным оброком. Не случайно борьба сибирского крестьянина за бо́льшую хозяйственную самостоятельность и смягчение форм феодальной эксплуатации совпала по времени с укреплением сибирского хлебного рынка.

Таким образом, товарное производство, проникавшее в феодальную вотчину (собственно барское хозяйство) и в крестьянское хозяйство, по-разному влияло на их развитие. В поместно-вотчинном хозяйстве товарное производство обслуживало нужды и потребности феодала, уживаясь с натуральным характером владения. Благодаря дворянскому и монастырскому предпринимательству товарное производство обслуживало феодальное хозяйство не только через обмен, товарное обращение, но и через производство. Товарное производство организовывалось на основе феодальных форм хозяйствования и эксплуатации [175].

В области изучения феодального хозяйства XVII в. предстоит еще многое сделать. Необходимо изучить хозяйства центральных монасты-

---

[171] Б. Д. Греков. Хозяйство крупной русской вотчины XVI—XVII вв., стр. 251, его же. Избранные труды. Т. III. М. 1960, стр. 140—141.

[172] А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке, стр. 33—35, 94—95, 99, 104, 109; его же. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. «Исторические записки». Т. 4. 1938, стр. 29; Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 53, 68, 76—78; Л. С. Прокофьева. Указ. соч., стр. 133 и др.; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 385.

[173] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. IV, стр. 145; Б. Д. Греков. Хозяйство крупной русской вотчины XVI—XVII вв., стр. 253.

[174] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века, стр. 34—42.

[175] См. П. Ф. Баканов. Указ. соч., стр. 94—95, 102.

рей, в том числе таких крупнейших из них, как Троице-Сергиев и Иосифо-Волоколамский. Необходимо разработать и такой важный вопрос, как эволюция феодальной ренты в XVII веке.

Из работ советских историков вытекает вывод, что в XVII в. можно наблюдать довольно заметное использование наемного труда в сфере сельского хозяйства. Если взять наиболее типичную ячейку феодального общества — вотчину, то и в ней наемный труд в XVII в. получил права гражданства.

Из феодальных хозяйств, обращающихся к найму работников на сельскохозяйственные работы, в первую очередь можно назвать Дворец. Пахота, жатва, молотьба, сенокос, «лесная чистка» — вот виды работы в дворцовом хозяйстве царя Алексея Михайловича. Работники набирались из черносошных, дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян. Так, «в Резани» трудились крестьяне Московского, Ростовского, Ярославского, Костромского, Пошехонского, Романовского, Галицкого, Вологодского, Нижегородского, Козловского уездов. Различались летние, зимние и недельные работники. Их количество исчислялось в подмосковных дворцовых селах сотнями[176]. В некоторых вотчинах Н. И. Романова наряду с крепостными крестьянами трудились и наемные работники[177].

В Сибири на землях служилых людей наряду с крепостными, половниками, захребетниками отмечены наемные люди[178].

Работников привлекали сибирские[179] и северные монастыри. В зерновом хозяйстве Спасо-Прилуцкого монастыря, в животноводстве Гледенского монастыря применялся наемный труд[180].

В ограниченных размерах к наемному труду прибегали богатые крестьяне. В исследованиях А. А. Введенского, А. М. Панкратовой, З. А. Огризко и др. намечены основные моменты в эволюции этого вида найма. А. М. Панкратова указывала, что уже в середине XVII в. крестьяне от найма подсоседников и захребетников переходили к найму работников за деньги[181]. К возникающим чертам вольного найма З. А. Огризко относит определение оплаты и времени работы, а также само наличие договоренности между наймитом и крестьянином-нанимателем[182]. В литературе высказано мнение, что поденщину, срочную («строшную») и сезонную работу можно считать ростками новых производственных отношений в сельском хозяйстве[183].

Эксплуатация наемного труда в крестьянском хозяйстве отмечена в разных районах и среди различных категорий крестьянства, в том числе частновладельческого. В Московском, Рязанском, Вяземском и др. уездах крестьяне князей Черкасских использовали наемных работников[184]. В Поволжье беглые крестьяне работали наймитами в крестьянском хозяйстве[185]. По всей Восточной Сибири к крестьянам нанима-

---

[176] А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в., стр. 161—163, 174—176.

[177] Е. И. Заозерская. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII века, стр. 53.

[178] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 375—376.

[179] Там же, стр. 383, 389—392.

[180] Л. С. Прокофьева. Указ. соч., стр. 14—18, 20, 25, 44, 100; Г. Н. Лохтева. Указ. соч., стр. 82—83.

[181] А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952, стр. 214.

[182] З. А. Огризко. Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII века. «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 86—89.

[183] А. А. Преображенский. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей. М. 1958, стр. 42.

[184] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 67.

[185] Т. И. Смирнова. Побеги крестьян накануне выступления С. Разина. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 131.

лись промышленные люди на земледельческие работы[186]. Сибирские слободчики вели хозяйство с помощью наемных людей[187]. Среди уральских черносошных крестьян наем уже не был редким явлением[188]. Наймиты из числа старожилов и пришлых работали здесь у зажиточных крестьян, хозяйства которых были связаны с рынком. Бытовали разные формы оплаты труда: денежная, натуральная, смешанная. К концу столетия отмечено увеличение размеров наемного труда. На рубеже XVII—XVIII вв. испольные отношения постепенно уступали место «строшной» работе (зачаточная форма батрачества) и работе по жилым записям (переходная форма от испольщины к наемному труду)[189].

Надо продолжить выяснение степени распространенности наемного труда в земледелии. Наемный труд в сельском хозяйстве довольно часто выступал в завуалированной форме, и вполне естественно, в документах это явление не получало отражения. В связи с этим необходимо исследовать положение таких категорий сельского населения, как соседи, подсоседники, захребетники и др., из среды которых нередко формировались кадры наемных работников.

В целом крепостной и принудительный труд в самых разнообразных формах был определяющим в сельском хозяйстве. Однако появление ростков вольнонаемного труда в крестьянском хозяйстве XVII в. весьма симптоматично.

Если в предшествующую историческую эпоху происходило создание предпосылок более широких экономических связей в стране, что применительно к XVI в. показано в монографии С. В. Бахрушина, то исследования, посвященные торговле в XVII в., с уверенностью позволяют говорить о новом крупном шаге вперед, который был сделан в развитии рыночных отношений. Сеть мелких местных рынков все теснее связывается с крупными областными рынками. Эти последние, в свою очередь, оказываются втянутыми в растущий межобластной обмен, что свидетельствовало о начале формирования национального рынка.

К настоящему времени имеется ряд исследований, раскрывающих механизм некоторых областных рынков. Роль Москвы в качестве признанного центра складывающегося всероссийского рынка освещена в коллективном труде «История Москвы» (т. I) и в работах Д. И. Тверской[190] и С. И. Сакович[191]. Северная часть Замосковного края изучена А. А. Введенским (Вологда)[192] и Б. А. Дмитриевым (Углич)[193]. Торговля южных уездов с Доном исследована А. А. Новосельским[194], воронежскому рынку посвящена статья Е. В. Чистяковой[195] (заметим, кстати, что рынки южных районов Русского государства XVII в. еще мало изучены и ждут новых исследований). Из областных рынков западнее Москвы наибольшее внимание привлек Смоленск и его

---

[186] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 143, 173; Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 125—128.

[187] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 1, стр. 219.

[188] А. П. Пьянков. Указ. соч., стр. 23; А. А. Преображенский. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в., стр. 46, 50—52.

[189] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 201.

[190] Д. И. Тверская. Указ. соч.

[191] С. И. Сакович. Указ. соч., стр. 130—149.

[192] А. А. Введенский. Значение Вологды как крупного торгово-промышленного центра на Севере и роль Строгановых в Вологде в XVI—XVII вв. «Север». Вологда. 1928, № 7—8, стр. 30—49.

[193] Б. А. Дмитриев. К истории развития межобластных экономических связей Угличского посада. «Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья». Вып. 2. Углич. 1958, стр. 5—19.

[194] А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII в. «Исторические записки». Т. 26, 1948, стр. 198—216.

[195] Е. В. Чистякова. Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине XVII в., стр. 46—62.

округа (работа К. Г. Митяева) [196]. Лишь в самых общих чертах показана торговая роль других центров по западной границе в статье А. М. Карпачева [197]. Некоторое исключение составляет Псков, широкие рыночные связи которого охарактеризованы в работах В. А. Богусевича [198] и Е. В. Чистяковой [199]. Обстоятельную характеристику тихвинского рынка дала К. Н. Сербина [200].

Лучше изучены областные рынки поморского Севера. На основе таможенных книг Соли Вычегодской, Тотьмы, Устюга Великого создан ряд исследований. Торговые операции устюжан Босых и вместе с тем становление регулярных экономических отношений Устюга с другими крупными центрами страны изучены К. В. Базилевичем [201]. Устюжский областной рынок изучался А. Ц. Мерзоном и Ю. А. Тихоновым, сольвычегодский — И. С. Макаровым [202], тотемский — П. А. Колесниковым.

Возникшие областные рынки не оставались самодовлеющими единицами. Они с течением времени все более представляли собой сложную взаимосвязанную систему. Не только прилегающая к тому или иному центру сельская округа становилась полем деятельности торговых людей. Купеческий капитал выходил на более широкую арену межобластного, всероссийского обмена.

Товарные потоки, организуемые крупными представителями торгового капитала, перемещали различные виды отечественной и заграничной промышленной продукции по стране нередко из одного ее конца в другой.

Характерная черта складывавшихся рыночных отношений, в частности для Устюга, заключалась в том, что выделявшиеся областные рынки не совпадали с административными границами соответствующих уездов, в чем проявлялась роль экономического фактора в преодолении местной замкнутости.

В радиусе 300—400 верст осуществлялись операции тихвинского рынка [203]. Устюг Великий в XVII в. имел регулярные рыночные сношения почти с четырьмя десятками городов, не считая множества других пунктов, с которыми товарообмен осуществлялся менее систематически [204]. Несмотря на известный экономический упадок, который переживал в XVII в. Псков, он имел оживленную торговлю с 35 городами [205].

В своих работах С. В. Бахрушин неоднократно обращал внимание на оживленное участие поморских городов в обмене с Сибирью. На несомненность сравнительно регулярных торговых сношений северных районов с рынками средневолжского бассейна указал Е. И. Чернышов [206]. Торги Нижнего Новгорода, Васильсурска и др. пунктов, их за-

---

[196] К. Г. Митяев. Указ. соч., стр. 54—83.

[197] А. М. Карпачев. Города северо-западной окраины Русского государства как торгово-промышленные центры и участие в торговле и промыслах различных разрядов их населения в первой половине XVII в. (историко-статистический очерк). «Труды» Института истории Академии наук БССР. Вып. 3. Минск. 1958, стр. 66—90.

[198] В. А. Богусевич. Псковские купцы XVII в. Русиновы. «Новгородский исторический сборник». Вып. 8. Новгород. 1940, стр. 38—51.

[199] Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в., стр. 198—235.

[200] К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 179—295.

[201] К. В. Базилевич. Торговля Великого Устюга в половине XVII в. «Ученые записки» Института истории РАНИИОН. Т. IV. М. 1929, стр. 89—102; его же. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века.

[202] И. С. Макаров. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в., стр. 193—219; его же. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в. «Исторические записки». Т. 14, 1945, стр. 148—169.

[203] К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 254.

[204] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 310.

[205] В. А. Богусевич. Псковские купцы XVII в. Русиновы, стр. 41.

[206] Е. И. Чернышов. К вопросу о связи Камско-Волжского края с российским рынком в XVII в. «Известия» Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. I. Казань. 1955, стр. 37—51.

зависимость от обмена с «низовыми» поволжскими городами (Астраханью и др.), а также центром страны нашли место в работах Н. А. Баклановой[207]. Касимову посвятила статью Н. И. Привалова[208]. Разветвленную сеть торгово-промышленных заведений русского купечества в Среднем Поволжье на рубеже XVII—XVIII вв. нарисовала Е. И. Заозерская[209].

Сибирскому рынку посвящены работы О. Н. Вилкова (тобольский рынок)[210], А. Н. Копылова (енисейский рынок)[211]. Торговля и торговые связи Красноярска изучены С. В. Бахрушиным[212], нерчинский рынок — В. А. Александровым[213]. Общие вопросы о состоянии хлебной торговли в Сибири освещены В. И. Шунковым[214]. Постепенное включение Сибири в общероссийские рыночные связи сказывалось прежде всего на пушном промысле, продукты которого имели широкое хождение во внутренней и внешней торговле России. Работы советских историков показывают, что на сибирском рынке в XVII в. господствовал торговый капитал Европейской России. На неэквивалентной сибирской торговле выросли большие состояния многих виднейших купцов России (Н. А. Светешников, Федотовы-Гусельниковы, Босые, Г. Р. Никитин и др.).

В плане изучения роста экономических связей в стране и расширения торгового обмена важны выводы исследователей, занимающихся историей национальных республик РСФСР. Книги по истории Карелии, Коми АССР, Удмуртии, Татарии, Чувашии, Мордовии и др. дают возможность утверждать, что в той или иной мере процесс втягивания в общероссийский экономический оборот затронул в XVII в. и эти районы.

Каковы же некоторые общие итоги научной разработки в советской историографии вопроса о торговле в России XVII века? Работы советских ученых наглядно подтверждают высказывание В. И. Ленина о существенных чертах нового периода русской истории, среди которых он называл усиление обмена между областями, постепенно растущее товарное обращение и концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Доказанным можно считать, что внутренняя торговля этого периода имела чрезвычайно важное значение в жизни страны и достигла высокого развития, что в XVII в. большое распространение получил крупный сбыт. Внутренняя торговля, как и внешняя, служила источником накопления денежных капиталов. Во всех без исключения работах советских историков, относящихся к тем или иным районам или монографически исследующих деятельность отдельных торговых фамилий, подчеркивается главенство крупного купца-оптовика не только на местном, но и на более широком рынке. Это определяет господство на рынке сравнительно немногочисленной группы «купцов-капиталистов». В налаживавшемся межобластном обмене, как правило, принимали участие торговцы-оптовики. Непосредственный производи-

---

[207] Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII в., стр. 297—314; ее же. Торги и промыслы Васильсурска в XVII в., стр. 283—287; ее же. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в., стр. 61—96, 123—130.

[208] Н. И. Привалова. Торги города Касимова в середине XVII в. «Исторические записки». Т. 21, 1947, стр. 105—133.

[209] Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв.

[210] О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 105—124.

[211] А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение для снабжения Восточной Сибири хлебом, стр. 115—134; его же. Торговые связи енисейского рынка в XVII в. «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока...». Тезисы сообщений. Иркутск. 1960, стр. 49—50.

[212] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. IV, стр. 121—136.

[213] В. А. Александров. Указ. соч., стр. 422—464.

[214] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 327—357.

тель на широкой ареле торговой жизни почти не участвовал, будучи оттеснен скупщиком. Однако роль непосредственного производителя (посадского ремесленника и крестьянина) на местном рынке весьма заметна. Внедрение скупщика, почти повсеместно наблюдаемого, является существенным показателем больших сдвигов в сфере обмена. Весьма знаменательны наблюдения о составе обращающейся на рынках товарной массы, открывающие возможность вскрыть наряду с расширением ассортимента товаров уже достаточно отчетливую специализацию отдельных рынков. Северо-западные (Новгород, Псков и др.) и западные города (Смоленск) стягивали продукцию обширного района, превратившись в важные центры сбыта льна и пеньки. Соль Вычегодская имела резко выраженные черты пушного рынка. Устюг являлся хлебным рынком для северных районов и поставщиком промышленных изделий для Восточного Поморья и Сибири. Продукты кожевенного производства составляли профиль ярославского и казанского рынков. Развитие торговли, ее специализация оказали сильное влияние и на разделение труда в области обмена.

Главный вывод, вытекающий из работ советских историков,— преодоление местной ограниченности рыночных отношений, приобретающих поистине всероссийский характер.

В этом одна из главных ролей, несомненно, принадлежала ярмаркам, деятельность которых в XVII в. сильно выросла. Макарьевская, Сольвычегодская, Важская, Свенская и Ирбитская ярмарки прочно вошли в жизнь России и завязали между собой тесные связи. К сожалению, до сих пор данный вопрос затрагивался в литературе лишь косвенно. А он требует специальных исследований, результаты которых могут быть весьма ценными.

Дальнейшее изучение истории торговли в России XVII в. должно идти по пути как конкретно-исторических исследований, так и по линии создания обобщающих работ по этой тематике. Предстоит выяснить воздействие рыночных связей и конкуренции на развитие или упадок отдельных районов и производств. Опыт изучения устюжского рынка именно с этой точки зрения показывает целесообразность подобной постановки темы. Настоятельна потребность изучения привилегированных торговых корпораций XVII в.— гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен — «капиталистов-купцов», хозяйничавших на формирующемся всероссийском рынке. До сих пор в полной мере не выяснены причины краха целого ряда виднейших торговых фирм России в конце XVII века. Некоторые исследователи (С. В. Бахрушин, Н. А. Бакланова) считают такой причиной недостаток оборотных средств и отсутствие кредита.

Формировавшийся в XVII столетии всероссийский рынок, несмотря на отсутствие у России прямого выхода к Балтийскому и Черному морям, все теснее включался в мировые рыночные связи. Внешнеторговый оборот России значительно вырос. Установились регулярные торговые отношения с Китаем, к исходу столетия по своему масштабу не уступавшие русско-среднеазиатской торговле[215]. Европейский рынок предъявлял большой спрос на русское сырье и некоторые изделия. Огромные партии холста домашней выработки, достигавшие сотен тысяч аршин в год, а также сала, кож, мехов и других продуктов вывозились через Архангельск, Псков, Смоленск и другие пункты. Не преувеличивая влияния внешнего рынка на развитие товарности хозяйств непосредственных производителей, следует учитывать этот важный фактор. Экспортные операции способствовали стягиванию больших товарных масс через посредство скупщика. Вывоз русского хлеба за границу в XVII в. еще не играл заметной роли. Существенное место во внешней торговле

[215] В. А. Александров. Указ. соч., стр. 423.

принадлежало царской казне, которая ввела монополию на ряд товаров. По отношению к странам Западной Европы Россия выступала экспортером преимущественно сырья, а также грубых тканей, вывозя оттуда разнообразные промышленные изделия (включая металл). Потребителями иностранных товаров, как отмечено в советской литературе, были не только верхи феодального общества, но и представители других социальных слоев [216]. В обмене с Востоком Россия уже выступала как поставщик не только мехов, но и промышленных изделий, отечественных и импортных. Тем самым наметилась известная специализация России на мировом рынке, получившая свое дальнейшее развитие в последующее время.

★

Подведем некоторые итоги. В настоящей статье приведен материал, разработанный советскими учеными, касающийся новых явлений, которые были вызваны процессом складывания всероссийского рынка в XVII веке. Господствовавшие феодально-крепостнические отношения преобладали во всех областях общественной жизни, накладывая глубокий отпечаток и на возникавшие элементы нового, буржуазного типа. Однако было бы неправильно в неразвитости, слабости, сравнительно небольшой распространенности, неустойчивости новых явлений и процессов, свойственных начальной фазе формирования внутреннего рынка, не видеть того, что XVII столетие отличается от предшествовавшего времени.

Нам представляется, что право говорить о новых процессах, начавших проявляться в XVII в. в области экономического развития, дают следующие основные выводы, которые вытекают из анализа советской историографии.

Общественное разделение труда вступило в такую стадию, когда оно создало необходимый минимум условий для постепенного утверждения товарно-денежного хозяйства. Значительные количественные изменения, связанные с углублением отделения промышленного труда от земледельческого, города от деревни, специализацией производства, дальнейшим распространением товарного производства промышленных изделий и сельскохозяйственных продуктов, расширением применения наемного труда и пр., вызывали определенные качественные отличия эпохи. К их числу относятся: а) укрупнение производства и возникновение мануфактурной промышленности; б) широкое развитие скупщических операций; в) укрупнение сбыта и создание больших купеческих капиталов; г) преодоление местной ограниченности и резкое возрастание товарного обращения в стране, в частности земледельческих продуктов (хлеба и др.); д) установление достаточно устойчивого торгового обмена всероссийского масштаба, что выражало собой начавшееся формирование единого внутреннего рынка.

С XVII в. начинается создание «буржуазных связей», в которых, с нашей точки зрения, следует видеть зародыши новых, капиталистических отношений не только в сфере обращения, но и в сфере производства. С XVII столетия товарное хозяйство начинало постепенно превращаться в капиталистическое.

Новые явления, характерные для XVII столетия, не заглохли в последующий период, наоборот, в XVIII — первой половине XIX в. они все более усиливались, подготавливая смену феодальной формации капиталистической.

---

[216] Н. А. Бакланова. Привозные товары в Московском государстве XVII века. «Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и начале XVIII столетия». М. 1928, стр. 5—118; К. В. Базилевич. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в., стр. 93 и др.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

ГОДИЧНОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

С 31 января по 2 февраля 1961 г. проходило годичное общее собрание Отделения исторических наук АН СССР. С докладом «Итоги научно-исследовательской деятельности Отделения исторических наук АН СССР за 1960 год» выступил академик-секретарь Отделения акад. Е. М. Жуков. Советская общественность, сказал докладчик, судит о деятельности историков, об их успехах и недостатках по печатной продукции, по книгам, которые мы выпускаем. По количеству работ, изданных в 1960 г., Отделение исторических наук стоит на первом месте в Академии наук. Однако тематика ряда опубликованных исследований еще не отвечает животрепещущим вопросам современности. Мало книг по истории советского общества, истории международного революционного движения. Имеются пробелы и по другим важным разделам нашей науки.

Отделение исторических наук пока не сумело полностью преодолеть диспропорцию между сравнительно широким фронтом исследований по досоциалистическим эпохам и значительно уступающим по глубине и охвату материала исследованиям новейшего периода мировой истории. Пока еще очень мало докторов наук по новейшей проблематике. Это отрицательно сказывается на подготовке молодых кадров, тормозит развитие широкой исследовательской деятельности в области истории советского общества и новейшей истории зарубежных стран.

Академик Е. М. Жуков дал краткий обзор вышедшей в 1960 г. книжной продукции по основным направлениям исторической науки.

По истории социалистического и коммунистического строительства в СССР в истекшем году вышло несколько монографий. Среди них работы, освещающие различные стороны деятельности В. И. Ленина. Это сборник статей «Ленин и Восток» (под ред. чл.-корр. АН СССР Б. Г. Гафурова), книги Э. Б. Генкиной («Ленин — председатель Совнаркома и СТО»), С. Н. Иконникова («Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг.»), С. И. Якубовской («Строительство союзного Советского государства в 1922—1925 гг.»), и др. История советского рабочего класса и крестьянства нашла отражение в трудах Ю. В. Арутюняна («Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг.»), Ю. С. Борисова («Подготовка производственных кадров сельского хозяйства в реконструктивный период»), Н. П. Липатова («Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Очерки истории строительства»), А. В. Митрофановой («Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.)»), в этнографическом исследовании Л. Н. Терентьевой («Колхозное крестьянство Латвии») и в сборнике «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера» (под ред. Б. О. Долгих). Ряд работ по данному направлению опубликован институтами истории филиалов АН СССР.

По истории Великой Октябрьской социалистической революции, отметил докладчик, в 1960 г. была издана хроника событий, что, конечно, не может удовлетворить наших потребностей в изучении и популяризации опыта Великого Октября.

Отдельные историки и члены Отделения — академики П. Н. Поспелов, И. И. Минц, чл.-корр. В. М. Хвостов и др.— принимали участие в создании первого тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». А. М. Самсонов издал монографию

Сталинградской битве. Вышел в свет сборник листовок периода Великой Отечественной войны.

Решения XX и XXI съездов партии, постановление ЦК КПСС о задачах партийной пропаганды в современных условиях определяют историю социалистического и коммунистического строительства как важнейшее направление изысканий советских ученых. Однако, продолжал докладчик, историки до сих пор не установили должного сотрудничества с экономистами, философами, юристами, без чего невозможно глубоко изучить и обобщить великий опыт строительства социализма и коммунизма в нашей стране.

По истории социалистического строительства в странах народной демократии в истекшем году была закончена работа П. В. Галенко («Национализация основных средств производства в Польской Народной Республике»), опубликованы работы Б. И. Глунина («Социалистическая революция в Китае»), Н. Д. Смирновой («Образование Народной Республики Албании (1939 –1945 гг.)») и др. Наиболее крупный труд по этому направлению — 3-й том «Истории Чехословакии», посвященный самому сложному периоду истории страны — от образования буржуазной республики в 1918 г. до настоящего времени. Коллектив историков Института славяноведения, создавший этот труд, в основном справился с возложенной на него задачей: работа была положительно оценена советской и чехословацкой научной общественностью. Вместе с тем книга не лишена некоторых недостатков. Основной из них тот, что история создания народно-демократического государства, и особенно социалистического строительства в Чехословакии, дана еще несколько схематично, в основном по материалам партийных съездов, конференций и пленумов ЦК КПЧ.

Заявление Московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, подчеркнул докладчик, требует усиления внимания к изучению истории строительства социализма и коммунизма в странах народной демократии.

Далее Е. М. Жуков остановился на работах, в которых исследуются революционные традиции народов СССР, история социально-экономического и культурного развития народов нашей страны до Великой Октябрьской социалистической революции. Этот раздел науки, включающий в себя круг крупных проблем, представлен рядом больших работ, такими, как коллективное исследование «Революционная ситуация в России 1859—1861 гг.» (под ред. акад. М. В. Нечкиной), сборник документов «Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.» (под ред. акад. Н. М. Дружинина). Большой интерес представляют факсимильное издание «Колокола» А. И. Герцена и Н. П. Огарева (предисл. акад. М. В. Нечкиной), а также сборник материалов «Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов XIX в.», выпущенный Институтом славяноведения.

Важное значение имеет крупное исследование Л. В. Черепнина «Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках», являющееся бесспорным достижением советской исторической науки. Большую ценность представляют главы, раскрывающие важнейшие внутренние предпосылки образования централизованного феодального государства. Автор раскрыл пружины острейшей классовой борьбы и дал анализ разнообразных проявлений идеологической борьбы на Руси в тот период. Высоко оценивая этот капитальный труд, докладчик, однако, упрекнул автора в недостаточном внимании к процессу формирования русской народности, который приходится в основном на XIV столетие. Значительный интерес представляет монография акад. М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России». Оригинальные, но не всегда бесспорные положения имеются в содержательной работе А. А. Зимина «Реформы Ивана Грозного».

По отечественной истории нового времени докладчик отметил книгу А. Л. Сидорова «Финансовое положение России в годы первой мировой войны». На основании богатых архивных источников автор приходит к выводам, имеющим не только научный, но и политический интерес. Поскольку дореволюционная Россия неполностью использовала военные кредиты, открытые ей странами Антанты, принятые в литературе цифры о размерах задолженности России союзникам являются преувеличенными.

В истекшем году вышел из печати ряд работ, посвященных истории культуры народов нашей страны в дооктябрьский период. Среди них книга чл.-корр. В. Н. Лаза-

рева («Фрески старой Ладоги»), 5-й том «Истории русского искусства», характеризующий русскую живопись, скульптуру, архитектуру, прикладное искусство первой половины XVIII в. и др.; монография чл.-корр. А. А. Сидорова («Рисунок русских мастеров. Вторая половина XIX века»). Автор рассматривает историю русского рисунка в неразрывной связи с историей России, русской общественной мысли, русской культуры, что делает книгу нужной и понятной не только профессионалам, но всем, кто любит и ценит русское искусство.

Ряд значительных трудов институты издали по новой и новейшей истории капиталистических и колониальных стран. К их числу относятся «Очерки новой и новейшей истории Мексики», а также «Очерки новой и новейшей истории США», где впервые в советской литературе систематически изложена история Соединенных Штатов с XVIII в. до наших дней. Достоинством этого труда является включение в него специальных глав, посвященных истории литературы, развитию искусства и историографии. Работа не во всех своих частях является исследовательской, но это не снижает ее общую ценность.

Вышла в свет «Новая история Индии». Эта работа, охватывающая период с середины XVII в. до 1917 года, написана на основе большого материала. Докладчик отметил, что в книге отдельные проблемы освещены неровно. Вопросы истории культуры органически не связаны с гражданской историей. Вряд ли правильны названия некоторых разделов книги (2 и 3). Несмотря на критические замечания, выход в свет этой книги докладчик назвал крупным событием в советской индианистике. Заслуживает внимания появление в свет печатных работ по истории таких сравнительно малоизученных стран, как Таиланд, Цейлон, Непал.

По истории рабочего и коммунистического движения важнейшее значение имеет работа акад. В. П. Волгина «Французский утопический коммунизм», являющаяся продолжением и развитием многолетних трудов автора. Заслуживает внимания исследование М. И. Михайлова «Союз коммунистов — первая международная организация пролетариата». Вышел в свет ценнейший источник по истории международного революционного движения «Протоколы заседаний Парижской Коммуны» (2-й том).

Докладчик отметил, что необходимо добиваться расширения фронта исследований по истории международного рабочего и коммунистического движения. К этому нас призывают документы Московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Эти документы выдвигают перед историками широкий круг актуальных тем, и это обязывает нас сделать необходимые выводы.

Современный этап национально-освободительной борьбы и распад колониальной системы империализма получили свое освещение главным образом в коллективных работах экономического профиля, подготовленных Институтом народов Азии («Экономика современной Индии», «Проблемы экономики Юго-Восточной Азии», «Государственный капитализм в странах Востока»).

По истории международных отношений и внешней политики опубликованы интересная работа акад. И. М. Майского («Воспоминания советского посла в Лондоне»), книги В. Г. Полякова («Англия и мюнхенский сговор») и А. В. Фадеева («Россия и Кавказ в первой трети XIX в.»).

Ряд исследований по истории внешней политики Соединенных Штатов Америки выпущен Институтом народов Азии. Докладчик особо отметил книгу «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке» как актуальную и полезную работу. В книге сделана попытка проанализировать методы колонизаторской, экспансионистской политики США в отношении Турции, Ирана, Пакистана. Авторами собран значительный материал, характеризующий главным образом военные и экономические аспекты американской политики в этих странах. Идеологические формы экспансии США освещены бегло и несколько формально. Местами книга носит характер обзора иностранной печати. Авторы мало считаются с хронологической последовательностью событий (что нередко мешает им делать серьезные обобщения, анализировать изменения в тактике американского империализма). Тем не менее в целом книга, несомненно, будет полезной.

Важным шагом в области историографии является опубликованный в прошлом году 2-й том «Очерков истории исторической науки». Том охватывает главным обра-

зом вторую половину XIX в., отличается богатством содержания. Вместе с тем докладчик отметил известную неравноценность отдельных глав этого труда. Первые главы, посвященные собственно русской истории, написаны на более высоком теоретическом уровне. Другие части, дающие часто весьма интересный материал, уступают в смысле полноты и глубины обобщений. По-видимому, это в известной мере отражает состояние самой исторической науки.

Далее акад. Е. М. Жуков остановился на некоторых работах в области археологии, этнографии и истории доканиталистических формаций. Он рассказал о монографии Е. И. Крупнова («Древняя история Северного Кавказа»), отметил выход в свет двух томов материалов Хорезмской экспедиции, руководимой чл.-корр. С. П. Толстовым. Изучению этногенеза народов Сибири и местных модификаций родового строя посвятил свое исследование Б. О. Долгих («Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.»). Составленные автором таблицы и карты распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. проливают свет на многие неясные и спорные вопросы.

Проблемам древней истории посвящены труд К. К. Зельина и ряд ценных статей акад. В. В. Струве. По средневековой истории опубликованы книги И. И. Петрушевского, Я. А. Левицкого, чл.-корр. С. И. Архангельского. Большим событием в изучении истории культуры средневековья является книга чл.-корр. В. Н. Лазарева «Происхождение итальянского Возрождения» (II том). Немалый интерес представляют статьи по различным проблемам византиноведения и сирологии, опубликованные чл.-корр. Н. В. Пигулевской. Академик С. Д. Сказкин совместно с М. Н. Мейманом опубликовал проблемную статью о переходе от первобытнообщинной формации к феодальной. Статья, вызвавшая различные мнения, позволила обсудить важные теоретические вопросы.

Поистине огромное научное значение имеет публикация исследования проф. Н. А. Невского («Тангутская филология»), позволившего прочесть неизвестную ранее главу в истории Азии. Этот уникальный труд подготовил к печати и издал акад. Н. И. Конрад. В 1960 г. вышли из печати обобщающие труды: 7-й том «Всемирной истории» и «Народы Северного Кавказа». Подготовлены к печати 6 выпусков «Свода археологических источников». Докладчик отметил, что это основные работы Отделения, являющиеся своего рода показателем состояния нашей науки.

Далее акад. Е. М. Жуков остановился на тех больших задачах, которые стоят перед историками в связи с приближением XXII съезда КПСС. Он подчеркнул, что научные коллективы Отделения должны тщательно проверить свои творческие возможности и обеспечить к съезду публикацию всех работ, имеющих научную и политическую ценность. Повышая требовательность к нашей книжной продукции, решительно преодолевая недостатки, сказал в заключение докладчик, мы можем показать, что история — наука о прошлом — не оторвана от жизни. Она может и должна служить современности, служить делу коммунизма.

С содокладом о работе Бюро Отделения исторических наук АН СССР за 1960 г. выступил заместитель академика-секретаря доктор исторических наук В. И. Шунков. Главное усилие Бюро Отделения и руководства институтов, подчеркнул докладчик, было направлено на обеспечение комплексного изучения всего исторического процесса на различных его этапах с преимущественным вниманием к изучению новейшего периода.

В 1960 г. учреждения Отделения завершили 264 исследования, из них по истории первобытного и рабовладельческого обществ — около 30, столько же — по истории феодализма. Новому периоду в истории человеческого общества посвящено свыше 80 работ. В 30 работах исследуется строительство социализма и коммунизма в СССР и в 10 — история социалистического строительства в странах народной демократии. Докладчик вместе с тем подчеркнул, что многие труды по древним периодам истории затрагивают вопросы острейшей идеологической борьбы сегодняшнего дня.

Среди подготовленных в минувшем году работ преобладают монографические исследования. Наряду с ними имеется несколько крупных обобщающих трудов. Говоря об этом, докладчик отметил, что в монографических исследованиях все еще не изжита мелкотемность и некоторая случайность отдельных тем. Несмотря на несомненные

сдвиги, достигнутые в подготовке вспомогательных материалов (публикация источников, словарей, справочников и т. д.), в этом деле мы еще не преодолели отставания.

Пока еще мало историков, продолжал В. И. Шунков, уделяют внимание созданию научно-популярных книг, имеющих важное значение в деле коммунистического воспитания трудящихся. Правда, это обстоятельство в известной мере компенсируется большой лекционной работой сотрудников институтов Отделения истории по пропаганде научных знаний, а также деятельностью наших двух музеев (Музея истории религии и атеизма и Музея антропологии и этнографии), которые в 1960 г. посетило более 1 млн. человек.

Далее докладчик осветил основные направления работы Бюро Отделения исторических наук в 1960 году (совершенствование организационных форм исторической науки; координация деятельности институтов Отделения как между собой, так и с институтами других Отделений АН СССР и с неакадемическими научными учреждениями; расширение научных связей с зарубежными историческими организациями и др.).

В заключение В. И. Шунков проанализировал работу Отделения как научного центра, где крупнейшие ученые выступают с сообщениями о результатах своих исследований.

В обсуждении докладов приняли участие 13 человек. Выступавшие говорили о достижениях в различных областях исторических знаний и о тех больших задачах, которые стоят перед исторической наукой на современном этапе. В прениях был отмечен как положительный факт новый характер отчетных докладов, которые оттенили ведущие направления работы Отделения и содержали анализ этой работы по существу.

Выступившая в прениях акад. М. В. Нечкина говорила о тематике, на которой следует сосредоточить главное внимание исследователей. Многопредметность, вообще естественная в науке, не должна идти в ущерб исследованию трудных, назревших проблем и прежде всего таких, как история советского общества, история международного рабочего движения и др. По мнению оратора, историки все еще недостаточно концентрируют свои силы на главных, ударных участках науки. М. В. Нечкина подчеркнула необходимость установления постоянной связи историков, работающих в различных местах страны над одними и теми же темами, остановилась на организационных формах этой большой и нужной работы. В заключение она высказала интересные соображения о создании условий, которые обеспечили бы нашим ученым более успешную борьбу с буржуазными фальсификаторами истории.

В выступлении доктора исторических наук М. Г. Левина шла речь об основных успехах, достигнутых антропологами, о трудностях, испытываемых в своей работе этой группой ученых. Оратор проанализировал также задачи, которые стоят перед ними в связи с предстоящим международным конгрессом этнографов и антропологов.

О необходимости усиления координации работы филологов Института славяноведения с институтами Отделения литературы и языка говорил доктор филологических наук Н. И. Кравцов. Он особо подчеркнул назревшую потребность изучения культуры славянских стран и в частности славянского народного творчества, которое не исследуется ни в одном институте Академии наук.

Чл.-корр. А. В. Арциховский высказал ряд соображений о причинах, замедляющих подготовку докторских диссертаций. По его мнению, главная из них — это большая норма педагогической нагрузки в вузах и загруженность научных сотрудников в академических институтах работой над коллективными трудами.

Интересный вопрос о научных контактах археологов с физиками, химиками, биологами и представителями других точных наук поднял в своей речи доктор исторических наук Е. И. Крупнов. Он привел несколько примеров, показывающих, что результаты работы археологов могут быть использованы в народном хозяйстве.

Чл.-корр. Н. В. Пигулевская остановилась в своем выступлении на одной из важных задач Института народов Азии, работе над богатейшим сокровищем нашей страны — уникальными древними рукописями, хранящимися в Ленинграде, и на значении этих рукописей для исследовательской работы востоковедов. Н. В. Пигулевская подчеркнула большое влияние и значение, которое имел состоявшийся в Москве Международный конгресс востоковедов. Остановившись в заключение на вопросе подготовки

научных кадров высшей квалификации, она высказалась за то, чтобы минимально загружать ученых, работающих над докторскими диссертациями.

Об ответственных задачах, которые современность поставила перед африканистами, говорил доктор исторических наук И. И. Потехин. Он отметил, что история африканского континента представляет исключительный интерес, и ее изучение явится ценнейшим вкладом советских ученых в исследование всемирной истории. Сейчас создан Институт Африки. Но было бы неправильно, продолжал оратор, если бы этот институт «монополизировал» изучение истории Африки. Оно должно стать делом всех советских историков.

Некоторыми соображениями по вопросу издания научной продукции Отделения поделился доктор исторических наук В. С. Люблинский.

Заместитель академика-секретаря чл.-корр. А. А. Губер говорил о необходимости более четкого и ритмичного выполнения институтами редакционных и издательских планов и о работе журналов Отделения. Оратор высказал ряд практических соображений об уменьшении и ликвидации убыточности исторических журналов. В заключение он остановился на существующей практике планирования тиража научных изданий. Он считает неправильным, когда в качестве критерия в этом вопросе берется срок распродажи издания. Нельзя, подчеркнул А. А. Губер, требовать, чтобы научные книги так же, как и другая литература, реализовывались в первые три месяца.

В кратком выступлении чл.-корр. В. Н. Лазарева шла речь о необходимости планомерной подготовки университетами молодых специалистов-востоковедов и африканистов.

Темой речи чл.-корр. С. П. Толстова явился семилетний план работы Отделения. Оратор подчеркнул, что этот план крайне многотемен, в дальнейшем его надо сжать, ограничив тематику небольшим кругом крупных, важных проблем. Среди них одно из ведущих мест, по мнению оратора, должно принадлежать проблеме этногенеза в широком смысле этого слова, что имеет не только научное, но и крупное политическое значение. Сейчас на мировую арену выходят многие освободившиеся от колониального рабства народы Азии и Африки. Они желают знать свою истинную историю. Но им мешают это сделать буржуазные фальсификаторы, которые, протаскивая различные расистские «теории», искажают историю этих народов. Наша задача — разоблачать подобные «теории», показывать подлинную историю народов Азии и Африки.

Академик И. И. Минц отметил, что из поля зрения Отделения выпала важная проблема — история внешней политики Советского Союза. О значении этой проблемы свидетельствуют документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. По мнению И. И. Минца, Бюро Отделения в будущем надо больше уделять внимания определению направлений исследовательской работы. Бюро также должно устранить дробление научных сил, не допускать элементов параллелизма в их работе и обеспечить привлечение периферийных кадров к изучению ведущих проблем исторической науки.

Общее собрание единогласно приняло решение, в котором одобрило деятельность Бюро Отделения и утвердило отчет за 1960 год. Собрание наметило основные, ведущие направления работы Отделения исторических наук и его учреждений.

Собрание заслушало научный доклад заместителя академика-секретаря чл.-корр. В. М. Хвостова «Германская экспансия на Восток (ее история и идеологические корни)». Угроза германской экспансии на Восток, отметил докладчик, будучи явлением большой исторической давности, до сих пор остается составной частью самой жгучей проблемы нашего времени — проблемы войны и мира.

В результате разгрома германского фашизма были ликвидированы последствия тысячелетней экспансии эксплуататорских классов Германии в странах Восточной Европы. Благодаря победам Советской Армии, а также своей героической борьбе польский и чешский народы вернули свою исконную территорию.

С новыми границами, установленными Потсдамской конференцией и признанными миролюбивыми силами немецкого народа, не захотели согласиться реваншистские круги, свившие себе гнездо в Западной Германии. Правящие круги ФРГ ведут реваншистскую политику, они всячески препятствуют мирному разрешению германского вопроса требуя пересмотра границ, установленных Потсдамским соглашением. Аппетиты запад-

ногерманских реваншистов не ограничиваются Востоком, они простираются и на Запад. Боннские заправилы призывают к восстановлению границ времен бисмарковской империи. Сравнение настоящего с прошлым, говорит докладчик, показывает, что политика ФРГ в изменившейся обстановке продолжает агрессивную политику германского империализма и прусского милитаризма.

В прениях по докладу выступили В. Д. Королюк и С. П. Сурат. Они отмечали важное значение вопроса, поднятого в докладе В. М. Хвостова.

На совместном заседании Отделения физико-математических наук, Отделения исторических наук и Отделения литературы и языка АН СССР был заслушан доклад акад. С. Л. Соболева о применении математических машин в расшифровке письмен майя.

Члены Отделения исторических наук принимали также участие в работе общего собрания Академии наук. В прениях по докладу главного ученого секретаря Президиума АН СССР акад. Е. К. Федорова «Об итогах научной деятельности и внедрения законченных научных работ Академии наук СССР за 1960 год» выступали акад. И. И. Минц и члены-корреспонденты Б. Н. Пономарев и В. М. Хвостов.

С большим вниманием общее собрание выслушало доклад акад. Е. М. Жукова «Понятие прогресса в исторической науке».

Во многих документах нашего времени, сказал докладчик, в книгах и статьях, в речах и выступлениях нередко встречается упоминание о социальном прогрессе, об исторической прогрессивности того или иного общественного явления, о прогрессивных тенденциях развития человечества. Но что такое «социальный прогресс», или, другими словами, прогресс в развитии общества? Каков критерий общественного или социального прогресса? Существует ли этот критерий вообще?

Несмотря на кажущуюся элементарность этих вопросов, подчеркнул Е. М. Жуков, они служат объектом острой идеологической борьбы, одним из источников непримиримых расхождений между марксистско-ленинской общественной наукой и различными течениями в буржуазной социологии и историографии. Значительным большинством буржуазных ученых — историками и социологами — берется под сомнение не только идея исторического прогресса, но и самая возможность объективного научного исследования, установления каких-либо закономерностей общественного развития.

В настоящее время, продолжал докладчик, в США и в странах Западной Европы большинство буржуазных историков и социологов, как правило, боятся употребления даже слов «социальный прогресс». Приведя конкретные факты в подтверждение этого тезиса, докладчик поставил вопрос: почему же понятие «социальный прогресс» в принципе неприемлемо для большинства представителей современной буржуазной историографии? Ответ на этот вопрос, сказал Е. М. Жуков, можно дать частный и более общий.

Частный ответ на вопрос о причинах неприемлемости понятия «социальный прогресс» для господствующего субъективистского направления в современной буржуазной историографии состоит в том, что ее методологические основы исключают возможность научного охвата и осмысления общего пути, пройденного человечеством. Но подобный ответ явно недостаточен, поскольку он не вскрывает основные социальные мотивы, лежащие в основе данной порочной методологии.

Говоря о более общем ответе на поставленный вопрос, докладчик прежде всего отметил, что идея прогресса, то есть идея поступательного движения общества, по сути дела, является революционной идеей. Она предполагает развитие общества по восходящей линии, другими словами, не попятное или кругообразное движение, не топтание на месте, не стагнацию, не консервацию существующих социальных форм и явлений, а обязательную замену устаревающих и отживших свой век институтов новыми, молодыми, растущими. Это означает, что подобно тому, как рабовладельческий строй уступил место феодальному, а феодальный — капиталистическому, последний, то есть капитализм, непременно будет сменен во всем мире новым, неизмеримо более совершенным общественным строем — социализмом, утверждение которого подготовлено всем ходом развития человеческого общества.

Может ли буржуазная общественная наука периода современного, умирающего капитализма, продолжал докладчик, принять на вооружение идею социального про-

гресса, означающую признание неизбежности гибели общественного строя, основанного на монополии частной собственности на средства производства и на эксплуатации человека человеком? Нигде, пожалуй, подчеркнул докладчик, не выступает столь отчетливо классовый, партийный характер общественных наук, в том числе истории, как в данном случае.

Буржуазные историки периода восхождения капитализма, его активной борьбы с феодализмом вовсе не боялись понятия «социальный прогресс». Они широко им пользовались, доказывая прогрессивность буржуазных общественных отношений по сравнению с феодальными и тем самым необходимость и неизбежность победы капитализма. Иное дело теперь, когда наступила пора заката капитализма. Перед буржуазными историками и социологами стоит выбор: либо продолжать оставаться на почве науки, и тогда надо принимать идею прогресса в мировой истории, то есть признавать исторически преходящий характер капиталистических общественных отношений, либо отрицать это и тем самым покидать твердую научную почву и сползать в болото более или менее завуалированной апологетики капиталистического рабства.

Докладчик отметил, что в связи с этим еще в конце прошлого века, когда капитализм начал переходить в монополистическую стадию, обозначился глубокий кризис буржуазной историографии. Современная эпоха исторического развития, связанная с победой Великой Октябрьской социалистической революции в СССР, с рождением новой социально-экономической формации и ее успехами в соревновании с капитализмом, резко обострила этот кризис буржуазной исторической мысли.

Характерно, что мало кто из буржуазных историков рискует сейчас выступать с открытым забралом в защиту капитализма. Они понимают, что столь гнилой товар не найдет массового потребителя. В исторических построениях западноевропейских и американских авторов резко усилилась иррациональная, мистическая струя. Разгул субъективизма сопровождается проявлениями крайнего пессимизма в оценке прошлого, настоящего и будущего человечества: «Никаких закономерностей, никаких выводов, никаких перспектив». Боязнь уроков истории, которые показывают обреченность реакционных социальных сил, институтов, идей, тормозящих развитие человечества, завела буржуазную историографию в тупик. Сейчас на Западе все чаще раздаются голоса о том, что будто бы история не наука, а некое субъективное мироощущение.

Однако, отметил докладчик, было бы в высшей степени легкомысленно на этом основании полагать, что историкам-марксистам уже не с кем бороться, поскольку их противники явно несостоятельны. Дело обстоит не так. Идеологическая борьба принимает все более ожесточенный характер. Докладчик проиллюстрировал это на примере толкования идеи прогресса в мировой истории.

Каков же действительный смысл социального прогресса в мировой истории, продолжал докладчик. Каким научным критерием социального прогресса руководствуется марксистская историческая наука?

Марксизм рассматривает общество как «живой, находящийся в постоянном развитии организм» [1]. Материалистическое понимание истории, открытое К. Марксом, дало возможность подлинно научного истолкования путей развития человечества как естественноисторического процесса развития общественно-экономических формаций. Оно дало возможность выявить общие закономерности общественного развития и тем самым определить его основные тенденции и перспективы.

Однако нет ничего более противного духу марксизма, чем абстрактное социологизирование, искусственное конструирование исторического процесса, оторванное от конкретного анализа жизни общества. Подчеркивая этот момент, Ф. Энгельс призывал именно к конкретному изучению истории. Он писал: «Всю историю надо изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» [2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 148.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 421.

Историки-марксисты и в первую очередь советские историки за 43 года существования Советского государства сделали немало для того, чтобы на базе конкретного анализа фактов, документов и материалов воспроизвести реальный исторический процесс во всей его сложности и многообразии. Не случайно, что наш опыт подготовки и издания коллективного, обобщающего труда «Всемирная история» (издание это подходит к концу) вызвал громадный интерес далеко за пределами нашей страны. Советская «Всемирная история» издается большими тиражами на нескольких языках в ряде зарубежных стран.

Как отметил докладчик, в ходе конкретно-исторического исследования основополагающие теоретические положения марксизма еще ярче засверкали всеми своими гранями. Выпукло и отчетливо обозначились закономерности общественного развития на примере самых разнообразных стран и народов. Жизнью, опытом конкретного исторического пути была проверена и марксистская теория социального прогресса.

Рассказав о сущности смены общественно-экономических формаций, докладчик отметил, что социальный прогресс вызван к жизни, детерминирован глубинными процессами, происходящими в изменяющейся материально-производственной основе человеческого общества.

Разумеется, было бы неверно, подчеркнул Е. М. Жуков, сводить понятие прогресса к поступательному движению только и исключительно в сфере производства. Существуют прогрессивные надстроечные явления, оказывающие мощное стимулирующее воздействие на материальные условия жизни общества. Существуют прогрессивные социальные институты, идеи, прогрессивная литература, искусство и т. п. Марксистско-ленинская наука различает прогрессивные классы общества, партии, способствующие своей деятельностью, своей борьбой преодолению тормозящих моментов в поступательном движении общества и двигающие его вперед. Люди, трудящиеся массы являются подлинными творцами истории; социальный прогресс свершается не автоматически, а через практическую деятельность народных масс.

Последовательный революционный переход от одной социально-экономической формации к другой, от низшей к более высокой, продолжал докладчик, выражает социальный прогресс в самой общей его форме. Но и внутри каждой социально-экономической формации происходит постоянная борьба нового со старым, отживающего с нарождающимся.

На конференции польских историков в 1952 г., продолжал докладчик, проф. Дуткевич предложил следующее определение: «Прогрессом является то, что способствует появлению новой формации, что борется со старой формацией, с ее пережитками». Как отметил Е. М. Жуков, эта формула вряд ли покрывает все стороны проблемы, но правильно оттеняет важнейшую сторону общественного прогресса в обществе — его неразрывную связь со сменой социально-экономических формаций.

Остановившись далее на ленинском учении о возрастании активности народных масс в историческом процессе, докладчик отметил, что активность трудящихся и в первую очередь рабочего класса является мощным ускорителем общественного прогресса. Убыстрение темпов прогрессивного развития человечества — прямой результат вовлечения в него «новых сотен и сотен миллионов людей» [3].

Резюмируя сказанное, Е. М. Жуков подчеркнул, что признание «высшим критерием» социального прогресса развития производительных сил не упрощает проблему в целом, не приводит к схематизации исторического процесса. Общий критерий дает лишь объективную основу, наличие которой предполагает конкретный анализ исторических явлений.

Опыт истории учит, продолжал докладчик, что социальный прогресс до недавнего времени совершался отнюдь не прямолинейно и безболезненно. Процесс перехода от одной антагонистической формации к другой неизменно сопровождается тяжелейшими жертвами, жестокими страданиями широких народных масс. Становление рабовладельческого способа производства было немыслимо без кровавой охоты на людей, безжалостного истребления целых народов, беспощадных расправ со свободными скотоводами

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 313.

земледельцами, сопротивлявшимися порабощению, без восстаний рабов. История рабовладельческих государств — Древнего Востока, Греции, Рима — летопись страданий трудящихся масс, написанная слезами, потом и кровью.

Но рабовладельческий способ производства явился тем не менее огромным шагом вперед, прогрессом по сравнению с господствовавшими многие тысячелетия первобытнообщинными отношениями. Беспощадная эксплуатация рабского труда ускорила дальнейшее поступательное движение общества. Не только чудеса древней цивилизации, гигантские оросительные системы Древнего Востока, шедевры античного искусства были бы невозможны, если бы производительные силы оставались на прежнем примитивном уровне, который соответствовал доклассовым общественным отношениям, но без рабства не было бы и всей современной цивилизации [4].

Феодальная социально-экономическая формация, утвердившаяся на обломках рабовладельческой системы, фактически господствовала свыше тысячи лет. Феодальные производственные отношения были новым, значительным шагом вперед в развитии общества по сравнению с рабством. Эксплуатация по форме носила менее жестокий характер. И тем не менее на протяжении всей истории феодальных государств их сопровождали антифеодальные движения.

Зарождение в недрах феодального общества новых, капиталистических производственных отношений в результате бурных изменений в характере производительных сил — явление глубоко прогрессивное — сопровождалось массовой насильственной экспроприацией, пауперизацией и гибелью множества людей. Яркие страницы знаменитой 24-й главы I тома «Капитала» К. Маркса дают бичующую характеристику этих варварских методов, при помощи которых происходило так называемое первоначальное накопление капитала. Буквально на костях миллионов безымянных жертв совершал свой выход на мировую арену тогдашний носитель общественного прогресса — капитализм.

Вся прошлая история человечества, до появления социалистической формации, носила на себе эту неистребимую, поистине Каинову печать: социальный прогресс пробивал себе дорогу огнем и мечом, железом и кровью. Он осуществлялся мучительными для народных масс способами, ломая миллионы человеческих судеб, выступая роли стихийной, неодолимой силы. Стоит лишь напомнить, как уже на ранних стадиях развития капитализма внедрение в производство высокопроизводительных машин сопровождалось разорением, нередко и гибелью многочисленного слоя ремесленников.

Совершенствование орудий производства и обогащение производственного опыта людей открыло перед человечеством исключительно широкие горизонты. Но капитализм оказался не в состоянии ни использовать уже имеющиеся в наличии производительные силы, ни тем более дать простор их дальнейшему росту. Достижения человеческого гения, открытия современной науки и техники реализуются капиталистическим обществом в интересах обогащения горстки монополистов и главным образом во вред человечеству, как грозные средства истребительной войны. Производственные мощности высоко организованной промышленности в развитых капиталистических странах простаются недогруженными. В Соединенных Штатах Америки, этой цитадели современного капитализма, наиболее массовая хроническая безработица. Капитализму не дано раскрепостить могучий производственный потенциал, накопленный человечеством. Даже узко понимаемый технический прогресс получает при нем крайне однобокое, уродливое развитие.

Капитализм демонстрирует свою несостоятельность в решающей сфере человеческой деятельности — в сфере материального производства. Уже одного этого достаточно, чтобы признать, что капиталистическая система стала тормозом социального прогресса.

В наше время, отмечалось далее в докладе, социальный прогресс уже несовместим с капитализмом. Все прогрессивные явления, происходящие в капиталистическом мире, направлены, по существу, против капитализма, связаны с его отрицанием, с умножением факторов, способствующих революционному переходу от капитализма к социализму. Борьба за социальный прогресс в капиталистических странах — это борьба за

---

[4] См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1948, стр. 169.

уничтожение господства монополистической верхушки буржуазии, борьба за единство и сплочение демократических сил, возглавляемых рабочим классом, это борьба, направленная на то, чтобы парализовать военные планы империалистов, отбить наступление реакционных монополий на жизненный уровень и политические права трудящихся, дать отпор буржуазной идеологии, развращающей сознание масс, обеспечить распространение передовых общественных идей, идей социализма.

Сближаемые в общей формуле понятия «мир, демократия и социальный прогресс» выражают генеральную тенденцию современной эпохи — эпохи упадка капитализма и подъема социализма. «Никакие потуги империализма,— говорится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий,— не могут приостановить поступательное развитие истории» [5].

Только с переходом человечества от антагонистических формаций к социализму общественный прогресс теряет свой противоречивый, двойственный характер и впервые в истории выступает открыто и прямолинейно.

В заключение докладчик отметил, что мы живем в крайне интересное время, богатое крупнейшими историческими событиями, определяющими судьбы дальнейших поколений. Мы имеем не столь уж частую в истории возможность чувствовать биение пульса истории, сопоставлять и сравнивать два противоположных мира, две цивилизации в их борьбе и соревновании. Благодаря этому само понятие прогресса в мировой истории — в его самом широком смысле — теряет абстрактный характер и становится как бы осязаемым. Будучи в состоянии сопоставить две социально-экономические формации, мы отчетливо видим не только общее направление поступательного движения человечества, но и конкретные его результаты. Мы можем наблюдать многообразие форм перехода от капитализма к социализму, изучать высокоэффективные методы быстрого разрешения грандиозных социальных проблем, которые в прежние эпохи были вообще неразрешимы.

Социальный прогресс сегодня — это строительство коммунизма в СССР, успехи мировой социалистической системы, освобождение угнетенных народов от ига колониализма, нарастание классовых битв в капиталистических странах, торжество сил мира, дальнейший упадок и разложение мировой капиталистической системы.

Уже заканчивается обширный раздел книги истории человечества, посвященный классовым, антагонистическим формациям, закрывается последняя страница этой предыстории людей. Начинаются новые главы подлинной истории, сказал в заключение докладчик, в которой общественный прогресс не встретит больше никаких преград и станет естественным законом свободного и гармоничного развития людей.

М. И. Ассатурова

[5] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Госполитиздат. 1961, стр. 40.

Обзоры и рецензии

И. С. СМИРНОВ. *Ленин и советская культура.* Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г.— лето 1918 г.). Изд-во АН СССР. М. 1960. 448 стр. Тираж 15 000. Цена 1 руб. 70 коп.

Монография И. С. Смирнова о деятельности В. И. Ленина в области культурного строительства с октября 1917 г. до лета 1918 г. представляет значительный интерес. Этот труд является новым, переработанным изданием ранее вышедшей книги автора по

тории строительства советской культуры первый период Советской власти[1]. В этой иге и в ряде статей[2] И. С. Смирнов нетил отправные точки, главные проблемы цензируемого ныне исследования. Дальйшее изучение источников помогло автозначительно углубить свой труд. В результате им создана монография, которая только в два раза превышает первую игу по объему, но и решает поставленые вопросы более основательно и всестонне.

В историографическом очерке автор котко охарактеризовал работы других следователей в области истории культурго строительства. Историки 20-х — 30-х дов не создали значительных исследоваий, посвященных развитию культуры в рвые годы Советской власти. Лишь во сором томе «Истории гражданской войны СССР», изданном в 1943 г., впервые лава «Организация власти») были затроты некоторые стороны культурной жизни раны в тот период.

Автор справедливо отмечает значение общающих работ М. П. Кима[3], прослеивающих на большом отрезке времени ятельность Коммунистической партии и ветского государства по воплощению в изнь ленинской программы культурного роительства. В многочисленных статьях, орниках документов, воспоминаниях, убликованных к 40-летию Великой тябрьской социалистической революции, блюдается расширение проблематики ториографии Октября за счет вопросов тории советской культуры.

Приходится согласиться с автором в том, о изученность проблемы культурной реолюции, однако, значительно уступает овню разработки сопредельных проблем гр. 33).

Представляет интерес анализ источнив, данный автором в начале книги. Медологической основой, главным источнім для написания книги явились труды И. Ленина. Автор привлек к исследованию более 150 ленинских работ, выявил все высказывания В. И. Ленина по вопросам идеологии и культуры в его докладах, речах, статьях и письмах, посвященных политической и хозяйственной жизни страны в 1917—1918 годах[4]. Труды В. И. Ленина служат фундаментом для всесторонней научной разработки истории Октябрьской революции как революции во всех областях общественной жизни — политической, экономической, культурной.

Автор тщательно изучил партийные документы (протоколы съездов партии и заседаний ее ЦК, как опубликованные, так и хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), документальный сборник «Декреты Советской власти», публикации «Собрания узаконений», неопубликованные протоколы Совнаркома и Комиссии при Совнаркоме (впоследствии условно названной Малым Совнаркомом), хранящиеся в ЦПА ИМЛ и ЦГАОР СССР. При этом автор учел по исследуемой проблематике более 130 государственных актов, из которых свыше 110 подписаны В. И. Лениным. Тщательному анализу были подвергнуты также переписка Совнаркома с наркоматами, ведомствами и общественными организациями трудящихся, фонды Петроградского ВРК, ВЦИК, Революционного трибунала печати, Наркомпроса, Наркомнаца, архива ВСНХ и Народного комиссариата почт и телеграфа.

К работе сделано приложение, включающее перечень произведений, писем и документов В. И. Ленина с 25 октября 1917 г. по август 1918 г., в которых освещаются вопросы идеологии и культуры; государственные акты того же периода по вопросам культурного строительства, утвержденные и подписанные В. И. Лениным как председателем Совнаркома, а также перечень всех вопросов культурного строительства, рассмотренных на заседаниях Совнаркома под председательством В. И. Ленина. Кроме того, в книге имеется именной указатель и обширная библиография как по общим, так и по отдельным вопросам темы. Следует особо отметить, что книга тщательно издана и иллюстрирована интересными документальными фотографиями.

---

[1] И. С. Смирнов. Из истории строительства социалистической культуры в перй период Советской власти (октябрь 17 г.— лето 1918 г.). М. 1949 (второе изние. М. 1952).

[2] См. «Вестник Московского университе», 1949, № 1; 1955, № 4—5; «Вопросы исрии», 1952, № 7.

[3] М. П. Ким. Коммунистическая парія — организатор культурной революции в СР. М. 1955; его же. 40 лет советской льтуры. М. 1957.

[4] К сожалению, до сих пор не создан сводный библиографический указатель по опубликованному литературному наследству В. И. Ленина послеоктябрьского периода.

Историографический очерк, обзор источников, а также хорошо разработанный научно-справочный аппарат представляют сильную сторону рецензируемой монографии. Однако в этих разделах книги имеются и досадные пробелы. Так, И. С. Смирнов не сделал анализа специальной литературы по отдельным отраслям культуры; между тем по истории просвещения, литературы, театра, кино, изобразительного искусства издано в последнее время немало трудов[5].

И. С. Смирнов не дал развернутой источниковедческой характеристики периодической печати и воспоминаний. Правда, частично эта задача выполнена в специальном разделе книги о советской печати, а также в многочисленных примечаниях автора к тексту книги, уточняющих достоверность фактов и событий, изложенных в воспоминаниях В. Бонч-Бруевича (стр. 371), Е. Драбкиной (стр. 362), И. Губкина (стр. 277) и в ряде публикаций (стр. 78 и др.). При этом заметим, что иногда автор помещает в примечаниях материал первостепенной важности, который не носит справочного характера: расходы на научные мероприятия (стр. 273), структура Наркомпроса (стр. 202—203) и т. д.

С первых же дней после победы социалистической революции В. И. Ленин поставил перед большевистской партией и органами Советской власти задачу огромной важности — развертывание политико-просветительной работы в общегосударственном масштабе. Поэтому в книге И. С. Смирнова большое место закономерно занимает показ широкой политической агитации среди масс. Рассматривая политическую агитацию как специфическую форму связи просветительной работы с политикой, автор подчеркивает, что В. И. Ленин считал в то время политическое просвещение ведущим звеном внешкольного образования (стр. 386). Взволнованно рассказывает И. С. Смирнов о массовых политических кампаниях, проводимых большевистской партией и Советским правительством в первые месяцы пролетарской диктатуры. Непревзойденным образцом политической агитации явились многочисленные выступления Владимира Ильича перед народом. Особое значение придавал В. И. Ленин разъяснению советских законов, декретов новой, народной власти, неразрывно связанной с широкими массами, поднимавшей их к действию, к революционному творчеству. В. И. Ленин считал эту задачу важнейшей как для устной политической агитации, так и для большевистской печати.

Специальный раздел книги посвящен анализу «Декрета о печати», утвержденного В. И. Лениным на третий день революции, 27 октября 1917 года. Автор показал и напряженную обстановку борьбы с контрреволюционной прессой в первые дни после победы революции, обрисовал роль В. И. Ленина в подготовке, утверждении и проведении в жизнь важнейших декретов Советской власти о печати и о монополии на объявления.

В книге дается содержательный очерк истории организации советской печати, рассказывается о первых шагах советской журналистики. Автор показывает внимание и требования В. И. Ленина к советской прессе. Только за первое полугодие Советской республики в «Правде» и «Известиях» было опубликовано более 300 ленинских статей, речей, декретов (стр. 119). Повседневный контроль за работой советской печати и помощь ей составляли особую заботу Советского правительства. Важными сторонами в организации советской печати были развертывание издательского дела в стране, продвижение книги в массы, чему способствовал декрет «О государственном издательстве», утвержденный ВЦИК еще 29 декабря 1917 года.

Особое внимание и заботу проявлял В. И. Ленин к вопросам народного просвещения. Вместо царского «министерства народного затемнения» в интересах широких народных масс для руководства многогранным строительством культуры и просвещения был создан советский государственный центр — Наркомпрос. В книге сообщаются интересные данные о финансировании дела народного образования. По проекту росписи доходов и расходов республики на январь — июнь 1918 г. расходы по Наркомпросу планировались в сумме 465 100 тыс руб. (расходы по Наркомвоену превышали эту сумму только на 30 млн. руб.!). Кроме того, планировались затраты на культурное строительство по другим ведомствам: Ко

[5] См. П. И. Лебедев. Советское искусство в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М.-Л. 1949; «Очерки истории русского советского драматического театра». Т. I (1917—1934). М. 1954; «Очерки истории советского кино». Т. I (1917—1934). М. 1956; «История русской советской литературы». Т. I (1917—1929). М. 1958 и др.

иссариату имуществ, ВЦИК, НКВД, Нар-
омсобесу, Наркомзему (стр. 229—230).

В. И. Ленин начертал пути демократиза-
ии всего дела народного образования и
о перестройки в духе социализма; по
нициативе Владимира Ильича, при бли-
айшем его участии и под личным руко-
одством были проведены все важнейшие
решающие мероприятия в этой области.
книге раскрываются история подготовки
проведения коренной реформы школьно-
дела, идейное влияние партии большe-
иков и лично В. И. Ленина на учитель-
во.

Неотъемлемой частью борьбы за народ-
ое образование явилась демократизация
ысшей школы. Началом законодательного
формления реформы высшего образования
нашей стране послужило постановление
О правилах приема в высшие учебные
ведения РСФСР», принятое Совнаркомом
ри участии В. И. Ленина. К сожалению,
тор не раскрывает острой борьбы, кото-
я развернулась вокруг подготовки проек-
реформы высшей школы.

И. С. Смирнов уделяет внимание исто-
и взаимоотношений Советского государ-
ва и Академии наук, истории привлече-
я к работе на благо народа видных уче-
х страны. Этот раздел книги подвергся
иболее основательному обновлению по
авнению с предыдущими работами авто-
. И. С. Смирнов исправил при этом ряд
точностей и ошибок, допущенных им в
рвых изданиях книги. Он дает характе-
стику академической среды того време-
, показывает бережное и внимательное
ношение В. И. Ленина к научной интел-
генции, пресечение Лениным левацких
пыток реформирования Академии наук.
тор вводит в научный оборот много но-
х интересных материалов в связи с
ализом ленинского «Наброска плана
учно-технических работ», показывает зна-
ние этого документа. Однако в данном
зделе И. С. Смирнов, на наш взгляд,
ишком увлекается воспроизведением пе-
писки Академии наук и Наркомпроса в
ерб анализу этих документов и обобще-
ю данных, содержащихся в ряде работ
угих авторов [6].

И. С. Смирнов показывает, как в течение первых месяцев Советской власти претворялся в жизнь ленинский план мобилизации науки на службу народу. Тут и «Основной закон о лесах», предусматривавший организацию и использование на научных основах необъятного лесного хозяйства нашей страны, и создание Центрального статистического управления, и организация целого ряда научных экспедиций. При поддержке В. И. Ленина был организован марксистский научный центр — Социалистическая академия общественных наук.

Уделяя большое внимание ленинской политике привлечения буржуазной интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью, И. С. Смирнов не раскрывает всей сложности этой проблемы. Он не показывает, как беспощадно разоблачал В. И. Ленин позицию анархистов и «левых коммунистов». Когда на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. анархист Ге и «левый коммунист» Бухарин заявили, что «спецов» можно заставить работать только под угрозой расстрела, Владимир Ильич сказал, что это «полная нелепость и непонимание того, к чему винтовка служит» [7].

В специальной главе автор прослеживает мероприятия Советского государства в области искусства. В первых декретах Советской власти по охране и национализации культурных ценностей воплотилась ленинская идея преемственности культурного наследства. В практике Советского правительства первых месяцев революции отразилось величайшее явление современности: пролетариат показал себя подлинным наследником духовных и материальных культурных ценностей прошлого. Автор разоблачает клеветнический характер газет буржуазного и «социалистического» толка, писавших о «вандализме большевиков», которые якобы разрушили Кремль, Зимний дворец и другие исторические памятники.

В то же время И. С. Смирнов показывает антинациональную деятельность представителей свергнутых классов, расхищение ими и продажу иностранцам культурных ценностей страны. Против этой угрозы расхищения национального русского культурного достояния, к которому сразу потянулись жадные до легкой наживы руки аме-

[6] См. А. Е. Ферсман. В. И. Ленин и учение производительных сил. «Вестник Н СССР», 1940, № 4—5; Г. Князев, Кольцов. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.-Л. 1957; Е. Горецкий. К истории ленинского плана научно-технических работ. В книге «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. К 90-летию со дня рождения». М. 1960 и др.

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 277.

риканских и других бизнесменов, поднял свой гневный голос А. М. Горький, требовавший от Временного правительства акта о запрещении вывоза из России предметов искусства. Но, как подчеркивает И. С. Смирнов, ««временные» спокойно взирали на утрату национальных сокровищ» (стр. 336).

Советское правительство решительно защитило от разграбления памятники русского искусства. Автор раскрывает историю подготовки декретов о запрещении вывоза из страны художественных сокровищ, о государственном учете и регистрации ценнейших произведений искусства, решения Советского правительства о национализации дворцов, усадеб, картинных галерей в Петрограде, Москве, на периферии. Особенно важны факты личного участия В. И. Ленина в этом деле: оперативные указания Владимира Ильича местным Советам о бережной охране национализируемых ценностей, свидетельства современников о ленинском внимании к реставрационным работам в Кремле, к починке Кремлевских курантов и т. д. В проведении этих мероприятий Советское государство опиралось на содействие и помощь рабочих и крестьян. Только за пять месяцев органами Советской власти было выдано 429 «охранных грамот». Создавались местные комитеты охраны памятников старины и предметов искусства, привлекались специалисты в области искусства (например, с комиссией Моссовета сотрудничали крупнейшие русские художники и скульпторы: И. Е. Репин, В. Н. Бакшеев, В. М. Васнецов, С. Т. Коненков, А. В. Кончаловский, К. А. Коровин, В. Н. Мешков, В. Д. Поленов, А. С. Голубкина, С. Д. Эрьзя-Нефедов и др.) (стр. 325).

С интересом читается раздел монографии, посвященный ленинскому плану монументальной пропаганды. Известные по специальной литературе сведения И. С. Смирнов дополняет новыми подробностями и фактами, почерпнутыми преимущественно из неопубликованных архивных материалов, хотя хронологические рамки работы не дали автору возможности проанализировать общие итоги выполнения ленинского замысла. Автор рассматривает план монументальной пропаганды как начало коренного перелома во взаимоотношениях государства и искусства. «Не по совету буржуазных филантропов и меценатов, не по заказу царского двора, дворянской знати и буржуазных покровителей искусств стали творить скульпторы Советской России,— пишет И. С. Смирнов.— Их призывал к творчеству вождь партии большевиков, глава Советского правительства, теоретик марксизма, великий революционер. Это оказало прямое идейно-политическое влияние на художественную интеллигенцию, глубоко отразилось на методе их творчества, на их философских и эстетических взглядах» (стр. 366). И. С. Смирнов делает, на наш взгляд, совершенно правильный вывод о том, что ленинский план монументальной пропаганды «был первым государственным мероприятием, формулирующим основные требования, которые Советское государство будет предъявлять к работникам искусства,— требования социалистической идейности и народности» (стр. 368).

Рассмотрением названных вопросов исчерпывается глава, посвященная первым мероприятиям Советского государства в области искусства. Вероятно, ощущая неполноту раскрытия проблемы в целом, автор на стр. 313 замечает, что, «разумеется, воздействие В. И. Ленина на искусство не ограничилось лишь этими участками художественной жизни». Однако при этом И. С. Смирнов не раскрывает великое воздействие Октябрьской революции, первых мероприятий Советского государства, животворных идей В. И. Ленина на литературу, театр, кино, музыку и другие отрасли искусства, на художественную интеллигенцию. Это существенный недостаток рецензируемой работы.

Автору следовало также остановиться и на возрождении и развитии народного художественного творчества. Данный вопрос имеет, на наш взгляд, принципиальное значение как в плане ленинского отношения к культурному наследству, так и в деле создания условий для расцвета народных талантов. Недаром еще в июне 1918 г. Наркомпрос связывал открытие художественно-ремесленных школ с демократизацией искусства, со стремлением «дать народным силам выявить свои творческие возможности» [8].

В «Заключении» И. С. Смирнов делает, по нашему мнению, ряд важных обобщений. Исторически короткий, но наполненный богатейшим содержанием первый период жизни Советского государства, когда

[8] См. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС) ф. 2306, оп. I, д. 140, л. 21.

ждый месяц такой работы и такого опы- по выражению В. И. Ленина, «стоит сять, если не двадцать лет нашей исто- и»[9], явился началом великого процесса льтурной революции в нашей стране. это время Советское государство под ру- водством В. И. Ленина провело огром- ю работу в области культуры: была лик- дирована контрреволюционная буржуаз- печать, разрушен буржуазный государ- енный аппарат просвещения, уничтоже- пережитки феодализма, тормозившие витие культуры, национализированы и ранены основные культурные ценности аны. В то же время были предприняты кнейшие шаги по развертыванию твор- кой, созидательной работы в строитель- е социалистической культуры. Советы и зания В. И. Ленина в этой области, как черкивает автор, явились органической тью общего ленинского плана строи- льства социализма в нашей стране.

И. С. Смирнов приходит к выводу, что ентре внимания В. И. Ленина стояли в чаемый период следующие узловые за- и культуры: 1) широкая просветитель- и культурно-воспитательная работа в роде, повышение его политической и об- й грамотности и культурности; 2) выра- вание новых кадров из среды рабочих рестьян и выдвижение их на руководя- о работу; 3) привлечение буржуазной еллигенции на службу социалистическо- строительству и просвещению трудя- ся масс; 4) строительство новой, совет- й школы (стр. 376). Этот период тельности Владимира Ильича, как под- кивает автор, замечателен и поучителен что он показывает деятельность И. Ленина, направленную на превраще- всех завоеваний культуры «из орудия питализма в орудие социализма» . 390). Выводы автора убедительны и снованны.

ри правильной и продуманной в целом ктуре работы И. С. Смирнова вызы- т сомнение некоторые особенности ее позиции. Автор посвящает первую гла- выкорчевыванию остатков феодализма, овности и неравноправия. В этой главе тель находит материал о ликвидации овности, неравноправия женщин, на- ального гнета. Представляется более ильным начать исследование с харак- стики основных задач социалистиче- революции в области культуры.

Из недостатков и пробелов книги, помимо указанных выше, нам представляется необходимым отметить следующие. Автор не предпослал книге анализа ленинских взглядов на науку, искусство, на роль интеллигенции в обществе, взглядов В. И. Ленина, сложившихся еще до Октябрьской революции. Такой анализ значительно углубил бы исследование. В книге, по нашему мнению, следовало бы дать характеристику кризиса буржуазной культуры накануне Октября. Нельзя забывать о десятилетии, предшествовавшем революции, названном А. М. Горьким позорным и бесстыдным десятилетием в истории русской интеллигенции[10], когда наиболее полно проявился ее духовный кризис в эпоху империализма. Вместе с тем нужно было бы подчеркнуть сильную материалистическую традицию в русской науке, отметить значение общественной деятельности лучших представителей русской научной мысли, литературы и искусства. Это дало бы автору возможность показать, что Великая Октябрьская социалистическая революция спасла культуру русского и других народов нашей страны, открыла ей путь к возрождению и расцвету, навсегда уничтожила зависимость русской интеллигенции от денежного мешка, подкупа, от отношений купли-продажи, от сделки со своей совестью. В этом аспекте еще более выпукло выступает руководящая деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства пролетарского государства.

Влияние В. И. Ленина на развитие советской культуры было всепроникающим и многообразным. Думается, что автор все же недостаточно раскрыл это влияние на некоторые стороны культурного строительства, проявившиеся уже в первый период укрепления и развития Советского государства. Автор оставил вне поля зрения народные университеты, деревенские читальни, многочисленные формы культурной и политической работы среди бойцов молодой Красной Армии и т. д. и т. п. В. И. Ленин пристально следил за всеми проявлениями борьбы масс за культуру и влиял на их развитие. В этом плане примечательны воспоминания Н. К. Крупской о том, как интересовался Владимир Ильич еще накануне Октября новыми формами культурной работы, как внимательно слушал ее

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 474.

[10] См. А. М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 27. М. 1953, стр. 216.

рассказы о работе Отдела народного образования в Выборгской районной управе. «Ключом била инициатива рабочих,— писала Н. К. Крупская,— около Отдела народного образования сплачивалось немало сил. Ильич говорил тогда, что вот по такому типу должна будет складываться работа нашего государственного аппарата, наших будущих министров,— по типу комиссий из рабочих, работниц, стоящих в гуще жизни, знающих быт, условия работы, то, что в данную минуту всего более волнует массы»[11]. Представляется, что автору не хватает материала из местной печати и архивов, чтобы показать разворот массовой работы по всей стране, в городах, селах и частях Красной Армии, работы, которая осветила бы размах и масштабность ленинского руководства глубинными процессами культурного строительства.

Работа И. С. Смирнова озаглавлена «Ленин и советская культура». Но содержание книги отражено лишь в подзаголовке «Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г.— лето 1918 г.)». Конечно, правомерно и необходимо дать анализ всех сторон государственной деятельности В. И. Ленина в первый пери диктатуры пролетариата. Однако, хотя это время и были заложены первые основные камни здания социалистическ культуры, этот период при всей своей зн чимости недостаточен для полной харак ристики ленинского руководства культу ным строительством, ленинского учения культурной революции. Создание ряда м нографических исследований на тему «Л нин и советская культура» — назревш задача исторической науки.

Необходимо вплотную приступить созданию сборников документов, в ко рых раскрывалась бы всесторонняя деяте ность В. И. Ленина в области культу До сих пор у нас нет публикаций докум тов по культурному строительству основных этапах развития Советского сударства. Здесь нужна совместная раб историков, литературоведов, искусство дов, историков науки и техники. Наст тельна необходимость выявления и пуб кации документов, а также создания общающих трудов по культурному стр тельству на местах.

Книга И. С. Смирнова является сер ным вкладом в разработку научной б графии В. И. Ленина и в изучение ис рии культурной революции в СССР.

Л. М. З

[11] Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М. 1957, стр. 322.

«Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы росси ского Министерства иностранных дел. Комиссия по изданию дипломат ческих документов при МИД СССР. Серия первая: 1801—1815. Том март 1801 г.— апрель 1804 г. Под редакцией А. Л. Нарочницкого (от ред.), С. И. Дивильковского, С. Д. Сказкина, В. П. Якубовского. Госп литиздат. М. 1960. 800 стр. Тираж 8 000. Цена 2 руб. 40 коп.

Выпуском первого тома документов по истории внешней политики России положено начало обширной публикации, подготовляемой Комиссией по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР, возглавленной А. А. Громыко. Важнейшие документы, касающиеся внешней политики России, отныне становятся широкодоступными для научного исследования.

До недавнего времени внешняя политика царской России освещалась без достаточного знания русских дипломатических источников. Это содействовало распростране ряда неправильных мнений как о внеш политике России, так и о международ отношениях XIX — начала XX века. Д менты рецензируемой публикации вос няют существующий пробел. Большая ч их печатается впервые.

Настоящее издание охватывает важ шие документы российского Министер иностранных дел, хранящиеся в Ар внешней политики России, а отчасти некоторых других архивах, за все врем ществования этого министерства, то

начала XIX в. до 1917 года. Издание раз-
лено на шесть серий. Первая — с 1801 до
15 г.; вторая — с 1815 до 1830 г.; третья—
1830 до 1856 г.; четвертая — с 1856 до
78 г.; пятая — с 1878 до 1895 г. и шес-
ая — с 1895 до 1917 года.

Первая серия будет состоять из семи то-
ов.

Рассматриваемому тому редакционная
оллегия предпослала небольшое предисло-
ие, в котором в самой общей форме оха-
ктеризованы публикуемые материалы с
чки зрения их состава и содержания. При
ом обращается внимание на новые доку-
нты, публикуемые впервые. Книга снаб-
ена научно-справочным аппаратом: указа-
лями — именным и предметно-тематиче-
им,— списком публикуемых источников,
ечнем кратких аннотаций на уже опуб-
кованные, но не включенные в данный
м документы (следует заметить, что вряд
название «Перечень аннотированных от-
лок» удачно), наконец, библиографией
новных публикаций, содержащих доку-
нты 1801—1804 годов. В томе имеются
стоятельные комментарии, разъясняющие
щество того или иного вопроса с указа-
ями на источники и литературу. К от-
льным местам текста даны подстрочные
имечания. Все документы публикуются
языках оригиналов — русском и фран-
ском (в единичном случае — на турец-
м). Иностранные тексты снабжены пере-
дами на русский язык.

Таким образом, перед нами издание, ко-
ое благодаря тщательному подбору до-
ментов, их археографической обработке
комментариям будет иметь большое зна-
ие как для исследовательской работы,
и в качестве справочного пособия.

Хронологические рамки тома — 1801—
4 гг.— вполне обоснованны: это время
дставляло собой особый этап в истории
шней политики России. В условиях на-
женной международной обстановки, ко-
наполеоновские армии завоевывали
ану за страной, правительство Александ-
I сочло целесообразным отказаться от
их бы то ни было наступательных дейст-
; оно добивалось установления мирных
ошений со всеми странами и ликвида-
англо-французского конфликта. Пере-
к мирной политике виден уже из пер-
документа сборника — об отмене по-
а донского казачьего войска в Индию.
т. поход, предпринятый по приказу Пав-
, неизбежно должен был нанести ущерб
ошениям с Англией, против интересов которой он, собственно, и был задуман. В других многочисленных документах отразилась борьба за восстановление дипломатических отношений с Англией, Австрией, Испанией, за укрепление дружественных связей с Пруссией, Данией, Швецией и другими европейскими государствами, за сохранение союза с Турцией и заключение мира с Францией.

Из материалов сборника нетрудно увидеть, что стремление Александра I избежать войны диктовалось не в последнюю очередь обострением классовых противоречий в России с конца XVIII века. Царь писал: «...при сохранении спокойствия могу я питать надежду, что внутреннее положение России исправится и что по устроении расстроенных частей может она при перьвом удобном случае показаться на сцене дел европейских образом, величию ее свойственным» (док. № 98, стр. 264).

Политика Александра I была направлена как против агрессивных действий Франции, так и в защиту дворянско-абсолютистских режимов в Европе. Провозглашая принцип невмешательства во внутренние дела других государств, он в то же время выражал сочувствие низвергнутым революцией «законным» правительствам (док. №№ 12, 18). А по мере того, как дело шло к войне, все отчетливее вырисовывались зародыши будущей политики Священного союза, направленной своим острием против революционных движений. В письме министра иностранных дел А. Р. Воронцова поверенному в делах в Вене И. О. Анштетту от 18 (30) декабря 1803 г. уже ставился вопрос о «восстановлении сардинской монархии в том виде, какой она имела до французской революции» (док. № 243). Характерен и следующий проект письма министра русскому послу в Лондоне С. Р. Воронцову (док. № 132) о перспективах совместной борьбы России и Англии против возможных революций: «...во всяком случае, в котором бы Европа была подвержена какому-либо потрясению, ни которая держава лучше и удобнее от того предохранить ее не может, как Англия, и мы, конечно, при всяких таких бурях готовыми найдемся к принятию общих мер с нею». Таким образом, документы позволяют не только установить факты, относящиеся к внешней политике и дипломатии, но и обнаружить скрытые мотивы политики господствующего класса.

Несмотря на отмеченную подоплеку внешней политики царизма, курс на сдерживание наполеоновской агрессии и ока-

зание помощи странам, подвергшимся нападению Франции, имел положительное влияние на международную обстановку начала XIX века.

После заключения мира с Францией отношение к этой державе продолжало оставаться настороженным. Не подлежало сомнению, что Наполеон вынашивал захватнические планы и при первом удобном случае мог нарушить мир. Документы сборника позволяют проследить эволюцию взаимных отношений России и Франции в 1801—1804 годах. Амьенский мир, заключенный между Англией и Францией при участии русской дипломатии, оказался недолговечным: уже в мае 1803 г. возобновилась война этих стран за европейское и мировое господство. Не помогло энергичное посредничество русского правительства, имевшее целью сначала «упредить войну» (док. № 183), а затем побудить воюющие стороны к примирению (док. №№ 192, 200, 201, 204 и многие другие, публикуемые впервые). После того как Наполеон совершил ряд новых агрессивных актов (оккупация Ганновера, захват Куксгафена и владений Гамбурга), русское правительство, укрепившее до некоторой степени свое внутреннее положение, стало готовиться к вооруженному вмешательству в дела Европы. 12 ноября 1803 г. министр иностранных дел А. Р. Воронцов советовал царю продемонстрировать «готовность нашу (России. — *Е. Д.*) к мерам деятельным», а именно привести в боевую готовность войска. Это должно было «придать надлежащий вес и увещаниям нашим властолюбивых к умеренности и ободрению слабых к защите своей...» (док. № 231).

Готовясь к военным действиям против Наполеона в составе антифранцузской коалиции, Россия возлагала особые надежды на Англию, считавшуюся в силу своего географического положения и морского могущества основным «перевесом (то есть противовесом. — *Е. Д.*) республики Французской» (док. №№ 78 и 98).

Правительственный курс на сближение с Англией встречал решительную поддержку со стороны подавляющей части дворянства, заинтересованного в русско-английских торговых связях. Многие представители этой группы не видели иной возможности для вывоза сельскохозяйственных продуктов из России, кроме отправки их в Англию через северные порты, и недооценивали перспектив начинающейся черноморской торговли, в которой предстояло участие Франции и других европейских держав. Отмеченный скептицизм определенной части русского дворянства в отношении торговли и судоходства в южных морях отразился в документе № 16, в котором Н. П. Панин изложил мнение известного «англомана» графа С. Р. Воронцова по поводу общих принципов внешней политики России. Воронцов заявлял, что «торговый флот на Черном море существует лишь в теории», что далеко не соответствовало действительности.

В начале XIX в. вывоз хлеба и других продуктов через южные порты был еще слаб, поэтому взгляд на Англию как на «естественного друга» (док. № 15) вполне понятен. Итак, если сближение с наполеоновской Францией было явным компромиссом, имевшим целью «обуздать ее честолюбие» (док. № 15), то связи с Англией рассматривались в русских правительственных кругах как «наиболее важные», «наиболее устойчивые» (док. №№ 15 и 16).

Уже весной 1804 г. последовал разрыв отношений с Францией — событие, которое является заключительной хронологической гранью рецензируемого тома.

Итак, проблема взаимоотношений России с Францией и ее главным соперником — Англией документами сборника выдвигается на первый план. Без учета этих взаимоотношений не могут быть поняты и остальные вопросы внешней политики России, в том числе и отдельные разногласия в дипломатических кругах (споры чаще всего велись по вопросу об отношении к Англии и степени сближения с ней). Сборник помогает изучению и ряда других проблем: взаимоотношениях России со «Священной Римской империей германской нации» и входившими в ее состав Пруссией, Австрией, ганзейскими городами; с итальянскими государствами; скандинавскими странами и т. д.

Влияние, которое Россия приобрела на германскими государствами в период Тильшенского конгресса, направляется теперь на защиту «Священной Римской империи германской нации» от наполеоновской агрессии. «Ее независимость и безопасность слишком связаны с будущим спокойствием Европы, чтобы я был безразличен к этому...» — писал Александр I (док. № 18). Для успешного выполнения поставленной задачи важно было действовать совместно с Пруссией. Но союз, заключенный с этой страной еще в июле 1800 г., подвергся серьезным испытаниям, поскольку Россия сблизилась с соперницей Пруссии и

стрией. Из документов видно, что уссия постоянно колебалась. Она не прояла решимости в борьбе с Наполеоном, зачастую даже склонялась к сближению ним (док. № 98). Все это содействовало удшению обстановки в Северной Европе угрожало безопасности самой Пруссии.

Для России благоприятно складывались ношения со Швецией и Данией. Заключем Морской конвенции с Англией в июне 01 г. русское правительство стало на заиту торговли и мореплавания нейтральх северных держав от английской угро. При этом учитывалось то обстоятельво, что в случае продолжения вражды жду Англией и Швецией последняя могла оситься в объятия Франции. «Расстроене состояние финансов сугубо огорчает роля шведского и понуждает его везде кать денежного пособия,— писал Алеандр I.— По обстоятельству сему полается с довольным вероятием, что сколько сударь сей лично ни есть мало располоен к правительству французскому, но что гко может обратиться он совершенно на рьвобытную (так! — *Е. Д.*) систему Швеи с двором версальским, естьли наипаче онаппарте найдет средства удовлетворить добностям его» (док. № 98). Под «первотной», то есть прежней, системой подраевался франко-шведский союз 1738 го. Благодаря усилиям русской дипломатии лижение Швеции с Францией удалось едотвратить.

В книге приводится большая и интересся документация по вопросу о взаимоотнениях России с Турцией. В рассматриваеые годы последняя уже не представляла асности для России. Напротив, вторжение ранцузских войск в Египет заставило Турию искать защиты у России и еще в 99 г. заключить с ней союз. Известно, что и Павле I в русских правительственных ругах высказывались различные точки зреия на взаимоотношения с Турцией. Теперь, гда все внимание было сосредоточено на рьбе против французской агрессии, восржествовало мнение о необходимости сохранить территорию Оттоманской империи прикосновенной. «Россия находит в Порте брого весьма соседа,— говорилось в правительственной инструкции 1803 г.,— и отдь не имеет намерения на счет ее расстранять своих владений» (док. № 167; . док. №№ 159, 208, 216, 231, 256).

Однако укрепление дружественных свяй с Оттоманской империей создавало изстные затруднения для России в проведении традиционной политики по отношению к подвластным Турции народам. Продолжая поддерживать эти народы, русское правительство старательно избегало конфликтов с Портой. Впрочем, при сложившейся обстановке стало возможным достижение известных успехов путем мирных представлений и «настояний». Читатель найдет в сборнике многочисленные ноты (док. №№ 88, 90, 95, 96 и др.), в которых Россия предъявляла Порте требования о защите населения Молдавии и Валахии от мятежных турецких пашей, об уменьшении податей и повинностей, о восстановлении в княжествах местной милиции, о возвращении им отторгнутых территорий, о назначении на государственные должности местных жителей и т. д. Впервые извлеченный из архива документ № 115 свидетельствует о большой победе русской дипломатии, одержанной в сентябре 1802 года. Это «верховный такрир», то есть декларация, или нота руководителя внешней политики Турции Махмуда Раифа (оригинал — на турецком языке), в которой отмечаются «злоупотребления и искажения» с турецкой стороны постановлений о Молдавии и Валахии. За Россией признается «право и законное основание для заступничества в пользу обеих вышеупомянутых провинций». Наконец,— и это самое главное — в ноте указывается, что в Константинополе в результате дружеских объяснений с русским представителем изданы новые фирманы, подтверждающие и дополняющие прежние постановления в пользу Дунайских княжеств. Данный документ был официально вручен русскому посланнику В. С. Томаре для отправки в Петербург. Согласованный и одобренный русским правительством в феврале 1803 г. (док. № 156), он приобрел силу двустороннего договора и в дальнейшей переписке русских дипломатов часто именовался «конвенцией» (см., например, док. № 159).

Составители выявили много новых документов, отражающих демарши русской дипломатии в пользу Греции и Албании. Речь идет о защите местного населения против Али-паши Янинского (док. №№ 241, 252, 263, 265, прим. 275), о борьбе за сохранение прав и привилегий албанских городов Превезы, Парги, Вонницы и Бутринто (док. №№ 237, 255, 256, 258, 263, 268, прим. 87, 312 и др.), за облегчение положения греков (док. №№ 239, 256, 265 и др.). Мотивы всех этих акций выступают достаточно ясно: для царской России было важно сохранить свое влияние над подвластны-

ми Турции народами, во-первых, потому, что дружественная позиция Турции могла измениться и в этом случае поддержка со стороны балканских народов оказалась бы очень нужна. Во-вторых, за влияние на Грецию, Албанию и т. д. в это время настойчиво боролась Франция, что таило в себе опасность для других держав. В-третьих, наиболее дальновидные из современников понимали, что отделение от Турции завоеванных ею народов было вопросом близкого будущего, ибо эта страна несла в себе, по выражению А. А. Чарторыйского, «зародыш распада» (док. № 256). В случае же образования на Балканах молодых независимых государств царизм хотел сохранить в них свое преобладающее влияние.

В сборнике имеются материалы об отношении русского правительства к сербам, черногорцам, болгарам и другим подвластным Турции славянским народам. Документы сборника показывают, что, вопреки экспансионистским, реакционным целям царизма, политика России содействовала освободительной борьбе народов Оттоманской империи против господства турецких феодалов и в этом отношении объективно имела для них прогрессивное значение.

Необходимо отметить и материалы сборника, относящиеся к борьбе России и других держав за освобождение Египта от французских захватчиков, причем в ряде документов (№№ 36, 58, 70 и др.) приводятся некоторые данные и о внутреннем положении в Египте.

Сборник содержит очень важные источники (неизвестные в литературе) для изучения черноморской проблемы. Пользуясь влиянием, полученным над Портой, русская дипломатия постоянно (и не без успеха) возбуждала ходатайства о предоставлении различным державам: Англии, Франции, Голландии, Королевству Обеих Сицилий, Рагузе (Дубровник), Республике Семи Соединенных островов, Испании, Соединенным Штатам Америки и другим — права проводить в Черное море торговые суда (док. №№ 33, 62, 69, 79, 91, 101, 118, 269; стр. 187, 704 и др.). При этом Россия исходила из убеждения, что «стечение торгующих разных наций в черноморских портах наших может быть полезно...» (док. № 62; ср. док. № 77). Учитывался и недостаток торгового флота в России. С другой стороны, правительство Александра I решительно отвергало попытки Франции обеспечить допуск своих военных судов в Черное море (док. № 85, прим. 194 и 224). В связи с этим в ноябре 1802 г. было сформулировано (уже не впервые) следующее положение, выражавшее точку зрения русской дипломатии на проблему Черноморских проливов: «... не сходствовало бы и с нашими интересами, чтоб какой-либо военный флот, кроме нашего и турецкого, появляться мог на Черном море. Черное море иначе почитать не должно, как озером или морем запертым, в которое и входу иного нет, как чрез канал, и владение коего принадлежит только тем державам, кои берегами своими оные окружают» (док. № 137).

В рецензируемом томе много новых, впервые публикуемых материалов по средиземноморской проблеме. Ярким эпизодом, запечатленным в них, является образование первого национального греческого государства — Республики Семи Соединенных островов. В условиях борьбы за влияние на это государство русское правительство, стремившееся создать себе опорный пункт на Средиземном море, проявило известную гибкость: конституция, которая была выработана в России для новой Республики, отличалась относительно бо́льшим либерализмом по сравнению с проектами других держав. Здесь проявилась одна из характерных особенностей политики Александра I: его стремление приспособиться к развивавшимся буржуазным отношениям внутри страны и на международной арене в целях сохранения основ самодержавно-крепостнического строя. Документы содержат большой материал о внутреннем положении в Республике Семи островов, о борьбе различных группировок вокруг проектов готовившейся конституции. Надо сказать, что эти вопросы лишь в последнее время стали привлекать к себе внимание советских исследователей [1].

Сборник содержит материалы о политике России в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Наряду с воспроизведением наиболее важных документов о Кавказе, имеющихся в «Актах» Кавказской археографической комиссии, составители привлекли ряд новых источников: о принятии в русское подданство Имеретии и Мингрелии (док. №№ 197, 218, 271), о присоединении Поти (док. № 255), о защите Грузии и Армении от нападений Персии, Турции и горцев Кавказа (док. №№ 68, 110,

---

[1] См. А. М. Станиславская. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. «История СССР». 1960, № 1.

1), о борьбе против работорговли в Гру-
и (док. №№ 58 и 255).

С точки зрения истории Средней Азии ин-
ресна инструкция министра коммерции
П. Румянцева о целях и задачах миссии
ручика П. Я. Гавердовского в Бухару
ок. № 133). Международное положение в
чале XIX в. исключало какую-либо воз-
жность проведения царизмом активной
литики в Средней Азии[2]. Отсюда чисто
ономические задачи посольства: изучить
рговые пути, ведущие в Бухару, а через
е также в Афганистан, Иран, Индию и
итай; «проникнуть вкус бухарцев: какие
делья им более нравятся, какой цвет, узо-
, прочность и проч.?». Гавердовский
з с собой в Бухару образчики шелко-
ых и бумажных материй, а также изде-
й тульской промышленности; в то же
емя он должен был внушать бухарцам,
обы они «умножали их рукодельные про-
ведения посредством ободрений и ма-
ин...».

Шесть документов, относящихся к Рос-
йско-американской компании (док. №№ 99,
7, 166, 199, 207 и 229), будут полезны
я изучения политики России на Дальнем
остоке и Тихом океане. Отчасти они уже
ыли использованы в советской литерату-
[3]. Одновременно с мероприятиями по за-
еплению позиций на западном побережье
еверной Америки Россия делала попытки
становить прямые торговые связи с Китаем
рез Кантон, а также с Японией. Было
звестно, что «китайцы охотно желают» от-
рытия торговли с русскими в Кантоне
ок. № 99). Что касается Японии, то «на-
онность» ее правительства «к торговому
нами (Россией. — *Е. Д.*) обращению» обна-
ужилась еще в 1790-х годах (док. № 158).
России надеялись, что развитие торговых
язей со странами тихоокеанского по-
ережья позволит вытеснить иностранных
осредников, что в дальнейшем эти связи
ожно будет распространить и на Индию;
..таковыми непреложными средствами
животворится вся российская торговля, по
е время иностранцами к предосуждению
ашему у нас похищаемая...» (док. № 99).
днако обстановка не благоприятствовала
еализации этих планов, поскольку Россия
е склонна была обострять свои отношения
Англией[4]. В документах Российско-аме-
риканской компании нашла отражение первая в истории русского флота кругосветная экспедиция Крузенштерна и Лисянского, предпринятая в 1803 году.

В настоящей рецензии отмечены далеко не все проблемы, изучение которых возможно на основании документов сборника. Каждый исследователь, интересующийся вопросами внешней политики России в начале XIX в., почерпнет из него интересные сведения.

При подготовке комментариев составители не задавались целью снабдить читателя готовыми концепциями и выводами. Они ограничили свою задачу разъяснением фактической стороны дела и указанием разнообразных источников. Некоторым отступлением от этого вполне правильного принципа является примечание 51-е, в котором сделана попытка вскрыть связь между отставкой Н. П. Панина и разногласиями по вопросам внутренней и внешней политики в русских правительственных кругах. Однако в силу неизученности этого вопроса комментарий нельзя признать убедительным: самый характер разногласий остался невыясненным, не говоря уже о социально-экономических корнях различных политических направлений. Вместе с тем следует всячески приветствовать имеющиеся в этом примечании многочисленные ссылки на материалы, излагающие то или иное мнение о причинах отставки Н. П. Панина. Очень содержательны и важны примечания, относящиеся к вопросу о Дунайских княжествах (например, 131, 136, 137), Республике Семи Соединенных островов (№№ 88, 151), Греции, Албании, и многие другие.

Археографическое оформление документов и переводы с французского языка выполнены с необходимой тщательностью. Можно отметить лишь отдельные недочеты, как, например, стилистически неудачное выражение: «Я не посчитал необходимым» (стр. 24). Пожалуй, слишком модернизированно звучит для начала XIX в. слово «двурушничество» (стр. 140) — перевод французского «duplicité». На стр. 51 (абз. 5) перевод слова «lorsque» словом «когда» делает фразу грамматически неправильной и непонятной[5].

---

[2] См. «История Узбекистана». Т. II. Таш-
ент. 1947, стр. 218.

[3] См. С. Б. Окунь. Российско-амери-
анская компания. М.-Л. 1939.

[4] См. там же, стр. 50—51.

[5] «Большинство князей, входящих в состав Германской империи, прибегает к моей поддержке и моему посредничеству для защиты своих прав и интересов, когда окончательный мир, заменив очень несовершенные условия Люневильского договора, придаст новую форму Германии

В документах встречается много турецких терминов, которые, к сожалению, не проверены по соответствующим словарям и не исправлены в примечаниях. В искаженном виде они вошли и в тексты от составителей. Так, в заголовке к документу № 115 и в ряде примечаний имеется выражение «рейс-эфенди». Между тем турецкое слово reis (начальник) произносится с ударением на i, поэтому выражение «реис-эфенди» (reis efendi) не допускает и-краткого. Транскрипция «реис-эфенди» является общепринятой в советской литературе. Выражение «извлечь из среди» (стр. 158) едва ли будет понятно читателю без пояснений. По мнению тюрколога Т. И. Грунина, оно пришло к нам из турецкого языка, являясь буквальным переводом выражения ortadan kaldırmak, то есть «извлечь из середины», или «среды», что значит устранить (в русских дипломатических документах XVIII в. это выражение встречается очень часто).

Сборник выиграл бы от включения в него терминологического указателя, содержащего малоупотребительные слова и выражения с указанием их правильной транскрипции и смыслового значения. Здесь нашли бы свое место такие слова, как «реляши» (стр. 494), «пританы» (стр. 296), «кяхья-бей» — слово, встречающееся в искаженной форме «кегая-бей» (стр. 305), и многие другие.

Географические названия воспроизведены в сборнике (в соответствии с правилами археографии) в том виде, в каком они встречаются в документах. В тексте, например, можно встретить «Нангазаки» вместо Нагасаки, «Шорлотины острова» вместо острова Королевы Шарлотты и т. д. Географический указатель (который, к сожалению, отсутствует) позволил бы включить соответствующие названия в исправленном виде и облегчил бы пользование сборником.

Разумеется, именной и предметно-тематический указатели (очень подробные и обстоятельные) наиболее важны для данного издания. Указатель имен содержит необходимые сведения о лицах, их положении и продвижении по службе. В предметно-тематическом указателе (в предисловии не совсем понятно говорится, что он составлен «по рубрикам и по странам») выделено много действительно крупных вопросов, над которыми работают и будут работать исследователи. Но можно было бы составить его более экономно. Так, отсылая читателя от слов «Посредничество России» к рубрике «Россия, посредничество», можно было не перечислять вопросов, которые читатель найдет в этой рубрике. Вместо пространной отсылки при слове «Поти» проще было бы указать здесь же тот единственный документ, который относится к этому пункту.

Публикация документов, предпринятая Комиссией при Министерстве иностранных дел СССР, будет способствовать научной разработке истории внешней политики нашей страны. Кроме того, издание принесет большую пользу в качестве справочного пособия для дипломатических работников, а также как сборник источников, необходимых для самостоятельной научной работы студентов в специальных семинарах исторических факультетов университетов. Новое издание будет с удовлетворением встречено всеми читателями, интересующимися дипломатической историей Российского государства.

Е. И. Дружинина

и определит после стольких бедствий и превратностей политическую организацию этой обширной империи» (разрядка наша.— *Е. Д.*). (Этот же отрывок повторяется на стр. 89, абз. 2.) Речь идет о том, что германские князья ожидают от посредничества Александра I установления мира в Европе. Перевод «lorsque» словом «поскольку» внес бы ясность в данный текст.

Г. ЖОРДАНИЯ. *Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв.* Ч. 1. Изд-во Тбилисского ун-та. 382 стр. Цена 15 руб.; ч. 2. Изд-во АН Грузинской ССР. 468 стр. Цена 22 руб. Тбилиси. 1959. Тираж 1 000.

В 90-е годы прошлого века, во время возникновения франко-русского союза, появились первые научные исследования по истории сношений России и Франции, принадлежавшие перу как французских (Рамбо, Ле Глэ), так и русских (Безобразов) историков. Были извлечены из архивов многие неизвестные до того документы, открылась неожиданно богатая, уходящая в глубь веков историческая картина. Однако с тех пор исследователи продвинулись далеко вперед. Сейчас историку кажутся крайне неполными и в немалой мере ошибочными сведения о русско-французских отношениях, которыми располагали ученые несколько десятилетий тому назад. Так, А. Рамбо писал, что до 1654 г. Россия была в политическом отношении «безразличной» для Франции, иными словами, что во Франции почти не интересовались Россией и почти ничего не знали о ней. Рамбо был большим знатоком вопроса. Но странно сейчас читать эти слова. Вот перед нами лежат на другой чаше весов два солидных тома исследования Г. Г. Жордания о французско-русских отношениях конца XVI и первой половины XVII века. Автор этой монографии в течение многих лет изучал «столбцы» и «книги» Посольского приказа, огромную сохранившуюся документацию о работе как «французского департамента», так и других «департаментов» древнего русского «Министерства иностранных дел». На 850 страницах этого капитального труда мы видим поистине горы фактов о торговых и дипломатических связях Франции и России того времени, среди которых многие до сих пор еще не были известны специалистам и впервые извлечены из-под «пыли веков». А дошел ли автор до 1654 г. — той даты, которую Рамбо считал началом сколько-нибудь серьезной взаимной заинтересованности и осведомленности России и Франции? Нет, до этого далеко! Понадобится, наверное, еще два таких тома, чтобы дойти до этого рубежа.

При этом и для охваченного времени автор не исчерпал всего существующего материала. Для этого ему надо было бы порыться не только в московских, но и в парижских архивах. Тезис Рамбо о «безразличии» Парижа к Москве в первой половине XVII в. опровергается, например, полученными недавно автором этих строк микрофильмами хранящихся в Париже, в Отделе рукописей Национальной библиотеки, донесений французского посла в Константинополе графа Сези правительству Франции, во главе которого стоял тогда кардинал Ришелье. В этих донесениях мы обнаруживаем немало сведений о России. Двор и правительственный аппарат Франции времен Людовика XIII имели в своем распоряжении (вопреки иллюзиям историков) целый ряд данных об отношениях Московского государства с его соседями, о его торговле с ними, равно как и о его внутреннем положении. Но и находка этого источника лишь очередной шаг исторической науки, а далеко не завершение исследований о многообразных связях между Францией и Россией даже в тот наиболее отдаленный период их контактов, датируемый концом XVI и первыми десятилетиями XVII века.

Г. Г. Жордания с полным основанием назвал свой двухтомный труд «очерками». Это не только выражение ясной уже сейчас неполноты летописи русско-французских сношений, из которой автор вынужден был изъять некоторые звенья, но и признание невозможности даже пытаться пока что заполнить в одинаковой степени всю панораму, открывшуюся перед исследователями теперь, после того как им удалось распахнуть двери в познание этой эпохи истории русско-французских связей. Сам Г. Г. Жордания изложил в других своих работах в форме статей и докладов некоторые важные вопросы, которые не нашли места в двух томах его монографии. Примечательно, что еще совсем недавно отдельные наши специалисты считали самую постановку данной темы для монографии невозможной, как не обеспеченной достаточным количеством источников. На самом же деле оказалось, что последние просто не привлекали к себе должного внимания. Традиция недооценки этих источников ведет начало с Ф. Ф. Мартенса. Этот автор в своей капитальной публикации «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами» по-

казал себя довольно предвзятым англофилом и столь же предвзятым галлофобом: его предисловие к XIII тому названного издания (1902 г.) свидетельствует об игнорировании архивных материалов по истории франко-русских отношений XVI—XVIII вв. и о намеренном изображении их в карикатурном виде. Эта традиция сказалась и на работе ближайшего предшественника нашего автора, проф. В. Д. Преображенского, опубликовавшего в 1945 и 1947 гг. две статьи под общим заглавием «Франко-русские отношения в XVI—XVII вв.» («Ученые записки» Ярославского пединститута, вып. VII и IX); указанные статьи представляют собой по большей части поверхностную компиляцию и удивляют несерьезной трактовкой даже тех немногих архивных документов, которые были известны автору.

Г. Г. Жордания полностью переломил эту традицию. Он, с одной стороны, учел все опубликованные французские источники, которые, впрочем, относительно не очень обильны и со времен Рамбо пополнились лишь извлечениями, появившимися в немногих специальных трудах (например, в работах Тонга). С другой стороны, автор извлек, систематизировал и подверг анализу поистине грандиозный фонд русских источников, в подавляющей своей массе не опубликованных.

Г. Г. Жордания поставил перед собой нелегкую, но правильную задачу: осветить в равной степени как экономические, так и политические сношения Франции и России указанного времени. Развернутая характеристика экономических сношений служит лучшим опровержением распространившихся в нашей литературе с легкой руки Мартенса побасенок о каком-то случайном, не имевшем почвы, почти анекдотическом характере эпизодических дипломатических контактов обеих сторон.

Открывающие первый том два очерка в этом смысле сразу же правильно ориентируют читателя. Первый очерк посвящен поначалу еще спорадическим приездам французских купцов и мореплавателей в Русское государство в последних десятилетиях XVI в., начиная со времени окончания Ливонской войны, как через Нарву на Балтийском море, так и через русское Северное Поморье. Особенно интересна история попыток французских купцов и мореплавателей найти морской путь из Дьеппа вокруг Скандинавии на север России в 80-х годах XVI в., во времена царствования Генриха III во Франции и Ивана IV и Федора Ивановича в России. Оказывается, история этих попыток далеко не сводится к изображаемому обычно в качестве изолированного эпизода прибытию корабля Жана Соважа в Архангельск в 1586 году. Этому событию предшествовали и за ним последовали другие, свидетельствующие об устойчивом интересе «Компании парижских купцов» и французского правительства к торговле с Россией и об активном содействии этой торговле со стороны русского правительства. Второй очерк дает уже широкое полотно франко-русской торговли в конце XVI и первых десятилетиях XVII века. Перед нами раскрываются интересные и неизвестные до сих пор данные об ожесточенном соперничестве французских и английских (а также голландских) купцов на русском рынке и при русском дворе, как, впрочем, и о конкуренции двух разных компаний французских купцов, искавших поддержки со стороны французского двора при Генрихе IV и Людовике XIII. Именно на этом экономическом фоне становится понятным вовлечение французов в политическую борьбу в России в «Смутное время». Очень интересны и данные о том, что, со своей стороны, русские купцы, ездившие на Запад, достигали (хотя и не часто) пределов Франции начиная с 70-х годов XVI века. Опираясь на сочинения Монкретьена, Ришелье, Савари, Кильбургера и др., а также на архивные документы, Г. Г. Жордания дал весьма тщательный анализ объектов и объема русско-французской торговли, ее экономического значения и трудностей. Это исследование представляет существенный вклад в экономическую историю России и Франции в конце XVI и в XVII в., являясь в то же время превосходным введением в историю дипломатических сношений обеих стран, в частности в историю весьма важных переговоров в Москве французского посла барона Деэ де Курменена в 1629 году.

Затем третий очерк первого тома — «Из истории отношений между французским и русским дворами в конце XVI и в начале XVII столетий» — показывает, что эти дипломатические сношения, как и сбор сведений друг о друге в третьих странах, имели не только торговую, но и политическую подоснову. Россия уже при Иване IV не оставалась безразличной к политическим

следствиям борьбы между Реформацией Контрреформацией, раздиравшей Европу. м далее, тем яснее проступает резко неброжелательное отношение России к политике объединения всей христианской Европы под властью Габсбургов и под эгидой папства. Обмен грамотами между французскими королями Генрихом III и особенно Генрихом IV и русскими царями Иваном IV, Федором Ивановичем, Борисом Годуновым и Василием Шуйским подволь, как бы еще в зачаточной форме, но все же неоспоримо вскрывает перед нами поиски французским двором в лице Москвы отдаленного союзника против испанских и австрийских Габсбургов, а русским двором в лице Парижа — отдаленного союзника против все теснее сближавшегося с Габсбургами Польско-Литовского государства. Точками соприкосновения политических интересов Франции и России были также проблемы отношений с Турцией и с Персией. Россия противилась как попыткам имперской дипломатии добиться включения России в антитурецкую коалицию без участия Франции (и Венеции), так и планам Габсбургов подчинить себе Францию. В России в этой связи ожидали еще в 1590 г. прибытия французского посольства или встречи с таковым на нейтральной территории в Англии (т. 1, стр. 235—236). Понемногу русскую дипломатию начинали все более интересовать и франко-английские противоречия. Со своей стороны, французское правительство «внимательно следило за странами Восточной Европы, в том числе и за Русским государством» (т. 1, стр. 241), что показано Г. Г. Жорданией путем описания деятельности некоторых международных информаторов того времени.

Особый очерк автор посвятил подробной характеристике француза Жака Маржере, начальника отряда телохранителей Лжедимитрия I, затем участника событий «Смутного времени» и польской интервенции. Жак Маржере хорошо известен историкам как автор книги «Состояние Русского государства», вышедшей во Франции в 1607 г. и представляющей собою важный, хотя во многом и фальшивый исторический источник. Г. Г. Жордания главное внимание уделил не разбору этой книги, достаточно известной историкам, а деятельности ее автора как кондотьера и военного авантюриста. В книге Г. Г. Жордания мы видим первую исчерпывающую сводку всех данных о Жаке Маржере, обзор всей имеющейся литературы с привлечением многих новых, неопубликованных источников. Этот очерк рисует яркую биографическую страницу из истории политической борьбы в России в начале XVII в. и участия в ней иностранцев. Маржере дважды появлялся в России, служил обоим Лжедимитриям, Шуйскому, полякам. А в 1612 г., находясь в Гамбурге, он выступил одним из инициаторов проекта новой иноземной интервенции в Россию.

Об этом проекте детально повествует очерк пятый рассматриваемой книги. Здесь Г. Г. Жордания тщательно осветил почти совершенно неизвестный до сих пор факт из истории «смуты». Правда, многие историки упоминали бегло об отказе Д. М. Пожарского от каких-то предложений со стороны компании иноземцев-военных. Как теперь выясняется из детального анализа источников, Маржере, являвшийся в то время агентом польского короля, был соучастником организации кондотьеров-авантюристов Флодерана, Астона и Гиля, не только предлагавших свои услуги Д. М. Пожарскому, но и самовольно явившихся из Гамбурга в Россию (в Холмогоры и Ярославль) с отрядами военных наемников. Автору удалось сделать интересное открытие: он точно и убедительно установил, что и план Маржере, и замыслы Флодерана, Астона и Гиля, и английский план оккупации русского Севера (описанный в статьях И. И. Любименко[1]), и новые шведско-польские интервенционистские проекты и действия разоблачил француз Лескер, дважды приезжавший в Россию (в 1612 и 1613 гг.). Тщательное исследование, произведенное Г. Г. Жордания, установило, что Лескер являлся тайным посланцем одного из влиятельнейших французских вельмож времен регентства Марии Медичи, герцога д'Эпернона, а также его племянника Руляка, кстати, уже хорошо знавшего Россию и участвовавшего в военных действиях в России при Василии Шуйском. Д'Эпернон и Руляк нашли необходимым вмешаться в международные англо-польско-шведские замыслы, грозившие России, чтобы расстроить их и способ-

[1] И. И. Любименко. Английский проект 1612 г. о подчинении русского Севера протекторату короля Якова I. «Научный исторический журнал», 1914, № 5 (т. II, вып. 3); ее же. Планы английской интервенции в России в начале XVII столетия. «Советская наука», 1941, № 2.

ствовать сохранению независимости Русского государства. Разоблаченные кондотьеры, из числа которых кое-кто уже просочился в Россию, подняли против Лескера ожесточенную клеветническую кампанию, но потерпели неудачу. Лескер действовал, по-видимому, согласованно с известным голландским деятелем в России Исааком Масса, имел рекомендации от голландских властей, разоблачения его отвечали многим фактам, и правительство Михаила Федоровича придало веру его информации, приняло необходимые меры для обороны Архангельска и Соловков, ответило д'Эпернону и Руляку благодарственной грамотой (т. 1, стр. 332—368).

Это открытие Г. Г. Жордания, несомненно, принадлежит к числу самых впечатляющих его достижений. Отныне ни один историк событий «Смутного времени» в России не сможет миновать эти новые существенные факты. Но что заставило политическую группировку герцога д'Эпернона предпринять такой неожиданный дипломатический шаг? Каковы его внутренне-французские побудительные мотивы?

Здесь мы позволим себе высказать сомнение в правильности гипотезы Г. Г. Жордания. Последний безоговорочно утверждает, что герцог д'Эпернон был вождем происпанской и прокатолической партии во Франции. Отсюда автор выводит предположение, что д'Эпернон был как-то заинтересован в претензиях польского католического короля Сигизмунда III на русскую корону и господство над Россией. Эта гипотеза, во-первых, не объясняет, почему же в таком случае д'Эпернон через Лескера разоблачил интервенционистские планы не только англичан и шведов, но и поляков. Во-вторых, она не вяжется с тем документально установленным фактом, что тайное посольство Лескера было согласовано с протестантским голландским правительством. Думается, инициативу д'Эпернона вернее было бы объяснить его начинавшимся поворотом от происпанских и прокатолических позиций к иному политическому курсу: к борьбе с двором Марии Медичи, по-прежнему старавшимся путем «испанских браков» найти сближение с Габсбургами (Австрийским домом). Оппозиция грандов, к которой в конце концов присоединился д'Эпернон, искала союза с антигабсбургскими силами в Европе. Поэтому она не могла не постараться содействовать сохранению в Восточной Европе мощного противовеса (в лице Русского государства) прогабсбургскому Польско-Литовскому государству. Это подтверждается и тем, что позже, в 1615 г., в разгар гражданской войны во Франции, племянник д'Эпернона Руляк пытался перехватить в свои руки переговоры с прибывшим ко двору Марии Медичи русским посольством Кондырева и Неверова. Логика борьбы против «испанских браков» привела оппозицию грандов к сближению с протестантами и внутри Франции и вне ее, в том числе с Голландией. Это может объяснить нам характер миссии Лескера в 1612—1613 годах. Но следует учесть и другую возможную версию. Если д'Эпернон в 1612—1613 гг. еще оставался верным двору Марии Медичи, то он, может быть, выполнял неофициальное поручение ее министров своим демаршем в России. Надлежит принять во внимание мнение проф. А. Д. Люблинской («Франция в начале XVII века (1610—1620)». Л. 1959, стр. 183—184), что двор Марии Медичи, хотя и вел переговоры об «испанских браках», предвидел неминуемую войну с Габсбургами и поэтому старался по мере своих ограниченных возможностей скрытым образом оказывать помощь всем государствам, боровшимся против притязаний Австрийского дома. Не выступал ли в таком случае д'Эпернон перед московским двором в качестве подставного лица французского правительства?

Так или иначе вопрос о политических пружинах двукратного посольства Лескера остается, по моему мнению, нерешенным в книге Г. Г. Жордания. Он требует дальнейших исследований, причем на основе источников, относящихся уже не столько к истории России, сколько к истории Франции времен регентства Марии Медичи.

Нельзя тут же не отметить ничем неоправданный, необъяснимый пробел в монографии Г. Г. Жордания, устранение которого, возможно, и помогло бы отчасти разгадать указанную загадку, а именно: между материалами первого и второго томов труда Г. Г. Жордания почему-то недостает важного звена — истории первого русского посольства Кондырева и Неверова во Францию в 1615—1616 годах. О нем лишь упомянуто в предисловии ко второму тому. Правда, в разных местах монографии использованы кое-какие данные, относящиеся к этому посольству, однако в общем его история не освещена. Это должно было бы составить содержание по

крайней мере целого большого очерка. Для него имеется достаточно обильный архивный материал, никогда еще не подвергавшийся исчерпывающему анализу. Отсутствие такого очерка оставляет впечатление какого-то зияния, разрыва между двумя томами монографии.

Второй том в основном занимает пространный и содержательный очерк о посольстве барона Курменена в Москву в 1629 году. Этот очерк сам по себе — целое капитальное исследование. Мы находим тут прежде всего подробный критический обзор литературы и источников по истории этого посольства, уже неоднократно привлекавшего внимание русских и французских историков, хотя и остававшегося до последнего времени совершенно непонятым. Далее автор посвятил одну из двадцати глав данного очерка оценке торговой стороны задач посольства Курменена в свете экономических взглядов кардинала Ришелье и в связи с общей экономической политикой последнего: своеобразный меркантилизм Ришелье включал как один из важнейших элементов курс на развитие внешней морской торговли французского купечества. Дипломатия Франции тогда была тесно связана с этими торговыми задачами. Подробно охарактеризовав в другой главе Курменена как видного французского дипломата, Г. Г. Жордания затем специально остановливается на его посольстве в Турцию в 1621 г. в связи с насущными задачами левантийской торговли Франции, а также торговли Франции с Персией. Чрезвычайная заинтересованность Франции в установлении прямой торговли с Персией (в известной мере и с Индией и другими странами Востока) была, как показал автор, одним из главных побудительных мотивов всей восточной политики Ришелье. Торговля с Персией, в частности шелком, по приведенным в книге данным, сулила в случае дальнейшего развития грандиозные барыши, огромное накопление денежных капиталов купеческими компаниями, находившимися под покровительством государства. Но использование морских торговых путей было связано с большими, подчас непреодолимыми трудностями. Следующей дипломатической миссией Курменена как раз и было посольство в 1626 г. в Персию для содействия политическим, религиозным и в особенности торговым интересам Франции и для поисков средств, могущих устранить помехи франко-персидской торговле через Левант. Однако поездку пришлось прервать на полпути в связи с противодействием ей дипломатического соперника Курменена, постоянного французского резидента в Константинополе графа Сези и в первую очередь из-за происходившей в тот момент турецко-персидской войны. Однако и помимо всего этого, как убедительно показал автор, миссия Курменена не имела шансов на успех. Косвенным плодом ее неудачи явилась активизация французских планов проложить совсем иной торговый путь в Персию: через Русское государство, а именно по Белому морю, Северной Двине, Волге и Каспийскому морю. Идея эта была не нова, но в первые десятилетия XVII в. она пережила в Европе поистине бурное возрождение. В специальных главах Г. Г. Жордания показал все детали этого вопроса, в том числе французские проекты 20-х годов XVII в. об установлении постоянных торговых сношений с Русским государством и через него — с Персией.

Все это обширное исследование о восточных торговых интересах Франции (т. II, стр. 60—142) глубоко вводит нас в понимание некоторых скрытых пружин появления в Москве в 1629 г. пышного посольства Курменена. Однако, как ни важны были торговые замыслы правительства Франции, они являлись для него не самоцелью во имя обогащения купечества, а средством для привлечения в конечном счете в казну доходов, без которых неосуществимы были определенные политические цели. Финансы являлись, по выражению Ришелье, «нервом» политики, и это становится особенно наглядным, если мы вспомним, что речь идет об эпохе наемных армий. Соответственно и в миссии Курменена 1629 г. все же не торговые вопросы составляли основное ядро. «В планах Ришелье,— пишет Г. Г. Жордания,— торговая сторона была подчинена общеполитической. Главной стороной миссии Курменена является именно эта, политическая сторона» (т. II, стр. 142). Автор последовательно раскрывает данный тезис и показывает, что Курменен должен был содействовать далеко не только развитию французской торговли с Россией и Персией, но прежде всего активному включению Русского государства в блок антигабсбургских европейских держав. Иными словами, перед посольством 1629 г. стояли на первом месте задачи международно-политического характера, а из них уже вытекали и экономические задачи.

Проанализировав международную обстановку в Европе в конце «датского периода» Тридцатилетней войны, автор показывает усилия французской дипломатии содействовать сплочению всех антигабсбургских сил и, напротив, противодействовать союзникам Габсбургов. «Особенно сильной помехой французской дипломатии являлась прогабсбургская политика польского короля Сигизмунда III Вазы»,— пишет он (т. II, стр. 145). Нейтрализовать Польшу, примирив ее на время с антигабсбургскими державами Швецией, Турцией и Трансильванией,— вот задача, вставшая перед французской внешней политикой. Посольство Курменена в Данию и Швецию в 1624 г. выявило всю трудность втягивания этих стран в войну с германским императором и, в частности, невозможность вовлечь в войну Швецию из-за затяжной борьбы последней с Польско-Литовским государством. Отсюда постепенно созревавшая идея посильно содействовать ускорению давно уже подготавливавшейся русско-польской войны. Планам втягивания Русского государства в антигабсбургскую коалицию и намечавшемуся для осуществления этой цели еще в 1625 г. французскому посольству в Россию посвящена специальная глава в исследовании Г. Г. Жордания, содержащая богатые фактические данные и верный анализ расстановки европейских политических сил. Однако на время «датского периода» Тридцатилетней войны эта непосредственная необходимость франко-русского контакта отпала. Она возродилась лишь после победы габсбургско-католических сил над Данией. Теперь судьба Европы, в том числе и национальная независимость Франции, определялась возможностью вступления в войну Швеции. Г. Г. Жордания конкретно показал это в главе 11 («Франция и политическая обстановка в Европе в 1628—1629 гг.»). Французская дипломатия стремилась примирить Швецию с Польско-Литовским государством и разжечь вражду между последним и Русским государством. Для первой цели был послан в Швецию и Польшу барон Шарнасэ, для второй — был направлен в Россию барон Курменен, два опытнейших французских дипломата того времени, знакомых и с западноевропейскими и с восточными делами.

Между прочим, Г. Г. Жордания показал, что еще в своем печатном отчете о первой дипломатической миссии в Турцию, изданном под названием «Путешествие в Левант», Курменен приводил довольно обширные сведения, касавшиеся России и ее международного положения (см. т. II, стр. 192—194).

Г. Г. Жордания в высшей степени скрупулезно воспроизвел на страницах своего труда и систематизировал все мельчайшие данные, имеющиеся в источниках, о путешествии Курменена в 1629 г. вместе с обширной свитой через Данию и Швецию в Русское государство, о всех деталях дипломатического церемониала, о всех перипетиях переговоров его с боярами и с дьяками в Москве. Было бы невозможно даже бегло перечислить множество новых фактов, установленных и впервые введенных в научный оборот грузинским исследователем. Отметим лишь попутно, что он впервые доказал факт переговоров Курменена (на пути в Россию) со шведским королем Густавом-Адольфом и с Делягарди. Особенно тщательно изложены и подвергнуты анализу переговоры, проводившиеся французским послом в Москве с представителями русского правительства во главе с князем И. Б. Черкасским, как и обсуждение французских предложений в его отсутствие в царском совете (главы 16—18). Следует отметить, что в ходе изложения перед нами очень четко вырисовывается механизм деятельности Посольского приказа и думных бояр.

Безусловно доказан вывод автора, что Курменен вел переговоры не только о торговых льготах и правах французских купцов в России или на путях в Персию, как полагали многие историки, но и о военно-политическом союзе Франции и России, направленном против Габсбургов и союзного последним Польско-Литовского государства. Курменен развивал перед русскими партнерами по переговорам мысль, что, «во-первых, французский король находится в дружеских отношениях с державами антигабсбургского блока — с Англией, Швецией и Голландией, а во-вторых, что он в недружбе с державами габсбургского блока, в который входят Австрия (Империя.— *Б. П.),* Испания и Речь Посполитая» (т. II, стр. 298). При этом главный тезис его состоял в том, что раз Габсбурги будут связаны войной с Францией, то Австрийский дом не сможет оказывать помощи полякам против царя, как он писал в своей докладной записке (см. т. II, стр. 302). В то же время Курменен обещал содействие фран-

рузского посла в Константинополе русским политическим и религиозным интересам, что должно было произвести известное впечатление, ибо до этого времени граф Сези как раз активно противодействовал там православной церкви и русско-турецкому сближению.

Анализ переговоров 1629 г. показал, что камнем преткновения явилось недоверие московского правительства к «недружбе» между Францией и Польско-Литовским государством. Эта «недружба» опровергалась известными в Москве одновременными усилиями французской дипломатии к примирению Польско-Литовского государства со Швецией. Недоверие усиливалось и из-за отрицательного отношения русских к католицизму, общему для Франции и Польши. На предложение союза с Францией правительством царя Михаила Федоровича все же был дан ясный положительный ответ, однако военно-политический союз в точном смысле не был никак письменно оформлен, поскольку Курменен имел инструкцию оформлять договор лишь в случае принятия русскими всех французских предложений в целом, а немалая часть из них, в том числе все варианты франко-персидской торговли через Россию, была отклонена русским правительством. Курменен вернулся в Париж только с царской грамотой к Людовику XIII, русский и французский варианты которой, кстати, впервые тщательно сопоставлены Г. Г. Жордания (гл. 19).

Автор справедливо утверждает, что миссия Курменена все же «содействовала нейтрализации Речи Посполитой, в чем и состояла ее главная задача» (т. II, стр. 376). Основным результатом посольства Курменена и переговоров, которые он вел в Москве, говорит автор, был результат политический. «Курменен смог убедиться в Москве, что русское правительство намерено было до истечения срока разорвать Деулинское перемирие и начать войну против Речи Посполитой, что́ вполне отвечало целям и намерениям французского правительства относительно обострения русско-польских противоречий, с целью нейтрализации Речи Посполитой, что, в свою очередь, должно было способствовать втягиванию Швеции в Тридцатилетнюю войну» (т. II, стр. 403).

Кроме обширного очерка о посольстве Курменена, второй том исследования Г. Г. Жордания содержит еще два меньших по объему очерка. Один из них посвящен миссии Бонфуа в 1631 г., привезшего письмо от Людовика XIII с просьбой предоставить льготные условия для закупок в России хлеба на французский рынок. Автор правильно поставил судьбу этого демарша в связь с тем, что русское правительство предоставляло подобные льготы даже не всем державам антигабсбургской коалиции и не на равных условиях, а в первую очередь тем, которые находились в открытом конфликте с Империей: Дании, затем Швеции (см. т. II, стр. 418—423). Однако тем более интересно, что, как удалось установить автору, просьба французского короля была все же удовлетворена в 1632 г., хотя и в несколько меньшем объеме, чем он просил. Произведя необходимые расчеты, Г. Г. Жордания заключает, что, таким образом, «русское правительство решило в 1632 году предоставить французскому правительству весьма значительную хлебную субсидию»: агенты французского короля получили право закупить в Архангельске 50 тыс. четвертей ржи по льготной цене, что составляло «уступку» со стороны царской казны в 38 тыс. рублей (см. т. II, стр. 449—450). «Этот акт русского правительства,— продолжает автор,— свидетельствует о том, что оно рассматривало Францию в качестве дружественной державы, которой желало помочь. И это вполне понятно: Франция вела борьбу с Габсбургами, она стояла тогда во главе антигабсбургской коалиции, русские же политики видели в государствах, входивших в антигабсбургскую коалицию, естественных союзников Русского государства, ибо они ослабляли Габсбургов, союзников Речи Посполитой, главной соперницы Русского государства, с которой оно должно было вот-вот вступить в решительное сражение за отвоевание захваченных ею русских, украинских и белорусских земель... Французское правительство хорошо понимало симпатии и антипатии русского правительства, когда в грамотах, посылаемых от имени Людовика XIII, подчеркивалось именно то, что русский хлеб Франции нужен для пропитания больших армий, которые она держала наготове для отражения военных сил Габсбургов» (т. II, стр. 451). Методика подсчета цен и пошлин, произведенного Г. Г. Жордания, не вызывает возражений. И он, пожалуй, с известным правом вспоминает слова, брошенные в свое время Альфредом Рамбо на основании скорее догадки, чем каких-либо точных выкладок, что

«армии, поставленные на ноги Ришелье, быть может, питались хлебом Московии».

Последний небольшой очерк во втором томе представляет собою любопытное отдельное исследование о французских переводчиках, работавших в Посольском приказе в первые десятилетия XVII века. Автору удалось собрать в архивных делах ряд свидетельств о французах-толмачах, известных под руссифицированными именами Мануило Мануилова и Ивана Николаева,— скромных тружениках, обеспечивавших взаимное понимание дипломатов и политических деятелей России и Франции.

Труд Г. Г. Жордания явно требует продолжения. Впереди еще немало сложных и интересных страниц истории франко-русских экономических и политических связей первой половины XVII века. Но и в настоящем виде эта двухтомная монография представляет собой фундаментальное исследование, серьезный вклад в советскую научную историческую литературу. Можно лишь пожалеть, что монография издана очень маленьким тиражом (тысяча экз.).

В работе Г. Г. Жордания в полном смысле слова ювелирная обработка обильных источников сочетается с широким охватом экономической и политической обстановки в Европе, а в известной степени даже и за пределами Европы. Эта книга создана не узким знатоком истории какой-либо одной страны, а специалистом по всеобщей истории, владеющим в равной мере знанием как отечественной, так и зарубежной истории избранного им времени. Плодотворность такого синтеза не подлежит сомнению.

Кроме уже отмеченных выше возражений и пожеланий, следует высказать и некоторые частные замечания, относящиеся к деталям. Например, небезупречна транскрипция ряда французских собственных имен. Использована далеко не вся необходимая специальная литература по соответствующему периоду истории Франции, в то время как литература по истории России привлечена с большой полнотой. Но много хуже, что Г. Г. Жордания упустил некоторые публикации и сочинения, непосредственно относящиеся к его теме о франко-русских экономических и политических отношениях конца XVI и первой половины XVII века. Так, он не использовал ни опубликованных Н. Банг регистров взимания зундской пошлины, ни основанных на этой публикации статей Кирхнера и Жаннена о франко-русской торговле XVI—XVII веков[2]. Очерк о посольстве Курменена заметно пострадал от незнакомства автора с исследованием польского историка М. Цихоцкого «Посредничество Франции в Альтмаркском перемирии»[3]. Для характеристики французской дипломатии в Турции и Леванте была бы полезна книга Ж. Тонга о деятельности постоянного французского резидента в Константинополе графа Сези[4].

Однако эти пробелы и отдельные мелкие недочеты или фактические промахи, как и отмеченное выше необъяснимое отсутствие крайне необходимого очерка о посольстве Кондырева и Неверова, не могут повлиять на высокую оценку монографии Г. Г. Жордания в целом. В изучение истории франко-русских отношений, как и внешней политики того и другого государства, вписана новая, весьма доброкачественная глава.

Б. Ф. Поршнев

---

[2] N. Bang. Tabeller over skibsfart og varetransport gennom Oeresund 1497—1660. Kobenhavn. 1922—1923; W. Kirhner. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie. «Revue historique», 1949, t. 202; P. Jeannin. L'économie française et le marché russe. «Annales», 1954, № 1.

[3] M. Cichocki. Mediacja Francji w rozjemie Altmarskim. Kraków. 1928.

[4] Gérard Tongas. Les relations de la France avec l'Empire Ottoman durant la première moitié du XVII-e siècle. Toulouse. 1942.

Заметки о книгах

Б. ДЖИМБИНОВ. *Советская Калмыкия.* Изд-во «Советская Россия». М. 1960. 44 стр. Тираж 10 000. Цена 3 руб. 40 коп.

В августе 1959 г. калмыцкий народ торжественно отметил 350-летие своего добровольного вхождения в состав Российского государства. В приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в связи с этим указывалось, что добровольное вхождение в состав России «позволило калмыцкому народу установить тесную связь с великим русским народом, приобщиться к его высокой материальной и духовной культуре. Совместная борьба русского, калмыцкого и других народов России против их общего врага — царского самодержавия и иностранных завоевателей — привела к установлению отношений братской дружбы между народами СССР» [1].

В октябре 1960 г. отмечалась другая знаменательная дата: исполнилось 40 лет со дня установления Советской власти в Калмыкии. В связи с этим интерес представляет вышедшая недавно книга Б. Джимбинова. Она знакомит читателя с жизнью калмыцкого народа наших дней и с его историческим прошлым.

Книга «Советская Калмыкия» состоит из 3 глав. Первая, «Исторические судьбы калмыцкого народа», и вторая, «От вымирания к возрождению», содержат краткое изложение истории калмыцкого народа. В третьей главе дана небольшая справка о территории и населении Советской Калмыкии. Последующие (4—7) главы посвящены основным отраслям народного хозяйства и культуре республики. В заключительной главе описаны юбилейные торжества (в августе 1959 г.) по случаю 350-летия добровольного вхождения калмыков в состав России.

В приложении к книге приведены 9 важных документов, характеризующих историю становления и развития Калмыцкой автономии. Среди них следует особо выделить три документа: Обращение В. И. Ленина к калмыцкому народу от 22 июля 1919 г. (его нет в собрании Сочинений В. И. Ленина); Объявление калмыцкому народу о новом устройстве его земельного быта от 24 июля 1919 г., подписанное В. И. Лениным и наркомом земледелия С. П. Середой; Постановление ВЦИК и СНК от 4 ноября 1920 г. «Об образовании Автономной области калмыцкого народа», подписанное В. И. Лениным и М. И. Калининым. Эти документы ярко характеризуют ленинскую национальную политику по отношению к ранее угнетенным народам.

Рассказывая о дореволюционной истории калмыцкого народа, автор правильно говорит о громадном прогрессивном значении исторического поворота, который произошел в жизни калмыцкого народа, когда он в 1608 г. добровольно вступил в состав Российского государства. Вместе с тем в книге отмечается, что в результате жестокого гнета местных феодалов и колониальной политики самодержавия калмыцкий народ пребывал в крайне тяжелом положении. При этом Б. Джимбинов подчеркивает глубоко верную мысль: «Калмыцкий народ никогда не отождествлял самодержавную монархию Романовых с трудовой Россией» (стр. 17).

Условия для подлинного расцвета калмыцкого и всех других народов бывшей царской России создала Великая Октябрьская социалистическая революция.

В 4—7-й главах показаны коренные изменения, происшедшие в Калмыкии за годы Советской власти. До революции Калмыцкая степь не знала промышленности, а теперь в республике имеется более 70 различных предприятий, быстро развиваются новые отрасли производства, в особенности строительных материалов (стр. 77, 80—85). Значительные успехи достигнуты в сельском хозяйстве. Так, с сентября 1953 по 1959 г. поголовье овец в колхозах и совхозах республики возросло на 71% и достигло 2,3 млн. голов; посевные площади расширились в 2,1 раза; производство шерсти, молока, яиц увеличилось в полтора-два раза (стр. 45, 50, 61—68). Благодаря заботам КПСС в республике выросли национальные кадры руководителей, организаторов и новаторов совхозного и колхозного производства, энтузиастов своего дела. Повысилось благосостояние калмыцкого народа.

Книга дает наглядное представление и о том, как за годы Советской власти в Калмыцкой степи произошла подлинная культурная революция. Если до Октябрьской революции грамотного калмыцкого населения было всего лишь 2,3%, то за годы Советской власти в республике неграмотность

[1] «Правда», 22 августа 1959 года.

полностью ликвидирована и осуществлено всеобщее семилетнее обучение. Значительных успехов достигло народное здравоохранение. Большими тиражами издаются газеты и книги на родном языке. В республике успешно развивается культура — национальная по форме, социалистическая по содержанию (стр. 88—89, 91—92, 96—107 и др.).

Б. Джимбинов подчеркивает огромное значение решений XX съезда КПСС в области национальной политики. На основе решений съезда в конце 1956 г. были осуществлены мероприятия, направленные на восстановление национальной автономии калмыцкого народа. 29 июля 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в автономную республику в составе РСФСР.

Отмечая положительные стороны рецензируемой книги, вместе с тем нельзя пройти мимо некоторых ее существенных недостатков.

Семилетний план открывает огромные перспективы в развитии народного хозяйства и культуры советских республик, в том числе и Калмыцкой АССР. Достаточно сказать, что общий объем промышленного производства в Советской Калмыкии за семилетие увеличится по сравнению с 1958 г. вдвое. В республике получат развитие новые отрасли промышленности — нефтяная и газовая. Однако эти вопросы не получили в книге достаточного освещения. Правда, автор приводит некоторые данные, характеризующие перспективы развития Калмыцкой АССР в 1959—1965 гг., но целостного представления о том, что будет сделано в республике за семилетку, книга не дает.

Б. Джимбинов говорит о братской дружбе русского и калмыцкого народов в прошлом (стр. 17—19). К сожалению, о содружестве братских народов в настоящее время в книге сказано мало.

Известно, что на территории Калмыцкой АССР проживает значительное число русских, в том числе много специалистов, которые своим самоотверженным трудом, знанием и опытом вносили и продолжают вносить достойный вклад в экономику и культуру республики. Рассказ об этом придал бы книге более наглядное, живое и конкретное представление о дружбе народов, о торжестве ленинской национальной политики.

Некоторые критические замечания вызывает раздел книги, посвященный дореволюционной истории Калмыкии. Подчерки вая прогрессивное значение добровольно вхождения калмыков в состав России правильно замечая, что нельзя при этом за бывать о колонизаторской политике цари ма по отношению к калмыкам, Б. Джим бинов вместе с тем упускает из виду, чт гнет калмыцких феодалов неизменно х рактеризовался крайней жестокостью и д спотизмом. В этом отношении можно бы ло бы, например, сослаться на ценное св детельство А. Ф. Писемского, исколесивш го в 1856 г. Калмыцкую степь и писавше следующее: «Наше крепостное право пер властью нойона над своими подданным может показаться детской забавой»[2]. Э свидетельство заслуживает внимания и следователя.

Автор ограничил исторический очерк, существу, XVI—XVIII вв. и лишь вкрат коснулся последующего периода — до В ликой Октябрьской социалистической рев люции. Вследствие этого ряд существенны узловых вопросов не получил отражения книге. Среди этих вопросов назовем таки реформа 1892 г. и ликвидация монопол нойонов и зайсангов на улусные и айма ные земли, ускорившая процесс формир вания калмыцкой буржуазии; состоян калмыцких улусов накануне Октябрьск революции и классовая борьба в степи (этому вопросу имеются архивные матери лы, собранные в связи с ревизией деятел ности Управления калмыцким народо тайным советником В. Д. Кошкиным в н чале 1914 года[3]).

Наконец следует упрекнуть автора и том, что в историческом разделе книги слишком увлекается цитатами. Наприме на первых пятнадцати страницах текс приводится более двадцати выдержек различных сочинений. Вряд ли в таком ц тировании есть нужда.

Книга снабжена иллюстрациями, но, сожалению, лишена карт, наглядных ди грамм и схем, совершенно необходим для подобного рода изданий. Единстве ная имеющаяся карта (вклейка) — «Ка мыцкая АССР» — невыразительна и яв неудачна.

Несмотря на отмеченные недостатки, цензируемая работа принесет несомнен пользу всем, кто интересуется прошлой

---

[2] А. Ф. Писемский. Полное собр ние сочинений. Т. VII. Изд. 3-е, стр. 508.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, дд. 322, 3 335, 336.

настоящей жизнью братского калмыцкого народа.

М. Я. Попов

А. П. ПОГРЕБИНСКИЙ. *Государственно-монополистический капитализм в России (очерк истории).* М. Соцэкгиз. 1959. 266 стр. Тираж 5 000. Цена 6 руб. 70 коп.

В буржуазной историографии без конца перепевается тезис о «незакономерности» великой Октябрьской социалистической революции. Игнорируя социально-экономические предпосылки социалистической революции в России, буржуазные историки и экономисты пытаются изобразить ее как историческую случайность, следствие ошибок буржуазного Временного правительства, результат борьбы внутри буржуазных партий и т. п. Поэтому важнейшей задачей наших историков является раскрытие глубоких политических и экономических предпосылок первой в мире пролетарской революции, в частности исследование проблемы государственно-монополистического капитализма. К числу работ, посвященных изучению последнего этапа истории российского капитализма, относится и книга А. П. Погребинского.

В соответствии с предложенной А. П. Погребинским периодизацией в первой главе его книги рассматривается процесс формирования государственно-монополистического капитализма в России в связи с промышленным подъемом 1910—1914 годов. Вторая и третья главы охватывают период первой мировой войны до Февральской революции, а четвертая посвящена последнему этапу государственно-монополистического капитализма в России (февраль — октябрь 1917 г.). Изучение архивных, а также литературных источников позволило А. П. Погребинскому поставить ряд существенных для понимания государственно-монополистического капитализма вопросов и прежде всего проблему отношений между монополиями и государственными органами. Особое внимание уделяет автор рассмотрению борьбы монополистической буржуазии и помещиков по вопросу вмешательства государства в экономику страны. Интересы этих двух классов были в гораздо большей степени родственными, чем противоречивыми, так как происходило обуржуазивание помещиков, вхождение их верхушки в состав финансовой олигархии. Хотя политическое господство дворян и задерживало формирование государственно-монополистического капитализма, оно не являлось непреодолимой для него преградой (стр. 105). Это, конечно, не исключало возникавших между господствующими классами конфликтов, которые, по выражению В. И. Ленина, играли роль домашней ссоры «двух расхитителей народного достояния»[1]. Самодержавие, вынужденное проводить экономическую политику, выгодную магнатам капитала, вместе с тем неустанно пеклось о поддержке помещиков.

Опираясь на труды по военной экономике, А. П. Погребинский показывает, что наиболее крайняя в своих требованиях часть монополистической буржуазии в России стремилась использовать военную обстановку для того, чтобы вырвать у царизма важнейшие регулирующие рычаги и сосредоточить дело снабжения армии в своих руках. Именно к этому стремились возглавляемые московскими текстильными тузами военно-промышленные комитеты (стр. 120). Изучение взаимоотношений регулирующих органов с монополиями свидетельствует о том, что в эпоху империализма никакой государственный орган подобного рода не может функционировать без участия в нем монополистов. Органы военно-государственного регулирования выполняли, по сути дела, волю монополистов, которые стремились к получению максимальных прибылей. Этой же цели служила финансовая политика царизма и буржуазного Временного правительства. Автор рисует картину развертывания таких процессов, как предоставление государством кредитов, субсидий исключительно в интересах крупных монополистов, установление личной унии царских сановников с финансовой олигархией, содействие со стороны государства усилению централизации производства и т. п.

Наиболее важным представляется тот раздел монографии, в котором освещены особенности последнего этапа развития государственно-монополистического капитализма в России (февраль — октябрь 1917 г.). Если до Февральской революции царизм в какой-то мере сдерживал стремление монополий поживиться за счет государства, то после свержения самодержавия крупная буржуазия осуществляла прямой и безудержный грабеж государственной казны. Магнаты капитала получали всевозможные авансы, субсидии, ссуды. А. П. Погребинский останавливается также на использова-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 14.

нии государственных органов монополиями для борьбы с рабочим движением. Временное правительство, как известно, ничего практически не сделало для преодоления хозяйственной разрухи.

В книге содержатся интересные материалы и выводы по экономической истории Украины, в частности о развитии здесь промышленности и монополий, о тяжелом состоянии хозяйства этого края в годы первой мировой войны, обусловленном хозяйничаньем помещиков и буржуазии. Однако глубоко осветить вопросы развития экономики Украины без привлечения материалов местных архивов, конечно, нельзя. Так, говоря о сахарном синдикате в годы первой мировой войны, автор должен был бы показать участие сахарозаводчиков в органах государственного распределения, например, в Центральном бюро по объединению закупок сахара, образованном в Киеве в январе 1916 года. Весьма ценными для изучения деятельности сахарного синдиката являются также фонды сахарных заводов, хранящиеся в Киевском и Сумском областных архивах, главных контор Харитоненко, Бобринских, личный фонд Ф. А. Терещенко и др.

Положительно оценивая работу А. П. Погребинского, мы считаем, что поставленные в его книге проблемы требуют дальнейшей разработки. Хотя автор и расширил хронологические рамки существования государственно-монополистического капитализма в России, все же он не освободился полностью от им же раскритикованного ошибочного представления об этом важном явлении в истории нашей страны. А. П. Погребинский искусственно ограничил период развития государственно-монополистического капитализма, отнеся его формирование ко времени промышленного подъема 1910—1914 годов. «Именно этот период,— пишет автор,— является моментом возникновения и развития государственно-монополистических тенденций в экономике страны» (стр. 42). Указанный вывод сделан на основе следующей ошибочной посылки общего порядка: «Для того чтобы монополистический капитал подчинил своим интересам государственный аппарат, он должен достигнуть прежде всего господствующей роли в капиталистическом хозяйстве страны» (там же). В действительности же эти два процесса протекали в России параллельно.

По нашему мнению, ход капиталистического развития страны в пореформенный период, исторически сложившаяся тенденция государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, острота противоречий в дореволюционной России определили ту особенность российского капитализма, что уже в период перехода к империализму здесь обнаруживаются черты, присущие государственно-монополистическому капитализму. Раньше всего они начали проявляться в тех отраслях промышленности, в которых сильно было участие сановной аристократии и помещиков. Это относится прежде всего к свеклосахарной промышленности. Так, в 1895 г. правительство прибегло к «государственному регулированию» этого производства с тем, чтобы развитие его соответствовало интересам небольшой кучки заводчиков. К сожалению, история сахарного синдиката еще детально не изучена. Однако имеющиеся материалы по этому вопросу дают основание считать, что формирование государственно-монополистического капитализма началось значительно раньше 1910 года.

Возникновение этого процесса скорее следует связывать не с промышленным подъемом 1910—1914 гг., а с периодом кризиса начала 900-х годов. Уже тогда отчетливо проявляются широкие и тесные связи монополий с государством, что подтверждается и некоторыми данными, приводимыми в книге А. П. Погребинского, который, к сожалению, не сделал из них должных выводов. Достаточно сослаться на созданный по инициативе министра финансов Витте банковский консорциум во главе с Государственным банком для поддержки исключительно за счет средств последнего крупнейших капиталистических предприятий. Об этом же говорит факт создания правительством в 1902 г. Комитета по распределению железнодорожных заказов в целях поддержки крупных металлургических заводов Юга. Первую скрипку в этом комитете играл «Продамет», руководители которого не только сами распределяли эти заказы, но и назначали цены. Проявлением государственно-монополистического капитализма является политика царизма в области железнодорожного хозяйства — государственное строительство железных дорог и гарантия займов железнодорожных компаний.

По нашему мнению, углубление изучения экономического развития России позволяет еще более раздвинуть хронологические рамки существования государственно-монополистического капитализма в России, установленные в рецензируемой книге. При этом необходимо учитывать особенности русского

мпериализма, который был оплетен густой сетью докапиталистических отношений. Известно, что русское государство еще в дореформенную эпоху активно вмешивалось в экономическую жизнь. Это породило ошибочное представление, что и при империализме такие действия царизма были лишь продолжением прежней феодальной политики. Задача историков заключается, следовательно, в том, чтобы под старыми формами рассмотреть новое содержание.

В. Е. Власенко, В. Т. Чунтулов

М. И. МИХАЙЛОВ. *Союз коммунистов — первая международная организация пролетариата.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 370 стр. Тираж 3 000. Цена 1 р. 40 к.

В послевоенные годы в Советском Союзе заметно усилилось внимание к разработке истории Союза коммунистов — первой в международном рабочем движении «небольшой, но истинно-пролетарской партии» [1], созданной и руководимой К. Марксом и Ф. Энгельсом. Появился ряд исследований и статей по отдельным вопросам его становления и борьбы [2].

С рядом ценных работ по истории Союза коммунистов выступили в последние годы историки ГДР [3].

Тем не менее до последнего времени как советская, так и зарубежная историография не располагала исследованием, посвященным всей истории Союза коммунистов. Вышедшая в свет монография М. И. Михайлова до известной степени восполняет этот пробел.

В содержательной и весьма актуальной работе М. И. Михайлова повествуется о том, как уже на ранней стадии рабочего движения шла упорная борьба за создание и укрепление партии, выражающей коренные интересы рабочего класса, партии пролетарской революции.

В книге использованы основные работы К. Маркса и Ф. Энгельса по истории Союза коммунистов, дан анализ источников и литературы по изучаемому вопросу. Как известно, Энгельс в 1885 г. высказал надежду воссоздать подробную историю Союза коммунистов. «Быть может,— писал он,— мне будет еще когда-нибудь дано обработать собранный Марксом и мной богатый материал по истории этого славного периода юности международного рабочего движения» [4]. Однако Ф. Энгельсу не удалось осуществить свое намерение. Материалы, относящиеся к начальному периоду международного рабочего движения, до сих пор еще полностью не обнаружены историками марксизма.

В историографической главе работы М. И. Михайлов подверг обоснованной критике представителей буржуазной и социал-реформистской историографии, клеветавших на марксизм и пытавшихся принизить историческую роль К. Маркса, Ф. Энгельса и значение деятельности Союза коммунистов. В книге разоблачаются также новейшие фальсификации меньшевика Б. Николаевского в отношении истории Союза коммунистов в период революции 1848 года. Значительное внимание в этой главе уделено анализу работ Франца

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 265.

[2] В. А. Радус-Зенькович. Из истории Союза коммунистов (сентябрь 1850—август 1851). «Вопросы истории», 1948, № 11; Е. А. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848—1849 годов. Сборник «К столетию революции 1848 года». М. 1949; Е. П. Кандель. Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М. 1953; Р. П. Конюшая. Деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса в революции 1848—1849 гг. и ее значение для строительства пролетарской партии. Сб. «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М. 1955; М. И. Михайлов. Борьба Маркса и Энгельса за пролетарскую партию в 1849—1852 гг. Сборник «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М. 1955; его же. Союз коммунистов в первые месяцы революции. «Ученые записки по новой и новейшей истории», 1956, № 2; его же. К вопросу о реорганизации Союза коммунистов. «Новая и новейшая история», 1957, № 2; его же. Борьба Маркса и Энгельса против фракции Виллиха — Шаппера. Сборник «Из истории Германии в новое и новейшее время». М. 1958; С. З. Левиова. Марксизм и его историческая проверка. «Коммунист», 1957, № 6; ее же. Из истории борьбы Маркса и Энгельса за создание и укрепление «Neue Rheinische Zeitung» как органа революционного пролетариата. Сборник «Из истории формирования и развития марксизма». М. 1959.

[3] K. Obermann. Zur Geschiche des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852. Berlin. 1955; D. Schmidt. Der Kampf der «Neue Rheinische Zeitung» für die Schaffung einer selbständiger Organisation der deutschen Arbeiterklasse. Berlin. 1956; K. Bittel. Der Kommunistenprozeß zu Köln 1852 im Spiegel der zeitgenössischen Presse. Berlin, 1955; R. Herrnstadt. Die erste Verschwörung gegen das internationale Proletariat. Berlin. 1958.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1955, стр. 321.

Меринга, одного из первых исследователей истории Союза коммунистов.

Следует вместе с тем отметить известную неполноту историографических сведений в работе М. И. Михайлова. Так, на наш взгляд, следовало бы дать более развернутую характеристику специальных работ Е. П. Канделя и Г. Штейна[5], которые лишь бегло упоминаются в рецензируемой монографии.

Большое внимание уделяет автор анализу документальных источников, в особенности письмам членов Союза коммунистов, хранящимся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, а также мемуарам членов Союза. В книге приводятся архивные материалы, недавно обнаруженные в Потсдаме и Мерзебурге.

В вводной главе охарактеризован уровень экономического и политического развития рабочих Англии, Франции и Германии в первой половине XIX века. Эта трудная задача решена автором только в общих чертах. На наш взгляд, нужно было бы более широко охарактеризовать состав пролетариата, в особенности германского.

Предыстория Союза коммунистов освещается в первой главе книги. Автор прослеживает, как К. Маркс и Ф. Энгельс, активно борясь с мелкобуржуазным влиянием среди рабочих, добивались утверждения в их среде идей научного коммунизма. Однако в освещении этого вопроса имеется целый ряд пробелов. Нам кажется, что здесь нужно было бы показать, как под воздействием этой борьбы у передовых пролетариев постепенно завоевывал признание лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Более детально следовало осветить и другие важные проблемы становления Союза коммунистов (второй конгресс, история написания «Манифеста Коммунистической партии»).

Наиболее сложные вопросы истории Союза автор излагает во второй главе исследования «Союз Коммунистов и революция 1848 года».

Советские историки сравнительно недавно приступили к специальной разработке этой темы. Ряд выводов книги М. И. Михайлова по принципиальным вопросам проблемы совпадает с точкой зрения других исследователей в СССР.

М. И. Михайлов показал, как в апреле-мае 1848 г., до создания «Новой Рейнской газеты», ЦК Союза коммунистов во главе с К. Марксом и Ф. Энгельсом пытался активизировать деятельность Союза, создать новые общины и организовать под руководством коммунистов целую сеть местных рабочих союзов с последующим образованием Общегерманского Союза. Но в тогдашних условиях Союз коммунистов не смог превратиться в массовую пролетарскую партию.

Поскольку в 1848 г. появилась возможность распространения общих директив Союза коммунистов через легальную прессу и открылись более действенные пути для осуществления целей Союза посредством массовой революционной борьбы, то возникла необходимость изменения форм и методов борьбы немецких коммунистов. Деятельность Союза коммунистов как единой тайной организации в ходе революции прекратилась. М. И. Михайлов приводит следующее свидетельство Ф. Энгельса: «...с того момента, как исчезли причины, которые делали необходимым тайный Союз, и самый тайный Союз, как таковой, потерял всякое значение»[6]. При этом М. И. Михайлов подчеркивает, что изменение форм деятельности немецких коммунистов не означало даже временного отказа К. Маркса и Ф. Энгельса от борьбы за создание пролетарской партии (стр. 77).

Роль объединяющего центра для членов Союза коммунистов стала играть «Новая Рейнская газета», а ее редакция во главе с К. Марксом и Ф. Энгельсом фактически заменила прежний Центральный комитет Союза. М. И. Михайлов удачно отметил, что с изменением форм и методов борьбы за пролетарскую партию «нелегальная организация временно отошла на второй план» (стр. 81).

Вместе с тем по некоторым конкретным вопросам рассматриваемой проблемы среди советских историков имеются расхождения. Например, по-разному трактуется вопрос о так называемом роспуске Союза. В работах Е. П. Канделя[7] и С. З. Левиовой[8]

---

[5] Е. П. Кандель. Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М. 1953; H. Stein. Der Kölner Arbeiterverein (1848—1849). Ein Beitrag zur Frühgeschichte des rheinischen Sozialismus. Köln. 1921.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 333.

[7] Е. П. Кандель. Искажение истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию в работах некоторых правых социалистов. «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 122—123.

[8] С. З. Левиова. Из истории борьбы Маркса и Энгельса за создание и укреп-

отвергается предположение о возможности роспуска Союза коммунистов во время революции.

В рассматриваемом исследовании М. И. Михайлова наблюдается иной подход к вопросу. Ссылаясь на недостаточность имеющихся по данному вопросу источников и на спорный характер некоторых из них, он формулирует свой общий вывод следующим образом: «Нам кажется разумным и целесообразным подождать с выводами о роспуске или существовании Союза коммунистов в период революции до тех пор, пока будут обнаружены какие-либо документы о его деятельности в этот период» (стр. 78).

С этим мы не можем согласиться. На наш взгляд, нет оснований ставить под сомнение факт существования Союза коммунистов в годы революции. Ведь сам автор, опираясь на уже имеющиеся источники, отмечает новые формы деятельности немецких коммунистов во главе с К. Марксом во время революции. Он пишет о выполнении редакцией «Новой Рейнской газеты» функций ЦК Союза коммунистов и подчеркивает выдающуюся роль Союза во время революции.

Организационные формы «небольшой, но истинно пролетарской партии», действовавшей во время революции под руководством К. Маркса и Ф. Энгельса, изучены еще недостаточно; не выяснено, в частности, в какие периоды и как перемежались и сочетались нелегальная и легальная формы борьбы. В этом смысле М. И. Михайлов прав, отмечая необходимость поисков новых материалов и дальнейшей разработки вопросов истории Союза коммунистов в период революции 1848—1849 годов. Но важно подчеркнуть, что К. Маркс и Ф. Энгельс и в условиях участия коммунистов в общедемократических организациях не отказывались от пролетарской партии.

Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно писали о том, что в период революции 1848 г. в Германии действовала пролетарская (рабочая, коммунистическая) партия, хотя она еще не была массовой партией. Правда, речь, конечно, могла идти о начальных формах деятельности пролетарской партии.

На наш взгляд, автор должен был учесть следующую очень важную характеристику принципиального различия позиций пролетарской и демократической партий в буржуазной революции 1848 г. в Германии, которую дал Ф. Энгельс: «...пролетарская партия в каждом отдельном случае проявляла ту революционную отвагу и готовность действовать, отсутствием которых всегда будет страдать партия, возглавляемая мелкими буржуа и состоящая преимущественно из них»[9]. Необходимо также обратить внимание и на другие высказывания Ф. Энгельса по этому вопросу. Так, в 1869 г., гневно разоблачая лассальянцев, изображавших себя родоначальниками партии немецкого рабочего класса, он писал: «Необходимо поэтому напомнить, что до революции 1848 г. и во время нее среди рабочих, в особенности в Западной Германии, существовала хорошо организованная социалистическая партия»[10].

В книге М. И. Михайлова затрагивается вопрос о руководящих органах Союза коммунистов в период революции. Автор считает, что ЦК Союза в Кёльне летом 1848 г. прекратил свое существование и его фактически заменила редакция «Новой Рейнской газеты» (стр. 77—81). В обоснование своей точки зрения М. И. Михайлов приводит подтвержденные документами сведения о существовании зимой 1848—1849 гг. ЦК Союза коммунистов в Лондоне. Автор, однако, не выясняет, как образовался Лондонский ЦК во второй половине 1848 г. и каковы были его взаимоотношения с редакцией «Новой Рейнской газеты».

Глава о Союзе коммунистов в период революции значительно выиграла бы, если бы автору удалось привлечь локальный материал о деятельности отдельных общин и членов Союза.

В III главе, посвященной реорганизации Союза коммунистов, автор показывает, что в результате поражения революции возникли такие условия, которые исключали возможность создания легальных революционных организаций пролетариата в Германии. Как и до революции 1848 г., пролетарская коммунистическая организация могла быть только тайной. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс осенью 1849 г. воссоздали ЦК Союза коммунистов и возглавили работу по ре-

---

ление «Neue Rheinische Zeitung» как органа революционного пролетариата. Сборник «Из истории формирования и развития марксизма». М. 1959, стр. 252—253.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 44.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 377.

организации его общин. Важнейшим моментом деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса в этом направлении явилась их работа в «Комитете помощи немецким эмигрантам». Подробно анализируя работу коммунистов под руководством К. Маркса и Ф. Энгельса в указанном комитете, автор убедительно показывает, что ее главным результатом было восстановление связи между членами Союза коммунистов, объединение их вокруг К. Маркса и его ближайших сторонников, создание в Лондоне благодаря этому самой многочисленной общины Союза, сыгравшей ведущую роль в деле реорганизации Союза. Огромное значение для активизации деятельности Союза имело также основание его печатного органа — «Политико-экономическое обозрение Новой Рейнской газеты», выражавшего интересы революционного пролетариата.

В последующих главах М. И. Михайлов подробно освещает историю Союза коммунистов в 1849—1852 годах. На большом документальном материале автору удалось воссоздать картину сложной и упорной борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса за пролетарскую партию в этот период.

Привлекает внимание оригинально написанная четвертая глава исследования, названная автором, правда, не совсем точно: «Борьба против буржуазных концепций революции 1848—49 годов». На самом деле в ней освещается более широкий круг вопросов. Здесь показано, как печатный орган Союза наносил удар за ударом по враждебным пролетариату общественно-политическим теориям. Автор показывает, как, критикуя буржуазных и мелкобуржуазных идеологов середины XIX в. (Гизо, Карлейль, Жирарден, Прудон и другие), К. Маркс и Ф. Энгельс продолжали развивать свое учение.

Представляет интерес описание положения дел Союза коммунистов в Швейцарии. Эти сведения, почерпнутые из архивных материалов, расширяют наши знания о деятельности ЦК Союза коммунистов и его руководителей — Маркса и Энгельса.

Большое внимание уделено в книге борьбе Союза за укрепление связей с революционными рабочими Франции и Англии. Тщательно исследуются обстоятельства временного соглашения с революционерами-бланкистами в начале 50-х годов и связи с левыми чартистами (глава VII — «Всемирное общество коммунистов-революционеров»).

В V главе рассматривается важнейший программный документ — «Обращение ЦК к Союзу коммунистов». Вызывает интерес также анализ и других документов Союза, например, Обращения Кёльнского ЦК от 1 декабря 1850 года.

Анализируя первое «Обращение ЦК к Союзу коммунистов», М. И. Михайлов раскрывает важнейшие элементы выработанной К. Марксом теории непрерывной революции. Вместе с тем он показывает, что нового внесено «Обращением» в вопрос о пролетарской партии.

Заметим, что, на наш взгляд, было бы целесообразно включить в книгу более детальный разбор второго «Обращения» ЦК к Союзу (июнь, 1850 г.).

В VIII главе на основании архивных и других малоизвестных документов показывается борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против раскольнической деятельности сектантских элементов (группы Виллиха — Шаппера) внутри Союза коммунистов.

В заключительной главе книги М. И. Михайлов раскрывает выдающуюся роль Союза коммунистов во главе с К. Марксом и Ф. Энгельсом в истории международного рабочего движения. Историческое значение Союза коммунистов заключается в том, что он принял в качестве своей программы бессмертное творение К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии», оставший «общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибири до Калифорнии»[11]. Союз положил начало соединению рабочего движения с социализмом. Прошло более ста лет с того времени, когда был создан и боролся Союз коммунистов, но его деятельность и идеи до сих пор служат вдохновляющим примером в борьбе за социализм, за построение коммунистического общества. Посвященная истории Союза книга М. И. Михайлова — интересное исследование, способствующее дальнейшей разработке этой яркой страницы из истории марксизма.

М. И. Фриман

---

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. 1955, стр. 6.

В. К. ДАШКЕВИЧ. *Из истории национально-освободительной борьбы тунисского народа.* Изд-во Белгосуниверситета имени В. И. Ленина. Минск. 1960. 170 стр. Цена 7 руб. 25 коп.

Вышла в свет книга В. К. Дашкевича о Тунисе. Основная цель, которую ставил перед собой автор,— осветить важнейшие этапы национально-освободительной борьбы тунисского народа с древнейших времен до наших дней — выполнена им успешно.

Книга состоит из шести глав, краткого введения, заключения и довольно обширных примечаний к главам. Первая глава, посвященная описанию борьбы берберского населения Туниса против Карфагена, господства Рима, против вандалов и византийцев, носит вводный характер. Эта непрекращавшаяся на продолжении многих веков борьба, как правильно говорится в книге, явилась одним из стимулов национально-освободительного движения народов Северной Африки против колониального гнета в наши дни. Первый секретарь Коммунистической партии Алжира Лараби Бухали отмечал, что одним из источников национальных чувств алжирцев является история борьбы алжирских крестьян против иностранных захватчиков. Особенно он подчеркивал энергичную деятельность берберских правителей Масиниссы, Югурты, Такфарината, Фирма, боровшихся против римлян, вандалов и византийцев [1].

В середине VII в. Тунис, а затем и другие области Северной Африки были завоеваны арабами. Карфаген был сожжен и разрушен, навсегда исчезло византийское владычество. Тунис вошел в состав Омейядского, а после 750 г.— Аббасидского халифата. Автор замечает, что арабы были встречены в Тунисе не как завоеватели, а как освободители. Он полемизирует с буржуазными историками, которые пытаются доказать, что арабское завоевание Северной Африки «столкнулось с общим фронтом берберов» и породило возраставший арабо-берберский антагонизм. Такая точка зрения неверна, ибо множество фактов говорит об обратном. Нельзя, конечно, впадать в другую крайность и говорить о совершенно беспрепятственном завоевании арабами Северной Африки. В ряде случаев сопротивление берберов арабам было довольно значительным и нередко дело доходило до кровавых столкновений. Вместе с тем автор обращает внимание читателя на многие факты благотворного влияния арабской культуры на народы Северной Африки.

Основное место в своей книге В. К. Дашкевич отводит описанию исторических событий нового и новейшего времени. Он подробно останавливается на борьбе тунисского народа против французских колонизаторов в конце XIX века. Анализируя особенности развития французского капитализма, автор вскрывает причины, толкавшие французскую буржуазию к колониальным захватам. Французские колонизаторы тщательно готовились к захвату Туниса. В 1881 г., спровоцировав конфликт на тунисско-алжирской границе, французские войска вторглись на территорию Туниса. Автор подробно рассказывает о тех приемах, к которым прибегали французские колонизаторы для закабаления Туниса. Франция добилась права осуществлять в завоеванном Тунисе служебные и административные функции: все декреты, издававшиеся тунисским беем, вступали в силу только после одобрения французского генерального резидента. Последний являлся командующим сухопутными и морскими силами, в его непосредственном подчинении находились управления: финансов, общественных работ, экономики, почт, телеграфа и телефона, службы безопасности, просвещения и искусства. Таким образом, вся полнота законодательной и исполнительной власти в Тунисе сосредоточивалась в руках французских колонизаторов, хотя формально главой государства оставался тунисский бей. Создание разветвленного колониального аппарата, подчеркивает В. К. Дашкевич, открыло французскому капиталу путь к дальнейшему экономическому закабалению страны.

Однако тунисский народ не мирился с порабощением и продолжал активную борьбу. Уже 90-е годы XIX в. ознаменовались рядом стихийных крестьянских восстаний. На арену политической борьбы начал выступать, хотя еще малочисленный и неорганизованный, рабочий класс. Огромное влияние на рост национально-освободительного движения имела революция 1905 г. в России и особенно Великая Октябрьская социалистическая революция.

Под влиянием Октябрьской революции в Тунисе в 1919—1920 гг. с новой силой развернулось движение против французских колонизаторов. В 1919 г. здесь возникла Тунисская федерация социалистической пар-

[1] Лараби Бухали. Алжир принадлежит алжирцам. «Проблемы мира и социализма». 1958, № 2, стр. 63.

тии Франции, которая высказалась за присоединение к III Интернационалу. Тунисская коммунистическая партия, начиная с момента ее создания в 1920 г.[2], вела последовательную борьбу за консолидацию сил растущего пролетариата и трудового крестьянства. В книге подробно рассказывается о внутреннем положении Туниса в период между двумя мировыми войнами, о деятельности Коммунистической партии Франции, которая активно поддерживала борьбу тунисского народа против французских колонизаторов, о раскольнической тактике созданной в 1934 г. либерально-конституционной партии «Новый Дустур». Автор правильно подчеркивает, что в деятельности этой партии наряду с прогрессивными моментами было много непоследовательного.

Значительное место в книге отведено истории Туниса после окончания второй мировой войны. Автор показывает состояние тунисского сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности, внешней торговли, говорит о проникновении в Тунис американского капитала и социальных и экономических последствиях колонизации. В послевоенный период волны национально-освободительного движения в Тунисе следовали одна за другой с нарастающей силой. Путем жестоких репрессий колонизаторы стремились остановить это движение. Но ни разгон, ни расстрелы мирных демонстраций трудящихся, ни арест в январе 1952 г. руководителей компартии и партии «Новый Дустур» и другие репрессии не смогли сломить сопротивление тунисских трудящихся.

Борьба тунисского народа за свою независимость встречала и встречает активную поддержку мирового общественного мнения. Право народов Туниса, Алжира и Марокко на самоопределение и независимость было единодушно поддержано на конференции стран Азии и Африки в Бандунге. Мужественная борьба тунисского народа увенчалась успехом. 20 марта 1956 г. Франция вынуждена была официально признать независимость Туниса.

Заключительная глава книги посвящена борьбе тунисского народа за преодоление последствий колониального гнета. Одним из важнейших шагов молодого тунисского государства было провозглашение Туниса республикой. 25 июля 1957 г. ставленник французских колонизаторов бей Туниса Сиди-Ламин был низложен, и в стране создано первое республиканское правительство во главе с президентом Хабибой Бургибой. Автор подробно рассказывает о тех важнейших событиях, которые произошли в Тунисе за последние годы.

Однако вызывает недоумение, почему В. К. Дашкевич о ряде важных событий говорит как бы мимоходом, акцентируя внимание читателей на второстепенных и малозначительных фактах. Например, на стр. 129 автор описывает борьбу тунисского народа против политики реформ, проводившихся французским правительством в 1952—1956 годах. Это была очень важная веха в борьбе Туниса за национальную независимость, и В. К. Дашкевича следует упрекнуть в том, что об этих событиях сказано вскользь. Именно тогда Компартия Туниса выступила с заявлением, в котором говорилось о неприемлемости для тунисского народа политики реформ французского правительства и намечалась программа требований, выдвигавшихся национально-освободительным движением. Компартия требовала прекращения политики репрессий, отмены осадного положения и гарантии свободы слова, печати, собраний, объединения, индивидуальных свобод и права на забастовку. Она выступала за проведение действительно прогрессивных реформ: а) за избрание путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Национального собрания; б) за образование тунисского правительства, которое должно быть создано Национальным собранием и будет ответственно перед ним; в) за принятие «статута государственного управления» в соответствии с принципом «управление Тунисом — тунисцам». Об этом заявлении В. К. Дашкевич, к сожалению, даже не упоминает.

На стр. 130 автор пишет о выборах в советы каидов и муниципальные советы, но делает это слишком кратко, тогда как организация выборов имела немаловажное значение. Это был маневр французских колонизаторов, направленный на обман международной общественности, французского и тунисского народов. Не случайно, что Коммунистическая партия Туниса считала каидские и муниципальные советы органами, носившими колонизаторский и антидемократический характер, навязанными стране силой, и вместе с партией «Новый Дустур», всеми национальными и демократическими организациями Туниса повела решит

[2] До 1934 г. Тунисская коммунистическая партия входила в качестве федерации во Французскую коммунистическую партию.

льную борьбу против выборов, призывала их бойкоту.

Наиболее слабой, на наш взгляд, выглядит в книге глава «Национально-освободительная борьба тунисского народа в период между двумя мировыми войнами». Видимо, автор не располагал достаточным количеством фактического материала, и глава получилась слишком общей. В книге имеются отдельные фактические неточности, шероховатости стиля.

В целом же книга В. К. Дашкевича будет с интересом встречена советским читателем.

Е. А. Лебедев

И. БЛИНОВ. *Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время реконструкции США (1866—1868 гг.).* Красноярск. 1960. 342 стр. Тираж 500 экз. Цена 10 руб.

Монография А. И. Блинова посвящена ближнейшему периоду истории США — времени так называемой реконструкции, охватывавшей 1865—1877 годы.

Термин «реконструкция» появился на втором этапе гражданской войны в США, в 1863—1865 годах. В то время федеральные войска оккупировали территорию ряда южных штатов, и встал вопрос о том, как «реконструировать» эти штаты, какие создать в них правительства, на каких условиях вернуть их в Союз. В дальнейшем этот термин прочно вошел в политическую терминологию, в историческую и публицистическую литературу. Он принят советскими и прогрессивными американскими историками.

В ходе реконструкции происходило переустройство экономической и общественно-политической жизни бывших мятежных штатов в интересах капиталистического развития страны, в интересах буржуазии, в руки которой в результате гражданской войны перешла вся полнота государственной власти. В этом плане и рассматривается данная проблема в монографии А. И. Блинова.

Несомненным достоинством книги является то, что она написана на основании широкого круга источников. Автор использовал документальные материалы Архива внешней политики России, официальные документы конгресса США, сборники документов, подготовленные американскими авторами, американскую и английскую прессу, мемуары участников и современников рассматриваемых событий, многочисленные монографии.

Изложение материала автор начинает с оценки результатов гражданской войны, рассматривая ее как незавершенную буржуазно-демократическую революцию. Подчеркивая, что в период реконструкции, так же как и во время гражданской войны, вопрос о ликвидации рабовладельческой системы оставался главным вопросом революционных преобразований, А. И. Блинов перечисляет и другие важные задачи, которые предстояло решить в этот период: «1) Обеспечение быстрейшего развития в США капиталистической экономики, в первую очередь промышленности. 2) Борьба против иностранной зависимости в области экономики. 3) Вовлечение внутреннего рынка Юга в общий внутренний рынок Соединенных Штатов путем экономического подчинения плантаторов Юга капиталистам Севера. 4) Восстановление Союза США на новой, чисто буржуазной основе, при полном преобладании суверенитета центрального правительства над суверенитетом отдельных штатов...» (стр. 7—8). По нашему мнению, к числу этих основных задач, стоявших в порядке дня в годы реконструкции, следовало бы отнести также борьбу за улучшение положения рабочих и фермеров, за демократизацию общественной и политической жизни на Севере.

Автор четко выделяет основные вехи развития буржуазно-демократических преобразований на Юге в период реконструкции, дает подробную характеристику прогрессивных законодательных актов, принятых конгрессом США в период политического преобладания радикальных республиканцев. А. И. Блинов справедливо отмечает, что принятие в марте 1867 г. вопреки яростному противодействию президента Джонсона и поддерживавших его реакционных буржуазных группировок Акта о реконструкции, направленного на демократическую перестройку социально-политической жизни южных штатов, «явилось наивысшим достижением революционной диктатуры радикальных республиканцев и было главным из числа осуществленных ими мероприятий, направленных на удовлетворение интересов широких масс» (стр. 143).

Бесспорной заслугой автора является то, что он подробно охарактеризовал различные группировки в рядах радикальных республиканцев, показал ту классовую основу, на которой они сформировались в революционное для своего времени крыло республиканской партии.

В монографии удачно прослежены все сложные перипетии борьбы радикалов с реакционными силами внутри конгресса. Как положительный момент следует отметить, что автор рассматривает борьбу в конгрессе в связи с революционными событиями, происходившими в это время не только на Юге, но и на Севере страны. А. И. Блинов показывает, как давление народных масс влияло на позицию радикалов — членов конгресса. Однако основное внимание в монографии уделяется вопросам, связанным с борьбой в конгрессе. Движение же негров на Юге, рабочих и фермеров на Севере освещено в книге сравнительно скупо. Это, на наш взгляд, является одним из недостатков рецензируемой монографии.

В то же время следует указать, что А. И. Блинов не ограничился изложением событий периода реконструкции; он остановился и на ряде проблем гражданской войны. В частности, используя доступные ему источники, автор касается первых мероприятий армии Севера по организации труда бывших рабов. Этот вопрос очень слабо изучен в связи с тем, что квартирмейстерский департамент северян, руководивший указанными мероприятиями, не вел по ним точного учета. Известный американский прогрессивный историк проф. Уильям Дюбуа пишет: «Эксперименты армии с беглыми рабами и появление департаментов по негритянским делам являются наиболее интересным, но, к сожалению, малоизученным эпизодом реконструкции» [1].

На ярком, убедительном материале показана в монографии реакционная сущность так называемой «президентской реконструкции», проводившейся по плану президента США А. Джонсона. Исследуя этот вопрос, автор приходит к правильному выводу о том, что цель Джонсона фактически заключалась в восстановлении на Юге рабства негров. Материал, приводимый А. И. Блиновым, убедительно подтверждает слова К. Маркса, который писал, что Джонсон — «грязное орудие рабовладельцев» [2].

Значительный интерес представляет глава, посвященная особенностям развития капитализма в сельском хозяйстве Юга в период реконструкции. Здесь автор дает критическую оценку историческим исследованиям, освещающим эту важную проблему.

Большое внимание в рецензируемой монографии уделено теоретическим проблемам. Реконструкция рассматривается автором как продолжение гражданской войны, как второй этап американской буржуазно-демократической революции 1861—1877 годов. Подобная постановка вопроса не вызывает сомнений. Однако, по нашему мнению, следовало бы подчеркнуть, что реконструкция по сравнению с гражданской войной была нисходящим этапом революции. Четкая постановка этого вопроса в книге, по существу, отсутствует.

В работе противоречиво изложен вопрос об отношении рабочего класса США к реконструкции. На стр. 75 говорится: «По всем северным и западным штатам проходили массовые митинги, на которых народ требовал уничтожения не только «черных кодексов», но и... реакционных правительств штатов и предоставления гражданских прав освобожденным неграм... При этом многие рабочие организации, как и отдельные рабочие, выступали инициаторами этого народного движения». На стр. 216 утверждается прямо противоположное: «Однако большинство рабочих США, опутанных расовыми и национальными предрассудками, не понимало необходимости проведения революционной реконструкции Юга».

На наш взгляд, при определении отношения рабочего класса США к революционным событиям на Юге в годы реконструкции следовало отметить, что рабочий класс не предпринял прямых действий, направленных на непосредственную поддержку героической борьбы негров, и объяснить причины этого. Кроме того, нужно было указать, что массовое рабочее движение в США в 1865—1877 гг. объективно оказывало значительную помощь неграм в борьбе против плантаторской реакции.

В монографии отсутствует историографический очерк, который помог бы читателю получить представление о том, какое место занимает вопрос о реконструкции в американской и советской историографии. Историографический очерк позволил бы читателю определить место данной монографии в исторической литературе по рассматриваемой теме и вклад автора в изучение проблем реконструкции.

Оценивая монографию А. И. Блинова с этой точки зрения, надо отметить, что в ней впервые в советской литературе дан тщательный и всесторонний анализ слож-

[1] W. Du Bois. Black Reconstruction. New York. 1935, p. 66.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 494.

ых проблем, связанных с борьбой в конгрессе по вопросу о путях и средствах осуществления реконструкции. Автор вводит в научный оборот немало новых интересных фактов из истории США периода реконструкции.

А. И. Блинов доводит изложение событий до 1870—1871 гг., концентрируя основное внимание на событиях 1866—1868 гг. Это вполне оправдано, так как названные годы занимают исключительно важное место в событиях периода реконструкции. Однако читателю неясно, что же произошло в последующие годы реконструкции. Желательно было хотя бы в заключительной главе кратко изложить последующие события вплоть до 1877 г., показать, как буржуазия Севера предала интересы негритянского народа и способствовала восстановлению на Юге власти плантаторов.

Вызывают возражение некоторые неточные формулировки. Например, на стр. 57 говорится, что меры, принятые Бюро освобожденных, «окончательно сломили сопротивление негров, требовавших земли и отказывавшихся работать на плантаторов». В данном случае речь идет о борьбе негров за землю осенью 1865 года. Однако многочисленные факты, приведенные в последующих главах, свидетельствуют о том, что борьба негров за землю не только не была сломлена, но получила в 1867—1868 гг. наибольший размах. В книге имеют место многочисленные опечатки.

В целом, несмотря на отмеченные недостатки, работа А. И. Блинова является серьезным вкладом в советскую историографию гражданской войны и реконструкции США.

Р. Ф. Иванов

А. ЖЕБОКРИЦКИЙ. *Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг.* Киев. Изд-во Киевского университета. 1960. 250 стр. Тираж 2 000. Цена 11 руб. 50 коп. (1 руб. 15 коп.).

За последнее время в СССР и в Народной Республике Болгарии появилось значительное количество работ по истории Болгарии. Они носят как общий, так и специальный характер[1]. Деятельность исследователей облегчается тем, что с победой народно-демократического строя в Болгарии историки получили свободный доступ к архивам, в которых хранятся богатые материалы и документы, касающиеся экономического развития страны, ее внутренней и внешней политики.

В отличие от вышеназванных работ общего характера рецензируемая книга представляет собой исследование на более узкую тему. Ее автор привлек документы из Центрального государственного исторического архива, Исторического архива государственной библиотеки имени В. Коларова, Военно-исторического архива в Софии; кроме того, им использованы документы из Архива внешней политики России, Центрального военно-исторического архива и Центрального государственного исторического архива Украины. Собранные в архивах материалы в сочетании с документами и материалами публикаций (в первую очередь парламентских отчетов и статистических ежегодников), а также прессы позволили В. А. Жебокрицкому довольно полно осветить экономическую, социальную и политическую жизнь страны накануне Балканских войн.

Первая глава монографии (стр. 23—112) знакомит читателя с своеобразием капиталистического развития Болгарии. Освобождение от турецкого ига хотя и облегчило экономический прогресс страны, однако остатки капитуляционного режима и расчлененность Болгарии тормозили рост производительных сил. В то же время происходило активное проникновение иностранного капитала в болгарскую экономику. Опираясь на статистические материалы, В. А. Жебокрицкий приходит к заключению, что в экономике Болгарии в начале XX в. наблюдались явления, присущие периоду перерастания «свободного» капитализма в империализм. «Процесс концентрации и централизации производства, острая конкурентная борьба привели к появлению монополистических объединений,— пишет автор.— В Болгарии всего за каких-нибудь

[1] Из общих работ можно упомянуть о двухтомной «Истории Болгарии», написанной советскими авторами и вышедшей под редакцией П. Н. Третьякова, С. А. Никитина и Л. Б. Валева (т. I — 1954 г. и т. II — 1955 г.). В те же годы в Народной Республике Болгарии вышла «История на България» под редакцией Д. Косева, Д. Димитрова, Ж. Натана, Хр. Христова, Д. Ангелова (т. I. София. 1954; т. II. София. 1955). Несколько позже в Болгарии были изданы интересные и весьма обстоятельные работы: Ж. Натан. Стопанска история на България. София. 1957; Ж. Натан и Л. Беров. Монополистическият капитализм в България. София. 1958.

30 лет свободного капиталистического развития после освобождения тоже появились картели, тресты (табачный, сахарный и др.), шел быстрый процесс концентрации производства и капитала. Все эти явления дают основание полагать, что болгарская экономика накануне Балканских войн переживала период, который характеризовался появлением элементов перерастания промышленного капитализма в его высшую стадию» (стр. 13).

Приведенная цитата, как бы резюмирующая взгляд В. А. Жебокрицкого на процесс развития болгарской экономики накануне Балканских войн, в основном правильно отражает тогдашнее положение в стране. Однако, на наш взгляд, нельзя утверждать, что в Болгарии в то время уже шел «быстрый процесс концентрации производства и капитала». Детальное исследование Ж. Натана и Л. Берова, основанное на документальных материалах банков и предприятий, свидетельствует о том, что монополистические организации в Болгарии были тогда еще сравнительно небольшими и охватывали незначительную часть предприятий [2]. Сращивание банковского и промышленного капитала находилось на самой начальной стадии, и степень концентрации капитала была еще невысокой.

В. А. Жебокрицкий анализирует также положение крестьянских масс, освещает социально-политическую и классовую борьбу в болгарской деревне. Автор показывает, что крестьянство подвергалось жестокой эксплуатации не только со стороны национальной буржуазии, но и со стороны иностранного капитала. Основываясь на данных ежегодной статистики и отчетов Земельного банка, автор убедительно доказывает, что в болгарской деревне повсеместно сказывалось разрушительное влияние ростовщического капитала. Болгарское крестьянство страдало под бременем все возраставших налогов. За одно лишь первое десятилетие XX в. государственные налоги на крестьянство возросли в 2,5 раза, косвенные — в 1,5 раза. Накануне Балканских войн 1912—1913 гг. общий долг болгарского крестьянства достигал 200 млн. левов, а годовые проценты — не менее 24 млн. левов (стр. 70).

Освещая положение пролетариата, В. А. Жебокрицкий приходит к выводу, что «к концу войны его классовое сознание было достаточно высоким и он принимал активное участие в общественно-политической жизни страны, вел жестокие классовые бои с буржуазией, имел в авангарде марксистскую партию, стоящую на позициях классовой борьбы» (стр. 81—82). Автор показывает, что Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесных социалистов) осуществляла большую революционную деятельность. Под руководством тесняков вел борьбу основной костяк болгарского пролетариата: горняки, металлисты, фабричные рабочие, текстильщики и др. Автор приводит статистические данные о стачечной борьбе болгарских рабочих, которая под руководством тесняков с каждым годом возрастала.

Вторая глава монографии — «Роль Болгарии в образовании Балканского союза» (стр. 162—185) — трактует о внешней политике Болгарии до формирования союза, об образовании болгаро-сербского союза, о заключении болгаро-черногорского соглашения. Ценность этого раздела заключается прежде всего в том, что автор не эпически повествует об образовании Балканского союза, а ведет научную полемику, разоблачает буржуазную историографию, тщетно пытающуюся представить дипломатию европейских держав и в первую очередь английскую как политику «незаинтересованности» западноевропейских империалистов на Балканах накануне первой мировой войны. В монографии детально раскрывается, как в сложный узел империалистических противоречий на Балканах была завязана политика европейских держав, провоцировавших войну.

Приводя большой фактический материал, В. А. Жебокрицкий показывает, как в силу определенных исторических условий политики буржуазных кругов Болгария довольно заметно милитаризировалась с помощью великих держав. Орган тесняков характеризовал в 1912 г. Болгарию как самую «милитаризованную» державу в мире. «Личный состав болгарской армии с 1887 г. 1912 г. увеличился на 273%, а офицерский состав вырос на 400%. Ничто не поглощало столько средств, как военные нужды» (стр. 139). Правящая верхушка Болгарии стремилась захватить новые территории на Балканах. Поэтому болгарская дипломатия приложила много усилий для создания Балканского союза с целью войны против Турции. Знали ли об этом правящие круги и

[2] Ж. Натан и Л. Беров. Указ. соч., стр. 103.

[3] См. «Работнически вестник», 14 ноября 1912 года.

ких держав? Да, знали. Больше того, дипломаты стран Антанты направляли все усилия в столицах балканских стран на колачивание блока для борьбы с австро-германским союзом (стр. 140—141). Что касается Австро-Венгрии и Германии, которые также были осведомлены о формировании балканского союза, то автор монографии (как и болгарский историк Т. Влахов) справедливо считает, что болгарский царь Фердинанд оставался проводником австро-германской балканской политики, за что Австро-Венгрия поддержала его сумасбродные планы создания «Великой Болгарии», которая должна была стать плацдармом для реализации германской политики «Drang nach Osten» (стр. 17) [4].

Таким образом, образованный в 1912 г. балканский союз не представлял никакой тайны для европейских держав. Каждая из империалистических группировок старалась подчинить балканский блок своей политике. Так рассеивается версия буржуазных историографов о «незаинтересованности» политики европейских держав на Балканах.

Что касается позиции царской России, то она обстоятельно освещена в советской литературе, и в своей оценке роли царской России в образовании Балканского союза В. А. Жебокрицкий не расходится с другими советскими авторами. Однако он глубже и подробнее многих других специалистов освещает процесс переговоров об образовании Балканского союза; как правильно пишет В. А. Жебокрицкий, самый ход внутренних и внешних событий толкал балканские государства, прежде всего Сербию и Болгарию, к такому союзу. Поэтому В. А. Жебокрицкий, на наш взгляд, несколько противоречит сам себе, утверждая, что правительство царской России «инспирировало» переговоры между Болгарией и Сербией (стр. 166). То, что царское правительство было заинтересовано в благополучном завершении сербо-болгарских переговоров, не подлежит сомнению; но то, что царское правительство инспирировало эти переговоры, не соответствует действительности.

Исследуя предпосылки формирования Балканского союза, В. А. Жебокрицкий хорошо вскрыл две политические и общественные тенденции: вынужденное заигрывание Фердинанда с царским правительством и искренние симпатии болгарского народа к русскому народу как к освободителю от турецкого ига.

Рецензируемая монография является лишь первой частью задуманной автором большой работы. Вторая часть будет посвящена истории Болгарии в период Балканских войн 1912—1913 гг., когда страна оказалась в изоляции. Автор справедливо пишет, что «причиной острых противоречий и борьбы среди участников Союза еще в период его формирования были эгоистические интересы буржуазии и царствующих династий балканских стран» (стр. 183). «Однако если учитывать историческую действительность и прежде всего то, что Союз был направлен против турецкого режима, тормозившего развитие балканских народов, против страны, веками угнетавшей балканские народы, и против реакционных решений Берлинского конгресса, то становится совершенно ясно, почему образование его объективно было шагом вперед по линии подрыва остатков средневековья и ликвидации жесточайшего турецкого режима и политической системы Берлинского трактата на Балканах» (стр. 184).

Работа В. А. Жебокрицкого, на наш взгляд, имеет существенный пробел. Почему-то автор отказался от освещения и анализа социально-политической структуры болгарского общества, каким оно сложилось к началу XX века. Ведь в Болгарии в то время существовало и действовало множество партий с различными политическими программами, отражавшими интересы и устремления различных слоев болгарского общества. Лишь в последней, третьей главе автор обращается к этому вопросу (поскольку в этом весьма важном разделе монографии речь идет об отношении политических партий Болгарии к вопросу о войне против Турции). Но общая характеристика политических партий, их состава, социальной базы, их политических требований дана бегло и, на наш взгляд, недостаточно. Правда, необходимо подчеркнуть, что в монографии весьма обстоятельно, с большой политической остротой освещен главный вопрос того времени — об отношении политических партий к войне.

Как только начались сербо-болгарские переговоры о союзе, в болгарской армии были проведены некоторые мероприятия, рассчитанные на повышение ее боевых качеств. Помимо Военной академии, для подготовки квалифицированных кадров высших офицеров был создан Институт инспектирования

[4] См. Т. Влахов. Външната политика на Фердинанд и Балканският съюз. «Исторически преглед», 1950, № 4—5, стр. 436—437.

пехоты (стр. 190). В ноябре 1911 г. на рассмотрение Народного собрания был внесен законопроект о сверхсметном кредите в сумме 3 800 тыс. левов на военные нужды. Весной 1912 г. сообщалось о принятии «Закона об основании единого казенного резервного фонда», который предназначался для военных целей (стр. 191). Стало ясно, что болгарские монархисты готовятся к близкой войне. Усилилась идеологическая подготовка болгарского населения к войне с Турцией. «Особенно большую алармистскую шумиху поднимали так называемые «патриоты» — это прежде всего представители либеральных партий...» — пишет В. А. Жебокрицкий (стр. 197). Пресса и организаторы многочисленных митингов призывали болгарский народ не оставаться хладнокровным зрителем, выступить на защиту братьев-македонцев. В связи с нараставшим кризисом на Балканах и угрозой войны буржуазные и мелкобуржуазные, правящие и оппозиционные буржуазные партии требовали войны с Турцией. Преследуя узкоклассовые интересы, представители буржуазных партий прикрывались патриотическими лозунгами «освободительной, справедливой войны», требовали решить вопрос только оружием. От буржуазных партий не отставала и партия «широких» социалистов. Представитель «широких» социалистов Г. Василев на «общегражданском митинге» в одном из софийских салонов выступил 30 апреля 1912 г. с призывом забыть все классовые, партийные и политические разногласия, образовать «общее национальное движение» за завоевание «автономии Македонии» (там же).

Тщательно проследив позиции буржуазных партий по отношению к войне с Турцией, В. А. Жебокрицкий справедливо заключает: «Македонский вопрос болгарская буржуазия выдвигала в своей политике на первый план как «идеал», как общенациональное дело для того, чтобы прикрыть свои захватнические цели, чтобы получить поддержку народных масс. Пользуясь национализмом как орудием в своей политике, буржуазия так называемыми «национальными идеалами» стремилась увлечь за собой отсталые, забитые, несознательные массы, использовать «все силы и средства» в своих классовых интересах. Наконец, все буржуазные политические партии Болгарии объединились также в борьбе против рабочего класса и его партии — БРСДП (т. с.), которая на каждом шагу решительно разоблачала классовую политику буржуазии, ее связи с монархизмом и зависимость от великих империалистических держав» (стр. 202). Болгарские тесняки были единственной политической партией страны, выступившей тогда против войны. В Болгарском Земледельческом союзе раздавались отдельные голоса против войны; в органе Земледельческого союза «Земеделско знаме» иногда печатались даже резолюции против войны, однако парламентская фракция Земледельческого союза высказалась за войну и за военные кредиты (стр. 206).

Автор монографии широко осветил антимилитаристскую деятельность болгарских тесняков, подлинных интернационалистов, призывавших к объединению трудящихся балканских стран для борьбы за демократическую республику революционным путем.

Книга В. А. Жебокрицкого — ценный вклад в разработку истории Болгарии. Эта монография освещает один из важнейших этапов развития страны. К данной работе неизбежно будут обращаться преподаватели, студенты и многочисленные читатели, интересующиеся историей Болгарии.

И. С. Галкин

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Аполлова Н. Г. *Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 456 стр. 1 700 экз. 1 р. 70 к.

Арабский аноним XI века. Изд. текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича. М. Изд-во вост. лит. 1960. 221. XI, 10 стр.; 134 стр. араб. паг. 1 300 экз. 2 руб.

Аралов С. И. *Воспоминания советского дипломата.* 1922—1923. М. Изд-во ИМС. 1960. 222 стр. 50 000 экз. 49 коп.

Башкирские шежере. Сост., пер. текстов, введение и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа. Башкнигоиздат. 1960. 304 стр. 2 000 экз. 1 р.

к. Шежере — летописные исторические па-
тники XVI—XIX вв.

Бовыкин В. И. и др. *Очерки истории СР.* 1861—1904. Пособие для учителей. Учпедгиз. 1960. 446 стр. 17 000 экз. коп.

Бондарчик В. К. и Чигринов И. Г. *колай Яковлевич Никифоровский.* Минск. д-во Акад. наук БССР. 1960. 104 стр. 00 экз. 10 коп. Очерк жизни и деятель-сти белорусского этнографа Н. Я. Ники-ровского (1845—1910).

Борисов Ю. С. *Подготовка производ-енных кадров сельского хозяйства СССР еконструктивный период.* М. Изд-во Акад. ук СССР. 1960. 288 стр. 1 500 экз. 1 р. 5 к.

Византийский временник. Т. 17, М.-Л. д-во Акад. наук СССР. 1960. 382 стр. 00 экз. 2 р. 15 к.

Золошинов Л. *Октябрь в Крыму и верной Таврии.* Симферополь. Крымиздат. 60. 135 стр. 3 000 экз. 31 коп.

Вольф А. *В чужой стране.* Саратов. Кн. д. 1960. 472 стр. 75 000 экз. 92 коп. Доку-нтальная повесть о русской партизанской агаде «За Родину», сражавшейся в годы ликой Отечественной войны на террито-и Бельгии.

Вопросы этнической истории мордовского рода. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 6 стр. 1 400 экз. 1 р. 55 к.

Воспоминания о Михаиле Ивановиче Ка-чине. Калинин. Кн. изд. 1960. 246 стр. коп.

Галоян Г. А. *Социалистическая револю-ия в Закавказье в освещении буржуазной ориографии.* М. Соцэкгиз. 1960. 219 стр. 00 экз. 37 стр.

Годы великих свершений. Алма-Ата. Каз-издат. 1960 251 стр. 4 000 экз. 30 коп. орник статей об истории развития Со-ского Казахстана.

Головачев Ф. Ф. *Рабочее движение и циал-демократия Германии в годы первой ровой войны.* Август 1914 — октябрь 18 г. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 6 стр. 2 500 экз. 1 р. 85 к.

Горенский М. и др. *Между двумя ре-юциями.* Очерки истории красноярской льшевистской организации. 1907—1917 гг. асноярск. Кн. изд. 1960. 179 стр. 3 000 з. 40 коп.

Дни грозовые. Воронежская организация СС в годы гражданской войны. 1918—20 гг. Документы и материалы. Сост. П. Ереснева и др. Воронеж. Кн. изд. 60. 276 стр. 1 000 экз. 47 коп.

Древности северо-западных областей ФСР в 1 тысячелетии н. э. М.-Л. Изд-во ад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. стр. 1 400 экз. 3 р. 28 к.

Ерошкин Н. П. *Очерки истории госу-рственных учреждений России.* Пособие я учителя. М. Учпедгиз. 1960. 395 стр. 000 экз. 1 р. 5 к.

Живульская К. *Я пережила Освен-м.* Пер. с польского В. Раковской. Пре-сл. Назыма Хикмета. М. Изд. иностр. лит. 60. 271 стр. 70 коп.

Загоруйко В. *По страницам истории ессы и Одесщины.* Вып. 2. Период про-мышленного капитализма. Разночинский этап освободительного движения. 1861—1895. Одесса. Кн. изд. 1960. 151 стр. 7 000 экз. 32 коп.

Знамя труда. Краткий очерк истории ленинградского арматурного завода «Знамя труда». Л. Лениздат. 1960. 208 стр. 2 000 экз. 30 коп.

Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. В 3 т. 1918—1922. Т. 1. Май 1918 — март 1919. Сост. П. А. Голуб и др. М. «Советская Россия». 1960. 831 стр. 10 000 экз. 1 р. 35 к.

Из истории Урала. Сборник статей. Свердловск. Кн. изд. 1960. 410 стр. 5 000 экз. 1 р. 1 к.

Каторгин И. И. *Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенные годы.* 1945—1953 гг. Изд. 2-е. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 96 стр. 36 000 экз. 10 коп.

Кондрашев И. Ф. *Очерки истории СССР.* Советская страна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. 1918—1920 гг. М. Учпедгиз. 1960. 328 стр. 20 000 экз. 81 коп.

Кононыхин Н. М. *Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны.* М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 103 стр. 7 300 экз. 22 коп.

КПСС — организатор борьбы за крутой подъем сельского хозяйства (сборник статей). М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 360 стр. 4 000 экз. 1 р. 25 к.

Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. Сборник документов. Под ред. А. С. Нифонтова и Б. В. Златоустовского (предисл. С. Л. Эвенчик). М. Соцэкгиз. 1960. 964 стр. 2 000 экз. 1 р. 62 к.

Макаров П. В. *Партизаны Таврии.* М. Воениздат. 1960. 383 стр. (Военные мемуары). 83 коп. Автор — участник гражданской и Великой Отечественной войны.

Марковин В. И. *Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы* (II тыс. до н. э.). М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 151 стр. 1 700 экз. 1 р. 20 к.

Материалы Научной конференции к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Ред. Е. В. Сеглин. М. 1960. 342 стр. 1 500 экз. 1 р. 16 к.

Медведев А. И. *По долинам и по взгорьям.* М. Воениздат. 1960. 152 стр. 39 коп. Воспоминания участника гражданской войны на Урале.

Милов Л. В. и др. *Хрестоматия по истории СССР.* С древнейших времен до конца XV в. (документы и материалы). М. Соцэкгиз. 1960. 735 стр. 20 000 экз. 1 р. 27 к.

Мирзоев В. Г. *Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века.* М. Соцэкгиз. 1960. 187 стр. 3 500 экз. 57 коп.

Мирошников И. *Виктор Обнорский — выдающийся рабочий-революционер.* М. Соцэкгиз. 1960. 104 стр. 25 000 экз. 13 коп.

Митрофанова А. В. *Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны.* 1941—1942 гг. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 486 стр. 3 500 экз. 1 р. 75 к.

Мустафаев Х. *Воспоминания партизана.* Махачкала. Дагкнигоиздат. 1960. 44 стр. 3 000 экз. 4 коп. Автор — участник Октябрьской революции и гражданской войны в Дагестане.

Нарвская застава в 1917 году. В воспоминаниях и документах. Сост. М. И. Протопопов и др. Л. Лениздат. 1960. 287 стр. 3 000 экз. 52 коп.

Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 348 стр. 1 300 экз. 2 р. 33 к.

Николаев П. А. *Рабочие-металлисты Центрального промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции.* Март — ноябрь 1917 г. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 120 стр. 2 000 экз. 16 коп.

Нумизматика и эпиграфика (сборник статей). Т. 2. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 212 стр., 2 500 экз. 1 р. 45 к.

Осадчий П. *По следам легендарной Конной.* Белгород. Кн. изд. 1960. 83 стр. 1 500 экз. 8 коп.

Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Коммунистическая партия Туркестана в период восстановления народного хозяйства. 1921—1924 гг. Ташкент. Госиздат УзССР. 1960. 152 стр. 10 000 экз. 40 коп.

Палестинский сборник. Вып. 5 (68). М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 230 стр. 1 600 экз. 1 руб.

Плиев Б. З. *Юго-Осетинская организация ЛКСМ Грузии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* Сталинир. Госиздат Юго-Осетии. 1960. 87 стр. 1 500 экз. 13 коп.

Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 году. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 208 стр. 1 500 экз. 1 р. 10 к.

Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г. М. Госполитиздат. 1961. 95 стр. 500 000 экз. 10 коп.

Седов В. В. *Сельские поселения центральных районов Смоленской земли* (VIII—XV вв.). М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 158 стр. 1 500 экз. 1 р. 20 к.

Соловьев С. М. *История России с древнейших времен.* В 15 кн. Кн. 4. Т. 7—8. М. Соцэкгиз. 1960. 778 стр. 45 000 экз. 1 р. 70 к.

Стоклицкая-Терешкович В. В. *Основные проблемы истории средневекового города X—XV веков.* М. Соцэкгиз. 1960. 349 стр. 2 000 экз. 1 р. 23 к.

Труды Государственной комиссии по электрификации России ГОЭЛРО. Документы и материалы. М. Соцэкгиз. 1960. 307 стр. 6 000 экз. 91 коп.

Усманов А. Н. *Присоединение Башкирии к Русскому государству.* Уфа. Башкнигоиздат. 1960. 195 стр. 3 000 экз. 41 коп.

Фадеев А. В. *Россия и Кавказ первой трети XIX в.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 398 стр. 2 500 экз. 1 р. 50 к.

Хрестоматия по новейшей истории. В 3 т. Под ред. Б. Г. Гафурова и др. Т. 2. 1939—1945. Документы и материалы. М. Соцэкги 1960. 765 стр. 50 000 экз. 1 р. 22 к. Для ис торических факультетов университетов и пе дагогических институтов.

Черняховская культура. М. Изд-во Акад наук СССР. 1960. 347 стр. 1 700 экз. 2 40 к.

Шаховской Л. Ф. *Партия большевиков в революции 1905—1907 гг.* Изд. 2-е. М Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 140 ст 26 000 экз. 15 коп.

Яшкин И. А. *Формирование мордовской социалистической нации.* Саранск. Мордов кн. изд. 1960. 128 стр. 2 000 экз. 51 коп.

Всеобщая история

Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. Пер. с англ. Вступит. статьи Н. Н. Яковлева. М. Изд-во ИМО. 1960 207 стр. 15 000 экз. 65 коп.

Георгиу-Деж Г. *О работе XXI внеочередного съезда КПСС.* Доклад на собр нии партийного актива Бухареста и Бух рестской обл. 6 марта 1959 г. — XV годо щина освобождения Румынии от фашистско го ига. Доклад на торжественной сесс Верховного Национального собрания 22 ав 1959 г. Речь на конференции Клужск областной партийной организации. Отче ный доклад Центрального Комитета Румы ской рабочей партии 20 июня 1960 г. Госполитиздат. 1960. 176 стр. 50 000 эк 22 коп.

Германский реваншизм — угроза мир Пер. с чешск. М. Воениздат. 1960. 100 ст 19 коп.

Грамши А. *Статьи из «Ордине нуово» Проблемы революции. Проблемы культу ной жизни.* (Пер. с итал. Предисл. Т. Ко радова.) М. Госполитиздат. 1960. 126 ст 54 000 экз. 16 коп.

Грацианский Н. П. *Из социально-эк номической истории западноевропейско средневековья.* Сб. статей. М. Изд-во Акад наук СССР. 1960. 408 стр. 2 000 экз. 1 55 к.

Иордан. *О происхождении и деяни готов.* Вступ. статья и пер. (с латин.) Е. Скржинской. М. Изд. вост. лит. 19 436 стр. 1 700 экз. 2 руб.

Коллонтай В. М. *Иностранные ин стиции в экономически слаборазвитых ст нах.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 19 274 стр. 2 800 экз. 95 коп.

Колосков Л. С. и Тимофеев Н. *Экономика Италии.* М. Изд-во ИМО. 19 203 стр. 2 250 экз. 63 коп.

Кун Б. *Уроки пролетарской революции Венгрии.* М. Госполитиздат. 1960. 72 с 52 500 экз. 9 коп.

Кунина А. Е. и Марушкин Б. *Миф о миролюбии США.* М. Соцэкгиз. 19 317 стр. 10 000 экз. 80 коп.

Международные отношения и внешняя по литика Советского Союза. Под ред. В. Нихамина. 2-й полутом. 1950—1959. Изд-во ИМО. 1960. 416 стр. 8 500 экз. 1 66 к.

Невлер В. Е. (Вилин). *Джузеппе*

альди. 2-е доп. изд. М. Госполитиздат. 1. 127 стр. 50 000 экз. 14 коп.

писание Кореи. Сокр. переиздание. М. . вост. лит. 1960. 662 стр. 1 400 экз. 3 руб.

оповкина Р. А. *Французские моно- ии в Индокитае* (накануне второй миро- войны). М. Изд. вост. лит. 1960. 244 стр. 0 экз. 95 коп.

равые социалисты — против социализ- Под общ. ред. Л. А. Леонтьева. М. экгиз. 1960. 359 стр. 8 000 экз. 67 коп.

рицколейт К. *Кому принадлежит адная Германия.* Хроника собственности власти. Пер. с нем. (вступит. статья Мельникова). М. Изд. иностр. лит. 1960. стр. 2 р. 29 к.

алов В. *Германская историография Ве- ой Октябрьской социалистической рево- ции.* М. Соцэкгиз. 1960. 212 стр. 6 000 экз. коп.

аломаа Э. *Краткий очерк истории фсоюзного движения в Финляндии.* Пер. рин. (предисл. И. Петрова). М. Проф- ат. 1960. 103 стр. 1 500 экз. 20 коп.

тах Г. и Зайцев К. *Опека или ко- лониализм.* М. Изд-во ИМО. 1960. 116 стр. 15 000 экз. 20 коп.

Сырицын И. М. *Борьба японских трудящихся против войны и фашизма.* 1935—1937 гг. М. Изд. вост. лит. 1960. 107 стр. 2 700 экз. 30 коп.

Туганова О. *Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке.* М. Изд-во ИМО. 1960. 304 стр. 2 250 экз. 1 р. 27 к.

Фэйгэн Х. *Национализация в Англии.* Пер. с англ. М. Изд. иностр. лит. 1960. 98 стр. 19 коп.

Хан М. *Освободительная борьба корейского народа в годы японского протектората.* 1905—1910. М. Изд. вост. лит. 1961. 71 стр. 1 200 экз. 25 коп.

Шапошникова Л. В. *Национально-освободительное движение в Индии в 1934—1939 гг.* Курс лекций. М. Изд-во Моск. ун- та. 1960. 64 стр. 2 000 экз. 27 коп.

XI сессия Генерального Совета ВФП. Пе- кин. 1960. Сборник документов. М. Проф- издат. 1960. 31 стр. 4 000 экз. 5 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

Вопросы истории КПСС» № 1. «Выдаю- ся событие в истории мирового комму- тического движения». Передовая; «Но- документы В. И. Ленина»; А. С. Смир- в, Л. М. Бромберг. Партия и элек- фикация всей страны; М. В. Рыбаков. мунистическая партия — организатор еды в гражданской войне; С. П. Кня- в. Коммунисты Ленинграда в борьбе за становление города (1944—1945 гг.); Л. Бачило, А. Ф. Смирнов. И. Ленин о падении крепостного права; ер Керриган. Коммунистическая тия Великобритании и проблемы проф- зного движения; В. Л. Харитонов. ьба большевиков Украины за создание астной организации (1914 г.— июль 7 г.); Л. И. Ключник, В. П. Нико- ева. Некоторые статистические сведения остоянии партийных организаций в 1918 у.

Военно-исторический журнал» № 12. Берхин. О территориально-милицион- строительстве в Советской Армии; Румянцев. Оборонительные действия армии в Заполярье в 1941 году; Лелюшенко. Бои под Мценском; Кашкаев. Красная Армия в борьбе победу Советской власти в Дагестане 17—1921 гг.); И. Лунев. Историче- е концепции Г. Риттера на службе гер- ского реваншизма.

Военно-исторический журнал» № 1. Ротмистров. Влияние танков на пы наступательных операций; А. Гор- тов. Наступление войск 3-й армии на ачевском направлении; И. Партоть- н. О плане летней кампании немецко- листского командования на советско-германском фронте в 1942 году; А. Кунина. Об агрессии американских империалистов против Советской России в 1918—1920 годах; Н. Кузьмин. Коммунистическая партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.

«Вестник Московского университета» № 1. Серия IX. История. М. И. Хлусов. Основные направления и итоги развития текстильной промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток; С. В. Воронкова. Перестройка сельских Советов в годы коллективизации деревни (1929—1930 гг.) (по материалам Северо-Кавказского края); М. Я. Волков. Из истории борьбы за украинский рынок во второй четверти XVIII века; Л. П. Лаптева. Освещение гуситского движения в новейшей исторической литературе США.

«Преподавание истории в школе» № 1. Ф. Н. Заузолков. Марксизм-ленинизм — теоретическая основа строительства коммунизма; М. М. Смирин. Реформация и крестьянская война в Германии.

«Византийский временник». Институт истории АН СССР. Т. 17. М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии; И. Ф. Фихман. К характеристике корпораций Византийского Египта; К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в.; П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси; Р. М. Бартикян. К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в.; Н. А. Мещерский. К вопросу о византийско-славянских литературных связях; Г. Цанкова-Петкова. О территории Болгарского государства

в VII—IX вв.; Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1342—1349 гг.

«Известия АН Узбекской ССР». Серия общественных наук. 6. «Гений научного коммунизма (к 140-летию со дня рождения Фридриха Энгельса)»; С. Н. Бергер. К истории борьбы Фридриха Энгельса против ревизионизма; А. Х. Бабаходжаев. Национально-освободительное движение на современном этапе; А. Ф. Яцышина. Рост женских кадров рабочего класса Узбекистана в период построения социализма.

«Научные работы и сообщения АН Узбекской ССР». Отделение общественных наук. Книга 1. Т. Рахимбабаева. Развитие культурного сотрудничества узбекского народа с народами СССР в 1953—1958 гг.; К. Култасова. Роль совхозов в освоении Голодной степи (1956—1957 гг.); Н. Ибрагимова. Решение проблемы подготовки и обеспеченности рабочей силой промышленности Узбекистана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.); М. Гулямова. Подготовка кадров узбекской советской интеллигенции в годы второй пятилетки (1933—1937); А. Нуруллаев. Из истории формирования кадров рабочих совхозов и МТС Узбекистана (1929—1932 гг.); М. Кутлуков. Демократическое движение народов Южного Синьцзяна (Кашгарии) в период 1945—1947 гг.; Э. Мамедова. Из истории взаимоотношений народов Средней Азии и Западного Китая; Д. Мухамедова. Положение законтрактованных кули на плантациях Индии и Южной Африки во второй половине XIX века; Б. Ахмедов. Государство кочевых узбеков при Абулхайр-хане (к политической истории образования государства кочевых узбеков); А. Насыров. Вопросы производительности труда в тяжелой промышленности Узбекистана в послевоенный период (1945—1958 гг.); К. Азизов. Социалистическая индустриализация Узбекистана и ее роль в ликвидации былого фактического экономического неравенства; К. Юсупов. О состоянии сельского хозяйства Туркестана накануне восстановительного периода; А. Кадыров. К вопросу о создании и развитии местных Советов в Туркестане (февраль — октябрь 1917 г.).

«Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР». Новая серия. Т. 62. Славянский этнографический сборник. Л. В. Маркова. Сельская община у болгар в XIX в.; М. С. Шихарева. Сельская община у сербов в XIX — начале XX вв.; Н. Н. Грацианская. Жилище и хозяйственные постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX вв.

«Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР». Том 8. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Ю. А. Зуев. К этнической истории усуней; Д. Тихонов. Зависимые инджу; И. В. Захарова. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии; С. К. Ибрагимов. Еще раз о термине «казах».

«Труды Таджикского государственного университета имени В. И. Ленина». Т. 27. Серия исторических наук. Вып. 1. Вопросы истории СССР. М. Садыков. Коммунистическая партия в борьбе за формирование и развитие рабочего класса Таджикистана; Б. Шарифзода. Великая Октябрьская социалистическая революция и пробуждение самосознания трудящихся Восточной Бухары; Х. С. Саидмурадов. Национализация промышленности Туркестана в первые годы Советской власти; И. Т. Сагай. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание очагов промышленности в Таджикистане; М. Шукуров. Из истории развития сети культурно-просветительных учреждений в Таджикистане; Ю. А. Шибаева. Киргизы Восточного Памира в братской семье народов Таджикистана; В. С. Библер, А. Г. Слонимский. Г. В. Плеханов и утопический социализм русских революционеров-демократов; Д. Е. Хайтун. Пережитки тотемизма у хакасов; Б. И. Искандаров. Англо-русское соглашение 1895 г. о Памире.

«Труды Горьковского политехнического института имени А. А. Жданова» (Общественно-экономические науки). Т. 16. Вып. К. А. Тихомиров. Формирование большевистскими организациями пролетарских вооруженных сил в период март — май 1917 г.; А. М. Лопатин. О некоторых формах рационализаторского движения в промышленности в начале первой пятилетки (по материалам нижегородских предприятий); Я. Т. Сметанин. Особенности ликвидации кулачества в Молдавской ССР; В. Ф. Аржанова. О деятельности Нижегородского Военно-революционного комитета в 1918 году.

«Труды Воронежского областного краеведческого музея». Вып. 1. П. М. Фоменко. Воронежские большевики в борьбе за восстановление Советской власти в губернии (октябрь 1919 г.— январь 1920 г.); В. П. Загоровский. Судостроение под Воронежем в XVII веке.

«Труды Кутаисского государственного педагогического института имени А. Цулукидзе. Т. 22 (на груз. языке). Н. Чикобава. Революционный комитет Грузии и борьба за утверждение Советской власти в Грузии; К. Апридонидзе. О некоторых моментах успеха миссии России в Турции в 1832—1833 гг.; А. Эбралидзе. Трудовая деятельность колхозного крестьянства Грузии в Великой Отечественной войне СССР (1941—1945 гг.); Н. Кублашвили. К вопросу о клубах во французской революции 1848 года.

«Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Вопросы ленинской национальной политики и коммунистического строительства. (Сборник статей кафедр общественных наук). Новая серия. Вып. 108. С. А. Акрамов. Распространение ленинских идей в Самаркандской области в период первой русской революции; М. А. Нугаева. Бор-

большевиков во главе с В. И. Лениным за созыв съезда партии в 1914 году; А. Попов. В. И. Ленин о беспартийных конференциях, как одной из форм политической работы в массах; М. М. Ахмедов. Торжество ленинской идеологии дружбы и равноправия народов; С. Урунов и Х. Аминов. Претворение в жизнь ленинского учения по национальному вопросу в Узбекистане; Ю. Н. Алескеров. В. И. Ленин и великий китайский народ; К. А. Погребинская. Кооперативный план В. И. Ленина — теоретическая основа развития социалистического сельского хозяйства; Н. М. Муратов. В. И. Ленин о двух фазах развития коммунистического общества; Ю. В. Талышкин. В. И. Ленин и культурная революция в Узбекистане; Н. Аберкулов. В. И. Ленин — великий друг народов Востока (на узбекск. языке); Г. С. Абдусаттаров и К. А. Рахимов. Осуществление ленинского кооперативного плана в Узбекистане (на узбекск. языке); В. С. Абдуллаев. В. И. Ленин и развитие высшего образования в Узбекистане (на узбекск. языке); В. И. Ефимов и Х. Х. Гизитдинов. В. И. Ленин и наука.

«Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР». Т. 28. Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района, Таджикской ССР, перед Октябрьской революцией. (Историко-этнографический очерк)

«Сборник научных трудов Пермского политехнического института». № 7. Вып. 2. Марксистско-ленинские науки. И. П. Быкова. К вопросу об истории социал-демократических организаций Урала накануне первой русской революции.

«Ученые записки Мордовского государственного университета». Вып. XI. М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды.

«Ученые записки Института востоковедения АН Азербайджанской ССР». Т. 2 (на азерб. языке). А. И. Калавеж. К вопросу об аграрных отношениях в современном Иранском Курдистане; А. И. Шамидэ. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на подъем рабочего и профсоюзного движения в Иране; Ш. А. Тагиева. О возникновении капиталистических элементов в сельском хозяйстве Ирана в конце XIX — начале XX вв.; Ф. Ш. Шабанов. О некоторых причинах упадка Османской империи.

«Ученые записки Петропавловского государственного педагогического института». Вып. V. Ч. 1. Посвящается 40-летию Казахской ССР. В. С. Черников. Социально-экономическое развитие казахского хозяйства в конце XIX — начале XX в.; Г. Н. Ершова. Петропавловск.

«Ученые записки Петропавловского государственного педагогического института». Вып. V. Ч. 2. Посвящается 40-летию Казахской ССР. Р. К. Акбердин. Дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства в ходе борьбы за крутой подъем сельского хозяйства (1953—1958 гг.).

«Записки Ленинградского сельскохозяйственного института». Т. 79. «Идеи В. И. Ленина живут и побеждают». С. В. Степанов. В. И. Ленин о социалистическом государстве, как главном орудии построения социализма и коммунизма; Э. Ю. Гальперин. Критика В. И. Лениным реакционной сущности теории «экспорта революции»; А. М. Апарцын. В. И. Ленин о некоторых принципах организаторской работы партии; Х. Б. Зарецкий. В. И. Ленин о значении культурной революции в строительстве коммунизма; И. И. Левин. Претворение в жизнь ленинской идеи о шефстве города над деревней; Н. А. Моисеенко. Учение В. И. Ленина о росте производительности труда как главном условии построения коммунистического общества; В. Н. Давыдов. В. И. Ленин о задачах механизации и электрификации сельского хозяйства и их осуществление; А. Я. Тихонов. В. И. Ленин о материальной заинтересованности при социализме; Т. Г. Шаурова. В. И. Ленин об углублении противоположности между городом и деревней при капитализме и ее ликвидация при социализме; А. А. Кейлин. В. И. Ленин о причинах слабого использования земельного фонда в дореволюционной России и широкое освоение целинных и залежных земель в СССР.

«Ученые записки Азербайджанского государственного университета имени С. М. Кирова». Серия общественных наук. № 4. М. Оруджев. Из истории турецко-германских отношений после младотурецкой революции 1909—1914 годов.

«Ученые записки Тираспольского государственного педагогического института имени Т. Г. Шевченко». Вып. IX (за 1958 год). И. И. Большаков. К вопросу формирования рабочего класса Молдавии и его культурно-технического роста (1945—1955 гг.); Г. В. Синица. Советы Молдавии в борьбе за улучшение материального благосостояния и культуры трудящихся республики (1920—1925 гг.); М. П. Тодика. Хозяйство Правобережья Нижнего Приднестровья в 1918—1940 годах.

«Ученые записки Института международных отношений». Вып. 3. А. И. Степанов. Из истории советско-германского экономического сотрудничества (1924—1926 гг.); В. Л. Израэлян. Обсуждение экономических статей Мирного договора с Италией на Парижской конференции 1946 года; В. И. Попов. Поощрение американским империализмом гитлеровской агрессии накануне второй мировой войны (1937—1939 гг.); Г. Л. Розанов. Массовые антивоенные выступления германского пролетариата весной 1917 года и маневры ревизионистов.

«Ученые записки Чувашского государственного педагогического института имени И. Я. Яковлева». Вып. X. А. П. Николаев. Рабочий класс Чувашской АССР в борьбе за выполнение послевоенной пятилетки (1946—1950 гг.); Д. Д. Шуверов. Начало кооперирования сельского хозяйства в ГДР (1952—1955 гг.).

«Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института». Кафед-

ры общественных наук. Т. 22. В. Н. Пейгашев. Подъем культурного уровня колхозного крестьянства Ставрополья; А. Т. Юров. Деятельность Ставропольской краевой парторганизации по реализации решений XX съезда КПСС в области зернового хозяйства; К. Г. Лобжанидзе. Создание рабочего класса в национальных районах Северного Кавказа; М. В. Дрогалина. Борьба партии большевиков за союз рабочего класса и крестьянства на буржуазно-демократическом этапе революции; Н. З. Вартанова. К истории разложения феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России в начале XIX века.

«Историографический сборник Воронежского государственного университета». 1960. А. Н. Мерцалов. Западногерманские историки и мемуаристы об ответственности Гитлера за поражение Германии; В. А. Дунаевский. Н. А. Добролюбов о национально-освободительном движении в Италии начала 60-х годов XIX века (к столетию событий); Г. В. Бердников. Н. Г. Чернышевский о франко-итало-австрийской войне 1859 г.; И. И. Романова. Исторические взгляды П. Н. Кудрявцева; В. А. Афонюшкин. Рабочее законодательство в Англии во второй половине XIV века в оценке Д. М. Петрушевского; Н. И. Кудрявцева. Из истории борьбы Коммунистической партии Германии за создание единого антифашистского фронта накануне установления фашистской диктатуры.

«Историко-филологический сборник АН СССР. Коми филиал». Вып. 6. В. Н. Давыдов. Из истории развития лесной промышленности автономной области Коми (зырян) в 1921—1925 гг.; Т. П. Раевская. Борьба трудящихся Коми АССР за развитие лесозаготовительной промышленности в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.); Л. И. Сурина. Борьба трудящихся Коми АССР за дальнейшее развитие лесозаготовительной промышленности в предвоенные годы третьей пятилетки (1938—1941 гг.); Я. Н. Безносиков. Первые шаги культурной революции в Коми крае (1918—1920 гг.); Л. Н. Жеребцов. К истории народного жилища коми; Г. С. Филимонова. Из истории государственной и всенародной помощи населению освобожденных районов РСФСР по восстановлению сельского хозяйства.

«Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина». «Из истории древнего Рима». О. А. Ротберг. Римские монетарии и их восстание при императоре Аврелиане; Р. Е. Дрозина. К вопросу об аграрном законопроекте Сервилия Рулла; И. Н. Свиридова. Иллирийские племена в конце I века до н. э.— в начале I века н. э.; М. С. Садовская. Романизация провинции Британии (I—II вв. н. э.); Ф. Я. Коське. Поход Пета в Армению в 61—62 гг. н. э. и поражение римской армии при Рандейе. (Из истории борьбы армянского народа с римской агрессией.)

Хроника научной жизни

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 40-летию ЛЕНИНСКОГО ПЛАНА ГОЭЛРО

В истории создания материально-технической базы социализма виднейшее место занимает борьба трудящихся под руководством Коммунистической партии за осуществление ленинского плана Гоэлро. В период развернутого строительства коммунизма, когда поставлена практическая задача — в кратчайший исторический срок завершить сплошную электрификацию страны, богатый опыт, накопленный партией в борьбе за выполнение плана Гоэлро, имеет огромное теоретическое и практическое значение.

Как известно, по плану Гоэлро в течение 10—15 лет намечалось построить 30 электростанций с выработкой 8,8 млрд. квтч электроэнергии в год. В тех условиях это означало громадный шаг вперед в электрификации страны. Однако этот план был значительно перевыполнен. Достигнутые успехи в строительстве электростанций позволили в последующие годы вести электрификацию страны все более быстрыми темпами. В настоящее время СССР занимает по производству электроэнергии второе место в мире. В 1960 г. было выработано 292 млрд. квтч электроэнергии — в 146 раз больше, чем в 1913 году. Только прирост за 1960 г. составил свыше 27 млрд. квтч, то есть в 3 раза больше намечавшегося по плану Гоэлро в целом.

В связи с 40-летием плана Гоэлро Министерство высшего и среднего специального образования СССР совместно с АН СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Министерством строитель-

а электростанций провели в Иркутске 19 по 21 декабря 1960 г. научную конференцию по проблеме «Деятельность КПСС претворению в жизнь ленинского плаа сплошной электрификации страны». конференции приняло участие более человек: ученые Москвы, Ленинграда, ева, Свердловска, Горького, Тбилиси, кутска и других городов, передовики проводства, инженеры, пропагандисты, аспинты и студенты. На конференции было очитано и обсуждено более 50 докладов сообщений.

Открыл пленарное заседание конференции приветствовал ее участников секретарь кутского обкома КПСС Б. Е. Щербиі. Затем были заслушаны доклады заведующего кафедрой истории КПСС Московго энергетического института профессора И. Мурашова «Коммунистическая ртия — вдохновитель и организатор борьі советского народа за сплошную элекфикацию страны», доктора экономичеих наук А. А. Зворыкина (Институт лософии АН СССР) «Электрификация — нова создания материально-технической зы коммунизма», председателя Научнокнического совета Министерства высшего реднего специального образования СССР, ктора технических наук П. Д. Лебева «Энергетическое образование в СР», начальника производственного отдет строительства Братской гидростанции женера И. П. Денисова «Строительство Братской ГЭС», члена-корреспонта АН СССР Л. А. Милентьева сновные научные проблемы в развитии ергетики», члена-корреспондента АН СР М. В. Стыриковича «Теплоі баланс СССР».

Два дня работали секции: историческая руководитель профессор С. И. Мураов), технических наук (руководитель заженный деятель науки и техники ФСР, доктор технических наук Л. Д. елькинд) и экономических наук (руводители доктор географических наук Н. Степанов и старший научный соудник Института экономики АН СССР А. Виленский).

В докладах и выступлениях на пленарм заседании и на исторической секции нтральное место заняли вопросы разратки В. И. Лениным, Коммунистической ртией плана Гоэлро и борьбы советского рода за претворение его в жизнь.

В докладах профессора С. И. Мураова, кандидатов исторических наук И. М. Некрасовой и Т. В. Шепелевой был приведен материал, характеризующий В. И. Ленина как вдохновителя создания плана Гоэлро, пламенного пропагандиста идеи электрификации страны.

По предложению В. И. Ленина были написаны книги, брошюры и статьи, пропагандировавшие задачи электрификации. Ленин был первым их читателем и рецензентом. Хорошие работы он поощрял. По поводу одной из статей Г. М. Кржижановского, опубликованной в «Правде», Владимир Ильич писал: «Великолепно. Нужен ряд таких» (Соч., т. 35, стр. 370). Перу В. И. Ленина принадлежит предисловие к книге И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» (Соч., т. 33, стр. 217—218).

Т. В. Шепелева раскрыла значение ленинских документов для изучения истории борьбы Коммунистической партии за электрификацию СССР. Наряду с опубликованными документами в Центральном партийном архиве имеются ленинские материалы, которые малоизвестны исследователям: постановления, подписанные Лениным, протоколы СНК и СТО, записки, пометки и др. Так, большой научный интерес представляют два бюллетеня Гоэлро (№ 3 и № 5) с пометками Владимира Ильича. Есть предположение, что первый номер бюллетеня редактировал В. И. Ленин. Архив имеет копию подписанного В. И. Лениным постановления Совнаркома от 18 июля 1918 г. об отпуске средств Волховскому строительству, оригинал которого разыскивается. Этот документ свидетельствует о принятии Советским правительством во главе с В. И. Лениным конкретных мер по электрификации страны на первом же году Советской власти.

Ряд докладов на конференции был посвящен истории сооружения некоторых крупнейших электростанций. Так, доцент Московского энергетического института М. Я. Ситникова осветила партийно-политическую работу на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции, аспирант Иркутского государственного университета А. Е. Погребенко — борьбу партийной организации строительства Братской гидроэлектростанции за ускорение сооружения гидроузла. В докладе преподавателя Иркутского финансово-экономического института Д. И. Конопля было рассказано об опыте партийного руководства социалистическим соревнованием на строительстве Ир-

кутской ГЭС. В этих докладах обобщен весьма ценный опыт работы парторганизаций с массами на крупнейших гидросооружениях, который с успехом применяется ныне на многочисленных стройках страны.

Как известно, по ленинскому плану Гоэлро, вся страна была разделена на ряд экономических районов, каждый из которых имел свою специфику, различный уровень развития промышленности и сельского хозяйства. Поэтому представляют большой интерес работы по истории электрификации этих районов. Данной теме были посвящены доклады академика АН Украинской ССР И. Т. Швец и доцента Киевского государственного университета Н. Е. Кострица «Претворение в жизнь ленинского плана Гоэлро и перспективы развития электрификации УССР», доцента Тбилисского государственного университета И. И. Кодуа «Деятельность Коммунистической партии Грузии по претворению в жизнь ленинского плана сплошной электрификации страны», ассистента Свердловского горного института Л. Н. Мордовской «Уральские партийные организации в борьбе за осуществление ленинского плана Гоэлро», доцента Ошского педагогического института И. Г. Гришкова «Трудящиеся Киргизии в борьбе за претворение в жизнь ленинских идей электрификации», кандидата исторических наук И. И. Левитана «Ленинград в авангарде борьбы за осуществление ленинского плана электрификации страны».

В докладах, освещающих деятельность партийных организаций союзных республик по осуществлению плана Гоэлро, раскрывалась одновременно ленинская национальная политика, направленная на ликвидацию экономической и культурной отсталости ранее угнетенных народов царской России.

Проблеме электрификации сельского хозяйства как части плана Гоэлро посвятили свои доклады доцент Московского физико-технического института Д. И. Коркоценко и кандидат исторических наук В. С. Ушаков (Ивановский энергетический институт), доцент Киевского технологического института пищевой промышленности В. Ф. Рубаник, доцент Киевского государственного университета М. С. Черненко и доцент Иркутского государственного университета И. Н. Трегубов.

В Советском Союзе проводятся огромные работы по электрификации железных дорог. Деятельность Коммунистической партии и Советского правительства в данной области ждет еще своего освещения в исторической литературе. С интересными докладами по этому вопросу выступили профессор Московского энергетического института Д. К. Минов и доцент Уральского электротехнического института железнодорожного транспорта М. Е. Плеханов.

Выступавший на пленарном заседании член-корреспондент АН СССР Л. А. Мелентьев высказал ценные соображения по главным направлениям исследовательской работы в области энергетики.

Профессор А. А. Зворыкин, опираясь на работы В. И. Ленина и современное состояние науки и техники, высказал ряд важных соображений о значении перехода к сплошной электрификации страны. В его докладе охарактеризованы три черты сплошной электрификации: применение электричества для всех сфер производства, переход к единой электроэнергетической системе, электричество, как основа системы машин не только в рамках отдельных цехов, предприятий, но и в рамках отдельных районов и всей страны в целом.

Интересные материалы содержались в докладе профессора С. И. Прохорова (Горьковский государственный университет) — «Электрификация народного хозяйства и проблема устранения существенных различий между городом и деревней». Профессор П. Н. Степанов (МГУ) изложил некоторые соображения по экономико-географическому изучению энергетических проблем СССР. В докладе кандидата исторических наук М. А. Виленского «Ленинские идеи о сплошной электрификации и их осуществление» были привлечены новые данные о роли электрификации в развитии народного хозяйства.

Плодотворно проходила работа технической секции, в которой приняли участие крупнейшие специалисты. Доклад члена-корреспондента АН СССР профессора В. И. Вейца и доктора технических наук А. Г. Захаркина «Сорок лет плана Гоэлро» (зачитан инженером И. Н. Немакиным) содержал технико-экономическую и политическую характеристику плана Гоэлро как конкретизацию ленинских указаний об электрификации в период создания фундамента социалистического общества. Интересные и важные в научном отношении доклады сделали профессора Е. Я. Соколов, А. Я. Бергер, В. С. Квятковский, И. Я. Конфедератов, заслуженный деятель науки и техники РСФСР профессор Л. Д. Белькинд и др.

Конференция приняла рекомендации, касающиеся научной разработки истории электрификации СССР. Историческая секция рекомендовала ряд важнейших тем для дальнейшего углубленного изучения, а также обратилась к историкам с предложением написать историю электрификации союзных республик, крупных экономических районов, крупнейших электростанций. Кафедрам вузов было рекомендовано разработать тематику курсовых и дипломных работ по истории электрификации страны.

Участники конференции совершили поездки на Иркутскую гидростанцию и на строительство Братской гидростанции, на заводы Иркутска и Ангарска. Ученые провели несколько консультаций со специалистами-энергетиками и преподавателями вузов, выступали по радио и телевидению.

И. М. Некрасова, Б. В. Гаубих

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КИЕВЕ

Осенью 1960 г. в Киевском ордена Ленина государственном университете имени Т. Г. Шевченко состоялась межвузовская научная конференция, посвященная изучению деятельности КПСС по интернациональному воспитанию трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. Конференция была организована министерствами высшего и среднего специального образования РСФСР и УССР.

В ее работе приняли участие преподаватели и ученые почти всех союзных республик, партийные работники — всего свыше 700 человек.

На конференции было заслушано более 70 научных докладов и сообщений.

Работали две секции: одна обсуждала вопросы осуществления КПСС ленинской политики по интернациональному воспитанию трудящихся в период развернутого строительства коммунизма, другая — проблемы пролетарского интернационализма.

На пленарном заседании с докладом «Ленинизм о единстве и нераздельности национальных и интернациональных задач трудящихся в борьбе за победу коммунизма» выступил член-корреспондент АН СССР М. Д. Каммари. Докладчик рассмотрел ленинскую теорию национального вопроса, подчеркнул величайшее значение пролетарского интернационализма как идейной основы укрепления братской взаимопомощи социалистических наций.

Начальник подотдела Госплана СССР М. З. Бор в докладе «Семилетний план развития народного хозяйства СССР — воплощение ленинской национальной политики» показал, что семилетний план предусматривает наиболее рациональное использование природных богатств союзных республик и будет способствовать дальнейшему сближению социалистических наций в экономической и духовной областях в процессе коммунистического строительства.

С докладом «О некоторых вопросах разработки истории КПСС» выступил заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС профессор Н. И. Шатагин. Докладчик рассказал о том, что решения XX и XXI съездов КПСС, а также постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» способствовали дальнейшей научной разработке таких проблем, как пролетарский интернационализм и история укрепления дружбы народов СССР. Вместе с тем Н. И. Шатагин отметил серьезные недостатки отдельных научных работ, изданных за последнее время, таких, например, как очерки по истории компартий Армении и Азербайджана. Докладчик призвал научных работников и преподавателей общественных наук принять активное участие в создании многотомного труда по истории КПСС.

Доцент В. М. Самофалов (Высшая партийная школа при ЦК КП Украины) обратил внимание на сравнительно слабое освещение интернационального содержания истории КПСС в историко-партийной литературе.

Торжество ленинской национальной политики в СССР было показано (на примерах национальных республик Средней Азии, Кавказа и Казахстана) в выступлениях доцентов Н. А. Буцко (Киевский государственный университет), А. Таджимуратова (Кара-Калпакский педагогический институт) и кандидата исторических

наук А. Магомедова (Дагестанский государственный университет).

Темой выступления И. А. Давыдкова (Высшее военно-морское училище) было «Дальнейшее развитие XXI съездом КПСС ленинских принципов пролетарского интернационализма и борьба партии за претворение их в жизнь». Оратор отметил, что выдвинутые в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС положения о развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление, о дальнейшем укреплении интернационального единства и солидарности трудящихся стран мировой социалистической системы явились крупным вкладом в марксистскую теорию.

Профессор К. П. Ярошевский (Томский государственный университет) и доцент О. И. Терновой (Московский пединститут имени В. И. Ленина) говорили о сближении, тесном сотрудничестве и братской взаимопомощи социалистических наций Советского Союза в период строительства коммунизма.

Об опыте работы партийных организаций по интернациональному воспитанию трудящихся рассказали профессор Л. И. Эбаноидзе (Тбилисский государственный университет), доценты П. Л. Величай (Украинская сельскохозяйственная академия) и В. Н. Семеньков (Белорусский политехнический институт), кандидаты исторических наук А. Д. Молочко (Минский медицинский институт), С. Н. Виноградский (Уфимский нефтяной институт) и А. Х. Акимов (Дагестанский медицинский институт).

О политико-воспитательной работе партийных организаций на великих стройках семилетки и на крупнейших промышленных предприятиях, где имеются многонациональные коллективы, сообщили в своих выступлениях Б. Ф. Шергин (секретарь партийного комитета строительства Братской ГЭС) и В. В. Янель (секретарь партийного комитета строительства Кременчугской ГЭС).

Доцент Казахского государственного университета А. Байшин рассказал о многообразии форм партийной работы по интернациональному воспитанию среди строителей металлургического завода в Темир-Тау, доцент Белорусского политехнического института К. И. Доморад — среди строителей Солигорского калийного комбината, Т. Т. Мустафин (Карагандинский медицинский институт) — в коллективе Карагандинского угольного бассейна.

Большой интерес вызвало сообщение доцента К. И. Сафранкова (Казахский государственный университет) о работе по интернациональному воспитанию молодежи в процессе освоения целинных и залежных земель.

О международном значении опыта социалистического строительства в советских республиках Средней Азии и Казахстана рассказали в своих сообщениях Н. С. Петров (Среднеазиатский государственный университет), доцент М. М. Кариев (Ташкентский финансово-экономический институт), Д. И. Рудзянский (Среднеазиатский политехнический институт).

О значении несокрушимой дружбы народов и братской взаимопомощи в истории национальных республик Закавказья говорилось в выступлении А. М. Бахтадзе (Тбилисский государственный университет).

С сообщением о роли комсомола как помощника Коммунистической партии в деле интернационального воспитания молодежи выступил А. А. Рапохин (Академия общественных наук при ЦК КПСС).

Кандидат исторических наук А. И. Якушев (Орский педагогический институт) рассказал о большом интересе к истории советского народа со стороны молодежи всех стран мира.

Профессор А. Б. Турсунбаев (Казахский государственный университет) посвятил свое содержательное выступление разоблачению попыток фальсификации истории укрепления и развития дружбы народов СССР буржуазной историографией.

С интересом слушали участники конференции доклад профессора М. С. Джунусова (Киргизский государственный университет) «О международном значении опыта борьбы КПСС за пролетарский интернационализм, против идеологии буржуазного национализма».

Об опыте борьбы партийных организаций прибалтийских республик и западных областей Украины против пережитков буржуазного национализма и шовинизма в сознании трудящихся рассказали в своих сообщениях кандидат исторических наук И. Минкявичус (Каунасский медицинский институт), доцент И. М. Заксас (Вильнюсский государственный университет) и кандидат исторических наук В. К. Сульженко (Львовский государственный университет).

Доцент А. И. Демиденко (Москов-

ій экономико-статистический институт) ступила с разоблачением расизма как ной из форм идеологии современного имриализма.

Доцент Д. И. Кошелевский (Московій государственный университет) и кандат исторических наук Б. А. Ним ральский политехнический институт) святили свои выступления братскому соружеству народов социалистических стран. Доцент А. И. Белогородский (Ленградский гидрометеорологический институт) привел новые данные об экономиском и культурном сотрудничестве стран ровой социалистической системы, о братрой помощи Советского Союза странам, роящим социализм.

С интересом были заслушаны выступлея Э. М. Максаровой (Днепропетровій медицинский институт) — о советсколгарском экономическом и научно-техниском сотрудничестве, А. С. Клевченя елорусский государственный университ) — о дружбе белорусского и польского родов, А. Л. Лазаревой (Ленинградій технологический институт ЦБП) — об тернациональных связях коллектива Кивского завода, В. М. Проня (Днепротровский металлургический институт) — зарубежных связях металлургов Приднеовья, И. Д. Евдокимовой (Харьковій горный институт) — об интернациольных связях трудящихся Харькова.

Вопрос о выравнивании уровней экономического и культурного развития народов циалистических стран как одной из источеских закономерностей был освещен в сообщении доцента Г. Г. Емельяненко (Институт философии АН УССР).

И. П. Ефремова (Харьковский государственный университет) рассказала о борьбе братских компартий против различных ревизионистских «теорий».

О роли культуры, литературы и искусства в интернациональном воспитании трудящихся говорили В. П. Друзин (Московский литературный институт), Г. И. Ясницкий (Украинская сельскохозяйственная академия), А. Б. Коган (Запорожский педагогический институт) и другие.

В заключение работы конференции министр высшего и среднего специального образования УССР Ю. Н. Даденков обобщил предложения и пожелания ее участников.

Признано целесообразным в ближайшее время опубликовать материалы конференции, а также издать ряд сборников, книг, брошюр и статей по проблеме интернационального воспитания трудящихся в период развернутого строительства коммунизма, о единстве и нераздельности национальных и интернациональных задач трудящихся в борьбе за победу коммунизма, о сближении и взаимном обогащении национальных культур и языков социалистических наций, о международном значении опыта борьбы КПСС за пролетарский интернационализм, против идеологии буржуазного национализма, об интернационализме и советском патриотизме как движущей силе развития нашего общества.

Н. М. Матвейчук,
Б. И. Стеля

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В СВЯЗИ С 200-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕН-СИМОНА

27 декабря 1960 г. в Институте истории Н СССР состоялось совместное заседание уппы по изучению истории социалистичеих идей и группы по изучению истории ранции, посвященное 200-летию со дня ождения Анри де Сен-Симона. В своем ступительном слове председательствовавій на заседании доктор исторических ук А. З. Манфред подчеркнул роль ен-Симона в развитии утопического соіализма. Затем были заслушаны доклад ндидата исторических наук Н. Е. Застенкера и сообщение доктора исторических наук Э. А. Желубовской.

Содержательный доклад Н. Е. Застенкера «Анри де Сен-Симон» был посвящен общей характеристике мировоззрения Сен-Симона и его роли в развитии общественной мысли, а также критике фальсификаторских трактовок его учения, нашедших место в работах ряда буржуазных историков и социологов, их попыток отрицать социалистическую направленность идей Сен-Симона, представить великого французско-

го мыслителя родоначальником реакционных теорий современной монополистической буржуазии — теорий «организованного капитализма», «революции менеджеров» и т. п.

Учение Сен-Симона явилось значительным шагом вперед на пути развития социализма от утопии к науке. Современник Великой французской буржуазной революции, Сен-Симон вдохнул новую жизнь в идею коренного преобразования общества, вдохновлявшую ряд просветителей XVI — XVIII веков. Сен-Симон, подчеркнул Н. Е. Застенкер, был первым утопистом, который попытался подкрепить идею коренного преобразования общества новым теоретическим оружием — философско-исторической концепцией развития человечества, содержавшей отдельные гениальные догадки о закономерном ходе исторического процесса, его диалектических чертах, о большой роли в этом процессе экономической деятельности людей и форм собственности, а также классовой борьбы. Низкий уровень развития производительных сил в эпоху цехового и мануфактурного производства мешал социалистам-утопистам XVI—XVIII вв. понять определяющий характер экономических процессов в развитии общества. В отличие от них Сен-Симон видел основу будущего общества в развитии промышленного производства, опирающегося на науку и постоянный технический прогресс как главный источник роста общественного богатства и благосостояния трудящихся масс. Искреннее сочувствие нужде и бедствиям угнетенных заставило Сен-Симона подвергнуть критике буржуазное общество, возникавшее на развалинах феодальной монархии. Франция представлялась Сен-Симону главной строительной площадкой человечества, где ничто еще не завершено, где можно успеть забраковать негодное сооружение и его архитекторов, переделать самый фундамент возникавшего нового общественного здания и где предстоит построить свободное от противоречий общество, главной целью которого будет наиболее полное и быстрое улучшение морального и экономического положения бедняков. И Сен-Симон с энтузиазмом работал над проектом этого нового общества, названного им «промышленной системой». Сен-Симон доказывал, что лишь непрерывное развитие промышленного производства может обеспечить громадный рост общественного богатства, избавление трудящихся от бедствий и нищеты. По мнению Сен-Симона, решить этот комплекс взаимосвязанных задач могли лишь передовые, активные силы общества, представляющие науку и промышленность: ученые, техники, фабриканты, купцы и банкиры. В начале XIX в., когда «капиталистическое производство, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты» [1], такой вывод казался правильным.

Сен-Симон считал, что в новом обществе активная буржуазия займет командное и экономически привилегированное положение. Однако ее деятельность должна быть подчинена нуждам всего общества. «Индустриалы» должны были стать чем-то вроде общественных чиновников, доверенных лиц всего общества [2]. В этом, как отметил докладчик, заключался позитивный смысл тех радикальных преобразований, которые хотел внести Сен-Симон в общество, стремясь искоренить паразитизм господствующих классов, ввести обязательный для всех членов общества производительный труд, обеспечить равные для всех возможности использовать свои природные способности, организовать планирование промышленного и сельскохозяйственного производства, полностью удовлетворяющего потребности всех членов общества, превратить государственную власть в орудие организации производства и управления вещами, а не людьми, наконец, постепенно утвердить мир в международных отношениях. Утопия Сен-Симона не была нацелена на создание нового, идеализированного царства буржуазии. Принципы организации «промышленной системы» находились, как отметил Н. Е. Застенкер, в непримиримом противоречии с идеологическим кредо промышленной буржуазии того времени, добивавшейся неограниченной свободы действий в области промышленного производства и взаимоотношений труда и капитала, восхвалявшей свободную конкуренцию и фритред, стремившейся к захвату и эксплуатации чужих территорий. Вот почему не имеют под собой никакой почвы утверждения буржуазных историков о том, что система взглядов Сен-Симона представляет собой проповедь идей классового господства касты промышленников, финансистов, администраторов, ученых и техников над пролетариатом.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 511.

[2] См. там же, стр. 513.

Конечно, Сен-Симон не был представите-м интересов пролетариата; его идеи, как казал В. П. Волгин, отражали настрое-я и взгляды пролетариата лишь косвен- и искаженно. Но в 20-е годы XIX в. н-Симон уже приблизился к пониманию ундаментальной разницы» между рабочи- и индустриалами-предпринимателями; у о зародилась вера в творческие, созида-льные силы рабочего класса.

Столкновение двух направлений мыс- — буржуазного и пролетарского,— уси-вшееся у Сен-Симона в конце его жиз- вызывало у него мучительную тревогу за инципы «промышленной системы» и при-ло к поискам «нового христианства». Од-ко даже религиозно-мистические стороны ения Сен-Симона, как считает докладчик, ли вызваны прежде всего его несбыточ-м стремлением обеспечить в рамках ромышленной системы» выполнение глав-й задачи — уничтожения бедности.

Глубокое понимание утопических идей н-Симона мы находим у К. Маркса и Энгельса, справедливо признававших в н-Симоне великого социалиста-утописта, ного из основоположников критико-уто-ческого социализма XIX века. В. И. Ле-н, высмеивавший реформистские потуги ождествить «гениальные догадки» Сен-мона с идеями Маркса и Энгельса, одно-еменно подчеркивал, что французский опический социализм явился одним из точников учения великих вождей рабоче-класса.

Сен-Симон был выдающимся мыслителем его времени, и его взгляды оказали ромное влияние на формирование миро-ззрения многих представителей передо-й общественной мысли, в том числе за-чательных русских революционеров-демо-атов Белинского, Герцена, Чернышевско- и других.

В начале своего сообщения «Издание удов Сен-Симона и сен-симонистов в СР» Э. А. Желубовская охаракте-зовала огромное значение исследований адемика В. П. Волгина для подготовки учных изданий произведений Сен-Симона отметила роль В. П. Волгина в создании его рода уникальной библиотеки трудов едставителей утопического социализма зличных стран, которой располагают со-тские исследователи.

Первые издания произведений Сен-Симо- в переводе на русский язык относятся началу XX века. В 1910—1911 гг. были печатаны отрывки из работ Сен-Симона, составившие два выпуска в серии «Родоначальники позитивизма». В 1912 г. известный русский буржуазный экономист В. В. Святловский начал издание собрания сочинений Сен-Симона. Однако ему удалось выпустить лишь первый том. В 1923 г. Святловский предпринял новое издание трудов Сен-Симона, перевод которых, однако, страдал погрешностями, искажающими подлинный смысл ряда высказываний великого утописта. В том же 1923 г. вышли в свет избранные сочинения Сен-Симона под редакцией и с предисловием В. П. Волгина. Несколько позднее, в 1926 г., отрывки из произведений Сен-Симона были включены в книгу «Великие утописты: Сен-Симон, Фурье и их школы», составителем которой являлся В. Ф. Семенов. Наиболее совершенным научным изданием сочинений Сен-Симона в Советском Союзе по справедливости считается издание 1948 г. (редактор переводов и автор комментариев Л. С. Цетлин). Оно снабжено большой вступительной статьей академика В. П. Волгина и содержит биографический очерк, перечень основных произведений Сен-Симона на языке оригинала, а также библиографию.

Дважды, в 1923 и 1947 гг., издавалось в Советском Союзе «Изложение учения Сен-Симона» — курс лекций, обсужденный и отредактированный руководителями сен-симонистской школы и читанный в Париже с 17 декабря 1828 г. по 12 августа 1829 г. учеником великого мыслителя С. Базаром. Последователи Сен-Симона, как отметил В. П. Волгин, не только систематизировали доктрину своего учителя, но и сделали из нее новые выводы. «Изложение учения» — это большой шаг вперед в развитии социальных идей начала XIX в., новая ступень, ведущая от Сен-Симона к передовым мыслителям следующих поколений. В ближайшее время в СССР выйдет из печати третье, юбилейное издание «Изложения», более совершенное, чем предыдущие.

Выступавшие в прениях отметили важность проблем, поставленных Н. Е. Застенкером, и говорили о необходимости полнее разрабатывать круг вопросов, связанных с исторической ролью великого социалиста-утописта. Подводя итоги сессии, А. З. Манфред подчеркнул плодотворность обсуждения затронутых проблем и оценил доклад Н. Е. Застенкера как важный вклад в изучение наследия выдающихся предшественников научного социализма.

А. Сибирева

Хроникальные заметки

◆ В начале этого года в Ленинграде на выездных заседаниях бюро Отделения исторических наук АН СССР совместно с учеными советами ленинградских отделений гуманитарных академических институтов были обсуждены итоги научной работы ленинградских отделений институтов археологии и истории АН СССР в 1960 году.

Ленинградское отделение Института археологии АН СССР организовало в прошлом году 28 экспедиций в различные районы страны (в район строительства Красноярской ГЭС, Крым, Среднюю Азию, на Дальний Восток, Украину и др.), кроме того, сотрудники отделения приняли участие в ряде зарубежных экспедиций. Раскопки позволили создать ценные коллекции памятников материальной культуры. Ленинградские археологи опубликовали несколько научных трудов, в том числе сборник о древностях северо-западных областей РСФСР первого тысячелетия нашей эры.

Ленинградские историки подготовили в 1960 г. однотомник «История СССР» (30 печ. листов) и провели большую работу по написанию IV тома «Истории Ленинграда».

◆ В январе 1961 г. в Махачкале состоялась научная сессия Института истории, археологии и этнографии Дагестанского филиала АН СССР, посвященная итогам научных исследований в 1960 году. Были заслушаны доклады В. Г. Гаджиева (руководитель творческой группы по истории Дагестана досоветского периода) и Г. А. Аликберова (руководитель творческой группы по истории Советского Дагестана) о работе научных сотрудников института по составлению проспекта двухтомного капитального труда «История Дагестана» (с древнейших времен до наших дней), Г. Г. Османова о составлении «Очерков истории партийной организации Дагестанской АССР», А. С. Гаджиева «Октябрьская революция и разрешение аграрного вопроса в Дагестане»; сообщения А. Р. Шихсаидова и Х. Х. Рамазанова о работе над «Очерками истории лезгин» (XVII—XIX вв.) и др.

◆ В декабре 1960 г. отмечалось 40-летие существования двух крупнейших архивов страны — Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС и Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. Созданные во исполнение ленинского декрета о реорганизации и централизации архивного дела в стране, эти архивы ведут большую научно-исследовательскую и публикаторскую работу.

◆ Расширенное заседание лингвистического отделения Северо-Осетинского научно-исследовательского института, состоявшееся в начале 1961 г., обсудило сообщение ст. научного сотрудника Института языкознания Академии наук СССР Г. Ф. Турчанинова «Аланские надписи VIII—X веков из Подонья». Он предложил новую дешифровку и чтение надписей на камнях маяцко-аланского городища на среднем Дону (Белой Вежи). В результате ошибок в дешифровке этих надписей, предпринятой ранее, был сделан вывод о полной тюркизации средневековых алан (ясов — по русским летописям). Г. Ф. Турчанинов на основе новой дешифровки и анализа языка надписей установил, что язык надписей — древне-осетинский, а шрифт — арамейско-еврейское письмо с внесением некоторых изменений. Этот вывод является новым подтверждением заключения советских археологов о том, что материальная культура Подонья в эти и более ранние века была аланской.

◆ На общем собрании Сибирского отделения АН СССР в январе 1961 г. были сообщены и обсуждены итоги работы группы ученых по расшифровке письменности майя (древнего народа американского континента) с помощью электронно-вычислительных машин. Ученые продемонстрировали «прочтенные» машиной фрагменты рукописей. Эти рукописи, подлинники которых хранятся в музеях Мадрида, Дрездена и Парижа, долгое время оставались нерасшифрованными и непрочитанными. Попытки многих ученых прочесть их оставались безуспешными. В настоящее время советские ученые расшифровали и прочитали около 40 процентов всех текстов Дрезденской и Мадридской рукописей.

Историческая наука обогатилась новыми источниками, проливающими свет на эпоху существования высокоорганизованных рабовладельческих государств на территории Центральной Америки.

◆ Археографическая комиссия АН СССР во время экспедиции в Бурятскую АССР приобрела в селах Бурятии, куда с XVIII в. переселялись старообрядцы, рукописные и старопечатные книги XVI—XVIII веков. Среди ценных приобретений — один из ранних списков «Поморских ответов», составленных старообрядцами-поморами и адресованных представителю синода, который был прислан в 1723 г. в Олонецкую губернию для «диспута о вере»; рукописный сборник XVI—XVII вв., в котором содержится, в частности, «Слово Максима Грека». Некоторые рукописные книги, относящиеся к более позднему времени, содержат переписанные памятники древнерусской литературы, например, отрывок из «Страдания Исидора Юрьевского», в котором отражен эпизод борьбы русского народа с немецкими захватчиками в XV в., «Стих о разорении Соловецкой обители» (рассказ о восстании в Соловецком монастыре в XVII в.). Значительный интерес представляют два евангелия — евангелие, напечатанное учеником Ивана Федорова Петром Мстиславцем в 1575 г. в Вильно, и евангелие, изданное в 1696 г. на Украине.

◆ В Институте истории партии при ЦК КП Латвии при разборе архивных документов обнаружены семь неизвестных писем Н. К. Крупской, адресованных большевику-ленинцу Яну Рудису-Гипслису, проживавшему в то время в Берлине. Письма написаны в 1913—1914 гг. Они позволяют боль-

полно осветить некоторые вопросы, связанные с революционным движением и историей Коммунистической партии Латвии, с борьбой В. И. Ленина за большевизацию социал-демократии Латышского края. В своих письмах Н. К. Крупская информировала латышских социал-демократов о положении дел в большевистской фракции IV Государственной думы, о Краковском совещании 1912 г., о финансовых делах партии, о предполагавшемся созыве второго совещания ЦК РСДРП в Поронино осенью 1913 года.

◆ В деле Томского губернского управления «О политических арестантах», хранящемся в Государственном архиве Томской области, обнаружены материалы о революционных событиях первой половины 1905 г. в Томске. В них содержатся сведения о социальном составе томских революционеров, о подпольных типографиях и конспиративных квартирах, о репрессиях по отношению к политическим ссыльным и заключенным, о их борьбе с тюремной администрацией, новые данные о подготовке и проведении политической демонстрации 18 января 1905 г. в Томске (план демонстрации и расстановки сил), о работе агитационно-пропагандистской группы и боевой дружины Томского комитета РСДРП, возглавлявшейся С. М. Кировым. Значительный интерес представляют документы о проведении нелегальной сходки томских большевиков (в ночь со 2 на 3 февраля 1905 г.), где решался вопрос о перестройке работы Томской партийной организации после разгрома демонстрации. Среди обнаруженных материалов — список арестованных участников этой сходки, в котором под № 13 значится С. М. Костриков (Киров), четыре документа, написанные С. М. Кировым во время его пребывания в Томской тюрьме.

◆ В фондах Государственного исторического архива БССР в Могилеве найден документ, относящийся к революционной деятельности И. В. Бабушкина,— специальный циркуляр департамента полиции могилевским жандармам с предписанием разыскать, арестовать и препроводить И. В. Бабушкина в распоряжение Екатеринославского жандармского управления. В циркуляре сообщалось, что ранее «И. Бабушкин привлекался по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»... Ныне привлекается в качестве обвиняемого при Екатеринославском губернском жандармском управлении и дознанием по делу об Екатеринославском комитете РСДРП. Проживал в Смоленске, откуда в августе 1900 года выбыл неизвестно куда. Приметы неизвестны». Могилевская жандармерия не смогла выполнить предписания: розыски оказались безуспешными.

◆ В г. Валка (Латвийская ССР) во время ремонта старого здания на ул. Райниса был найден сверток, в котором оказались два воззвания Валкской организации социал-демократии Латышского края, датированные 1 декабря 1905 г. и отпечатанные типографским способом на латышском языке, и три сборника революционных песен.

◆ В Центральном государственном архиве Якутской АССР обнаружены семь писем выдающегося украинского писателя-революционера П. А. Грабовского (1864—1902 гг.), одного из последовательных представителей революционно-демократического направления в украинской литературе и общественно-политическом движении на Украине. Эти письма адресованы верхоянскому политическому ссыльному Н. А. Ожигову, вместе с которым П. А. Грабовский сидел в иркутской тюрьме по делу о балаганском протесте, а затем ехал с ним в Якутск. В письмах имеются сведения о некоторых якутских и сибирских политических ссыльных того времени.

◆ В Государственном архиве Калмыцкой АССР обнаружено письмо всемирно известного американского ботаника-селекционера Лютера Бербанка, адресованное представителю Центрального исполнительного комитета Калмыцкой автономной области в Москве и датированное 29 сентября 1922 года. Письмо являлось ответом на просьбу ЦИК Калмыцкой автономной области дать консультацию о способах выращивания засухоустойчивой пшеницы в Калмыцкой степи.

Американский ученый пренебрег угрозой репрессий со стороны властей США и протянул через океан руку помощи советским людям, пережившим страшный голод в 1921 году. В этом письме Л. Бербанк писал: «Я считаю бесполезной присылку ко мне в Америку кого-либо для изучения моих методов и не могу послать в качестве инструктора к вам. Я не имею правительственной поддержки и держусь собственным трудом; но я с удовольствием посылаю вам этой почтой семена моей лучшей пшеницы. Если эти семена тщательно посеять и защитить от птиц, то вы получите лучшую пшеницу в мире. Нужно очень заботиться о всходах, пока они не окрепнут. Это мой лучший ранний и устойчивый сорт пшеницы. Я посылаю вам также лучшие семена трав. Преданный Вам Л. Бербанк». Присланные им семена были переданы для испытания Башантинскому техникуму.

◆ В Государственном архиве Курганской области найдены неизвестные ранее материалы о декабристах: отношение оренбургского военного губернатора коменданту Звериноголовской крепости «об отыскании коллежского асессора Кюхельбекера, участвовавшего в мятеже, проведенном в С.-Петербурге 14 декабря»; предписание звериноголовскому коменданту прекратить розыски Кюхельбекера в связи с тем, что он «отыскан в Варшаве и доставлен в С.-Петербург...», и др. В обнаруженных документах имеются сведения об отмежевании ссыльным декабристам земельных участков, о помощи декабристов народному училищу г. Кургана (создание училищной библиотеки за счет книг, подаренных декабристами).

Обзоры и рецензии

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ В АНГЛИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ ЗА 1959 год

В английском «Славянском и восточноевропейском журнале»[1] и «Американском славянском и восточноевропейском журнале»[2] печатаются материалы по истории, экономике, филологии и праву СССР и европейских стран народной демократии, причем подавляющее количество публикуемых статей посвящено различным вопросам истории нашей страны, особенно советского периода. В отличие от публицистических журналов типа «Russian Review», открыто клевещущих на Советский Союз, указанные издания претендуют на научную объективность. Однако идейная и политическая направленность всех этих печатных органов совершенно одинакова. Разница заключается в том, что рассматриваемые журналы прикрывают фальсификацию прошлого и настоящего нашей страны наукообразными рассуждениями.

В данном обзоре анализируются некоторые статьи по истории России (до 1917 г.), опубликованные в 1959 г. в этих журналах.

В статье О. Крисп «Государственные крестьяне при Николае I»[3] центральное место занимает оценка реформы П. Д. Киселева. Последняя рассматривается автором статьи с формально-юридической точки зрения. Изложение базируется в основном на данных «Полного собрания законов Российской империи». О. Крисп пытается доказать, что главной задачей реформы П. Д. Киселева было якобы желание царского правительства повысить жизненный уровень государственных крестьян путем «улучшения администрации»; фискальные соображения, по ее мнению, «имели второстепенное значение». Таким образом, социально-экономические причины и последствия реформы в статье полностью игнорируются. В ней всячески расписываются «блага», которые будто бы получили государственные крестьяне благодаря реформе П. Д. Киселева. Развитие промысловой деятельности крестьян, рост отходничества, покупку богатыми крестьянами в собственность земли и прочие явления, связанные с процессами складывания капиталистических отношений в России, О. Крисп считает результатом реформы П. Д. Киселева. Факты же массовых крестьянских волнений, вызванных реформой государственной деревни, она стремится истолковать как «случайные явления», порожденные лишь «недоразумениями»... с посадкой картофеля и слухами о передаче крестьян в удельное ведомство.

Акад. Н. М. Дружинин и другие советские историки убедительно доказали, что реформа П. Д. Киселева была одной из попыток царизма вывести феодально-крепостническую Россию из состояния кризиса, не посягая на основы крепостнического строя. Мероприятия по унификации системы управления государственной деревни и усилению регламентации хозяйственной и общественной жизни крестьян носили феодальный характер. Реформа лишь «упорядочила», но не поколебала феодальный режим государственной деревни. Сельские органы управления, служившие и ранее орудиями власти феодального государства, были поставлены в еще большую зависимость от полицейского надзора и чиновничьей опеки. Частичное наделение малоземельных кре-

---

[1] «Slavonic and East European Review» — орган «Школы славянских и восточноевропейских исследований» при Лондонском университете. Выходит с 1922 г. дважды в год. Редактор Г. Болсовер (G. Bolsover).

[2] «The American Slavic and East European Review» — орган «Американской ассоциации развития славянских исследований» при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Выходит с 1941 г. каждый квартал. Редактор Дж. Н. Хазард (Jam. N. Hazard).

[3] «Slavonic and East European Review», 1959, № 89.

стьян землей, переселение их на новые земли, организация вспомогательных касс, школ и т. п. — все это проводилось для того, чтобы увеличить доходы, поступавшие от государственных крестьян, и вовсе не предусматривало улучшения их положения. Кроме того, указанные меры коснулись лишь незначительной части государственных крестьян и не могли уничтожить крестьянского малоземелья. Усиление чиновничьей опеки и увеличение податного гнета вызвали массовые выступления, охватившие в 1841—1843 гг. 22 губернии России. Эти выступления О. Крисп считает случайными. В действительности они свидетельствуют о крепостническом характере реформы П. Д. Киселева. Развитие товарно-денежных отношений и рост капиталистических элементов в государственной деревне происходили не столько благодаря реформе П. Д. Киселева, сколько тем общим процессам, которые наблюдались в экономике России 40—50-х годов XIX века[4].

В статье М. Пинтера «Инфляция в России в период Крымской войны»[5] приводятся некоторые официальные данные о состоянии финансов и о финансовой политике царизма в указанное время. Крымская война, отмечал В. И. Ленин, «показала гнилость и бессилие крепостной России»[6], она способствовала углублению кризиса феодальной системы хозяйства и, в частности, росту инфляции. Для статьи М. Пинтера, так же как и для работ многих современных буржуазных историков, характерно отрицание органической связи между этими явлениями. По его мнению, одной из причин отмены крепостного права было стремление царского правительства ликвидировать инфляцию. Поскольку инфляция не затрагивала импорт, М. Пинтер делает вывод о некоем «благодетельном» влиянии внешней торговли на состояние экономики России. Между тем советские историки показали, что внешняя торговля, особенно в годы Крымской войны[7], не имела определяющего значения в экономическом развитии страны.

Внешней политике России в XVIII в. посвящена статья И. Мададьяги «Секретный австро-русский договор 1781 года»[8]. Эта тема слабо освещена в нашей исторической литературе. Поэтому известный интерес представляют используемые в статье неопубликованные материалы архива министерства иностранных дел Великобритании. Однако трактуются они в духе фальсификаторской концепции об извечной агрессивности внешней политики России. И. Мададьяги усиленно пытается доказать, что внешняя политика Англии и Франции носила «миролюбивый» характер и преследовала якобы единственную цель — «сдерживание» России. По мнению автора, заключение австро-русского договора (1781 г.) и присоединение к России Крыма (1783 г.) стали возможны только вследствие существовавших в то время противоречий между западноевропейскими державами. Не будь этих противоречий, Россия, дескать, не имела бы тех блестящих военных и дипломатических успехов, каких она добилась за последние десятилетия XVIII века.

Одной из характерных черт современной буржуазной историографии является особое внимание к наиболее реакционным деятелям дореволюционной России, к истории различных реакционных организаций, попытки реабилитации их перед судом истории. Именно такую задачу ставят перед собой статьи Л. Страковского «Петр Столыпин как государственный деятель»[9] и С. Лукашевича «Священная дружина 1881—1883 гг.»[10].

С именем Столыпина, как известно, связана мрачная эпоха реакции с ее массовыми расстрелами, виселицами и порками крестьян. В. И. Ленин, характеризуя поли-

---

[4] См. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Тт. I, II. М. 1946—1958; Л. М. Иванов. Государственные крестьяне Московской губернии и реформа Киселева. «Исторические записки». Т. 17. 1945; А. И. Ракитин. Крестьянская промышленность в Архангельской губернии в 40—50-х годах XIX в. «Исторические записки». Т. 59. 1957; Т. А. Конюхова. Сельское хозяйство государственных крестьян Виленской и Ковенской губерний (1840—1857 гг.). «Материалы по истории земледелия и крестьянства СССР». Т. IV. М. 1960.

[5] «The American Slavic and East European Review», 1959, № 1.

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 95.

[7] См. Е. В. Тарле. Крымская война. Т. I. М. 1950, стр. 50—51.

[8] «Slavonic and East European Review», 1959, № 90.

[9] Там же, № 89.

[10] «The American Slavic and East European Review», 1959, № 4.

тическую биографию «обер-вешателя» Столыпина, писал: «Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские»»[11]. Столыпин осуществлял диктатуру крепостников-помещиков. Его политическая биография, по словам В. И. Ленина, «есть в то же время биография того класса, который проделал нашу контрреволюцию и у которого Столыпин был не более, как уполномоченным или приказчиком»[12]. Однако Л. Страковский во что бы то ни стало хочет обелить Столыпина, заявляя, что последний якобы «решительно отмежевывался от реакционеров (!)»[13]. Торг кадетов и октябристов со Столыпиным об условиях вхождения их в состав кабинета возводится этим буржуазным историком в степень принципиальных разногласий между ними и Столыпиным. Л. Страковский открыто сожалеет, что им не удалось договориться между собой, так как их обоюдное согласие могло бы, по его словам, «предотвратить революцию»[14].

Разумеется, не менее лестно отзывается Л. Страковский и об аграрной политике Столыпина. Сущность аграрного вопроса он видит не в необходимости уничтожения помещичьих латифундий, а в поднятии уровня агротехники крестьянского хозяйства. Он пишет: «Все проекты национализации, социализации и муниципализации земли, вносившиеся в I Думу, не имели практического смысла». Единственное средство решения аграрного вопроса, по мнению автора, заключалось в передаче земли «бережливым и работоспособным хозяевам» и превращении «ленивых и праздных» крестьян «в городских рабочих»[15]. Вопреки историческим фактам, Л. Страковский считает, что Столыпин «ратовал» за просвещение крестьян и поднятие их жизненного уровня и что, реализуя свои реформы, он вел «долгую и упорную борьбу» с кадетами и октябристами. При этом автор статьи лицемерно сетует, что «успеху» столыпинской аграрной реформы «помешала» революция[16].

В действительности столыпинская аграрная реформа не была «благодеянием» для крестьян. После революции 1905—1907 гг. самодержавию стало ясно, что одной полицейской бюрократической машины для сохранения существующего строя недостаточно. Отсюда «ставка на сильных», то есть на кулаков, призванных стать классовым союзником помещиков-крепостников. Таким образом, столыпинская реформа преследовала глубоко реакционные политические цели. Она не затрагивала основной пережиток крепостничества в стране — помещичьи латифундии. Аграрная реформа проводилась «сверху» за счет широких масс крестьянства, путем грубого насилия над ними, беззастенчивого грабежа общинных земель кулаками[17]. Она не только не ликвидировала средневековые пережитки в деревне и не разрешила аграрного вопроса, но и вызвала обострение нищеты и сильное брожение среди крестьянства, которое, исключая кулацкую верхушку, активно сопротивлялось этому мероприятию царизма. С 1907 по 1914 г. было более 20 тыс. крестьянских выступлений, из них 17 тыс. падает на 1910—1914 годы[18]. Размах крестьянского движения опровергает рассуждения Л. Страковского о «благодетельности» столыпинской аграрной политики для крестьян. Столыпин не мог «успокоить» Россию и предотвратить новую революцию. В заключение следует сказать о том, что крайне тенденциозная статья Л Страковского основана только на тех материалах, которые вышли из-под пера самого Столыпина, его родственников или единомышленников. Никакие другие источники, характеризующие период столыпинской реакции, автор статьи не привлекает.

Стремление преувеличить роль такого реакционного сообщества, каким была пресловутая «Священная дружина», проявляется в статье С. Лукашевича. Эта крайне черносотенная конспиративная организация монархистов, созданная в 1881 г. (после

---

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 219.
[12] Там же, стр. 218.
[13] «Slavonic and East European Review», 1959, № 89, pp. 352, 354.
[14] Там же, стр. 354.
[15] Там же, стр. 359.
[16] Там же, стр. 362.
[17] См. В. П. Дроздов. Около земли. Очерки по землеустройству. СПБ. 1909, стр. 44—50; П. Н. Ефремов. Столыпинская аграрная политика. М. 1941, стр. 33—42.
[18] Е. Г. Василевский. Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М. 1960, стр. 88.

убийства народовольцами Александра II) для борьбы с революционным движением, действовала в тесном контакте с министерством внутренних дел и департаментом полиции. Фактически она была своеобразной неофициальной полицейской агентурой, субсидируемой правительством. Руководимая придворной аристократией, она занималась сыском, всевозможными провокациями и убийствами революционеров из-за угла. Замалчивая реакционный характер указанного сообщества, С. Лукашевич произвольно трактует его деятельность в плане борьбы за власть между двумя придворными группами, возглавлявшимися П. П. Шуваловым и К. П. Победоносцевым. Прекращение в 1883 г. деятельности «Священной дружины» он связывает с победой группы Победоносцева. В действительности же «дружина» распалась в силу того, что был разоблачен ее провокационный характер. Не желая дискредитировать себя, некоторые из наиболее активных членов «дружины» вышли из нее, в результате чего произошел раскол и она перестала существовать [19].

В ряде статей, напечатанных в рассматриваемых журналах, делаются попытки доказать «несамостоятельность» русской общественной мысли, «зависимость» ее от западноевропейских идей. Так, Е. Рив в статье «Утопический социализм в русской литературе 1840—1860 гг.» [20] стремится убедить читателя, что идеи западноевропейских социалистов-утопистов Ш. Фурье и К.-А. Сен-Симона оказали определяющее влияние на формирование мировоззрения представителей передовой русской общественной мысли середины XIX века. За последние годы в нашей стране появилось немало книг, освещающих как историю русской общественной мысли, так и взгляды отдельных ее представителей [21]. В этих работах детально раскрыты условия возникновения русского утопического социализма и его классовая сущность. Тщательно изучив идейное наследие русских мыслителей 40—60-х годов XIX в., советские историки, философы и литературоведы доказали полную несостоятельность буржуазной версии о неоригинальности русской общественной мысли и либерально-реформистском характере деятельности А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова и других революционных демократов. Русский утопический социализм возник в последние десятилетия перед падением крепостного права, когда обострился кризис феодально-крепостнического строя, и явился отражением интересов и чаяний крестьянства, боровшегося за полное уничтожение помещичьего землевладения и власти крепостников-помещиков. Важнейшей особенностью русского утопического социализма в отличие от западноевропейского была теснейшая его связь с революционным демократизмом. Не учитывать это — значит ровно ничего не понимать ни в сущности русского утопического социализма, ни в характере деятельности его отдельных представителей.

Статья Е. Рив направлена именно против этих основных положений советских исследователей. Автор, опираясь преимущественно на работы либерально-буржуазных историков и литературоведов (В. И. Семевского, А. Н. Пыпина, Р. В. Иванова-Разумника и др.), повторяет обветшалую, давно отвергнутую нашей наукой концепцию о «либеральном» характере деятельности русских революционных демократов. По ее мнению, освободительное движение в России возникло якобы в результате войн с Наполеоном в 1812—1815 гг., под влиянием идей Запада. Е. Рив стоит на почве идеалистического объяснения явлений общественной мысли, заявляя, что последние отнюдь не зависят и не должны зависеть от «классовых и политических условий». Она пишет, что революционные кружки и организации 30—40-х годов XIX в. в России будто бы носили «аполитический характер, противостояли деспотизму только в идее, но никогда не выступали против конкретного монархического режима» [22]. Из передовых русских деятелей

---

[19] См. С. Ю. Витте. Воспоминания, Т. I. М. 1960. Вступительная статья А. Л. Сидорова, стр. XI, комментарии Р. Ш. Ганелина и Б. В. Ананьина, стр. 520—525.

[20] «The American Slavic and East European Review», 1959, № 3.

[21] «Из истории русской философии XVIII—XIX вв.». М. 1952; «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР». Тт. 1—2. М. 1955—1956; «Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России». М. 1957; А. Н. Маслин. Материализм и революционно-демократическая идеология в России в 60-е годы XIX в. М. 1960; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-х годах XIX в. М. 1958; И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М. 1958; «Русская прогрессивная философская мысль XIX века (30—60 годы)». М. 1959 и др.

[22] «The American Slavic and East European Review», 1959, № 3, p. 374.

40—60-х годов XIX в. Е. Рив считает революционером лишь одного В. Г. Белинского, но и на него она обрушивается именно за то, что он был революционером, «отступал от общепринятого направления» и «в угоду политическим целям пренебрегал эстетическими принципами». Отождествляя утопический социализм Ш. Фурье и К.-А. Сен-Симона с «русским» социализмом А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, Е. Рив заявляет, что последние будто бы «хотели реформы, а не революции» [23].

Истолковывая по-своему важнейшие факты из истории передовой русской общественной мысли XIX в., Е. Рив силится представить русский утопический социализм как некую «смесь христианской традиции и европейских социалистических теорий конца XVIII — начала XIX в.» и как исключительно «реформистское» течение, не имевшее якобы никакого практического значения [24]. После прочтения статьи «Утопический социализм в русской литературе 1840—1860 гг.» невольно возникает вопрос, почему же самодержавие с таким упорством преследовало русских революционеров-демократов. Итак, задавшись целью извратить сущность утопического социализма В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского как отражения интересов крестьянства, Е. Рив не останавливается перед грубым извращением истории общественно-политического движения в России.

С объективистских позиций написаны статьи А. Д. Стокса «Состояние русской церкви в 988—1037 гг.» [25], Н. Андреева «Филофей и его послание Ивану Васильевичу» [26], Р. Е. Мак-Грю «Заметки о роли монарха в «Истории государства Российского» Карамзина» [27], И. Авакумовича «Статистический очерк революционного движения в России в 1878—1887 годах» [28], опубликованные в рецензируемых журналах.

Статья А. Стокса касается малоизученного вопроса об устройстве русской церкви за первые полвека ее существования. Однако, рассматривая этот вопрос, автор абстрагируется от условий введения на Руси христианства, от классовой сущности и значения этого события [29]. В статье ни слова не говорится о роли христианства в укреплении феодального строя на Руси в X—XI вв., замалчиваются факты массовых народных выступлений, направленных против введения христианства, игнорируется связь церковного управления с политическим устройством страны. Автора интересует лишь частный вопрос — о времени и обстоятельствах основания митрополии на Руси. По его мнению, первый митрополит был поставлен здесь не в 1037 г. и не в Киеве, как принято считать, а в 992 г. в Переяславле, откуда в 1037 г. митрополия была перенесена уже в Киев. Для подкрепления своего тезиса А. Стокс выдвигает гипотезу о том, что летописец, выражавший интересы киевского князя, сознательно умолчал об этом факте. Однако доводы автора статьи в целом малоубедительны и не могут быть приняты. Далее А. Стокс, не приводя каких-либо новых фактов, пытается оспорить правильность выводов известной работы акад. М. Н. Тихомирова о древнерусских городах. Так, А. Стокс пишет, что Переяславль возник не как торгово-ремесленный центр, а как резиденция первого русского митрополита [30].

В статье Н. Андреева рассматривается вопрос о «послании царю Ивану Васильевичу» псковского монаха Филофея, выдвинувшего идею «Москва — третий Рим». Н. Андреев пытается выяснить время и обстоятельства появления этого произведения. Выступая против русских дореволюционных и советских историков (В. Н. Малинина, Н. Н. Масленниковой и др.), специально занимавшихся изучением послания и считавших, что оно было адресовано Ивану Грозному, Н. Андреев выдвигает положение о том, что послание появилось не позднее 1500—1501 гг., было направлено Ивану III и носило не столько политический, сколько церковный характер, так как писалось в связи с конфискацией церковных земель в Новгороде в 1499—1500 годах. Филофей, по словам автора статьи, хотел предотвратить применение подобной же меры к Пскову. Но вы-

---

[23] Там же, стр. 390—391.
[24] Там же, стр. 393.
[25] «Slavonic and East European Review», 1959, № 89.
[26] Там же, № 90.
[27] «The American Slavic and East European Review», 1959, № 1.
[28] Там же, № 2.
[29] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». Ч. I. М. 1953. стр. 102—113.
[30] «Slavonic and East European Review», 1959, № 89, p. 440.

воды Н. Андреева, основанные главным образом на косвенных и спорных данных, нельзя считать полностью доказанными, хотя сама по себе постановка вопроса о времени появления теории «Москва — третий Рим» заслуживает внимания.

Р. Е. Мак-Грю в своих заметках излагает содержание исторической концепции Н. М. Карамзина. Соглашаясь с тем, что в «Истории государства Российского» проводится идея о необходимости и незыблемости самодержавной власти, автор, однако, отрицает классовую, реакционную сущность этой идеи. Концепция Карамзина, появившаяся в условиях назревания кризиса феодально-крепостнического строя и обострения классовой борьбы в России в начале XIX в., была проявлением дворянско-аристократической реакции [31]. Мак-Грю, субъективистски подходя к оценке взглядов известного русского историка, игнорирует этот важнейший объективно-исторический фактор. Не говорится в статье и о тенденциозности концепции Карамзина и одностороннем подходе его к подбору источников.

И. Авакумович в своей статье пытается показать состав участников русского революционного движения за 1878—1887 годы. Выделение этого периода мотивируется тем, что он «характеризуется терроризмом, возникновением рабочего движения и марксистских кружков» [32]. Автор приводит сведения о составе участников революционного движения по возрасту, полу, сословной, национальной и географической (по месту рождения) принадлежности, уровню образования, а также по характеру репрессий, которым они подвергались со стороны правительства. Однако дальше формальных подсчетов он не пошел и никаких выводов из своих статистических выкладок не сделал. Отсутствует у него и анализ классового состава участников революционного движения. Здесь нет нужды говорить о важности и необходимости изучения именно этого вопроса при характеристике освободительного движения на том или ином его этапе. Для этого следует привлечь значительный документальный материал и тщательно проверить имеющиеся данные. И. Авакумович же строит свое исследование только на основе составленной в 1890 г. царским министерством внутренних дел «Хроники революционного движения в России за 1878—1887 гг.», известной своей неполнотой и тенденциозностью [33]. Поэтому вряд ли представляют какую-либо научную ценность те данные, которые приводятся в рассматриваемой статье.

Статья «К оценке изучения России в США» [34] написана небезызвестными в Америке «специалистами по СССР» Р. Бернсом, Д. Томпсоном, Д. Тредгольдом, Г. Робертсом, Ч. Джелавичем и др. Они подводят некоторые итоги изучения Советского Союза в США за 1946—1957 гг. и рекомендуют основные направления, по которым следует вести работу в области истории, экономики, политики и культурной жизни СССР на период вплоть до 1969 года. Авторы статьи вынуждены отметить возросший интерес к стране Советов среди различных слоев населения Соединенных Штатов Америки. «В настоящее время общественный интерес к России и русскому языку возрос как никогда,— пишут они,— ...многие общественные деятели и преподаватели убедились, что только одно знание Западной Европы и Северной Америки без знания России не может дать американцам правильного представления о насущных проблемах ближайшей половины этого столетия» [35]. Весьма ценное признание! Остается только пожалеть, что оно реализуется не в должном направлении. До тех пор, пока информация о СССР будет находиться в руках лиц, враждебно настроенных к первому в мире социалистическому государству, рядовой американец не сможет получить объективного, правильного представления о настоящем и прошлом нашей страны.

В статье отмечается значительное развитие в США (особенно с 1950 г.) исследований по различным вопросам истории и современного положения Советского Союза, перечисляются учреждения, центры, периодические органы, специально занимающиеся изучением этих проблем. Указывая на «вредное влияние «холодной войны» в деле установления научных контактов и лучшего понимания СССР, авторы статьи в духе обыч-

---

[31] См. «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. I. М. 1955, стр. 277—288.
[32] «The American Slavic and East European Review», 1959, № 2, p. 176.
[33] Так, И. Авакумович совершенно не знаком с содержащей богатый и ценный фактический материал статьей «К статистике государственных преступлений в России», опубликованной в журнале «Народная воля» (1880, № 4, 1881, № 5).
[34] «The American Slavic and East European Review», 1959, № 3.
[35] Там же, стр. 426.

ных измышлений буржуазной пропаганды пытаются свалить вину за это на Советский Союз.

Говоря о перспективах и задачах изучения СССР, авторы статьи указывают на необходимость издания монографических работ, а также специальных исследований по таким вопросам, как положение нерусских народов в СССР, география и этнография нашей страны, философия, психология и искусство в Советском Союзе. При этом подчеркивается, что следует всемерно расширять изучение русского языка. Знаменательно само по себе и заявление о том, что русский язык «быстро становится главным языком науки» [36].

Рассмотренные выше статьи, напечатанные в 1959 г. в двух ведущих славистических буржуазных журналах (американском и английском), несмотря на претензию некоторых из авторов на научную объективность, показывают общую направленность современной англо-американской историографии в области изучения истории России, не говоря уже об истории советского общества. Большинство авторов, о которых шла речь в обзоре, рисуют искаженную картину исторического прошлого нашей страны. В своих работах они поднимают на щит либеральных и реакционных деятелей, приукрашивают политику царизма, затушевывают ее классовый характер, всячески принижают историческую роль отдельных представителей русского освободительного движения и передовой общественной мысли. Поэтому есть все основания сделать вывод, что указанные журналы, выступая против материалистического истолкования истории, преследуют в первую очередь политические цели, а не задачи подлинно научного исследования.

В. А. Федоров

[36] Там же, стр. 433.

Заметки о книгах

LOUIS JACOB. *Hébert, le Père Duchesne, chef des sans-culottes.* Paris. Gallimard. 1960, 364 p.

ЛУИ ЖАКОБ. *Эбер, отец Дюшен, вождь санкюлотов.*

Видный французский буржуазный историк, ученик Альбера Матьеза, Луи Жакоб до сих пор был известен читателю как автор изданного в начале 30-х годов капитального двухтомного исследования о якобинском члене Конвента Жозефе Лебоне, а также написанных в 40-е годы биографии Фабр д'Эглантина и научно-популярной работы о «подозрительных».

Труд о Жозефе Лебоне заслуженно занял почетное место в ряду изданных во Франции монографий по отдельным проблемам истории Великой французской буржуазной революции. К сожалению, рецензируемая книга Л. Жакоба, увидевшая свет уже после его смерти, разочаровывает читателя. Помимо общеизвестных печатных источников, в основе рассматриваемой работы Жакоба лежат лишь несколько картонов Национального архива, причем касаются они только личных (главным образом семейных) моментов биографии Эбера. Поэтому книга Л. Жакоба является в гораздо большей степени личной биографией Эбера, нежели анализом его роли в качестве «вождя санкюлотов». Между тем, если бы автор для характеристики взаимоотношений Эбера и санкюлотов не ограничился одними рапортами полицейских наблюдателей, а обратился к тем документам парижских секций, которые успешно использовал Альбер Собуль [1], исследование Л. Жакоба могли бы стать шагом на пути к изучению связей плебейских масс Парижа с теми деятелями буржуазно-демократической революции, которые на определенных этапах этой рево

[1] См. Albert Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Histoire politique et sociale des sections de Paris. 2 juin 1793—9 thermidor an II. La Roche sur Yon. 1958.

люции в той или иной степени отражали интересы санкюлотов.

Книга Жакоба, мало что дающая по существу этой проблемы, любопытна в другом отношении: эта книга — свидетельство того, в каком направлении в последние годы эволюционирует левое крыло французской буржуазной историографии, в частности левое крыло так называемой «робеспьеристской школы».

Как известно, основатель этой «школы» Альбер Матьез оправдывал все без исключения действия Робеспьера, в том числе и произведенный робеспьеристами разгром эбертизма и казнь его вождей. Л. Жакоб стоит на диаметрально противоположной точке зрения. Гибель эбертистов он объясняет не тем, что линия их поведения якобы шла вразрез с интересами революции (именно в этом заключался основной довод Матьеза), а стремлением робеспьеристов ограничить влияние плебейских масс. «Робеспьер,— отмечает автор,— не составлял исключения среди тех политических деятелей, у которых слова и дела меняются в зависимости от того, находятся ли они у власти или в оппозиции. Робеспьер стремился к установлению режима, при котором санкюлоты пользовались бы также своей долей влияния, но, по его мнению, эта доля в интересах Республики должна была быть сведена к необходимому минимуму» (стр. 217). Придерживаясь таких взглядов, Л. Жакоб рассматривает процесс эбертистов как мероприятие, проведенное в интересах буржуазии. Он рассказывает о заранее предпринятых робеспьеристами в этих целях действиях (например, о данном Сен-Жюстом Фукье-Тенвиллю совете использовать при проведении процесса эбертистов метод амальгамирования, то есть соединения в одном процессе дел людей, в действительности ничем не связанных друг с другом, и последовательном осуществлении Фукье-Тенвиллем этого совета).

Отход Л. Жакоба от точки зрения А. Матьеза на Эбера, его стремление защитить «отца Дюшена» от клеветы робеспьеристов можно только приветствовать. Но в то же время нельзя не отметить, что в этом стремлении автор заходит слишком далеко, приписывая своему герою роль «вождя санкюлотов». Соответствовало ли это действительности?

Эбер происходил из тех слоев буржуазии, которые непосредственно примыкали к дворянству. Однако, пишет Л. Жакоб, «жизненные обстоятельства привели его (Эбера.— *Я. З.*) в соприкосновение с классом, далеким от его собственного класса...— пролетариями, тогдашнее число которых часто преуменьшается историками» (стр. 22). «Годы нищеты переделали этого мелкого (?!) буржуа, социально воспитали его и наделили его классовым самосознанием» (стр. 37).

Нельзя согласиться с такими утверждениями Жакоба. Начать с того, что во Франции конца XVIII в. пролетариата как класса не существовало, а имелся лишь предпролетариат, едва начавший выделяться из общей массы плебеев или санкюлотов. Все, что мы знаем о молодости Эбера и о чем рассказывает в своей книге Луи Жакоб, говорит за то, что люди, близкие тогда к Эберу, не принадлежали к предпролетариату. Социальной прослойкой, интересы которой выражал Эбер, являлись не плебейские массы, а разорявшаяся городская и сельская мелкая буржуазия.

К таким же выводам приводит нас и анализ теоретических воззрений Эбера, высказываемых им в довольно путаной форме и всегда мимоходом. Л. Жакоб неверно утверждает, будто бы Эбер стремился к осуществлению «своего рода диктатуры пролетариата» (стр. 109). Для подобного утверждения нет никаких оснований.

Старания Л. Жакоба изобразить Эбера в качестве «вождя санкюлотов» терпят полное крушение, когда он пытается разрешить вопрос о взаимоотношениях Эбера с «бешеными» — выразителями чаяний и дум плебейских масс. Нужно отдать справедливость Жакобу: он не фальсифицирует действительного хода исторических событий и отнюдь не замалчивает борьбу Эбера с «бешеными» во время февральского и мартовского кризисов 1793 г., а также летом и осенью того же года. Но как он объясняет причины этой борьбы? Л. Жакоб полагает, что деятельность «бешеных» якобы могла быть использована контрреволюционерами (стр. 140), что их «неуместные заявления узаконивали борьбу жирондистов против Парижа» (стр. 184) и что если бы «бешеным» удалось возглавить волнения, возникшие из-за нехватки продовольствия, «экономическое недовольство могло превратиться в политическую революцию» (стр. 186). Более того, Л. Жакоб одобряет точку зрения Эбера, который поверил клеветническим утверждениям якобинцев, будто бы «бешеные» являлись платными агентами Питта (!) (стр. 184). Нельзя отрицать, что после разгрома «бешеных» часть

плебейских масс поддерживала эбертистов. Но сам Жакоб вынужден признать, что это было вызвано тем, что тогда они «оказывались единственными защитниками санкюлотов» (стр. 189) и, добавим мы, защитниками далеко не столь последовательными, какими в свое время были Жак Ру и его сподвижники.

Таким образом, Луи Жакоб сумел преодолеть характерный для его учителя — Матьеза — культ личности Робеспьера, но он не смог дать отвечающий действительности анализ жизни и деятельности Эбера. В своем стремлении во что бы то ни стало реабилитировать исторический образ «отца Дюшена» Л. Жакоб допустил явное преувеличение, изобразив своего героя представителем плебейских масс Франции.

Я. М. Захер.

«Chartist Studies». London. 1959. 423 p.

Исследования о чартизме

Первое в истории политическое движение рабочих — английский чартизм — неизменно привлекает внимание исследователей. Значительный вклад в изучение чартистского движения внесли советские историки. Большое научное значение имеют исследования прогрессивных английских историков.

Английская реакционная буржуазная историография, как правило, искажает подлинную историю революционной борьбы рабочего класса Англии. К числу подобных работ относится и рецензируемая книга [1].

Во вступительной статье издатель-составитель А. Бриггс претенциозно указывает, что главная задача сборника — показать на основе местных материалов корни чартизма в английской провинции, раскрыть его особенности в зависимости от различия социально-экономических и политических условий.

Каковы же методологические установки сборника? Бриггс поднимает вопрос о «переоценке» значения чартистского движения. Он утверждает, что историческое значение чартизма состоит в том, что он будто бы продемонстрировал беспомощность и обреченность попыток рабочего класса действовать обособленно и независимо от имущих слоев и показал силу буржуазии. Бриггс предлагает рассматривать все чартистское движение как «один эпизод в развитии классового сознания буржуазии» (стр. 299). Таким образом, перед нами отнюдь не «переоценка», не «новый подход», но всего лишь очередная бесцеремонная попытка умалить огромное историческое значение чартизма — «первого широкого, действительно массового, политически оформленного, пролетарски-революционного движения...» [2].

В большинстве статей навязывается мысль о том, что массовое чартистское движение являлось якобы полустихийной формой протеста голодавших рабочих, формой, принявшей под влиянием радикальной традиции политическую окраску. Чартизм называется плодом «временного обострения классовой напряженности», исчезнувшей после 1848 г., преходящим эпизодом «трудных времен» 30—40-х годов (стр. 56, 60). Авторы сборника необоснованно считают, что чартизм явился лишь конгломератом временно объединившихся под одним знаменем движений местного и национального характера, таких, как движение за сокращение рабочего дня, против нового закона о бедных, против хлебных законов, тред-юнионистское движение и т. д. (стр. 55—60). В сборнике выдвигается фальсифицированное положение о том, что движущей силой чартизма, которая определяла его лицо, были якобы рабочие деградировавшей домашней промышленности (стр. 7, 72 и др.).

Все это в корне противоречит действительности. Возникновение в конце 30-х годов XIX в. в Англии политического движения рабочих было качественным сдвигом в рабочем движении, более высоким этапом по сравнению с экономической борьбой прошлых лет. Чартистское движение возникло в результате развития антагонистических классовых противоречий между капиталистической буржуазией и складывавшимся промышленным пролетариатом Англии — в то время «мастерской мира». Промышленный пролетариат увлекал за собой все основные отряды английского рабочего класса, включая рабочих домашней промышленности. Ф. Энгельс, указывая, что в чартизме «против буржуазии поднимается весь рабочий класс», отмечал, что ядром рабочего движения являются фабричные

[1] Книга содержит очерки о чартизме в Манчестере, Лидсе, Лейстершире, Саффолкшире, Соммерсетшире и Вилтшире, Уэльсе и Глазго, а также несколько статей по отдельным вопросам чартистского движения.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 282.

абочие, в основном рабочие хлопчатобумажных фабрик северного промышленного района Англии[3].

В подавляющем большинстве статей говорится о социально-политических требованиях чартистов. Однако все направлено к тому, чтобы убедить читателя в их «полной идейной беспомощности», в безраздельной зависимости от буржуазных и мелкобуржуазных мыслителей как «поставщиков идей» для рабочих масс. Автор статей о чартизме в Лидсе и Лейстершире Дж. Гарисон пишет, например, что программа лейстерских чартистов вплоть до конца 40-х годов представляла собой «смесь жалоб рабочего класса на свое положение с обрывками из аргументации рикардианских социалистов (представители раннего английского мелкобуржуазного социализма.— *А. К.*) и основ нонконформистской доктрины либерального христианства...» (стр. 105). Он утверждает, что попытки английских рабочих самостоятельно разобраться в социально-политических условиях Англии 40-х годов и найти свой собственный путь должны были завести их в тупик (стр. 109).

Авторы сборника проходят мимо бесспорного факта существования в чартистской среде в конце 30—40-х годах XIX в. самостоятельной системы политических и социально-экономических взглядов, сложившейся в ходе классовой борьбы и критического усвоения идейно-теоретического наследия прошлого. Уже к началу 40-х годов чартисты приходят к обобщениям, имевшим для своего времени выдающееся революционное значение. Главное из них — вывод о необходимости овладения рабочим классом политической властью в целях социального преобразования общества. Вспомним, что в 1845 г. Ф. Энгельс указывал на существование у английского пролетариата «своей собственной литературы»— периодических изданий и брошюр,— далеко превосходившей по своему содержанию всю литературу буржуазии[4]. Достижение английским пролетариатом в лице чартистов определенной степени идейной зрелости обусловило возможность восприятия в начале 50-х годов его передовой частью ряда положений научного социализма.

В ложном свете представлен в сборнике вопрос об общенациональных чертах чартистского движения. Характеризуя деятельность местных чартистских организаций, авторы сборника, как правило, показывают их изолированно друг от друга, не уделяя внимания общим вопросам руководства и координации внутри чартистского движения, не прослеживая связей, неизбежно возникавших между чартистскими группами в ходе совместной борьбы. Авторы сборника отказываются видеть общенациональный характер чартистского движения в Англии, его многократно проявлявшуюся на деле способность к координации усилий и совместным действиям. Причиной этого является прежде всего игнорирование буржуазными историками организующей роли Национальной чартистской ассоциации как политической партии рабочих в чартистском движении. Ей самой и ее деятельности не уделено специального внимания в статьях. Она упоминается лишь эпизодически и обычно характеризуется как организация «о'конноритов» (стр. 208 и т. д.).

Попыткой реабилитировать правящие круги Англии, запятнавшие себя в годы чартизма жестокими репрессиями против рабочих, является статья Ф. Матера «Правительство и чартисты». В ней расхваливаются за «умеренность» душитель чартистского движения в 1839 г. министр внутренних дел Джон Рассел, который якобы более всего боялся нарушить политические права англичан (стр. 374), вдохновитель зверских преследований чартистов в 1842 г. министр внутренних дел консервативного правительства Грэм (стр. 389), командующие войсками в северных промышленных районах страны генералы Нэпир и Вэр (стр. 395). Автор берет под защиту реакционный внутриполитический курс правящих кругов Англии в 30—40-х годах XIX в., направленный на подавление свободы английского народа. Он утверждает, что обвинения в жестокости, которые бросала правительству «Северная Звезда», были основаны якобы на непонимании чартистами английских законов (стр. 384).

Доводы Ф. Матера опровергаются приводимыми им же самим многочисленными фактами полицейского террора против чартистов в 1839 г., описанием дикого произвола властей, полицейских провокаций, шпионства, правительственных репрессий против рабочих в 1842 г., когда сотни чартистов были брошены в тюрьмы по обвинению в мятеже и осуждены на длительное тюремное заключение (стр. 390—391).

Несмотря на тенденциозный подход к основным проблемам чартистского движе-

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., Т. 2. Изд. 2-е, стр. 451, 463.

[4] См. там же, стр. 463.

ния, приводимый в сборнике значительный фактический материал, помимо воли авторов, убедительно свидетельствует о силе и размахе политической борьбы английского пролетариата в различных районах страны в конце 30—40-х годах XIX века.

Следует отметить, что авторы сборника вводят в оборот широкий круг ранее не привлекавшихся или недостаточно использованных для изучения чартизма источников, таких, например, как архивы министерства внутренних дел, Королевские архивы, документы специальных парламентских комиссий, известная коллекция газетных вырезок Ф. Плейса, архивы Грэма и т. д. Основу большинства статей сборника составляют материалы провинциальной прессы и архивов: хранящиеся в местных библиотеках и музеях газеты и журналы разных политических направлений, брошюры, памфлеты и разнообразные документы, характеризующие социально-политические условия английской провинции конца 30-х — начала 50-х годов XIX века. Однако классовая, буржуазная ограниченность авторов, их порочный методологический подход не позволяют им правильно использовать эти документы для раскрытия картины развития чартистского движения на местах.

В ряде статей сборника приводятся материалы о распространении чартизма в сельскохозяйственных графствах Западной и Восточной Англии. Привлекают внимание описание первого чартистского митинга в Лонгбридж Деверилл (графство Соммерсет), деятельности чартистов среди сельскохозяйственных рабочих графства Саффолк, а также данные о распространении чартистских принципов в Лейстершире, где, как пишет Ф. Гаррисон, в течение пятнадцати лет чартизм был важным фактором политической жизни (стр. 109). Небезынтересны материалы об успехах лидских чартистов на выборах в органы местного самоуправления в 1843—1850 гг. и многие другие, ранее неизвестные факты о деятельности чартистских организаций в различных районах Англии. Авторы характеризуют многих деятелей местных чартистских организаций. Большинство этих сведений публикуется впервые. Однако общие оценки чартистов, действовавших на местах, сплошь и рядом весьма тенденциозны и ошибочны.

Из многих статей можно почерпнуть сведения о социально-экономических и политических особенностях того или иного района, о положении рабочего класса в связи с развитием чартистского движения.

Новые факты, представляющие интерес для изучения истории чартистского движения, содержатся в статье Дж. МакАскилла о чартистском земельном плане. Основным источником для этой статьи послужили доклады специальной парламентской комиссии, расследовавшей положение дел «Национальной земельной компании» чартистов. В центре статьи — освещение неисследованного вопроса о деятельности «Национальной земельной компании» и «Национального земельного и трудового банка» в период с 1846 по 1851 год. Автор показывает решающую роль рабочих промышленных округов в создании чартистской земельной компании и делает интересную попытку проанализировать социальный состав и дальнейшую судьбу 250 рабочих, получивших земельные участки в поместьях, купленных компанией в 1846—1847 годах. В статье справедливо отмечается, что создание и деятельность чартистской «Национальной земельной компании» имела немаловажное значение в истории рабочего движения, как одна из форм массового протеста против капиталистического строя. Следует отметить, что, пытаясь найти объяснение быстрому краху «земельного плана» в личных качествах О'Коннора, автор оставляет без внимания ту травлю, которой подверглась «Национальная земельная компания» со стороны правящих кругов.

Характерные признания содержит статья Люси Броун об отношениях между чартистами и организацией промышленной буржуазии — Лигой борьбы против хлебных законов. В статье говорится о том, что жизненно заинтересованная в обеспечении массовой поддержки своим требованиям Лига широко прибегала к подкупам для создания в промышленных районах страны так называемых «Рабочих ассоциаций для борьбы против хлебных законов» (стр. 365). Несмотря на это, отмечает автор, все многочисленные попытки Лиги привлечь на свою сторону массу промышленных рабочих потерпели провал из-за решительного противодействия чартистов.

Рецензируемый сборник, содержащий тенденциозные выводы о чартистском движении, является наглядным свидетельством неспособности буржуазных исследователей использовать фактический материал для верного отражения исторических событий.

А. Д. Колпаков

GEORG NORREGÅRD. *Efterkrigsår i dansk udenrigspolitik. 1815—24.* Kobenhavn. Gyldendal. 1960. 208 s.

Г. НЁРРЕГОР. *Внешняя политика Дании в послевоенные годы: 1815—24.*

Г. Нёррегор — один из известных буржуазных историков современной Дании. Примерно с 1945 г. он работает над кругом вопросов, связанных с отделением в 1814 г. Норвегии от Дании и с последствиями этого события для Датского государства. Рецензируемая книга, посвященная одному из «спокойных» и, видимо, потому наименее изученных периодов датской внешнеполитической истории, увидела свет вслед за монографиями того же автора «Дания и Венский конгресс» и «Кильский мир 1814 г.»[1]. Изучение внешней политики Дании ограничивалось до сих пор главным образом периодом Французской революции XVIII в. и наполеоновских войн (труды датского историка начала текущего столетия Эдв. Хольма)[2]. Последующие же годы датской истории привлекали к себе внимание преимущественно норвежских (И. Нильсен) и шведских (Т. Хейер) исследователей, каждый из которых, естественно, занимался изучением отдельных аспектов отношений Норвегии и Швеции с Данией[3]. Г. Нёррегор имел, таким образом, возможность разрабатывать почти не затронутую тему отношений Дании и Норвегии. Его книга основана на широкой базе источников из государственных архивов, преимущественно Копенгагена, а также Осло, Стокгольма, Вены, Парижа, Лондона, Мерзебурга (ГДР) и из местного архива в Ганновере (ФРГ). Автор использовал также часть микрофильмированных материалов Архива внешней политики России. Однако европейская пресса того времени им практически не привлечена.

Краткое введение к книге раскрывает общий замысел и установки автора. Г. Нёррегор подчеркивает зависимость решения внешнеполитических проблем Дании — побежденной союзницы Наполеона — от ее взаимоотношений с великими державами-победительницами, в первую очередь с Англией и Россией. Он признает «традиционную заинтересованность» России в сохранении Данией государственной самостоятельности[4]. Вместе с тем автор как бы не может «простить» Александру I его решающего участия в отделении Норвегии от Дании. На последнее обстоятельство буржуазный историк смотрит лишь с точки зрения датского абсолютизма. Читатель не узнает из книги, что предоставление Норвегии в 1814 г. самостоятельности, пусть даже ограниченной, было прогрессивным фактом большого значения. За внешней «объективностью» автора все же отчетливо проявляются его симпатии к правящим классам датского общества и его попытка трактовать интересы этих кругов как общенациональные. Для методологических позиций автора характерен отрыв истории дипломатии от социально-экономической истории Дании, отказ от классовой оценки внешней политики страны.

Во введении Нёррегор жалуется на стремление великих держав подчинить своему влиянию и своим интересам внешнюю политику малых стран. Дипломатический курс Дании он характеризует как лавирование между Россией и Англией с использованием англо-русских противоречий. При этом Англия тенденциозно характеризуется им как «единственная надежда» датского правительства, как защитник Дании от «вмешательства» со стороны России, от «русской экспансии» (стр. 9—10). Вольно или невольно здесь сказалось намерение исторически «обосновать» антисоветскую позицию правящих кругов современной Дании — форпоста НАТО на Балтике.

Первая половина книги посвящена вопросу о распространении на Норвегию части датского государственного долга, накопившегося за годы длительных войн, когда Дания и Норвегия были в составе единого государства. В работе Г. Нёррегора мы не на-

---

[1] G. Norregård. Danmark og Wienerkongressen. Kobenhavn. 1948; Ereden i Kiel 1814. Kobenhavn. 1954.

[2] E. Holm. Danmark-Norges udenrigske historie... 1791 til 1807. D. 1—2. Kobenhavn. 1875; его же. Danmark-Norges historie 1720—1814. VII, 2: Den udenrigspolitiske historie 1807—14. Kobenhavn. 1912.

[3] J. Nielsen. Norges historie 1815—22. Kristiania. 1882; его же. Stormagternes forhold til Norge og Sverige 1815—19. Christiania. 1886; T Höjer Den svenska utrikespolitikens historia. III, 2. Stockholm. 1953.

[4] В своей книге «Дания и Венский конгресс» Г. Нёррегор останавливается на том, что русские дипломаты решительно воспротивились стремлению некоторых западных политиков разделить Данию и согласились оставить за ней Шлезвиг и Гольштейн. Сравнительно благоприятным для Дании исходом Венского конгресса король Фредерик VI и его министр иностранных дел Розенкранц были обязаны в значительной мере именно России.

ходим признания полнейшей несправедливости денежных притязаний датской монархии к Норвегии. Переговоры по этому вопросу велись между норвежскими и датскими комиссарами на протяжении 1815—1819 годов. Долгое время шведско-норвежское правительство не желало удовлетворять датских претензий. Г. Нёррегор показывает, как датское правительство само домогалось царского вмешательства в ход переговоров на стороне Дании (стр. 37, 42 и др.). Вразрез со своим тезисом об использовании Данией существовавших тогда русско-английских противоречий Г. Нёррегор подчеркивает, что Дания была заинтересована именно в совместном давлении России и Англии на тогдашнего правителя Швеции и Норвегии Карла-Юхана. Именно подобное выступление великих держав, специально обсуждавших в Лондоне и Аахене на протяжении 1818—1819 гг. вопрос о норвежском долге, заставило в конце концов Карла-Юхана согласиться в принципе с датскими притязаниями. Инициатором этого выступления было царское правительство (стр. 53—54), и без участия России, как признает Нёррегор, Дания ничего не добилась бы (стр. 86).

Многие страницы книги посвящены задачам датской внешней политики, вытекавшим уже не из Кильского договора, а из решений Венского конгресса. Прежде всего речь шла о приобретении Данией немецкого герцогства Лауенбург, а затем о датских притязаниях на взимание эльбских пошлин — вопрос, разбиравшийся длительное время и решенный лишь в 1821 г. (стр. 123 сл.). Не сразу были улажены и таможенные споры между Данией и вольным городом Гамбургом. Г. Нёррегор, к сожалению, не говорит о том, что притязания датской монархии были не чем иным, как реакционным пережитком средневековья.

По сравнению с этими таможенными спорами большее политическое значение имел самый факт вхождения датского короля в качестве герцога Гольштейна и Лауенбурга в Германский союз — событие, повлекшее за собой постоянное участие датских представителей в работах Союзного сейма во Франкфурте-на-Майне (стр. 131 сл.). Дания в качестве члена союза ревниво оберегала принцип независимости его участников, то есть стремилась к сохранению раздробленности Германии. Датское правительство «добросовестно» участвовало в меттерниховском удушении оппозиции в немецких государствах, выполняло пресловутые Карлсбадские постановления и пр. (стр. 135 сл.). Позиция абсолютистской Дании как одного из оплотов Священного союза в Северной Европе отчетливо проявилась в решительном сопротивлении Фредерика VI восстановлению даже старой, дворянской конституции Гольштейнского герцогства (стр. 139 сл.).

К 1822—1823 гг. автор относит (вполне справедливо) важный рубеж в истории датской внешней политики. Отныне ее главной проблемой становились отношения уже не с Швецией, как это было в XVI—XVIII вв., а с германскими государствами (стр. 147—155). Датская политика в немецких землях встречала полную поддержку со стороны правительства Александра I. В Копенгагене, резюмирует автор, «были довольны тем, что умели понравиться Вене и Санкт-Петербургу» (стр. 155). Никаких примеров русского вмешательства, а тем более посягательства на датские владения в Германии автор, естественно, не может привести, и его тенденциозная установка, отмеченная выше, повисает в воздухе.

Военное поражение и тяготы континентальной блокады привели финансы, торговлю и судоходство Дании в крайне плачевное состояние. Усилиям датской дипломатии по охране национальных интересов в этой сфере посвящен особый раздел книги (стр. 156 сл.). Представляет интерес характеристика различных платежей, осуществленных Данией в ходе послевоенных расчетов с соседями, а также заключенных в эти годы торговых договоров. В этой же связи привлекают внимание частные вопросы русско-датских отношений — споры о соблюдении карантинных правил морскими кораблями и о порядке взимания зундских пошлин (стр. 164 сл.). Наличие у Дании колоний в Вест-Индии осложнило ее взаимоотношения с такими географически удаленными от нее государствами, как Соединенные Штаты Америки и Испания, заставило датских политиков пристально следить за поднимавшейся в то время национально-освободительной борьбой народов Латинской Америки (стр. 169 сл.).

В разделе «Дания и европейская семья народов» (стр. 173 сл.) автор повторяет уже сделанный им ранее вывод о том, что на Венском конгрессе Дании удалось восстановить «добрые отношения» с великими державами. Признаком этого было участие Дании в последней антинаполеоновской коалиции 1815 г. и в Священном союзе. Однако взаимоотношения с Россией оставались для Копенгагена проблемой первостепенной важности. Сетуя на «холодность» царского пра-

вительства, Г. Нёррегор признает, что Россия требовала лишь сохранения мира на Севере и была заинтересована в хороших отношениях между скандинавскими государствами. Русское правительство стремилось быть беспристрастным в спорах между Стокгольмом и Копенгагеном (стр. 173). Хотя в первые послевоенные годы Александр I, естественно, отдавал предпочтение своему союзнику по кампании 1812 г. шведскому регенту Карлу-Юхану (Бернадотту), именно заступничество за Данию по уже знакомому читателю вопросу способствовало охлаждению русско-шведской дружбы (стр. 185 сл.).

Датское правительство в те годы всячески стремилось избежать повода для малейшего недовольства со стороны могущественной Российской империи: русским кораблям, в торговые операции которых, по сведениям датчан, были вложены капиталы самого императора, с датского берега Зунда салютовали, как кораблям с императорским флагом (стр. 174, 187). Добиваясь дружбы и мечтая о союзе с Англией, датские политики в то же время больше всего боялись произвести невыгодное впечатление в Петербурге. Впрочем, Англия отклонила датское предложение о союзе: то была пора еще сравнительно слабых разногласий между Англией и Священным союзом [5].

В целом книга Г. Нёррегора представляет собой панегирик министру иностранных дел Дании Нильсу Розенкранцу. Изложение хода событий доведено автором как раз до времени смерти Розенкранца — января 1824 года. Вместе с тем Нёррегор правильно подчеркивает, что со смертью Розенкранца окончилась важная эпоха в истории датской дипломатии, тесно связанная с абсолютистскими традициями XVIII в. и антишведской политикой. Эта тенденция автора приписывать весьма многое одному Розенкранцу настолько сильна, что порой он впадает в преувеличение, когда пишет, что после смерти Розенкранца Дания на некоторое время как бы вообще прекратила всякую активную внешнюю политику и думала о своих соседях почти исключительно в связи с коммерческими делами (стр. 180 сл.).

Последние страницы книги убеждают в том, что автор вопреки своей ложной посылке никаких признаков «русской экспансии», вмешательства России во внутренние дела Дании не нашел даже в тот период истории, когда царская Россия вершила европейской политикой и являлась жандармом Европы: «В целом нельзя исходить из того, что русское правительство особенно стремилось поставить Данию в зависимость от себя; но датский двор испытывал в этом смысле сильные опасения, явно бо́льшие, чем нужно, и старался во многих случаях предупредить возможное русское вмешательство...» (стр. 187).

Г. Нёррегор положительно оценивает итоги деятельности датской дипломатии в 1815—1824 гг., когда были созданы необходимые предпосылки «для долгого и во многих отношениях счастливого периода мира» (стр. 188). С этим нельзя не согласиться. Возврат к традиционной дружбе с Россией позволил Дании довольно быстро залечить раны, нанесенные ей наполеоновскими войнами. Вся датская история свидетельствует об иллюзорности той самой «угрозы с Востока», в существование которой, кажется, все еще верит автор рецензируемой книги.

А. С. Кан

[5] См. «История дипломатии». Т. I. Изд. 2-е. М. 1959, стр. 526 сл.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Военно-исторически сборник». София. 1960, № 3.

П. Цонков. Ленин о роли народных масс и полководцев в войне; Г. Дилчовски. Зарождение и развитие оперативного искусства в болгарской армии; Я. Янков, З. Шойлев. Из истории болгарской артиллерии до Балканских войн; П. Пенков. Развитие военно-исторической мысли в первой половине XIX века; В. Иванов. Деятельность БРСДП (т. с.) в Народном собрании в связи с Нёйиским мирным договором 1919 г.; Г. Гинчев, И. Иванов. О роли авиации в Балканских войнах; А. Караиванов. Полководческое искусство царя Асена I; О. Янечек. Из истории создания первой чехословацкой самостоятельной бригады в СССР.

«Военно-исторически сборник». 1960, № 4.

В. Вылов. Участие солдатских масс в народном восстании 9 сентября 1944 г.; Л. Данаилов. Экономический потенциал Болгарии накануне Балканских войн; А. Пейчев. Развитие и использование бронетанковых войск во второй мировой войне; И. Иванов. Мобилизация и сосредоточение Болгарской народной армии в первый период Отечественной войны; Д. Радулов. Характер и особенности начального этапа войн, которые вела Болгария между 1878 и 1914 гг.; В. Попов. Антивоенная пропаганда БРСДП (т. с.) во время Балканских войн; Ц. Генов. Военно-революционная подготовка воссоединения болгарских земель; Д. Колев. Встречи с партизанами; В. Штоф. ГДР и ее Национальная народная армия в борьбе за мир и социализм.

«Исторически преглед». София. 1960, № 6.

В. Кутиков. XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН; Т. Влахов. Национальное возрождение и город Кукуш; В. Ванков. Идейно-политическая эволюция БЗНС в 1947—48 гг.; Д. Ангелов. Вопросы развития феодализма в болгарских землях XIII—XIV вв.; И. Конев. Новые сведения о втором болгарском легионе в Белграде.

«Исторически преглед», 1961, № 1.

В. Топенчаров. Некоторые особенности исторического развития новых независимых стран Азии и Африки; Г. Д. Тодоров. Вопросы о земле и беженцах в княжестве Болгария 1879—81 годов; Д. Мичев. Отряд Тодора Грудова в Странджанском крае (1924 г.); П. Тивчев. О классовой борьбе в византийской деревне XII века.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1961, № 1.

Программное заявление председателя Государственного совета ГДР в Народной палате 4 октября 1960 г.; Г. Розенфельд, Х. Штэккер. Предложения СССР о всеобщем и полном разоружении (1927—1928 гг.); К. Оберманн. Деятельность Ф. Энгельса весной и летом 1848 года; С. Сафронов. Франсуа Буассель — якобинец и коммунист; Я. Петерс. Изменения в распределении поземельной собственности в Западной Померании в связи с установлением шведского господства на Балтике; И. Коржалка. Начало социалистического рабочего движения в Чехословакии.

«Analele Institutului de historie a partidului de pe lîngă C. C. al P. M. R.». București. 1960, № 6.

В. Топалу. Из истории борьбы Коммунистической партии Румынии за мобилизацию народных масс против Венского соглашения 1940 г.; А. Деак. Фридрих Энгельс и рабочее движение в Румынии; И. Якош, В. Петришор. Рабочие профсоюзы Румынии в 1893—99 гг.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Из истории легальной Рабочей партии в Болгарии (1927—1929 гг.)

рудове но Висшия Институт за народно опанство «Д. Благоев». Варна. 1960, кн. II, стр. 3—82.

Интересная статья болгарского историка . Близнакова посвящена недостаточно изу-нному вопросу создания и укрепления ле-льной Рабочей партии в Болгарии.

В мировом коммунистическом движении олгарская коммунистическая партия была инственной партией, которая, будучи вы-жденной перейти в годы фашистской дик-туры на нелегальное положение, прибегла целях укрепления связей с массами к со-анию легальной Рабочей партии. Этот ыт заслуживает самого тщательного изу-ния.

Рабочая партия возникла в 1927 г. по ини-ативе Болгарской коммунистической пар-и. Существуя параллельно с БКП, она ла проводником ее идей и осуществляла практике ее указания. Об общности ходных позиций БКП и Рабочей партии асноречиво свидетельствует Декларация редительной конференции Рабочей пар-и (февраль 1927 г.), являвшаяся по свое-содержанию частью коммунистической рограммы-минимум.

Рабочая партия стала собирательным нтром всех революционных сил: в нее шли коммунисты, не заподозренные поли-ей или не участвовавшие в нелегальной боте, а также рабочие и представители удящихся, впервые вступившие в борьбу буржуазией. Эта партия создавалась и реплялась как организованный отряд ра-чего класса Болгарии, представляя собой ройную систему организаций, основанную принципе демократического централизма. пецифика деятельности Рабочей партии ключалась в том, что перед ней стояла за-ча координировать борьбу всех легальных ссовых организаций пролетариата, на-авлять эту борьбу. К лету 1927 г. в состав бочей партии входило 150 организаций общим числом членов в 4 тыс. человек.

Создание столь мощного отряда рабочего асса напугало правящие круги Болгарии, на партию посыпались репрессии. Отсут-вие крепкого руководства, недостаточная язь с предприятиями также стали, по ению автора, причинами снижения темпа льнейшего роста Рабочей партии.

Близнаков проследил, как началось постепенное отставание руководства партии от революционно настроенных масс, как появилась опасность разрыва между ними, то есть как зарождались те самые недостатки, которые впоследствии стали бичом Рабочей партии. Несмотря на указания БКП, партия не смогла перестроить свои организации по производственному принципу и сплотить вокруг себя промышленный пролетариат. Немалую роль в этом сыграло и неправильное отношение части партийных кадров к организационным вопросам. В результате численность Рабочей партии стала сокращаться.

В этих сложных условиях много сил Рабочая партия отдавала борьбе с ликвидаторами. Еще в период создания партии ее сторонникам пришлось выступить против группы оппортунистов, объединившихся вокруг газеты «Нов път». В 1928 г. подняли голову ликвидаторы внутри Рабочей партии; поводом для их выступления явился переход к рекомендованной БКП тактике массовых выступлений пролетариата в связи с празднованием 1 Мая. По этому вопросу в партийных организациях развернулись дискуссии, в ходе которых большинство рядовых членов партии встало на революционные позиции. В июне 1928 г. состоялась первая чрезвычайная конференция Рабочей партии, подвергшая критике оппортунистическую платформу руководства партии в отношении новой тактики. Ликвидаторам был дан бой, но идейно на этой конференции они еще не были разгромлены. Конференция вынесла решение об обновлении состава руководства.

В сентябре 1928 г. состоялась первая очередная конференция Рабочей партии. Ее задачей было создать перелом в идейном и организационном состоянии Рабочей партии, начертать перспективу борьбы партии против фашизма. На конференции была принята, по существу, ленинская формулировка о членстве в партии, утверждена структура партийных органов и провозглашен производственный принцип строительства партии. Здесь же был дан решительный отпор ликвидаторам, что нашло отражение в специальной резолюции. По инициативе ЦК Рабочей партии в борьбу были вовлечены рядовые члены партии: во всех организациях проходили собрания, на которых констатировалось, что позиции ликвидаторов не нашли поддержки в массах. Разгромом ликвидаторов внутри Рабочей партии зимой

1928—1929 гг. завершился первый этап борьбы за идейное укрепление партии.

После конференции развернулась борьба за организационное укрепление партии. Немалую помощь в этом отношении оказал ЦК БКП, обязавший каждого члена Болгарской коммунистической партии войти в состав Рабочей партии, создать в ее организациях комфракции, организовать курсы для деятелей Рабочей партии и т. п. Несмотря на репрессии властей, эти меры дали свои результаты: к началу 1929 г. Рабочая партия насчитывала уже 6 тыс. членов.

Таков в основном круг вопросов, рассматриваемых в статье П. Близнакова. К сожалению, автор не останавливается на проблемах конкретной деятельности Рабочей партии по организации и руководству массовой борьбой трудящихся. Это создает ложное представление о том, будто на протяжении двух лет своего существования Рабочая партия была занята исключительно внутренними делами. Между тем уже в эти годы движение трудящихся приобретало массовый характер, и это особенно ярко проявилось в конце 1928 — начале 1929 г. во время борьбы за амнистию политзаключенным. В организации этого движения именно Рабочей партии принадлежала важнейшая роль.

Р. П. Гришина

КПГ и проблема завоевания крестьянства в последние годы Веймарской республики

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin, 1959, № 1, S. 134—137; 1960, № 2, S. 276—293; № 3, S. 455—465, 546—551.

Историки ГДР, отвечая на призыв ЦК СЕПГ изучать революционные традиции немецкого рабочего класса, приступили к исследованию малоизученного вопроса — истории борьбы Коммунистической партии Германии в последние годы Веймарской республики за укрепление связей с союзниками рабочего класса в деревне. Журнал «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» опубликовал ряд статей, являющихся определенным вкладом в освещение этой сложной проблемы.

В первом номере журнала за 1959 г. напечатана небольшая статья К. Хэдике о малоизвестном интервью Э. Тельмана представителям крестьян Баварии, делегированным в конце 1932 г. на демонстрацию рабочих в Мюнхене. Э. Тельман ответил крестьянам через печать. Ответы вождя немецкого рабочего класса на пять вопросов крестьян («Экспроприируют ли коммунисты крестьян?», «Лишат ли коммунисты крестьян религии?», «Что получат трудящиеся крестьяне от создания советской Германии?», «Как живут русские крестьяне в колхозах?», «Как крестьяне уже сегодня могут бороться за социализм?») были опубликованы в «Illustrierte Bauernzeitung», коммунистической крестьянской газете, ставшей ныне библиографической редкостью. Автор предпосылает перепечатке этих вопросов и ответов небольшое предисловие, в котором подчеркивает их огромное значение в деле борьбы КПГ за трудящихся деревни, против наглой фашистской клеветы на Компартию Германии в дни избирательной кампании перед выборами в рейхстаг 6 ноября 1932 года. Эти ответы Э. Тельмана имеют и поныне актуальное значение для международного рабочего движения.

В 1960 г. появились три статьи, освещающие политику КПГ в деревне в 1930—1932 годах. Работа Клауса Маммаха (1960, № 2) посвящена вопросу о первой попытке КПГ вовлечь немецкое крестьянство в антиимпериалистическую, антимилитаристскую борьбу. Речь идет о созыве Первого Европейского крестьянского конгресса в Берлине в марте 1930 г., который явился исходным пунктом организованного крестьянского движения для некоторых европейских стран, в том числе и Германии.

Необходимо подчеркнуть то новое, что дала статья К. Маммаха по сравнению с работами, опубликованными еще в 30-х годах в немецкой коммунистической прессе. Это касается прежде всего вопроса об отношении КПГ к христианско-социальной партии [1], также поддерживавшей конгресс. Политику соглашения КПГ с этой партией К. Маммах оценивает как стремление коммунистов расширить фронт борьбы против крупнопомещичьего капитала, против реакционных организаций в деревне, против угрозы новой войны.

Остановившись на решениях конгресса, К. Маммах освещает его историческое значение и причины неудачи КПГ в деле борьбы за немецкое крестьянство. К сожалению, автор не приводит данных о конкретном влиянии решений конгресса на немецкую

[1] Партия мелкой сельской буржуазии пользовалась влиянием преимущественно в Южной Германии.

крестьян, не говорит об откликах на конгресс, о движении комитетов, возникшем на базе решений конгресса в последующие годы.

Статья о крестьянской политике КПГ (1960, № 3), написанная Г. Рау, членом Политбюро ЦК СЕПГ, который в 30-е годы являлся видным организатором КПГ среди крестьян и сельскохозяйственных рабочих, проникнута идеей преемственности политики СЕПГ и политики КПГ в крестьянском вопросе. В статье кратко характеризуется аграрная политика КПГ с 1919 по 1932 г., вскрывается предательская политика в крестьянском вопросе бывших руководителей КПГ в лице групп Брандлера — Тальгеймера и Р. Фишер — Маслова. Автор показывает, что только с 1925 г., когда во главе КПГ встал Э. Тельман, в теории и практике Коммунистической партии началось преодоление сектантских ошибок по отношению к трудящемуся крестьянству и батрачеству. Героическая борьба партии в этом направлении завершилась принятием в мае 1931 г. «Программы помощи крестьянству», которая наряду с «Программой национального и социального освобождения немецкого народа» и «Планом по обеспечению работой» явилась выдающимся документом КПГ. 16 мая Э. Тельман обнародовал эту программу на большой крестьянской демонстрации в Ольденбурге. Как участник этого события, Г. Рау вспоминает то воодушевление, с которым немецкие крестьяне восприняли крестьянскую программу партии.

О значении «Программы помощи крестьянству» для развития крестьянского движения пишет в воспоминаниях (1960, № 3) старый рабочий-функционер КПГ Х. Хейнкс, который лично участвовал в организации Северо-западного крестьянского конгресса единства (октябрь 1931 г.). Это был один из самых крупных крестьянских конгрессов, состоявшихся на почве признания крестьянской программы Коммунистической партии.

А. Д. Галкина

Колонизатор и расист в роли «национального героя»

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig». Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Leipzig. 1959—1960. Hf. 3, S. 389—394.

Институт востоковедения при Лейпцигском университете имени Карла Маркса за последнее время выпустил ряд работ, посвященных исследованию колониальной политики германского империализма в Африке в конце XIX — начале XX века. В их числе статья руководителя отдела африканистики Курта Бюттнера «Попытки реставрации одного «колониального героя». Замечания к оценке личности Карла Петерса», в которой подвергнуты резкой критике сочинения западногерманских историков, пытающихся возродить культ кровавого колонизатора, завоевателя Восточной Африки К. Петерса.

Ныне, в эпоху крушения колониальной системы и небывалого подъема национально-освободительного движения, в эпоху завоевания независимости многими народами африканского континента, империалисты предпринимают последние отчаянные усилия для сохранения колониализма. Рушатся остатки британского и французского колониального господства в Африке. Но на политической арене Африки наряду с американским империализмом снова появился старый злейший враг африканских народов — германский империализм. Экспансия западногерманских монополий в Африке все более усиливается. Монополисты ФРГ рассматривают Африку как богатейший источник ценного сырья, большой потенциальный рынок сбыта промышленной продукции и сферу приложения капитала. В связи с развитием западногерманской военной промышленности и оснащением бундесвера ракетно-атомным оружием боннские милитаристы стремятся захватить в свои руки африканское военно-стратегическое сырье (уран, нефть и др.). Нынешние планы боннских реваншистов учитывают исключительное военно-стратегическое значение африканского континента для агрессивного блока НАТО.

Активными пособниками агрессивной политики правящих кругов ФРГ являются западногерманские реакционные историки и публицисты, помогающие империалистам Западной Германии в идеологической подготовке новой войны. Состоя на службе боннского милитаристского государства и крупнейших монополий, идеологи ФРГ пытаются представить разбойничью колониальную политику Германии в Африке конца XIX в. в качестве «цивилизаторской миссии» и таким образом оправдать изживший себя колониализм и колониальные устремления западногерманских монополистов в Африке.

За последние годы в ФРГ вышел ряд «трудов», в которых делаются попытки воз-

родить созданный еще германскими фашистскими идеологами времен гитлеровской диктатуры культ К. Петерса (1856—1918) — авантюриста и палача африканских народов. К новейшим таким сочинениям относятся статья некоей Барбары Штюбигер, опубликованная в фашистском журнале «Nation Europa» (1959, Hf. 2), книга Ф. Мюллера «Deutschland — Zansibar — Ostafrika» (Berlin, 1959) и др. Критике этих «трудов» и посвящена рассматриваемая статья К. Бюттнера. В статье вскрывается самая беззастенчивая фальсификация исторических фактов западногерманскими историками, выясняется на основе неопровержимых исторических свидетельств истинное лицо Петерса, разоблачаются измышления западногерманских идеологов, пропагандирующих фашистскую «теорию жизненного пространства», «расовую теорию» и т. п. Трудная задача, стоявшая перед К. Бюттнером, оказалась разрешенной благодаря тому, что автор тщательно изучил документальные материалы Центрального архива Германии (Потсдам), германскую прессу конца XIX в., а также статьи и мемуары самого Петерса.

Вопреки вымыслам реакционных историков о «колониальном пионере», «колониальном герое» Петерсе К. Бюттнер показывает, что истинные «заслуги» Петерса заключались в том, что он проводил кровавую империалистическую политику, которая ни в малейшей мере не отвечала интересам ни германского, ни африканских народов. В сознании африканских народов Петерс живет как «Петерс-вешатель» и убийца. «Цивилизаторская» деятельность Петерса ознаменовалась такими кровавыми злодеяниями в отношении африканского населения, что в 1889 г. по протесту социал-демократической фракции рейхстага германское правительство вынуждено было отозвать его из Африки и дать ему отставку.

Как бы ни усердствовали ныне боннские неоколониалисты и их идеологи в попытках возродить колониализм, их усилия обречены на полную неудачу. Народы Африки, поднявшиеся на справедливую борьбу против колониализма, все более убеждаются в империалистической сущности политики ФРГ в Африке и, как никогда, полны решимости отстоять свою независимость от посягательств германских империалистов.

Ю. М. Григорьян

К вопросу о падении Римской империи

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin». Berlin. 1959—1960. Hf. 1—2, S. 161—167.

Проблема разложения и гибели римской мировой державы привлекала и продолжает привлекать пристальное внимание исследователей.

В статье видного западногерманского историка Франца Альтгейма нарисована яркая картина распада Западной Римской империи. Автор освещает борьбу населения захваченных Римом территорий за свою независимость в связи с социальным кризисом III в. н. э. и последовавшим переселением народов. Когда в III в. набирали силы североафриканские номады, поднимали голову германцы и на сцене появились гунны, волна народов-переселенцев захлестнула Италию вместе с Римом, и Римская империя вскоре пала. Призывая отказаться от европоцентризма, автор предлагает рассматривать распад Римской империи на фоне событий, происходивших не только в Европе, но также в Африке и Азии.

Периоду «борьбы народов с Римом» Ф. Альтгейм противопоставляет эпоху предыдущего расцвета римской «колониальной державы». По мнению автора, основы внешнего могущества Рима заложил Сулла, путем удачных войн обеспечивший на севере, востоке и юге полный «порядок». Август во внешней и внутренней политике, утверждает Ф. Альтгейм, был лишь подражателем Суллы, образ которого стоял всегда перед его глазами; но уже в эпоху Августа появились симптомы упадка и гибели Римского государства.

Идеализация Суллы характерна для современной буржуазной историографии. Его считают даже спасителем республики. Ф. Альтгейм, поддерживая эту версию, явно преувеличивает заслуги Суллы перед Римским государством. В частности, вряд ли есть основания считать Суллу «победителем в трех войнах»: ведь Нумидийскую войну и войну с кимврами и тевтонами удачно завершил Марий; в войне же с Митридатом Понтийским Сулла отличился лишь заключением постыдного для римлян мира. «Удачно» Сулла расправился только с союзниками, а затем — с римскими гражданами во время проскрипций. Говорить о Сулле как о полководце, обеспечившем Риму внешнее могущество, нет никаких оснований.

Трудно также согласиться с трактовкой автором внутренней и внешней политики

уста как чисто подражательной. Дей-
ительно, и Сулла и Август в своей поли-
е опирались на войско, с помощью кото-
о они пришли к единоличной власти. Не
ывает сомнения и утверждение, что их
ставраторская», квазиреспубликанская
тельность проявлялась (в разной степе-
в общественной, религиозной и духов-
жизни. Однако цели и задачи у них бы-
далеко не одинаковые. Сулла стремился
омощью войска укрепить и обезопасить
сть узкой группы римского нобилитета.
том смысле он может рассматриваться
ствительно как реставратор «старых по-
ков» II века до н. э. Август же пресле-
ал совсем иную цель. Его «возвращение
арине» было лишь формулой, в которую
вкладывал совершенно новое содержа-
, когда стремился к единоличной власти,
равшейся притом на рабовладельческие
и не только Рима, но и всех провин-
.

татье Альтгейма присущи и модернизаз-
ские тенденции. Его попытку найти в на-
щем аналогию событиям прошлого сле-
т отвергнуть. По мнению автора, распад
адной Римской империи можно сравнить
онцом господства Европы в настоящее
мя над неевропейскими народами. По-
ную параллель нельзя признать научно-
орической. Кроме того, автор в какой-то
е оправдывает экспансионистскую поли-
у римлян, утверждая, что Рим, создавая
ерию из стран, лежащих по побережью
диземного моря, как бы «ограждал» на-
ы этих стран от хаоса и наводил там
бходимый «порядок». Антиисторизм дан-
о утверждения очевиден.

Н. И. Голубцова

*национ**но-освободительном движении*
лбании накануне первой мировой войны

letin i Universitetit shtetëror të Tiranës.
ia shkencat shoqerore». Tiranë, 1960,
№ 1, ff. 14—50.

Статья албанского историка Муина Чами,
бликованная к 40-летнему юбилею одно-
из наиболее ярких и значительных собы-
освободительного движения в Албании
ала 20-х годов — созыва Национального
гресса в Люшне,— воссоздает картину
ьбы албанского народа в защиту на-
нальной свободы. Автор показывает, как
е с первых лет своего независимого су-
ствования молодому албанскому государ-
ству пришлось вести упорную борьбу против происков сил международной и внутренней реакции, объединившихся в целях ликвидации завоеваний 1912 года. Статья основана на материалах албанских и болгарских архивов; использованы также официальные публикации документов на албанском, итальянском, русском, английском языках, пресса, мемуарная литература и пр.

Автор разоблачает политику великих держав в албанском вопросе, фактически ликвидировавших независимость страны уже на третьем году ее существования. И с этого времени, как и в начале века, албанский народ вновь поднял знамя борьбы в защиту своих суверенных прав.

Протекавшее в трудных условиях мировой войны и оккупации движение все же смогло сорвать планы малых и крупных империалистических хищников, секретно договорившихся о переделе сфер влияния и сфер владения в Албании. Албанский народ добился восстановления независимости своего государства. 28—31 января 1920 г. в Люшне собрался Национальный конгресс, на повестку дня которого был вынесен один вопрос — «О критическом положении Родины». Делегаты единодушно высказались за независимость. «Албанцы готовы пойти на все жертвы,— говорилось в резолюции конгресса,— отдать все, до последней капли крови, чтобы воспрепятствовать любому решению, которое поставило бы под угрозу территориальную целостность и полную независимость страны». Постановления конгресса в Люшне были большой победой албанского народа. Развернувшееся национально-освободительное движение привело к изгнанию иностранных захватчиков из страны, а вместе с ними и сторонников предателя национальных интересов Эсад-паши, к восстановлению суверенитета Албании.

Делая правильные выводы о большом значении конгресса в Люшне для судеб Албании, автор все же, на наш взгляд, незаслуженно преувеличивает прогрессивность албанского буржуазного правительства. «Политическая власть,— пишет Муин Чами,— утвердившаяся после конгресса, родилась в революционной борьбе и получила поддержку трудящихся масс, потому что она защищала национальные интересы. Она выступила теперь на международной арене как независимая сила, с которой заинтересованные иностранные государства не могли не считаться». В действительности ряд деятелей, вошедших в правительство (Ахмет Зогу, Мехмет Коница, Луиджи Бумчи и др.)

и оказывавших решающее влияние на его политику, не отличались ни прогрессивностью взглядов, ни независимостью суждений. Очень скоро их имена стали синонимом предательства национальных интересов.

Н. Д. Смирнова

Итальянские историки об XI Международном конгрессе исторических наук

«Studi storici». Roma. 1960, № 4, pp. 868—904.

На страницах марксистского журнала «Studi storici» прогрессивные итальянские ученые делятся своими впечатлениями об XI Международном конгрессе исторических наук (Стокгольм, 1960).

В статье обзорно-хроникального характера редактор журнала Гастоне Манакорда высказывает некоторые критические замечания по поводу организационных форм и содержания работы конгресса. Заседания ряда комиссий, пишет Г. Манакорда, были вынесены за рамки конгресса. Например, комиссия по истории социальных движений и социальных структур, комиссия по экономической истории заседали до открытия конгресса. Это лишило ученых возможности развернуть на конгрессе обсуждение многих интересных и важных тем. Так, на заседании комиссии по экономической истории обсуждался доклад об «Индустриализации как факторе экономического развития после 1700 г.». Проблема индустриализации и экономического развития, отмечает Г. Манакорда, стоит сейчас в центре исследования во многих странах. В то же время она представляет собой проблему, при изучении которой смогли бы объединить свои усилия историки и экономисты. К сожалению, на конгрессе многие ученые были лишены возможности развить свои идеи по этому вопросу.

Изоляция отдельных областей исторического исследования вследствие такой организации работы конгресса, продолжает Г. Манакорда, привела к сужению круга проблем всеобщей истории, обсуждавшихся на нем. На конгрессе вовсе не рассматривалась проблематика истории арабского мира, истории Африки, почти полностью были исключены из обсуждения вопросы истории Китая. Главное внимание конгресс уделил, по существу, европейской истории. Это, в свою очередь, привело к тому, что не получила освещения на конгрессе и актуальная проблематика борьбы с колониализмом. Н[illegible] международных конгрессах исторически[illegible] наук, считает Г. Манакорда, следует пр[illegible] держиваться принципа: меньше тем и бол[illegible] ше докладчиков. Это, по мнению автора[illegible] откроет путь ученым для более глубокого[illegible] освещения главных направлений историче[illegible] ских исследований.

Статья Ренато Дзангери посвящена ана[illegible] лизу работы конгресса по экономическо[illegible] истории. Главная методологическая пробле[illegible] ма, выявившаяся в ходе обсуждения, пола[illegible] гает автор,— это вопрос об оторванност[illegible] изучения экономической истории от исследо[illegible] вания исторического процесса в целом.

За последние годы над проблемами изу[illegible] чения истории экономического развити[illegible] много работали экономисты, главным обра[illegible] зом англо-американские, пытавшиеся по[illegible] строить так называемые «экономические мо[illegible] дели» для объяснения процессов экономи[illegible] ческого развития. Зачастую эти «модели[illegible] оказываются неэффективными в силу либ[illegible] слишком общего характера, либо невозмож[illegible] ности учесть в них все многообразие м[illegible] няющихся факторов. Это вызывает сред[illegible] историков, работающих над тем же кр[illegible] гом проблем, естественную реакцию — он[illegible] отбрасывают экономическую методологи[illegible] и пытаются отыскать корни экономич[illegible] ского развития вне экономики, изыскив[illegible] объяснения внеэкономического характер[illegible] влияние социального устройства, уров[illegible] культуры и целого ряда причин случайно[illegible] порядка. Но задача, пишет Р. Дзангери, с[illegible] стоит не в том, чтобы выйти за рамки эк[illegible] номики, а в том, чтобы понять ее. Разумее[illegible] ся, подчеркивает при этом автор, нельзя о[illegible] рицать значения исторических условий эк[illegible] номического развития. Лишь в этом случ[illegible] можно будет отыскать связи экономики[illegible] окружающей действительностью. К сожал[illegible] нию, дебаты по этому поводу не получи[illegible] должного развития в Стокгольме.

Коррадо Виванти, автор изданной [illegible] 1959 г. в Милане интересной работы «Дер[illegible] ня провинции Мантуя в эпоху реформ», да[illegible] краткий обзор основных направлений раб[illegible] ты секции новой истории. Он указывает, [illegible] дискуссия в этой секции началась с об[illegible] ждения проблем образования государства[illegible] его структуры в XVI—XVII вв., выдви[illegible] тых в докладе недавно скончавшего[illegible] испанского историка Х. Висенса Вивеса. [illegible] мнению К. Виванти, концепция Вивеса, [illegible] торый находился в последние годы под [illegible] которым влиянием марксизма, что спосо[illegible] ствовало концентрации его внимания [illegible]

номической и социальной истории, близ-к «неоматериалистическим» тенденциям, учившим распространение главным обра-во французской школе «Annales». В за-шение своего доклада, отмечает К. Ви-ти, Вивес сформулировал некоторые ра-ие гипотезы, направленные к тому, что-побудить историков к изучению отноше-между буржуазией и централизованной архией, а также других связанных с м проблем.

ак указывает далее автор, в известной е аналогичные вопросы были затронуты докладе чешских ученых А. Клима и Мацурека, посвященном переходу стран нтральной Европы от феодализма к ка-ализму в XVI—XVIII веках. Докладчи-отметили важную роль торгового капи-а в распространении мануфактуры. Поль-й историк Витольд Кула добавил к этому оды из своего исследования о распро-анении и роли мануфактурного производ-а в Польше.

К. Виванти отмечает, что наиболее глубо-разработанной на секции новой истории ой явилась проблема Прибалтийских ан в XV—XVII веках. Автор упоминает вязи с этим о выводах польского истори-М. Маловиста, не присутствовавшего на грессе, который указывает, что решаю-м элементом в капиталистическом накоп-нии фламандской буржуазии были именно экономические связи с Прибалтийскими анами.

Вся совокупность этой проблематики, тя и за более короткий период, как отме-ет К. Виванти, была освещена в докла-Б. Ф. Поршнева о политических взаимо-ношениях между Западной и Восточной ропой во время Тридцатилетней войны. мая большая заслуга советского ученого, зорится в статье К. Виванти, состоит в м, что он показал сложные дипломатиче-ие отношения, существовавшие в тот пе-од между различными странами, интере-которых определялись многими полити-ескими, экономическими, культурными и лигиозными факторами. К. Виванти отме-ет далее, что для западноевропейских торикоь, которые привыкли рассматривать зропу того времени с традиционной точки ения и потому относят события, разве-ывавшиеся за границами привычного для их понятия Европы, на задний план, пред-авляется несколько необычной та поста-вка проблемы, которую предлагает Ф. Поршнев и при которой на передний лан выдвигается политическая деятель-ность Московского государства. Но К. Виванти полагает, что такая постановка вопроса может оказаться плодотворной для исследователей. Автор считает, что наиболее глубокое и сильное впечатление производят те места доклада Б. Ф. Поршнева, которые посвящены анализу сложного сплетения шведско-русских взаимоотношений в ходе Тридцатилетней войны.

Доклад итальянского историка Франко Вентури вызвал, указывает К. Виванти, оживленные дебаты, в ходе которых почти совсем исчезла нудная полемика общего характера, слишком часто обременявшая работу конгресса. Этот доклад перенес дискуссию в область идеологических движений XVIII века. Стремясь показать связь между просветительской идеологией и политическими, социальными и экономическими силами, развивавшимися в тот период в широких рамках европейской цивилизации, пишет К. Виванти, Ф. Вентури поставил перед собой задачу рассмотреть позиции тех разнообразных групп интеллигенции, которые, по его мнению, были способны возглавить новые силы общества ряда стран уже с конца XVII века. Взгляды этих групп нашли в дальнейшем свое законченное выражение во французском просветительстве. К. Виванти отмечает, что в ходе дискуссии вызвало сомнение положение Ф. Вентури об автономной роли этих интеллигентских групп, которые были названы докладчиком «подлинным новым классом в Европе XVIII века». Автор выражает надежду, что вопрос о связи между этими группами просветительской интеллигенции и развитием и усилением буржуазии будет в дальнейшем подвергнут более тщательному изучению.

Статья итальянского историка Эрнесто Раджоньери посвящена обзору работ конгресса по новейшей истории. Э. Раджоньери, как и Г. Манакорда, высказывает сожаление по поводу того, что на конгрессе было уделено так мало внимания стоящей ныне в центре мировой истории проблематике освобождения колониальных стран. Автор отмечает как новое и положительное явление для международных конгрессов исторических наук тот факт, что специальное заседание секции новейшей истории было посвящено проблеме социалистического движения в период первой мировой войны. Естествен, однако, вопрос: какие соображения идеологической дипломатии и какое соотношение национального представительства побудили организационный комитет конгресса избрать в качестве центрального выступ-

ления доклад «Германская социал-демократия и первая мировая война» западногерманского профессора А. Хаага, известного своими трудами по истории либерального католицизма? Доклад А. Хаага, отмечает Э. Раджоньери, представляет собой библиографический обзор. В большинстве рассмотренных в нем работ западногерманских историков повторяются избитые доводы, имеющие целью попытаться оправдать капитуляцию социал-демократического руководства перед империалистическими кругами, голосование за военные кредиты. Против положений доклада А. Хаага выступили ученые Советского Союза, Германской Демократической Республики и других социалистических стран.

В противоположность результатам работы секции новейшей истории большим успехом увенчались, по мнению автора, «специальные собеседования», состоявшиеся перед конгрессом. Э. Раджоньери особенно отмечает плодотворную работу созданной на Римском конгрессе международной комиссии по истории социальных движений и социальных структур, председателем которой является Лабрусс.

Ю. П. Лисовский

Монополистический капитал в послевоенной Финляндии

«Kommunisti». Helsinki. 1960, № 1, S. 16—36.

Теоретический орган Коммунистической партии Финляндии журнал «Kommunisti» регулярно печатает статьи по вопросам новейшей истории страны, увязывая эти вопросы с актуальными задачами финляндского рабочего движения. В 1960 г. журнал уделил особое внимание социально-экономическому развитию Финляндии. При этом авторы-марксисты сосредоточили свои главные усилия на выявлении особенностей монополистического капитализма в стране. Это тем более необходимо, что финские буржуазные историки, экономисты и публицисты всячески стремятся затушевать факт господства финансового капитала, власти крупных монополий в Финляндии, в частности в послевоенный период.

Ю. Энне, опираясь на официальные статистические данные, законодательные акты, парламентские материалы и прессу, убедительно показывает в своей статье, что концентрация производства, капитала и имущества в Финляндии достигла гораздо бо высокого уровня, чем во многих других к питалистических странах. 0,3% акционе ных обществ страны владели в 1957 г. 55 всех акционерных капиталов, а 7% насел ния (в 1955 г.) — всей частной собстве ностью, облагаемой налогом на имуществ Круг правящей финансовой верхушки н столько узок, что в Финляндии приня говорить о господстве не 200 семейств, к во Франции, а лишь 20! Высокому уров концентрации способствовало односторо нее развитие промышленности, связанн с использованием наиболее обильного легкодоступного источника сырья — лес Главная отрасль народного хозяйства стр ны — деревообрабатывающая промышле ность — оказалась почти полностью мон полизированной.

Интересную часть статьи Ю. Энне соста ляет анализ экономической политики посл военных кабинетов. Процесс подчинен буржуазного государства монополиям бы приостановлен в период 1944—1948 гг., к гда в правительстве видную роль игра коммунисты и возглавляемый ими «Дем кратический союз народа Финляндии». П сле 1948 г., как показывает автор, в основные хозяйственно-политические мер приятия финских кабинетов служили дел обеспечения максимальных прибылей мон полиям. Об этом свидетельствовали прежд всего экономические программы перво социал-демократического кабинета Фаге хольма (1948—1950), первых кабинетов «Аграрного союза» (1950—1953), так наз ваемая «Основная программа хозяйстве ной политики» (1954), «программа консол дации» второго кабинета Фагерхольм (1957), которую затем выполняло смени шее его правительство «Аграрного союза Ю. Энне прослеживает также, как отраж лись интересы финансового капитала в з конодательных актах финского сейма и налоговой политике правительства на пр тяжении 50-х годов. Автор подчеркивае взаимосвязанность руководящего персон ла монополий и государственного аппарат вплоть до прямого вхождения представит лей монополистического капитала в прави тельство.

Наглядным проявлением роста госуда ственно-монополистического капитализм в послевоенные годы явилось участие фи ляндского государства в хозяйственной де тельности, будь то в качестве собственник национализированных предприятий, вл дельца акций, заимодавца отечественны

нополий или гаранта иностранных зай-в, шедших в распоряжение тех же моно-лий. Государственный аппарат стремится еспечить распределение национального хода в интересах монополий и защитить от натиска трудящихся, ведущих борьбу улучшение условий и повышение оплаты уда. Чисто монополистический и государ-венно-монополистический капитал образо-ли, по мнению автора, общий фронт про-а немонополизированных капиталистиче-их предприятий.

В заключение Ю. Энне показывает отно-ение различных общественных классов со-еменной Финляндии к общедемократиче-ой борьбе против господства крупных мо-полий.

А. С. Кан

Рабочее и коммунистическое движение в Бразилии

evista Brasiliense». São Paulo. Setemb-Outubro de 1959, № 25, pág. 146—166; ovembro-Dezembro de 1959, № 26, g, 178—197; Março-Abril de 1960, № 28, pág. 122—142.

Бразильский прогрессивный журнал evista Brasiliense» в ряде номеров за 59—1960 гг. опубликовал обзорную атью известного специалиста по истории бочего класса Бразилии Эрминио Линя-еса, в которой освещается развитие про-тарского движения и деятельность Ком-унистической партии Бразилии с 1917 г. настоящее время. Работа Э. Линяреса едставляет исключительный интерес, так к является первой попыткой бразильских сториков-марксистов дать обобщающее из-ожение истории рабочего и коммунистиче-кого движения в Бразилии на протяжении оследних сорока с лишним лет.

В начале статьи автор анализирует пе-иод 1917—1922 гг., когда под непосред-твенным влиянием Великой Октябрьской оциалистической революции резко обостри-ась в Бразилии классовая борьба, акти-изировалось пролетарское движение и дви-кение солидарности с молодой Советской еспубликой, охватившее широкие слои разильского народа. В ряде городов стра-ы, пишет Э. Линярес, передовые рабочие революционно настроенные интеллигенты рганизовали первые коммунистические руппы и организации — Коммунистическая ига освобождения, группа «Спартакус», Центр максималистов и др. В феврале 921 г. в Рио-де-Жанейро был создан Ком-мунистический союз, поставивший своей «главной задачей борьбу за организацию Коммунистической партии в соответствии с 21 условием Коминтерна».

25—27 марта 1922 г. в Рио-де-Жанейро состоялся первый, учредительный съезд Коммунистической партии Бразилии. Спустя три месяца в связи с восстанием солдат и офицеров форта Копакабана (5 июля 1922 г.) в стране было введено «осадное положение», и КПБ была вынуждена уйти в подполье. В то время партия бразильского пролетариата была еще очень слабой и неопытной, в нее входило не более 500 человек. Но, несмотря на террор и преследования, она вела героическую борьбу за интересы рабочего класса, трудового народа Бразилии, против империалистического гнета и произвола помещиков и буржуазии.

В 1925 г. была основана Федерация коммунистической молодежи Бразилии. В борьбе коммунистов и прогрессивных профсоюзов за единство рабочего движения против раскольнической деятельности анархо-синдикалистов важную роль сыграли созданный в начале 1927 г. Рабоче-крестьянский блок, развернувший политическую пропаганду и завоевавший на выборах в столичный муниципалитет два места, и Всеобщая конфедерация труда Бразилии, возглавившая с 1929 г. профсоюзное движение в стране.

Значительный интерес представляет раздел, в котором рассказывается о борьбе созданного в марте 1935 г. Национально-освободительного альянса — широкого демократического, антиимпериалистического и антифашистского фронта прогрессивных сил Бразилии во главе с компартией. Альянс, справедливо отмечает Э. Линярес, впервые в истории революционного и национально-освободительного движения в Бразилии выдвинул развернутую программу борьбы за проведение антиимпериалистической, антифеодальной, подлинно демократической революции, программу борьбы против угрозы фашизма и войны, за демократию и национальную независимость.

Декрет о запрещении альянса (12 июля 1935 г.) вызвал взрыв негодования народных масс. В конце ноября 1935 г. в ряде городов вспыхнули народные вооруженные восстания против диктатуры Ж. Варгаса. Хотя эти восстания были подавлены, они оставили неизгладимый след в истории революционного движения бразильского народа. Автор оценивает ноябрьские вооруженные бои как «коммунистическую револю-

цию». На наш взгляд, их вернее было бы квалифицировать как народно-демократические восстания, направленные против диктатуры Варгаса и реакционных сил, за создание подлинно народного революционного правительства. Вряд ли было бы правильно называть, как это делает Э. Линярес, революционно-демократическое правительство, созданное в ходе восстания в г. Натале (штат Рио-Гранде-де-Норте), «первым коммунистическим правительством». Программу этого правительства нельзя считать в полном смысле социалистической или коммунистической, она защищала демократические требования широкой антиимпериалистической и антифеодальной революции и не была направлена вообще против капитализма и эксплуатации человека человеком. Э. Линярес правильно считает, что террор, наступивший после поражения ноябрьских восстаний 1935 г., означал «начало фашизма в Бразилии», однако он не дает глубокого анализа классовой борьбы в стране накэнуне второй мировой войны. Основательнее освещен им период войны и первые послевоенные годы.

В ходе развития массового революционного движения, окрепшего в 1945—1947 гг., когда КПБ действовала легально, прогрессивные силы Бразилии создали в 1950 г. Демократический фронт национального освобождения. Программа этого фронта предусматривала «глубокие демократические перемены» и образование народно-демократического правительства. Статья Э. Линяреса содержит интересный материал о тактике коммунистов и их деятельности в 50-х годах, о движении сторонников мира. Специальный раздел посвящен IV съезду КПБ, состоявшемуся в ноябре 1954 года. В заключение Э. Линярес остановился на слабых и сильных сторонах рабочего движения и деятельности компартии.

Статья Э. Линяреса воссоздает яркую картину борьбы бразильского рабочего класса и его партии на протяжении всего периода после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Б. И. Коваль

Фальшивая версия

«Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». Stuttgart. 1960, № 3, S. 236—256.

Мюнхенский институт современной истории настойчиво пропагандирует в своих изданиях версию, будто главной силой антифашистского движения в Германии были выходцы из имущих классов, из офицерского корпуса, будто деятели буржуазной оппозиции являлись принципиальными противниками гитлеризма. Образчиком подобной фальсификации может служить статья В. Штуббе «Памяти Альбрехта Гаусгофера», опубликованная в журнале, издаваемом Мюнхенским институтом. Автор статьи, сотрудник боннского министерства иностранных дел, был учеником А. Гаусгофера, пользовавшегося у гитлеровских главарей большим доверием и выполнявшего их важные секретные задания, но впоследствии принявшего участие в заговоре 20 июля 1944 г. и казненного.

В. Штуббе пытается уверить читателя, что уже в первые годы фашистской диктатуры среди высшего чиновничества якобы существовала группа лиц, желавших краха гитлеровского режима. В октябре 1934 г. Гаусгофер в разговоре с В. Штуббе сообщил ему, что противниками Гитлера будто бы являются министр финансов Пруссии Попиц и генерал Бек, в то время занимавший пост начальника генерального штаба. Нет сомнений, что это вымысел, рассчитанный на неосведомленного читателя. Никакой оппозиции в верхах в те годы не было. Попиц, рьяный сторонник фашистского режима, оставался министром и во время войны. Бек в течение ряда лет руководил созданием и вооружением вермахта; выйдя в конце 1938 г. в отставку (он считал Германию неподготовленной к «большой войне»), Бек не помышлял ни о каком «сопротивлении» гитлеризму до тех пор, пока Германия не начала терпеть поражения на советско-германском фронте.

Что касается самого Гаусгофера, то он усердно выполнял весьма щекотливые поручения заправил «Третьей империи». Этот вывод можно сделать и из статьи Штуббе, в которой подробно рассказано об участии Гаусгофера в попытках гитлеровцев достичь в 1940—1941 гг., после того, как они приступили к подготовке нападения на Советский Союз, соглашения с Англией. Попытки эти связаны с именем Рудольфа Гесса, который покровительствовал Гаусгоферу.

Описывая действия последнего, предпринимавшиеся с ведома и по указанию гитлеровской верхушки, Штуббе неоднократно утверждает, что Гаусгофер якобы вел «рискованную двойную игру», что он руководствовался стремлением установить связи между противниками гитлеризма и английским правительством. Никаких доказа-

тельств этого в статье, однако, не приводится.

В начале сентября 1940 г. Гесс вызвал Гаусгофера, хорошо знакомого со многими представителями английской правящей верхушки, для беседы о путях восстановления контактов с этими кругами. Из меморандума, составленного Гаусгофером после беседы, видно, что он скептически рассматривал возможности переговоров с Англией; тем не менее он рекомендовал ряд лиц, с которыми был ранее тесно связан и которые наверняка откликнулись бы на инициативу Германии. Среди этих лиц такие известные мюнхенцы, как Хор и Лотиан, являвшиеся в то время послами в Мадриде и Вашингтоне. Гаусгофер назвал Гессу также лорда Гамильтона, наиболее близкого ему в Англии человека; именно Гамильтону и было решено адресовать письмо, которое Гаусгофер направил в Англию через Лисабон и которое должно было положить начало секретным переговорам между Англией и Германией на основе взаимной заинтересованности в борьбе против Советского Союза. Он рассчитывал, пишет автор статьи, на влияние группы Чемберлена и Галифакса; несколько ранее (в секретном меморандуме на имя Риббентропа, цитируемом в статье) Гаусгофер характеризовал их как убежденных сторонников такого соглашения с Германией и Италией, которое предусматривало бы «ликвидацию влияния СССР в Европе».

Приводимые в статье факты имеют прямое касательство к предыстории полета Гесса в Англию, предпринятого незадолго до гитлеровской агрессии против СССР. В апреле 1941 г. Гаусгофер получил задание встретиться в Швейцарии с Буркгардтом, бывшим верховным комиссаром Лиги наций в Данциге, поддерживавшим постоянные связи с английскими эмиссарами. В своем отчете, представленном Гитлеру, Гаусгофер сообщал, что Буркгардт не отрицал возможности англо-германского соглашения, которое включало бы признание преобладающего влияния Германии в Юго-Восточной Европе и возвращение Германии ее африканских колоний. Отчет Гаусгофера, без сомнения, достаточно верно передает расчеты английских мюнхенцев, которые вынуждены были в то время отойти в тень, но оказывали тем не менее определенное влияние на политику Англии. Имелись, однако, чрезвычайно важные факторы, не позволявшие английским правящим кругам пойти на сговор с гитлеровцами. Это наглядно продемонстрировала неудача полета Гесса (направившегося, между прочим, именно к тому лорду Гамильтону, о положении и связях которого Гесс узнал от Гаусгофера).

Статья помимо воли автора показывает подлинное политическое лицо одного из деятелей гитлеровской Германии, усиленно рекламируемых ныне в ФРГ в качестве «противников гитлеризма». Во взглядах, в планах Гаусгофера, по существу, не было ничего, что отличалось бы от целей и расчетов фашистских главарей.

Л. И. Георгиев

Этические проблемы города и деревни

«Revista de Dialectologia y Tradiciones Populares». Madrid. 1959, pp. 381—400.

Существует ли резкая граница между этическими традициями города и деревни? Этой основной проблеме посвящена статья крупного современного испанского буржуазного этнографа Хулио Каро Бароха, автора сводного труда «Народы Испании», ряда монографий о басках и других народах Северной Испании, исследователя южных средиземноморских городов Пиренейского полуострова.

По существу, это отклик на дискуссию, развернувшуюся в августе 1959 г. в Австрии на этнографическом симпозиуме, посвященном вопросам взаимного влияния населения города и деревни в Средиземноморье.

К сожалению, из обширного круга проблем, связанных с темой, автор остановился только на одной, и довольно узкой: на морально-этических традициях города и деревни. Автор не согласен со взглядами тех участников симпозиума, которые исходят, по его словам, из постулата противоположности моральных норм сельского и городского населения. Его не удовлетворяют ни позиция так называемых «рустикистов», ни взгляды «урбанистов». Первые утверждают, что деревня — извечная хранительница традиций добродетели, честности, умеренности и трудолюбия, в то время как город — столь же извечный традиционный носитель пороков: коррупции, лености, разрушения семьи, безбожия и аморальности. Напротив, «урбанисты» склонны считать деревню рассадником невежества, отсталости и морального убожества.

Уже сам по себе предмет спора на симпо-

зиуме вызывает недоумение Каро Бароха. Утверждения спорящих, пишет он, никак нельзя назвать научными, хотя они находят себе место на страницах трудов современных этнографов и даже становятся предметом научных дискуссий. Острие своей критики испанский ученый направляет против «рустикистов», составляющих большинство.

Хотя Каро Бароха делает обобщения, касающиеся всего Средиземноморского бассейна, отправная точка его исследований — хорошо изученные им поселения юга Испании и Португалии и в гораздо меньшей степени Италии. Автор прослеживает корни традиционного мнения о городе как о носителе социальных пороков, опираясь на тексты греческих и римских авторов, испанские источники XV—XIX веков. Еще Аристофан, Варрон, Цезарь, Гораций, Тацит и др., пишет он, противопоставляли трудолюбивых, храбрых сельских жителей изнеженным, хитрым, ленивым горожанам.

Критическое отношение к моральным ценностям города в древней и средневековой литературе Каро Бароха односторонне объясняет позицией авторов, недовольных постоянными волнениями и революциями «плебса» в городах Средиземноморья. Он не учитывает при этом, что очень часто критика общественных пороков города была направлена именно против рабовладельческой и феодальной аристократии, резиденции которой находились в городах (например, изображение Тацитом Рима времен упадка империи).

Протестуя против формального противопоставления города и деревни как изолированных величин, испанский этнограф не видит, однако, того, что их тесная связь была вызвана именно резким разграничением производственных функций трудящегося населения, что период создания городов положил начало хозяйственной противоположности города и деревни, ничуть не исключавшей их взаимозависимости.

Во второй половине статьи Каро Бароха рассматривает проблему в другом аспекте. Так ли уж реальны сельские добродетели, воспеваемые Варроном, Горацием и следующими за ними поколениями писателей? Существовала ли в действительности на средиземноморских берегах рядом с городами идиллическая, безыскусственная деревня?

Положение деревни в средние века определялось замкнутостью хозяйства и безраздельным господством аристократических семейств, особенно произвольным и безнравственным именно в тех глухих, горных, изолированных местностях, где, по мнению «рустикистов», сохранялись в чистоте и нетронутости древние сельские добродетели. И если уж говорить о традициях сельского населения, пишет автор, то в первую очередь нужно вспомнить те, которые близки традициям городского плебса,— крестьянские восстания в Средиземноморье, ставшие известными на весь мир, протест голодающих, пришедших в Андалузию с возгласом: «Да здравствует король и долой плохое правительство!» (при Филиппе IV) и т. п.

Несмотря на ограниченность темы морально-этической стороной взаимного влияния города и деревни, статья испанского этнографа представляет большой интерес, привлекая внимание к одной из важных проблем этнографии. Она интересна и введением редко используемого в этнографии испанского материала. Примечательны исторический подход автора к теме и его внимание к экономическому фактору как определяющему характер городского и деревенского общества. В статье вскрывается беспомощность поверхностных, не связанных с конкретно-историческим анализом обобщений о морально-этических традициях города и деревни. Но сам автор впадает в ту же ошибку, что и его противники, рассматривая городское и сельское общество вообще, вне качественного различия одной экономической формации от другой, вне классового анализа этого общества.

Н. Н. Садомская

Буржуазный историк о народном восстании в Сомали

«History Today». London. August 1960, vol. X, № 8, pp. 523—534.

Статья видного английского специалиста по истории и этнографии Сомали Л. Силбермана посвящена одной из самых ярких страниц в истории сомалийского народа — восстанию против английских и итальянских колонизаторов в 1899—1920 годах. Восстание вспыхнуло вскоре после захвата Сомали европейскими колонизаторами и приняло массовый характер, охватив все слои сомалийского общества. Освободительную борьбу возглавил мужественный мулла Мухаммед бин Абдалла.

Освободительное движение, оставившее неизгладимый след в истории Сомали, еще

не получило должного освещения в исторической литературе. Подавляющее большинство буржуазных исследователей истории Африки в своих трудах даже не упоминает об этом восстании, которое по своему значению может быть поставлено в один ряд с крупнейшими освободительными движениями народов Африки. О восстании писали главным образом те, кто участвовал в его подавлении, и другие современники событий. Под пером этих авторов, непосредственно связанных с империалистической английской и итальянской верхушкой, повествование об антиколониальном движении в Сомали неизменно приобретало характер публицистического памфлета в защиту колониализма. В советской литературе в последнее время появился ряд работ, в которых дается трактовка движения Мухаммеда бин Абдаллы [1].

Силберман не объясняет истинных причин восстания в Сомали, предпочитая умалчивать о том, что взрыв народно-освободительной борьбы явился ответной реакцией сомалийского народа на завоевание страны европейскими империалистами. Более того, автор уверяет читателя в «законности» прав Англии и Италии на обладание Сомалийским полуостровом. Зато в восстании сомалийцев он видит посягательство на «законные права» колониальных держав в Африке.

Вместе с тем статья Силбермана представляет определенный интерес, так как она вводит в научный оборот ряд неизвестных или малоизвестных ранее фактов. Автор сообщает, например, о существовании тесных союзнических отношений между вождем сомалийских повстанцев и императором Эфиопии Лидж Ясу. В результате состоявшихся между ними переговоров о совместном военном выступлении против англичан были предприняты практические действия: сомалийцы и эфиопы сообща совершили рейды против «дружественных» колонизаторам племен в Арусси и Белет Уэн. В заключении такого союза проявились не только дипломатическое искусство и политическая дальновидность Мухаммеда бин Абдаллы, понимавшего, что собственных сил сомалийского народа недостаточно для нанесения сокрушительного удара по британскому господству в Сомали, но и отсутствие у руководителя сомалийских повстанцев религиозных или национальных предрассудков, часто мешавших объединению мусульман-сомалийцев и христиан-эфиопов в общей борьбе против колонизаторов.

Силберман не отмечает превалирующего значения политических и социальных лозунгов восстания над его религиозной идеологией. Между тем, будучи по идеологической форме религиозным махдистским движением, восстание с самого начала носило национально-освободительный характер; его религиозная форма наполнялась определенным социально-политическим содержанием. По свидетельству современников, повстанцы называли «неверными» не только европейцев, но и помогавших им сомалийцев, что придавало данному термину не столько религиозное, сколько социально-политическое значение.

Автор указывает, что Мухаммед бин Абдалла заботился о единстве всех сомалийских племен в борьбе против англичан и итальянцев и стремился к ломке родоплеменных связей и традиций, что нашло выражение, в частности, в организации им военных сил не по племенному принципу, а по принципу их боевого назначения. Однако, правильно отмечая его стремление сплотить сомалийские племена и пробудить в сомалийцах чувство национальной общности, Силберман приходит к неверному выводу, что «хотя система дервишей была отрицанием трайболизма, они образовали, в сущности, новое племя с определенным местонахождением». В этом утверждении проявилось стремление автора принизить значение восстания Мухаммеда бин Абдаллы, свести его, в сущности, к разряду обычной межплеменной войны, никак не связанной с характером империалистического господства Англии и Италии в Сомали. С этой точки зрения, нет ничего «неожиданного» в том, что Силберман, как и другие буржуазные историки, игнорирует факт зарождения самостоятельного сомалийского государства в период восстания. Между тем одна из исторических заслуг Мухаммеда бин Абдаллы состоит именно в том, что он был первым сомалийцем, который не только выдвинул, но и попытался практически осуществить идею сомалийской государственности. Предпринятая дервишами попытка создать централизованное государство явилась полити-

---

[1] См. М. В. Райт. Сомалийцы. «Советская этнография», 1959, № 1, стр. 85; ее же. Тайна Африканского Рога. «Новое время», 1959, № 9, стр. 14; А. М. Хазанов. Антиколониальное движение в Сомали под предводительством Мухаммеда бин Абдаллы. «Проблемы востоковедения», 1960, № 2, стр. 113—122.

ческим выражением стремления стоявшей у руководства движением эксплуататорской верхушки кочевых племен закрепить завоеванные ею позиции.

Силберман отмечает, что Мухаммед бин Абдалла старался походить на Махди-Мухаммед-Ахмеда, вождя национально-освободительного восстания в Восточном Судане в 1881—1898 годах. Но автор не прослеживает связей между восстанием сомалийцев под руководством Мухаммеда бин Абдаллы и восстанием махдистов в Судане. Между тем изучение источников дает возможность найти хотя и малоуловимые, но все же несомненно существовавшие нити, связывавшие суданское и сомалийское восстания. По своей идеологии и по организационным формам освободительное движение в Сомали чрезвычайно напоминало махдистское движение в Судане. Административная, военная и судебная системы, созданные в ходе сомалийского восстания, были построены на принципах, действовавших в свое время в махдистском государстве в Судане. Государство, созданное Мухаммедом бин Абдаллой, представлявшее собой военно-политический союз племен, не получило столь четкого развития и не достигло столь зрелых форм, как его исторический прототип — государство Махди. Феодальные отношения сочетались у сомалийцев с сильными пережитками родоплеменной организации и рабовладельческого уклада. Повстанцы сумели подорвать колониальный режим и освободиться от империалистического гнета, но они не смогли создать какие-либо новые социально-экономические институты. Ф. Энгельс, говоря о характерных чертах махдистских движений, подчеркивал, что хотя они возникают по экономическим причинам, но, «даже одержав победу, они оставляют неприкосновенными прежние экономические условия. Таким образом, все остается по-старому, и столкновения становятся периодическими» [2].

А. М. Хазанов

Фальсификация истории колониального проникновения Англии в Индию

«Journal of the Economist and Social History of the Orient». Leiden. 1960, vol. III, pt. 1, pp. 78—106; pt. 2, pp. 175—196.

История колониального господства Англии в Индии является одной из центральных тем, привлекающих и по сей день внимание ученых. В настоящее время, в период небывалого подъема борьбы с отжившим свой век колониализмом, особенно важно на конкретном историческом материале разоблачать формы и методы колониальной экспансии европейских стран в Индию (прежде всего Англии), которая привела к разрушению национальной экономики Индии, к превращению этой страны высокой материальной и духовной культуры в колонию английского империализма, в одно из отсталых государств мира. Эту задачу необходимо разрешить также и в связи с продолжающимися попытками буржуазной историографии исказить подлинную историческую картину колониального грабежа Англией Индии.

В этом отношении привлекает внимание статья американского историка Уолтера Фишела, посвященная первым шагам деятельности английской Ост-Индской компании в Индии, в частности проблеме использования этой компанией торговцев-евреев в Мадрасе и Голконде в XVII—XVIII веках.

У. Фишел объясняет узость выбранной им темы, ссылаясь на то, что экономическая, политическая и военная деятельность английской Ост-Индской компании в этот период в Индии якобы уже достаточно изучена. На самом деле исследование фактической истории проникновения английской Ост-Индской компании в Индию, раскрытие действительного облика английских экспансионистов в этот период еще только начаты. Работы же, принадлежащие перу буржуазных историков, дают, как правило, искаженную картину этого вопроса.

У. Фишел в своей статье приводит ряд интересных фактов, характеризующих деятельность еврейской торговой общины в Мадрасе и Голконде. Документы, привлекаемые автором, свидетельствуют о том, что еврейские купцы, главным образом португальского происхождения, приезжавшие из Англии в Индию и начинавшие торговлю как нарушители торговой монополии английской компании, затем использовались этой компанией уже в интересах укрепления экономического и политического положения английского капитала в Индии.

Однако американский историк умалчивает о важнейших моментах деятельности английской Ост-Индской компании в Индии в рассматриваемое время, имеющих непосредственное отношение к теме статьи. Прежде всего автор игнорирует вопрос о жестокой конкурентной борьбе, которую вела англий-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 410.

ская компания с местными индийскими и другими азиатскими купцами в этот период. Англия, как и Голландия и другие европейские страны, опираясь на военное могущество своего флота, заняла господствующее положение во внешней морской торговле Индии, по существу, почти лишив ее возможности развивать собственные экономические связи с другими государствами Азии и Африки. Это нанесло серьезный удар экономическому развитию Индии и явилось первым шагом к колониальному порабощению страны.

Фишел лишь вскользь говорит об острых противоречиях, перешедших в 80-х годах XVII в. в открытую вооруженную борьбу между англичанами, стремившимися расширить свое влияние в Индии, и властями империи Великого Могола, видевшими в усилении экономического и политического могущества английской Ост-Индской компании угрозу своему государству.

Наконец, рассматривая вопросы торговых взаимоотношений Ост-Индской компании и еврейских купцов в Мадрасе в XVII—XVIII вв., автор обходит молчанием конкретные формы торговли европейских купцов в Индии в тот период, методы грабежа ими индийских крестьян, ремесленников и торговцев, что способствовало бы раскрытию истинного лица этих европейских «цивилизаторов».

Таким образом, рассматриваемая статья, несмотря на ряд новых фактических данных, содержащихся в ней, является весьма характерной попыткой буржуазного ученого уйти от действительного показа первых шагов колониального проникновения Англии в Индию.

А. И. Чичеров

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Арунова М. Р. и Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30-40 гг. XVIII в. М. 1958. 284 стр. Рец.: Scaccia G.— In: «Istituto universitario orientale. Annali». Nuova ser. Vol. 8. Napoli. 1958, pp. 218—224.

Беленький А. Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867 гг.). М. 1959. 157 стр. Рец.: V. A.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960. № 4, p. 351.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX в. М. 1958. 192 стр. Рец.: Hegyi J.— «Acta ethnografica». Budapest. 1960. № 3—4, 438—442 old.

Беляев Е. А. Мусульманское сектантство. (Ист. очерки). М. 1957. 100 стр. Рец.: Scarcia G.— In: «Istituto universitario orientale. Annali». Nuova ser. Vol. 8. Napoli. 1958, pp. 213—216.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М. 1958. 645 стр. Рец.: Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1960, № 2, s. 420.

Брайчевський М. Ю. Римська монета на території України. Київ. 1959. 244 стр. Рец.: Z. N. J.— «Československý časopis hist.» Praha. 1960. № 5, s. 762—763.

«Вопросы формирования русской народности и нации». Сб. ст. М.-Л. 1958. 388 стр. Рец.: Kudláček J.— «Hist. časopis». Bratislava. 1960. № 1, s. 159—162.

«Всемирная история». В 10 т. Т. 2. Пер. на чеш. яз.: Praha. 1959. 907 s. Рец.: Kudláček J.— «Hist. časopis». Bratislava. 1960, № 4, s. 642—648.

Горошкова Г. Н. Движение Немецкого народного конгресса за единство Германии и мирный договор (1947—1949). М. 1959, 270 стр. Рец.: A. Š. — «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 5, s. 784.

Еременко А. И. Против фальсификации истории второй мировой войны. М. 1958. 119 стр. Рец.: J. D.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 5, s. 782.

«Из истории революционного движения народов Чехословакии». Сб. ст. М. 1959. 387 стр. Рец.: J. K. 1. — «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 5, s. 778.

«Из истории формирования и развития марксизма». М. 1959. 391 стр. Рец.: Morawiec K. Marksologiczna praca radziecka. «Studia filozoficzne». Warszawa. 1960. № 5, s. 170—171.

Исраэлян В. Л. Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. 1959. 367 стр. Рец.: Boratýnski St.— «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1960. № 9, s. 119—127.

---

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение января 1961 года.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза». Т. 1. М. 1960. XL, 535 стр. Рец.: 1. Nagy L.— «Pátörténeti közlemények». Budapest. 1960. № 4, 217—221. old.; 2. Hass G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960. № 8, S. 1952—1959.

«История русского искусства». Т. 2. Пер. на нем. яз.: Dresden. 1958. 310 S. Рец.: Delvoye Ch. Historie de l'art russe. «Revue belge de philologie et d'histoire». Bruxelles. 1960. № 3, pp. 994—995.

Калениченко П. М. Польска прогресивна еміграція в СРСР в роки Другої світової війни. Київ. 1957. 211 стор. Рец.: Zbiniewicz F.— «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1960. № 3, s. 367—379.

Котовский Г. Г., Менагаришвили Н. В., Таксынбаева (Ибрагимова) С. И. Библиография Индии. Дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР, оригинальная и переводная. М. 1959. 219 стр. Рец.: Weldemann D.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960. № 8, S. 1963.

Кривогуз И. М., Стецкевич С. М. Очерки истории I и II Интернационалов. М. 1958. 215 стр. Рец.: Hübl M.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 5. s. 729—731.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Пер. на англ. яз.: London. 1960, 552 p. Рец.: Klugmann J.— «Marxism today». London. 1960. № 5, pp. 149—156.

Лебов М. Ф. Венгерская советская республика 1919 года. М. 1959. 274 стр. Рец.: M. Hü.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 5, s. 779.

«Литература о международном революционном движении. Великая Октябрьская социалистическая революция и подъем революционного движения в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии». Указатель книг и статей, вышедших в свет в 1951—1958 гг. М. 1959. 190 стр. Рец.: V. M.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960 № 6, s. 945.

Лихачев Д. С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М. 1959, 102 стр. Рец.: G. Cha.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 6, s. 932.

Майский И. М. Монголия накануне революции. 2-е, переработ. изд. М. 1959. 311 стр. Рец.: — «East and West». Rome. 1960. № 4, pp. 278—281.

Мельников Ю. М. США и гитлеровская Германия 1933—1939 гг. М. 1959. 352 стр. Рец.: R. K.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 5, s. 771.

Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М. 1960. 287 стр. Рец.: Quilitzsch S.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960. Hf. 8, S. 1921—1924.

Нихамин В. П. Очерки внешней политики Индии. 1947—1957. М. 1959. 228 стр. Рец.: — «Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1960. Hf. 9, S. 1069—1070.

«Новейшая история Индии». М. 1959. 757 стр. Рец.: K. D.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 5, s. 775—776.

Овинников Р. С. За кулисами политики «невмешательства». М. 1959. 326 стр. Рец.: R. K.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 5, s. 771.

Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л. 1950. 383 стр. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1958. VIII, 338 S. Рец.: Peremans W.— «Revue belge de philologie et d'histoire». Bruxelles. 1960. № 3, pp. 942—943.

«Палестинский сборник». М.-Л. Вып. 3. 1958, 227 стр. Вып. 4. 1959. 246 стр. Рец.: Canard M.— «Arabica». Leiden. 1960, № 5, pp. 215—222.

«Против фальсификаторов истории второй мировой войны». Сб. ст. М. 1959. 334 стр. Рец.: — «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1960. № 2, s. 415.

Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М. 1958. 623 стр. Рец.: Kárniková L. Nová prace o vzniku delnické třídy v Rusku. «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 6, s. 879—884.

«Славянский архив». Сб. ст. и материалов. М. 1959. 355 стр. Рец.: V I. N.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960. № 5, s. 755.

Теплицький В. П. Реформа 1861 року і аграрні відносини на Україні (60—90-ті роки XIX ст.). Київ. 1959. 305 стор. Рец.: I. P.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960. № 4, pp. 345—347.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. М. 1958. 615 стр. Рец.: Барјактаровић М. Р.— «Гласник Етнографског института». Београд. 1960. Т. 8 (1959), с. 147—149.

«У истоков русского книгопечатания». К 375-летию со дня смерти Ивана Федорова (1583—1958). М. 1959. 265 стр. Рец.: Лазаревић Н. «Библиотекар». Београд. 1959. №№ 3—4, с. 219—223.

Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М. 1959. 542 стр. Рец.: 1. Neubert H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin. 1960. № 8, S. 1968—1969; 2. V. Hr.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 6, s. 929—930.

Федоров А. В. Русская армия в 50—70 годах XIX века. Л. 1959. 291 стр. Рец.: — «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1960. № 2, s. 419—420.

Хвостов В. М., Некрич А. М. Как возникла вторая мировая война. М. 1959. 84 стр. Рец.: — «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1960. № 2, s. 418.

Черниловский З. М. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М. 1959. 128 стр. Рец.: Proházka Th. V.— «Právnik». Praha. 1960. № 10, s. 923—925.

Черниловский З. М. История феодального государства и права. М. 1959. 354 стр. Рец.: Malý K.— «Právnik». Praha. 1960, № 10, s. 925—927.

Шпирт А. Африка во второй мировой войне. М. 1959. 129 стр. Рец.: — «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1960. № 4, s. 443.

Хроника научной жизни

О РАБОТЕ ВЕНГЕРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Историческое общество в Венгрии было организовано в 1867 г. и долгое время объединяло небольшую группу историков-любителей. На протяжении почти восьми десятилетий господствовавшие группировки венгерских помещиков и капиталистов использовали Общество в своих классовых интересах.

После освобождения Венгрии Советской армией и установления в стране народно-демократического строя Историческое общество было реорганизовано. В нем объединились прогрессивные историки.

В настоящее время, помимо историков-специалистов, в Общество входят и другие интересующиеся историей лица. В составе Общества насчитывается более 400 человек.

Текущая организационная работа Общества ведется председателем, заместителями и секретарем, которые обычно являются представителями ведущих исторических учреждений Будапешта. Общество в основном выполняет роль координационного центра. Многие его члены работают в столичных научно-исследовательских учреждениях: Институте истории Венгерской Академии наук, Институте истории партии при ЦК ВСРП, Государственном архиве, высших учебных заведениях.

Местные отделения Исторического общества имеются почти во всех комитатах страны. По территориальному признаку они объединены в четыре группы: Южно-задунайскую — с центром в Пече, Северо-венгерскую — с центром в Эгере, Восточно-венгерскую — с центром в Дебрецене и Южно-алфельдскую — с центром в Сегеде. Местные отделения Общества проводят большую работу в области изучения истории Венгрии. В последние годы особенное внимание уделяется разработке проблем истории отдельных районов, городов, сел и промышленных предприятий в новое и новейшее время.

Так, члены Южно-задунайской группы изучают историю капиталистического развития Южно-задунайского края в 1900—1921 гг., промышленное развитие Печа с 1848 по 1900 г., историю акционерного общества Всевенгерских угольных копей, а также отдельных промышленных предприятий в этой местности: сахарного завода в Капошваре, Шайосентпетерского стекольного завода и ряда других.

Много внимания уделяется истории сельскохозяйственного развития Венгрии и крестьянских движений. Среди тем подобного рода можно отметить исследования о развитии капитализма в сельском хозяйстве комитата Хевеш в 1849—1914 гг., об аграрных проблемах комитата Шомодь в XIX—XX вв., о крестьянских движениях в Вихаршарку и комитате Толна. Ряд работ членов Общества посвящен истории отдельных поместий и положению сельскохозяйственных рабочих в различных районах страны.

История венгерского рабочего класса изучается в основном в Институте истории партии при ЦК ВСРП. Однако и члены Общества, основываясь на местном материале, вносят свой вклад в изучение этой важнейшей проблемы венгерской исторической науки. Местные историки исследуют историю рабочего движения в комитате Хевеш от времени его возникновения до установления в Венгрии народно-демократического строя, историю рабочего движения Бекешчабы до 1945 г., забастовочную борьбу строительных рабочих Печа с 1900 по 1917 г., а также ряд других важных вопросов, свя-

занных с развитием рабочего движения на местах.

Наряду с научно-исследовательской работой Историческое общество ведет также и большую пропагандистскую деятельность, систематически организовывает чтение лекций и докладов на исторические темы. Много внимания уделяется издательской работе: публикации монографических исследований, коллективных трудов, сборников документов, научно-популярной исторической литературы. Уже 95-й год Историческое общество издает журнал «Századok» («Века»), ставший ведущим историческим журналом в народной Венгрии.

Крупнейшим событием в работе венгерского Исторического общества явилась организованная им в 1960 г. в Шопроне Всевенгерская выездная историческая сессия, в которой приняло участие более 150 специалистов из различных районов страны.

Во время сессии состоялось специальное заседание преподавателей средних школ, в центре внимания которого была дискуссия о методах изучения традиций пролетарского движения на местах и использовании местных материалов для преподавания истории. Ораторы отмечали большой интерес учащихся к изучению истории, подчеркнув, что на Всевенгерский конкурс учащихся было представлено 1 100 работ на краеведческие темы.

В программу сессии входила также научная конференция, посвященная 100-летию со дня смерти Иштвана Сечени — буржуазно-помещичьего реформатора первой половины XIX века. В своих докладах венгерские историки Иштван Барта, Лорант Тилковски и Дьердь Сабад характеризовали его как пионера борьбы за буржуазные преобразования в Венгрии в первой половине XIX в., книги и деятельность которого при всей их классовой ограниченности имели для своего времени прогрессивное значение.

Сессия обсудила состояние исследований по истории венгерского города.

А. И. Пушкаш

Хроникальные заметки

◆ В Польской Народной Республике начато издание многотомного «Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса». Вышедший в свет первый том включает произведения, написанные основоположниками марксизма в 1839—1844 годах. Польское издание основано на втором советском издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и первом немецком издании собрания их произведений. Фотокопии и микрофильмы сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса предоставляют институты марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ЦК СЕПГ.

◆ В Польской Народной Республике посмертно вышла книга историка Юзефа Серадского «Польские годы Ленина». Книга основана на новейших архивных материалах и содержит подробное описание пребывания Владимира Ильича в Кракове, Белом Дунайце, Поронине, Закопане и Новом Тарге в 1912—1914 годах. Автор книги уделяет много места публицистической, литературной и научной деятельности великого вождя во время его пребывания в Польше.

◆ 13 октября 1960 г. состоялось открытие созданного при Университете имени К. Маркса в Лейпциге Института Африки. Институт будет изучать проблемы борьбы народов Африки за свою национальную независимость.

◆ В Познани (ПНР) состоялось общее собрание Западного института. С деятельностью института за 1960 г. и планом его работы на 1961 г. собравшихся познакомил директор института проф. Г. Лябуда. Он сообщил, что сектор истории гитлеровской оккупации проводил исследования фактов подрывной деятельности фашистов в Польше, преступлений гитлеровского вермахта в 1939 г., а также занимался проблемой так называемой «немецкой школы» для поляков в районах, входивших в состав Германии. В 1959 г. в институте был образован новый сектор по исследованию польской эмиграции, который приступил к изучению судьбы польских эмигрантов в Германии. Научная деятельность Западного института в 1961 г. значительно расширится после организации научно-исследовательских центров в Щецине и Зеленой Гуре. Институт планирует также провести совместную польско-чехословацкую конференцию, посвященную предыстории и истории второй мировой войны. Институт планирует расширить свою издательскую деятельность и контакты с учеными Советского Союза, Чехословакии, ГДР, Англии, Швеции, Франции и других стран.

◆ В Праге (ЧССР) состоялась международная конференция военных историков с

частием представителей ряда европейских социалистических стран. Участники конференции обсудили вопросы, касающиеся истории национально-освободительной борьбы чехов и словаков в годы второй мировой войны и освобождения Чехословакии Советской Армией.

◆ В министерстве иностранных дел ФРГ декабря 1960 г заседала международная комиссия историков США, Англии, Франции и ФРГ по изданию немецких дипломатических документов периода Веймарской республики. Издание этих документов должно являться продолжением уже опубликованного в ФРГ собрания немецких дипломатических актов за период 1871—1919 годов. После издания актов веймарского периода будет завершена публикация германских дипломатических документов за период 1871—1940 гг. В состав комиссии входят: Морис Бальмонт (Франция, Сорбонна), Л. Билок (Англия, Оксфорд), Т. Смит (США, Вашингтон) и Ганс Ротфельс (ФРГ).

◆ Швейцарские ученые опубликовали приблизительную статистику военных действий за последние 5 тыс. лет. Эта статистика наглядно показывает, во что обошлись человечеству войны. При подготовке статистических данных к публикации было составлено 73 тыс. карточек. С помощью электронной машины на основе 876 тыс. данных произведено 850 тыс. вычислений. В результате выяснилось, что с 3 200 г. до н. э. человечество прожило в мирной обстановке в общей сложности лишь 292 года; на остальные годы приходится 14 513 больших и малых войн, унесших 3 640 млн. человеческих жизней. Военные расходы и убытки, причиненные войнами за те же годы, составляли свыше 2 150 триллионов швейцарских франков.

◆ Недавно в гор. Сату Маре (Румынская Народная Республика) была найдена книга Галилео Галилея «Sistema cosmicum», напечатанная в 1635 году. Эта книга является вторым изданием и насчитывает 196 страниц, содержащих четыре диалога, в которых Галилео Галилей в форме живой беседы разоблачал отсталые теории Птолемея о происхождении мира. Первое издание этого труда было запрещено инквизицией, конфисковано и предано сожжению. А вскоре после этого издательство Эльзевира осуществило второе издание этой книги за пределами Италии. Книга находится в хорошем состоянии. Год выпуска — 1635 — помечен на внутреннем титульном листе.

◆ В Карачи (Пакистан) начал работать Институт по изучению ислама. Институт будет заниматься исследованием истории ислама, а также изучением культуры народов тех стран, где распространен ислам.

◆ При археологических раскопках в северо-восточной части Болгарии, недалеко от города Разграда, сотрудники Археологического института и музея Болгарской Академии наук обнаружили остатки античного города. Археологические находки, свидетельствующие о мощной оборонительной системе города, о его монументальной архитектуре, развитой водопроводной сети, дали возможность внести некоторые коррективы в разноречивые сведения о римском городе Абритуте. Вблизи этого города в 251 г. н. э. погиб римский император Траян. Обнаруженный при раскопках каменный жертвенник с латинским текстом не только подтвердил существование этого города, но и позволил установить его точное местонахождение, а также определить точные даты правления римского императора Антонина Пия (138—161 гг. н. э.).

◆ Уругвайские археологи исследовали предметы, обнаруженные в районах местожительства индейцев чарруа и родственных им племен, относящиеся к XV веку. На основании изучения многочисленных образцов метательных каменных шаров-боласов, а также керамики, существенно пополнившей старые коллекции, территория Уругвая условно разделена на 4 археологические зоны: Рио-Уругвай, Рио-де-Солис, Атлантическая и Северная. К первой зоне отнесена культура племен бохани, яро и минуан; ко второй — чарруа; к третьей — арачан и тапи; к четвертой — гвено и тупи (гуарани).

◆ В Стокгольме заканчиваются работы по подъему шведского военного корабля «Ваза», который затонул на стокгольмском рейде 10 августа 1628 года. Корабль хотели поднять уже давно, однако все попытки кончались неудачей. В 1956 г. было точно установлено положение судна и начаты работы по его подъему. Весной 1961 г. корабль, который является уникальной музейной ценностью, будет передан соответствующим морским властям Швеции.

◆ Археологические памятники, обнаруженные сирийскими археологами при раскопках на севере Сирийского района ОАР, дали исследователям новые научные данные по истории народов, населявших в древности долину среднего течения Евфрата. Частично подтвердилось предположение ученых о существовании в этом районе высокоразвитых государственных образований. При раскопках обнаружены развалины древнего города, который, по мнению археологов, существовал около 3 тыс. лет назад и являлся крупным экономическим и культурным центром данного района (город Арбаб).

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

О СОСТАВЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ ВТОРОГО СОЗЫВА

ВЦИК Советов второго созыва, избранный на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября 1917 г., продолжал свою деятельность до III съезда Советов (10—18 января 1918 г.). Он явился ареной острой борьбы между большевиками и враждебными им фракциями. Эта борьба, развернувшаяся прежде всего в связи с принятием революционных декретов, определялась составом ВЦИК, соотношением сил, входивших в него. Вот почему для исследователей представляет немалый интерес вопрос о составе ВЦИК.

К сожалению, данные на этот счет, приводимые в литературе, не точны. Обычно указывается, что II Всероссийский съезд Советов избрал ВЦИК в составе 101 члена: 62 большевиков, 29 левых эсеров, 6 объединенных социал-демократов-интернационалистов, 3 украинских социалистов, 1 эсера-максималиста. Между тем за время функционирования ВЦИК 2-го созыва число его членов менялось. Как известно, согласно постановлению II Всероссийского съезда Советов, ВЦИК мог быть пополнен представителями крестьянских Советов, армейских организаций и т. д.[1]. Партия большевиков стремилась к тому, чтобы во ВЦИК были представлены самые широкие массы рабочих, крестьян, солдат, все слои трудового населения. Вот почему после II съезда Советов в соответствии с его решением шло пополнение и расширение состава ВЦИК.

Уже 4 ноября 1917 г. ВЦИК утвердил своими членами еще 7 человек: 2 — от профессиональных союзов, 1 — от польских социал-демократов в России, 2 — от солдат Македонского фронта и 2 — от Всероссийского Центрального Совета фабзавкомов[2]. Всего стало 108 членов ВЦИК.

В середине ноября произошло объединение ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с временным ЦИК Советов крестьянских депутатов, избранным в количестве 108 членов Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов (10—25 ноября 1917 г.)[3]. В объединенный ВЦИК должны были также войти 100 делегатов от фронта и флота и 50 — от профессиональных союзов[4]. Таким образом, в середине ноября 1917 г. был создан единый Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в количестве 366 членов, представлявший как Советы рабочих и солдатских, так и Советы крестьянских депутатов. Создание единого ВЦИК содействовало упрочению союза рабочего класса и крестьянства, ускорило объединение Советов на местах.

Изменения в составе ВЦИК продолжались и после объединения. Президиум ВЦИК предоставил несколько мест отдельным общественным организациям. 15 декабря 5 мандатов с правом решающего голоса получил Казачий отдел ВЦИК[5], 21 декабря 3 места было предоставлено Центральному правлению Всероссийского Союза бежен-

---

[1] «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Сборник документов. М. 1957, стр. 28.

[2] «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва». М. 1918, стр. 22.

[3] «Известия ВЦИК», 21 ноября 1917 года. Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов (26 ноября — 10 декабря 1917 г.) избрал новый ЦИК Советов крестьянских депутатов в количестве 250 человек. Из них 108 вошли в объединенный ВЦИК, заменив временный состав, избранный Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов.

[4] «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», стр. 65, 107.

[5] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 1235, оп. 32, д. 9, л. 24.

цев [6], 28 декабря 1 место получила Белорусская социал-демократическая рабочая партия [7], 3 января 1918 г. было предоставлено 2 места Союзу увечных воинов [8].

Таким образом, к созыву III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов ВЦИК номинально включал до 380 членов. Однако фактически часть членов не успела принять участия в его работе или участвовала в ней лишь в самые последние дни его деятельности. Некоторые члены ВЦИК, избранные крестьянским съездом Советов, находились за пределами Петрограда и по разным обстоятельствам не могли сразу прибыть на его заседания. Понадобилось известное время для избрания и приезда делегатов от армии и профсоюзов. 17 ноября ВЦИК постановил, что каждая армия делегирует во ВЦИК по 5 представителей [9]. В конце ноября 1917 г. поступили данные об избрании в армии и флоте лишь 58 представителей во ВЦИК вместо ста [10]. Мандаты этих членов были утверждены Мандатной комиссией ВЦИК 2 декабря 1917 года [11]. Практически не могли уже принять участия в работе ВЦИК и те его члены, которые получили мандаты в самом конце декабря.

В материалах ВЦИК нет прямых указаний на наличный состав ВЦИК ко времени истечения его полномочий. Однако эти данные можно установить косвенным путем. 12 декабря 1917 г., в связи с изменениями в составе ВЦИК, был переизбран его президиум. Выборы производились из расчета 1 член президиума от 15 членов ВЦИК каждой партийной фракции. Было избрано 20 человек. Следовательно, в состав ВЦИК к середине декабря 1917 г. входило фактически около 300 человек [12].

Члены ВЦИК занимались не только законодательной работой. Они участвовали в практической деятельности по проведению в жизнь советских законов, вели повседневную работу на местах: в Советах, профсоюзах, военных и других организациях. Вот почему на заседаниях ВЦИК обычно присутствовало 40—60% его состава. Из протоколов [13] и листов регистрации [14] видно, что до середины ноября 1917 г., то есть до объединения ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с ЦИК Советов крестьянских депутатов, на пленарных заседаниях присутствовало от 30 до 60 членов ВЦИК, с середины ноября — от 100 до 210.

Следует при этом иметь в виду, что персональный состав членов ВЦИК также претерпевал известные изменения. Съезды Советов тогда не проводили персональных выборов во ВЦИК; они лишь предоставляли определенное количество мест партийным фракциям. Последние избирали своих представителей. Случалось, что партийные фракции по разным причинам заменяли одних представителей во ВЦИК другими. Например, 24 ноября были заменены 16 членов ВЦИК от большевиков, 2 — от левых эсеров, 1 — от меньшевиков [15].

Изменения в количественном составе приводили к некоторым изменениям и в партийном составе ВЦИК. Так, из 108 членов ЦИК, избранных Чрезвычайным съездом Советов крестьянских депутатов, 82 представляли левых эсеров, 15 большевиков [16].

Вместе с тем среди 56 новых членов ВЦИК — представителей армии и флота — насчитывалось (судя по данным анкет) большевиков — 41, левых эсеров — 12, правых эсеров — 1, меньшевиков — два [17].

Однако все эти изменения не поколебали руководящего положения большевистской партии во ВЦИК. В середине декабря здесь было 175 большевиков и немногим

---

[6] Там же, д. 10, л. 16.
[7] Там же, д. 11, л. 15.
[8] Там же, д. 12, л. 5.
[9] Там же, д. 2, л. 1.
[10] От флота — 20, от армий Западного фронта — 11, от 1, 2, 5-й армий и финляндских войск — по 5, от 12-й армии — 4, от 11-й армии — 2 и Особой — 1. (Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва, стр. 105).
[11] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 17, д. 30, л. 3.
[12] «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», стр. 140.
[13] Там же, стр. 3, 9, 11, 19, 34, 40, 47, 51, 58, 71, 89, 108.
[14] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 17, д. 29, лл. 1—33.
[15] «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», стр. 78.
[16] Кроме того, были избраны 3 максималиста, 1 анархист, 6 беспартийных и 1 новожизненец («Известия ВЦИК», 21 ноября 1917 года).
[17] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 17, д. 31, лл. 1—56.

более 100 левых эсеров, 12 объединенных интернационалистов и 12 беспартийных [18]. Таким образом, и после объединения решающее большинство членов ВЦИК составляли коммунисты. Руководимый Коммунистической партией Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет последовательно и настойчиво проводил в жизнь ее программу, вел решительную борьбу против оппортунистических элементов.

Е. Г. Гимпельсон

[18] Количество левых эсеров установлено приблизительно, по числу левых эсеров — членов президиума, составленного в середине декабря. Было избрано 12 большевиков, 7 левых эсеров, 1 меньшевик-интернационалист. «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», стр. 140.

НЕОБХОДИМЫЕ УТОЧНЕНИЯ

*(По поводу статьи М. А. Кокорина и А. А. Стручкова «О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 гг.» *)*

Как бывший «макизар» я очень рад, что борьба советских людей в рядах французского Сопротивления против фашизма, освещенная в воспоминаниях Л. Любимова [1], латвийских интербригадцев [2], статьях Г. Лароша [3] и ряде газетных и журнальных материалов, становится объектом изучения советских историков.

Интересна статья М. А. Кокорина и А. А. Стручкова «О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 гг.». Это, по существу, первая попытка на документальной основе осветить участие советских патриотов в движении Сопротивления во Франции. Нам бы хотелось сделать некоторые дополнения и уточнения к этой статье.

Несколько слов о географических рамках. Знакомясь с названиями департаментов, городов, встречающихся в статье, мы убеждаемся в том, что место действия часто упоминающегося «ЦК советских пленных во Франции» (ЦКСП), его межлагерных и лагерных комитетов, а также партизанских групп — только оккупированная зона Франции и главным образом шахтерский Север этой страны (департаменты Па-де-Кале, Нор). Как известно, советские патриоты не менее активно боролись и в соседней, Вишийской, зоне. Об этом уже опубликовано немало материалов [4]. Данных об участии наших соотечественников в движении Сопротивления Вишийской зоны в статье нет. Поэтому она не отображает боевой деятельности советских патриотов на всей территории Франции.

В статье не учитывается, что упомянутый ЦКСП, состоявший, кстати, почти все время из трех лиц (Марк Слободинский, Николай Скрипай и Василий Таскин) [5], был создан русской секцией «МОИ» [6] оккупированной зоны. Он входил в ее состав и являлся одним из трех органов различного назначения, созданных этой секцией.

* «Вопросы истории», 1960, № 3.

[1] Л. Любимов. На чужбине. Журнал «Новый мир», 1957, №№ 2—4.

[2] «Viva republica». Сборник воспоминаний участников вооруженной антифашистской борьбы в Испании. Латгосиздат. 1957 (гл. «В Арагоне»).

[3] Г. Ларош. Они проливали кровь за свободу Франции. «Литературная газета», 25 августа 1959 г.; «Люди несгибаемой воли». Газета «Красная звезда», 22 марта 1960 г.; «Советские граждане во французском Сопротивлении». Журнал «Cahiers du communisme», 1960, № 3.

[4] М. Гаврилов, П. Филатов, А. Брюханов. В рядах французского Сопротивления. Журнал «Новое время», 1960, № 15; Б. Петросьян. Они сражались под одним знаменем. «Труд», 22 марта 1960 г.; «В отрядах маки». «Красная звезда», 11 марта 1960 г., и др.

[5] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 69, оп. 1, л. 4 (Лишь в мае — июне 1944 г. в ЦКСП были кооптированы В. Постников и Н. Смарчевский).

[6] «МОИ» — «Main-d'oeuvre immigrée» — группировала в то время коммунистические организации иммигрантов во Франции. Руководили русской секцией «МОИ» оккупированной зоны Гастон Ларош («Гастон»), ныне секретарь Общества «Франция — СССР», и Г. В. Шибанов («Андре»).

Документы русской секции «МОИ» с достаточной полнотой раскрывают связь секции с ЦКСП. В частности, в докладе «О состоянии работы среди пленных за апрель 1944 г.» [7] секретарь ЦКСП Марк Слободинский (он же «Павел», а первоначально — «комиссар») подчеркивал: «Мы всю свою работу строили на основе указаний, которые передавались через т. Гастона» (то есть через руководителя секции Гастона Лароша). Ответ «Андре» (Г. В. Шибанова) на запрос ЦКСП о возможности расширения состава комитета от 26 апреля 1944 г.[8], а также письмо «Гастона» «Павлу» от 2 августа 1944 г.[9] не менее ясно указывают на характер взаимоотношений и субординации. Связь между отдельными звеньями одной и той же подпольной организации известна также по мемуарам [10]. В статье эта связь не раскрыта, поэтому в ней и не показано, почему сфера деятельности ЦКСП не выходила за пределы оккупированной зоны. Между тем это вполне объяснимо: в одном из центров Вишийской зоны — г. Лионе — действовало центральное партийное руководство секциями «МОИ» этой зоны [11].

Далее, если верить статье, то газета-листовка «Советский патриот», которая, по мнению авторов, с самого начала была «органом ЦКСП» [12], выходила еще до создания самого ЦКСП. Новые, недавно поступившие в архив документы [13] позволяют точно датировать начало деятельности ЦКСП концом ноября—началом декабря 1943 года. Газету-листовку «Советский патриот» (для военнопленных) до создания ЦКСП и некоторое время после его создания печатали через «Гастона» в одной из парижских типографий, а затем с перерывами в «типографии» секции — на ротаторе [14]. Первый номер этой газеты-листовки («особый выпуск») вышел в начале ноября 1943 года. Лишь в февральском номере 1944 г. «Советский патриот» выступает как орган «Центрального Комитета Союза военнопленных во Франции».

Другие замечания. Листовки на украинском языке, в частности, упомянутую в статье «Батьківщину» (орган Комитета украинского народного фронта) секция не издавала. К организации большей части партизанских-франтирерских групп, упомянутых в статье, всегда малочисленных и смешанных (франко-русских) по составу (группы А. Стамбулова, П. Шабанова, Н. Серебреникова), ни секция в целом, ни ЦКСП не имели никакого отношения. Эти и многие другие партизанские группы были созданы задолго до начала деятельности секции (сентябрь—октябрь 1943 г.) иными, как правило, местными организациями Сопротивления и их военными «респонсаблями» или возникали стихийно.

Авторы статьи необоснованно включили в состав ЦКСП Василия Борика (он же «Василий Порик», «Василий», «Громовой», «Васька Рыжий»). Этот герой французского Сопротивления, старшина рабочего лагеря Бомон (Па-де-Кале), погибший по вине предателей [15], был работником другого руководящего органа — «Штаба руководства советских партизан на севере Франции» [16], созданного М. Слободинским 25 июня 1944 года.

Незаслуженно мало (только в сноске) сказано об активной деятельности Марка Слободинского — подлинного инициатора Сопротивления в лагерях шахтерского Севера Франции и, в частности, в лагере Бомон, где он сначала находился. М. Слободинский был секретарем ЦКСП в течение всего периода деятельности этого органа.

Неправильно утверждение авторов, что в условиях безлесного и густонаселенного

---

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 1, л. 36.

[8] Там же, л. 60.

[9] Там же, л. 118.

[10] В. Постников. Знамя на улице Гренель. «Комсомольская правда», 12 марта 1960 года.

[11] Всего в обеих зонах насчитывалось до 15 секций «МОИ».

[12] «Вопросы истории», 1960, № 3, стр. 94.

[13] В мае 1960 г. от Г. Лароша из Парижа получены две новые докладные записки парткома лагеря Бомон (Па-де-Кале), два постановления ЦКСП и две докладные записки «Алекса» (эти записки, датированные 12 ноября 1943 г. и 4 января 1944 г., были составлены автором настоящих строк).

[14] Ведали этой «типографией» Н. Роллер и Д. Смирягин.

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 3, л. 114.

[16] Там же, оп. 1, л. 27. В штаб, кроме М. Слободинского и В. Борика, входили представитель лагеря в Тиерс-ла-Гранж (под г. Валансьен, департамент Нор) Калиниченко («Юзеф»), инструктор ЦКСП на севере Франции Петр Лисицин («Петр»), а также Алексей Лисовец («Алексей») и Бойко («Александр»).

Севера Франции, расположенного по соседству с «Атлантическим валом», возможны были боевые действия целого партизанского батальона [17]. Ближе к истине утверждение авторов, что в среднем состав партизанских-франтирерских групп не превышал 10—15 человек. Такой примерно была группа «лагерных партизан» рабочего лагеря Бомон (Па-де-Кале). Днем члены этой группы работали в шахтах, а по ночам изредка выходили на партизанскую работу под предводительством старшины своего лагеря В. Борика.

Об истории борьбы советских патриотов, находившихся в годы войны в странах Западной Европы, в том числе во Франции, написано действительно очень мало. Понадобится много усилий советских и французских историков, чтобы во всей полноте показать участие наших соотечественников в движении Сопротивления. Тогда перед подрастающим поколением раскроются достойные подражания мужество и стойкость советских людей, воспитанных Коммунистической партией, пронесших незапятнанной сквозь суровые испытания пламенную любовь к своей Родине.

А. Н. Кочетков

[17] «Вопросы истории», 1960, № 3, стр. 99.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ВЫВОЗЕ ХЛЕБА ИЗ РОССИИ (КОНЕЦ XVI в.)

Вопрос о хлебном рынке в Русском государстве XVI в. получил освещение в таких работах, как «Крестьяне на Руси» Б. Д. Грекова, «Предпосылки всероссийского рынка в XVI в.» С. В. Бахрушина. Особое место вопросу о хлебном рынке в XVI в. отведено в книге А. Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI в.». Все исследователи единодушны в мнении, что хлеб в Русском государстве XVI в. являлся исключительно предметом внутренней торговли. Вывоза хлеба за границу не было или почти не было. Несколько иную позицию в вопросах о внешней торговле хлебом занимал Б. Д. Греков, который, ссылаясь на данные писцовой книги Обонежской пятины 1582—1583 гг. о наличии в Введенском на Ояти и Вытегорском погостах Обонежской пятины амбаров, куда «сыплют хлеб и соль и всякий товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди», считал, что уже в XVI в. «Швеция покупала русский хлеб» [1].

Сохранились, однако, материалы о вывозе хлеба из России в «немецкие города» в 1599 и 1600 гг., причем, как свидетельствуют документы, в роли экспортеров русского хлеба выступали как русские, так и немецкие торговые люди. Эти материалы содержатся в фонде Посольского приказа, в двух делах, относящихся к сношениям правительства Бориса Годунова с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией.

Одно дело содержит сведения о посылке в 1599 г. в город Нарву гостя Тимофея Выходца для переговоров о восстановлении церковной службы в Нарвской православной церкви Николая Чудотворца, другое — о приезде в 1600 г. в Москву нарвского «палатника» Армана Скрова с секретным сообщением о наличии в Нарве тайного заговора среди бургомистров, ратманов и палатников города Нарвы, имевшего целью передать Нарву России. Оба дела известны в исторической литературе еще со времен Карамзина, использовавшего их для характеристики действий правительства Бориса Годунова в Прибалтике и назвавшего имена Тимофея Выходца и Армана Скрова как секретных агентов Бориса Годунова [2]. Однако наряду с материалами секретно-дипломатического характера в делах о посылке в Нарву Тимофея Выходца и о приезде в Москву Армана Скрова имеются ценные документы о торговле хлебом,

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М. 1946, стр. 552.
[2] Н. М. Карамзин. История государства Российского, Т. XI, прим. 43.

которые до настоящего времени еще неизвестны исследователям и не введены в научный оборот.

Материалы о поездке Тимофея Выходца представлены тремя грамотами Бориса Годунова от 27 февраля 1599 г.: «памятью» в Новгородскую четь, дьяку Ивану Нармацкому [3], и двумя грамотами в Ивангород, воеводам-князьям В. И. Ростовскому и И. Г. Бельскому и дьяку Г. Витовтову [4].

В «памяти» И. Нармацкому сообщалось о том, что гость Тимофей Выходец, который едет из Ивангорода «в Неметцкие городы для торговли», бил челом Борису Годунову, чтобы тот «его, Тимофея, пожаловал, велел ему дати в — Ыванегороде из своих государевых житниц три тысечи чети ржи в цену, а деньги он за ту рожь заплатит, приехав из Неметцких городов».

Дьяку И. Нармацкому предписывалось послать в Ивангород воеводам государеву грамоту с приказанием «дати Тимофею Выходцу из государевых житниц три тысечи чети ржи. А за тое рожь на Тимофее деньги велети взяти по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, как он из Неметцких городов назад в—Ыванькгород приедет».

Грамота ивангородским воеводам и дьяку сообщала о челобитье гостя Тимофея Выходца, который «едет... из Иванягорода торговати с товары в Немецкие городы», и предписывала, чтобы воеводы «гостю Тимофею Выходцу дали нашего хлеба три тысечи чети ржи и отпустили с ним тот хлеб в Немецкие городы. А денег на нем за тот хлеб велели взяти по нашему указу как он из Немец приедет» [5].

Вместе с тем грамота извещала воевод, что «из Чети дияка нашего Ивана Нармацкого к вам о том хлебе наша грамота послана ж».

Данные о торговле хлебом, содержащиеся в документах, связанных с Тимофеем Выходцем, дополняются сведениями из документов об Армане Скрове — «памяти» Бориса Годунова от 25 марта 1600 г. в Новгородскую четь, окольничему М. М. Салтыкову и дьяку Ивану Вахромееву и грамоты ивангородскому воеводе князю В. И. Ростовскому [6]. К сожалению, материалы эти сохранились только в виде черновиков и притом дефектных.

«Память» в Новгородскую четь сообщала М. М. Салтыкову и И. Вахромееву, что «ругодивской немчин Арман Скров» бил челом Борису Годунову, «чтоб государь его пожаловал, поволил ему купити в — Ыванегороде пятьсот чети ржи», и что «государь... ругодивского немчина Армана Скрова пожаловал, поволил ему в — Ыванегороде пятьсот чети ржи купить».

«Память» предписывала Салтыкову и Вахромееву послать из Новгородской чети «грамоту в — Ыванькгород к воеводе к князю Василью Ростовскому», чтобы ему «ругодивскому немчину Арману Скрову» «продати пятьсот чети ржи» [7].

Далее в «памяти» следует наиболее интересная часть об условиях продажи ржи Арману Скрову. К сожалению, именно эта часть документа наиболее дефектна. Текст этой части «памяти» имеет две редакции: первоначальную (зачеркнутую) и окончательную, написанную между строк первоначального текста.

Сохранившийся текст этой части грамоты имеет следующий вид [8]: «А цену велети положи[ти]: (будет в — Ыванегороде рожь продают по полтине, и [он] бы велел взять по 20 алтын, а будет в — Ыванегород[е] [рожь] продают по 4 гривны, и на нем бы взяти по полт[ине], или будет ныне рожь в—Ыванегороде купят... над тою ценою велеть [при]бавить по г[ривне]) по чему рожь купят в—Ыванегороде, а е[му]... сверх тое цены по гривне у четверти» [9].

---

[3] О чети дьяка Ивана Нармацкого, сначала называвшейся Новой, а затем получившей название Новгородской, см. П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины М.-Л. 1950, стр. 405—407.

[4] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 96, д. 1, лл. 1—14.

[5] Там же, лл. 7—9.

[6] Там же, ф. 64, д. 16, лл. 1—20.

[7] Там же, л. 17.

[8] В круглых скобках — зачеркнутый текст; в квадратных скобках — восстановленный текст; многоточием отмечены дефекты в тексте.

[9] ЦГАДА, ф. 64, д. 16, л. 17.

От грамоты ивангородскому воеводе князю В. И. Ростовскому сохранился лишь конец в виде следующего отрывка: «...[грамот]а приде[т]... Арману Скрову велел... пятьсот чети... [про]дают по пол[тине]... по двад[цать алтын]... рожь по чет[ыре гривны]... взяти по полтине. А как рожь продашь и по чему на нем возьмешь, и ты б о том к нам отписал в Посольской приказ, к печатнику и посольскому дьяку, к Василью Яковличу Щелкалову»[10].

Кроме того, к первоначальному тексту, приведенному выше, добавлено (между строк): «... в — Ыванегороде, и тебе бы над тою ценою прибавить по гривне у чети»[11].

Материалы о Тимофее Выходце и Армане Скрове представляют большой интерес для вопроса о хлебном рынке в XVI веке. Прежде всего они с бесспорностью говорят о том, что в конце XVI в. имел место вывоз хлеба из Русского государства за границу, и притом в достаточно крупных размерах. Партия хлеба в 3 тыс. четвертей ржи, закупленная Тимофеем Выходцем в феврале 1599 г., приближается к рекордным для XVI в. закупкам хлеба Соловецким монастырем[12]. Весьма значительной следует признать и закупленную в марте 1600 г. Арманом Скровом партию зерна в 500 четвертей ржи.

Вторым важным моментом в рассматриваемых материалах является то, что вывоз хлеба из Русского государства осуществлялся не только через покупку русского хлеба иностранными купцами, как Арман Скров, но и в форме вывоза его для продажи за границей русскими торговыми людьми, как гость Тимофей Выходец.

Третье, что свидетельствуется данными материалами,— это активная роль царской казны в торговле хлебом. Как видно из дела о Тимофее Выходце и из дела об Армане Скрове, в роли контрагента экспортеров русского хлеба выступает царская казна в лице Новгородской чети и ивангородских воевод, продающих Тимофею Выходцу и Арману Скрову рожь из «государевых житниц» в Ивангороде. При этом продажа хлеба царской казной ведется не только за наличный расчет (как в случае с Арманом Скровом), но и в кредит (как в случае с Тимофеем Выходцем), с предоставлением отсрочки уплаты за купленный хлеб вплоть до момента возвращения торгового человека из-за границы после продажи там хлеба. Последнее обстоятельство особенно любопытно. Это своего рода свидетельство протекционистской политики правительства Бориса Годунова в отношении хлебного экспорта.

Отмеченные моменты, однако, не исчерпывают содержания рассматриваемых материалов. Особенно важное значение для проблемы хлебного рынка имеют содержащиеся в «памяти» в Новгородскую четь от 25 марта 1600 г. и в отрывке грамоты ивангородскому воеводе инструкции о порядке и условиях продажи ржи Арману Скрову. Из этих инструкций, предписывавших установить продажную цену на рожь для Армана Скрова с учетом того, «по чему рожь купят в — Ыванегороде» или почем «в—Ыванегороде рожь продают»[13], следует, что торговля хлебом в Ивангороде носила постоянный характер и отпускная цена на хлеб из «государевых житниц» устанавливалась распоряжением из Новгородской чети не произвольно, а в соответствии с уровнем цен на ивангородском хлебном рынке. При этом Новгородская четь была и в курсе того, каковы были реальные цены на рожь в Ивангороде в 1600 г., называя их в диапазоне от 4 гривен до полтины за четверть.

Наконец, из этих инструкций видно и то, как образовывались, так сказать, экспортные цены на хлеб, складывавшиеся из цены местного рынка плюс прибавки «по гривне у чети».

Итак, материалы, касающиеся Тимофея Выходца и Армана Скрова, характеризуют Ивангород как несомненный центр экспортной торговли хлебом в Русском го-

---

[10] В сохранившемся тексте князь Ростовский не упоминается, но то, что грамота адресована именно ему, с бесспорностью следует как из «памяти» Салтыкову и Вахромееву, так и из сопоставления с материалами о Тимофее Выходце.

[11] ЦГАДА, ф. 64, д. 16, л. 18.

[12] А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV — XVII вв. Пермь. 1927, стр. 155.

[13] О продаже хлеба в Ивангороде «по тамошней цене» говорит и первоначальная формулировка в грамоте ивангородским воеводам от 27 февраля 1599 г. относительно Тимофея Выходца (в окончательной редакции текста замененная формулой «в цену») (ЦГАДА, ф. 96, д. 1, л. 7).

сударстве в конце XVI в., причем торговли достаточно устойчивой и крупной по своим масштабам.

Что касается конкретного направления экспорта хлеба, то в «немецких городах», о которых говорится в материалах о Тимофее Выходце и Армане Скрове, естественнее всего, конечно, видеть прибалтийские лифляндские и эстляндские города и прежде всего Нарву (Ругодив — по русским источникам).

О значительной роли Нарвы во внешней торговле Русского государства в 1558—1583 гг. (в эти годы Нарва находилась в составе Русского государства) хорошо известно [14]. Но и после того, как по Тявзинскому миру 1595 г. Нарва отошла к Швеции, она, очевидно, сохранила свои экономические связи с Русским государством и свою роль посредника в торговле между Россией и Западной Европой.

Эти связи очень хорошо прослеживаются по инструкции Тимофею Выходцу, раскрывающей официальную цель его миссии — восстановление службы в православной церкви Николая Чудотворца в Нарве. В этой инструкции Тимофею Выходцу предписывалось говорить нарвским властям о том, что о восстановлении службы в церкви Николая Чудотворца «били челом» царю Борису Годунову «его царские отчины Великого Новагорода и Пскова, и иванегородцы, и иных городов торговые люди, которые преж того ездили и ныне ездят в Ругодив» [15], то есть в Нарву.

Наглядным свидетельством сохранения торговых связей Русского государства с прибалтийскими городами служит содержащееся в отписке царю Борису Годунову ивангородского воеводы князя В. И. Ростовского относительно поездки в Москву Армана Скрова сообщение о том что 2 марта 1600 г. «приехал из Колы[ван]и в—Ыванькгород осташковец, торговый человек Бо[гд]анко Осипов» [16].

Однако торговые связи Русского государства с Прибалтикой не ограничивались только Ругодивом (Нарвой) и Колыванью (Ревелем). В деле о госте Тимофее Выходце сохранился обрывок грамоты ивангородским воеводам от 27 февраля 1599 г., то есть датированной тем же числом, что и грамота с предписанием о выдаче Тимофею Выходцу 3 тыс. четвертей ржи из «государевых житниц» в Ивангороде для продажи в «немецких городах».

От грамоты сохранился лишь конец со следующим текстом: «Да как Тимоха Выходец, в Ругодиве быв поедет в Выбор с товаром, и Вы б его отпустили в Выбор Ямским и Копорским уездом, и грамоту ему проезжею дали» [17].

Встает вопрос: в каком отношении стоит поездка Тимофея Выходца «в Выбор с товаром» и поездка «из—Ыванягорода торговати с товары в Немецкие городы», речь о которой идет в материалах о продаже Тимофею Выходцу 3 тыс. четвертей ржи из ивангородских житниц? Можно ли отождествить эти поездки или же поездка Тимофея Выходца в Выборг — это вторая поездка, а продажа хлеба Тимофеем Выходцем в «немецких городах» предполагалась во время его поездки в Ругодив?

На наш взгляд, из этих двух предположений правильным является первое. Из инструкций Тимофею Выходцу о поездке в Ругодив для переговоров о восстановлении службы в церкви Николая Чудотворца следует (если не касаться секретных поручений о тайных сношениях с участниками заговора в Нарве, ставившего целью передачу Нарвы России [18]), что его миссия в Нарве должна была ограничиться переговорами с нарвскими властями по церковным делам и наймом мастеров для ремонта церкви Николая Чудотворца, превращенной шведскими властями в военный склад [19].

Вероятнее допустить, что Тимофей Выходец, будучи в Москве, использовал свое пребывание там для получения разрешения на выдачу ему в Ивангороде хлеба в кредит для торговли во время поездки в «немецкие города», которую он намеревался предпринять после возвращения из Ругодива в Ивангород.

Таким образом, можно полагать, что в документах о выдаче хлеба Тимофею Выходцу под «Немецкими городами» имелся в виду именно Выборг, то есть города «свейских немцев».

---

[14] См., например, Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М. 1922, стр. 47—48.
[15] ЦГАДА, ф. 96, д. 1, л. 3.
[16] Там же, ф. 64, д. 16, л. 5.
[17] Там же, ф. 96, д. 1, л. 10.
[18] О заговоре подробно говорится в материалах об Армане Скрове.
[19] ЦГАДА, ф. 96, д. 1, лл. 1—6.

В подтверждение правильности такого заключения приведем еще одно доказательство.

В переписке по поводу приезда в Москву Армана Скрова для составления черновиков приказных документов в качестве писчего материала были использованы черновики более ранних документов, на обороте которых и писался новый текст. Благодаря этому обстоятельству сохранился чрезвычайно интересный документ — отрывок грамоты Копорского воеводы какому-то представителю шведской администрации в Прибалтике. Содержание отрывка следующее: «...грамоту прислал ко мне с Васильем Хомутовым. И яз тое твою грамоту велел перевесть и выслушав ее вразумел. И что писал еси в тво своей грамоте многи не (зачеркнуто: пригожие.— *И. С.*) вежливые слова х кроворозлитию хрестьянскому, и яз о том писал к великого государя нашего царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца его царского величества воеводе и наместнику Новгородскому ко князю Данилу Ондреевичу Нохтеву. А за такие мног[ие] непригожее задорные слова и невежливые, что еси писал в своей грамоте, яз с тобою вперед с нынешнего времени ни о каких делах ссылатися не хочю. А торговым людем Свейские земли сюды в Копорью ездить бы еси не велел, а торгу всяким немцом здеся в Копорье и в Новегороде за такие непригожие дела, как еси в своей грамоте писал, вперед не будет. И не о которых бы еси делех со мною не ссылался, также и мне с тобою не о чем ссылки не будет. Писано в городе в Копорье лета 7107 апреля» [20].

Итак, из грамоты Копорского воеводы следует, что по крайней мере до апреля 1599 г. между городами «Свейской земли», то есть Швеции, и Русским государством имели место оживленные торговые отношения, включавшие в себя поездки торговых людей из Швеции в русские города и торг в русских городах между «всякими немцами» и русскими торговыми людьми.

В такой обстановке поездка Тимофея Выходца с партией хлеба в Выборг представляется вполне возможной [21].

И. И. Смирнов

---

[20] Там же, ф. 64, д. 16, л. 9 об.— 10 об.

[21] В деле о Тимофее Выходце имеется грамота Бориса Годунова ивангородскому воеводе князю В. И. Ростовскому от 20 августа 1599 г. и аналогичная по содержанию «память» самому Тимофею Выходцу. В этой грамоте и в «памяти» князю Ростовскому предлагалось, вызвав к себе «в вечеру или в ночи, тайно» Тимофея Выходца, отправить его в Москву, в Посольский приказ к В. Я. Щелкалову.

Тимофею Выходцу предлагалось «ехати к нам, к Москве наспех», причем он должен был «про себя говорить и вмещать людем», что «он едет [во Пск]ов или в Новгород для торговли, а тово бы нихто [не вед]ал, что он едет по присылке к Москве» (ЦГАДА, ф. 96, д. 1, л. 14). Дефектные места восстановлены по тексту «памяти» (там же, л. 8).

Там же имеется недатированная «память» (черновик) Тимофею Выходцу на случай его встречи «в Выборе или в котором в-ыном городе» с некоей «Арвеевой женой Ириковой», говорившей с ним «преж сего» о каком-то «деле», которое он должен был «известить» «канцлеру», то есть В. Я. Щелкалову. Из «памяти» неясно, что это за «дело». В ней лишь указывается, что на возможный вопрос «Арвеевой жены»: «извещал ли» он об этом деле «канцлеру», Т. Выходец должен был заявить, что он сообщал канцлеру. Но так как «Арвеева жена» не дала «письма» с изложением «дела», то канцлер Василий Яковлич указал: «только б деи с тобою было бы письмо, и яз бы то до царьского величества донес. А слову деи чему верить?» (там же, л. 11).

Эта «память» вновь называет Выборг и «иные города» как места поездок Тимофея Выходца.

ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ

2 февраля 1961 г. скончался крупнейший советский востоковед академик Иосиф Абгарович Орбели.

Иосиф Абгарович родился 20 марта 1887 г. в Кутаиси. После окончания Петербургского университета в 1911 г. он был оставлен на кафедре армяно-грузинской словесности и получил от Российской Академии наук командировку в Турцию, где изучал живые армянские и курдские наречия, записывал старинные сказания, составлял научный словарь, исследовал надписи и архитектурные памятники. В Ване И. А. Орбели произвел раскопки, давшие интересные материалы урартской культуры VIII—VII вв. до н. э.

В 1916 г., уже будучи доцентом университета, Иосиф Абгарович производил раскопки на северном склоне Ванской скалы, цитадели урартской столицы, и открыл самый значительный памятник урартской эпиграфики — большую стелу на постаменте с летописью царя Сардура II (VIII в. до н. э.).

После Великой Октябрьской социалистической революции И. А. Орбели продолжал работать в Петроградском университете, состоял членом Совета Государственной археологической комиссии, ученым секретарем коллегии по делам музеев Наркомпроса. Иосиф Абгарович явился одним из организаторов созданной в 1919 г. Российской Академии истории материальной культуры (ныне Институт археологии АН СССР).

Более тридцати лет И. А. Орбели работал в Государственном Эрмитаже. При Эрмитаже им был организован Отдел Востока. В то же время Иосиф Абгарович сочетал организационную деятельность с плодотворной научной работой в области востоковедения, особенно по изучению культур древней Армении, средневекового Ирана и Турции. Исключительный интерес представляют его исследования по сельджукскому и сасанидскому искусству. В 1924 г. Академия наук СССР избрала И. А. Орбели своим членом-корреспондентом.

В 1928 и 1929 гг. И. А. Орбели коллекционировал в Дагестане рельефы XII — XIII вв. и обследовал знаменитую Дербентскую крепость. В 1929 г. он организовал экспедицию для изучения средневековых памятников Армении, а в последующие годы руководил раскопками Анбердского за́мка на горе Арагац. В 1935 г. Иосиф Абгарович был избран действительным членом АН СССР, а в 1940 г.— действительным членом Академии архитектуры СССР.

И. А. Орбели являлся одним из организаторов всенародных юбилейных торжеств, посвященных культуре братских республик Советского Союза и стран Востока: в 1934 г.— 1000-летнего юбилея Абуля Касима Фирдоуси; в 1937 г.— 750-летнего юбилея Шота Руставели; в 1938 г.— 1000-летия армянского народного эпоса «Давид Сасунский»; в 1940—1941 гг.—800-летнего юбилея Ганджеви Низами и 500-летнего юбилея Алишера Навои.

В годы Великой Отечественной войны в кратчайший срок под руководством Иосифа Абгаровича была проведена эвакуация значительной части музейных коллекций Эрмитажа. В 1943 г. И. А. Орбели участвовал в организации Академии наук Армянской ССР и являлся первым ее президентом. В последние годы Иосиф Абгарович работал деканом Восточного факультета Ленинградского государственного университета и заведовал Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР. В течение длительного времени И. А. Орбели являлся членом редколлегии журнала «Вопросы истории».

Перу И. А. Орбели принадлежит большое количество научных трудов, в том числе такие известные исследования, как «Развалины Ани» (СПБ. 1911), «Надписи Мармашена» (Пг. 1914), «Армянские надписи на камне» (Пг. 1917), «Багаванский храм» (Пг. 1917), «Вопросы и решения вардапета Анании Ширакаци» (Пг. 1918), «Мусульманские изразцы» (Пг. 1923), «Сасанидский металл» (совместно с К. В. Тревер, М.-Л. 1935), «Шатранг» (совместно с К. В. Тревер. Л. 1936), «Памятники эпохи Руставели» (Л. 1938), «Армянский героический эпос» (Ереван. 1956), «Басни средневековой Армении» (М.-Л. 1956) и многие другие. За выдающуюся научную деятельность Иосиф Абгарович был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

В лице академика Иосифа Абгаровича Орбели мы потеряли одного из выдающихся советских востоковедов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Портянкин Иван Акимович, кандидат исторических наук, доцент факультета журналистики Московского государственного университета, работает в области истории партийно-советской печати. Автор брошюр «Рабочая печать в период борьбы за создание Коммунистической партии Советского Союза», «Большевистская печать в годы первой русской революции», «Редакторская и публицистическая деятельность В. И. Ленина» и др., а также ряда статей.

Куличенко Михаил Иванович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Харьковского медицинского стоматологического института, работает в области истории национального вопроса. Защитил кандидатскую диссертацию о борьбе Коммунистической партии за государственное объединение Советской России и Советской Украины, опубликовал ряд статей по этому вопросу.

Мирский Георгий Ильич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, специалист в области новейшей истории стран Ближнего Востока, автор книги «Ирак в смутное время» и брошюр «Багдадский пакт — орудие империализма», «Суэцкий канал» (в соавторстве с Е. А. Лебедевым) и ряда статей в журналах.

Степанов Лев Васильевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, работает в области современных проблем слаборазвитых стран, автор статей в журналах. Л. В. Степановым (в соавторстве с Г. И. Мирским) написаны брошюры «О перспективах экономического сотрудничества стран Азии и Африки» и «Азия и Африка на рубеже двух эпох».

Тихомиров Михаил Николаевич, академик, председатель Археографической комиссии Отделения исторических наук, профессор, имеет труды по истории России и славянских стран, источниковедению, историографии, истории культуры, археографии, исторической географии. Основные монографии: «Псковское восстание 1650 года», «Источниковедение истории СССР» (т. 1), «Исследование о Русской правде. Происхождение текстов», «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», «Средневековая Москва в XIV—XV вв.», «Присоединение Мерва к России» и др.

Преображенский Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, заместитель главного редактора журнала «История СССР», специалист в области социально-экономической истории СССР XVII века. Автор монографии «Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII вв.» и ряда исследовательских статей по истории России XVII — XVIII веков.

Тихонов Юрий Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории АН СССР, занимается изучением социально-экономической истории России в XVII веке. В 1960 г. совместно с А. Ц. Мерзоном опубликовал книгу «Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка» (XVII в.).

ОПЕЧАТКИ

В № 3 за 1961 г. следует читать:

Стр. 179, правая колонка, 6 строка сверху Добротвор Николай Михайлович;

Стр. 180, левая колонка, 27 строка сверху Касименко Александр Карпович;

Стр. 181, левая колонка, 4 строка сверху Чебаевский Фирс Васильевич.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

I. A. PORTYANKIN. V. I. Lenin and the Bolshevik Press, 1895-1914

Citing concrete historical facts, the author of the article convincingly shows that beginning with 1895, V. I. Lenin for many years took an active part in directing the organization and editing of more than 30 central Bolshevik newspapers and magazines. Lenin was the organizer and, in actual fact, Editor-in-Chief of the "Iskra"—the first All-Russian Marxist newspaper which played such an outstanding role in creating a new-type political party of the working class.

The Soviet press—the press of the world's first socialist state ruled by workers and peasants—was created under V. I. Lenin's direct leadership.

The article points out that for the first time in the history of Marxism V. I. Lenin formulated and theoretically substantiated the thesis that the press is the ideological weapon of the party and convincingly showed the vast role of journalism in the everyday life and activity of the Communist Party, in the people's revolutionary struggle, in the building of socialism and communism.

Much attention in the article is devoted to illustrating the cardinal principles of V. I. Lenin's editorial work—unswerving fidelity to Communist ideology, irreconcilability in the struggle against opportunism and revisionism, practical implementation of the Party's theory and policies. Lenin was an editor of a new type, a classical example of an editor of the Marxist, Communist press. He rejected the bourgeois and reformist approach to journalism as a means of achieving personal political aims and objectives. Having founded the proletarian press, he placed it in the service of the working class and made it a mighty weapon of political education and organization of the broad popular masses for the overthrow of the exploiting system, for the establishment of Soviet power and for the building of socialist and communist society.

Citing concrete facts and examples from the history of the "Iskra," "Proletary," "Sotsial-Demokrat," "Pravda" and several other newspapers, the author reveals some of the most brilliant and sterling qualities manifested by V. I. Lenin in his editorial activities—his principled Party stand, his efforts to imbue the Bolshevik press with a spirit of Marxist staunchness and constraint and strengthen its ties with the masses.

Lenin's experience as an editor, his teaching on the proletarian press acquire especial significance and actuality in our days. Lenin's instructions on the problems of the press and his personal experience as an editor are of great value and practical importance to the Communist press of other countries.

M. I. KULICHENKO. V. I. Lenin's Role in the Establishment and Consolidation of the State Union Between Soviet Russia and Soviet Ukraine (1917-1922)

Drawing on the example of mutual relations between the two biggest Soviet Republics, the author reveals V. I. Lenin's unflagging concern for the solution of the national question, for bringing about the unification of the peoples of the former Russian empire, liberated by the Great October Revolution, into a single close-knit Soviet multinational state.

Citing concrete historical facts, the author shows the immense service rendered by V. I. Lenin in theoretically elaborating ways and means of solving the national problem and the forms of upbuilding the Union of Soviet Socialist Republics, as well as his guiding role in carrying these theoretical principles into practical effect.

V. I. Lenin tirelessly guided the Party in its struggle to eliminate the elements of distrust between the great Russian and Ukrainian nations that were inherited from the past, and worked strenuously to bring them closer together and strengthen their bonds of friendship. An immense part in the achievement of this goal was played by the irreconcilable struggle waged by V. I. Lenin and the Communist Party against the Russian dominant-nation chauvinism and Ukrainian bourgeois nationalism, by their selfless efforts to educate the working masses in the spirit of proletarian internationalism.

In the period of the October Revolution V. I. Lenin attached paramount significance to the unity of revolutionary actions carried out by the working people of Russia and the Ukraine. In the early years of Soviet government Lenin devoted particular attention to the promotion of the broadest possible cooperation in the economic, political, military, cul-

tural and diplomatic fields between the two fraternal Republics, regarding it as a firm foundation for the formation, strengthening and development of their state union. The great Russian people rendered extensive and disinterested assistance to the Ukrainian working people in upholding their freedom and independence, in routing their numerous internal and external enemies, in upbuilding the Ukrainian Soviet state and restoring its war-ravaged economy.

The author shows the guiding and directing role of V. I. Lenin and the Central Committee of the Communist Party in bringing about Soviet Russia's reunion with Soviet Ukraine and emphasizes the immense contribution made by the local Party, government, military and economic organizations and millions upon millions of working people towards the achievement of that goal.

Generalizing the experience of the revolutionary movement, the first achievements in the field of socialist construction and in the solution of the national question, V. I. Lenin gave the Party and the working people of Russia and the Ukraine concrete instructions on the most effective and expedient forms of mutual relations between the two fraternal Republics on the various stages of their development.

Drawing on concrete historical facts taken from Soviet realities, the author paints a vivid picture of V. I. Lenin's direct leadership of the process of extending and developing state relations between Soviet Russia and Soviet Ukraine in the period 1917-1922. From a federation formed by voluntary agreement between Soviet Russia and the Ukraine the two Republics subsequently proceeded to the highest form of Soviet federation, constituting the underlying basis of the Union of Soviet Socialist Republics.

G. I. MIRSKY and L. V. STEPANOV. **The Twentieth Century and Colonialism**

The article traces the development of the great historical process of the national liberation of the Asian and African peoples from the chains of colonial oppression.

The opening part of the article is devoted to a detailed examination of the principal causes and factors that have given rise to the imperialist colonial system. The authors analyze the social and economic essence of the colonial system and characterize the forms and methods employed to further the expansion of finance capital in the countries of Asia, Africa and Latin America. Describing the sanguinary colonial wars, the authors cite concrete historical material to confirm the thesis that the existence of the colonial system has from its very inception been inseparably linked with violence and destructive wars. At the same time, when examining the position obtaining in the semi-colonies, G. Mirsky and L. Stepanov make a point of stressing that at the very dawn of the 20th century imperialism employed the method of indirect domination, which found expression in exercising political control and resorting to unrestricted economic exploitation without direct colonial administration—a method that subsequently became an important instrument in the expansionist policy of U.S. imperialism which created an "invisible dollar empire."

The authors trace the principal stages in the development of the national-liberation movement, emphasizing the decisive influence that was exerted on it by the Great October Socialist Revolution, which ushered in a new era in human history—the era of the general crisis of capitalism and its component part—the crisis of the colonial system.

The authors convincingly demonstrate that in its significance and international implications the disintegration of the colonial system in the postwar period is the second major historical event after the rise and development of the world socialist system.

G. Mirsky and L. Stepanov expose and effectively prove the insolvency of the "colonialists' voluntary withdrawal" theory that has now gained wide currency in the West. Citing concrete examples relating to India, Burma. Viet-Nam and Indonesia, the authors convincingly prove that the colonialists' "withdrawal" was an inevitable and forced move prompted by the powerful impact of the liberation movement and the changed alignment of forces on the international scene, primarily the decisive weakening of imperialism and the steady strengthening of the world socialist system. The authors point out that after the second world war American imperialism became the chief bulwark of colonialism. The article analyzes the methods of furthering America's expansionist drive, brings out the real essence of the "vacuum" theory and the concept of building up military blocs, shows the sum and substance of the policy of granting "aid" to underdeveloped countries on shackling terms detrimental to the sovereignty of the independent Eastern countries. The authors highlight the events of the Middle East crisis of 1956-58, expose the aggressive nature of the Baghdad pact and the Eisenhower doctrine, and trace the roots and aims of the U.S. and British intervention in the Lebanon and Jordan. The problems of neutralism and Afro-Asian solidarity are analyzed in the light of the new alignment of world forces and against the background of the struggle between the two mutually opposed social systems on the international arena. Particular attention is devoted to the economic assistance rendered by the Soviet Union and the other socialist countries to many Asian, African and Latin-American states. The authors substantiate the conclusion that the socialist camp is a reliable champion and defender of the Eastern countries' independence.

The concluding part of the article is devoted to a number of important issues connected with the mounting national-liberation movement in Africa, the Congo crisis, the

Cuban Revolution, the Fifteenth Session of the U. N. General Assembly which endorsed the Soviet Union's proposal on complete abolition of colonialism. Drawing on their analysis of historical experience, the authors arrive at the conclusion that the final collapse of the disgraceful colonial system is inevitable.

M. N. TIKHOMIROV. **Preservation and Study of Historical Manuscripts in the U.S.S.R.**

The article draws the attention of Soviet historians to certain problems connected with the preservation and study of the rich collections of ancient manuscripts in the U.S.S.R. The author highlights the immense achievements registered by Soviet historical science in this field and at the same time discusses a number of measures aimed at improving the safekeeping and study of ancient manuscripts.

The article points out that the Soviet Union possesses vast collections of ancient manuscripts. Among the most extensive and complete collections kept in Soviet archive depositories are the manuscripts of three fraternal Slav peoples—the Russians, Ukrainians and Byelorussians. Some of the oldest Russian manuscripts date back to 11th-15th centuries. These include the Gospel of 1057 written for Ostromir, the Mayor (possadnik) of Novgorod and relative of Jaroslav the Wise, manuscripts of the oldest chronicles, the Russkaya Pravda (Russian Truth), various legends, deeds, charters and other documents.

The richest depository of manuscript books and acts is the Central State Archive of Ancient Acts in Moscow. Some of the 16th-18th-century documents kept there, notably a number of official documents of the Foreign Relations Department, are of great significance not only for the study of Russia's foreign policy in those days, but also for the history of Turkey, Iran, Britain, France and other countries Soviet archives also have extensive collections of documents on the history of Russia, the Ukraine and Byelorussia in the 18th and 19th centuries, and, in particular, documents belonging to the Soviet period.

The manuscript collections of the Armenians, Georgians and other peoples of the U.S.S.R. are truly unique. The Scientific-Research Institute of Ancient Manuscripts of the Council of Ministers of the Armenian S.S.R. (the Matenadaran) is famed as the world's richest depository of unique Armenian manuscripts.

The U.S.S.R. also possesses extensive and remarkable collections of Eastern, primarily Arabic, Persian, Uzbek, Tajik and Tatar, manuscripts which are kept in the archives and depositories of Leningrad, Tashkent, Stalinabad, Baku, Kazan, Makhach-Kala and other Soviet cities.

The unabating interest manifested by Russian scientists in the fraternal Slav peoples of the Balkans from the early 17th century has enabled our country to acquire a large number of Bulgarian, Serbian and Moldavian manuscripts. The remarkable Synodal or Patriarchal collection, now kept in Moscow's Museum of History, was founded in the 17th century.

Thanks to the efforts of Dubrovsky, who collected manuscripts in France at the close of the 18th century (in the period of the French bourgeois revolution), and other progressive-minded Russian intellectuals, the Russian collections of manuscripts in the Latin, French, German and other West-European languages were considerably extended. The author stresses the fact that in the difficult years of economic dislocation caused by the war the young Soviet state, acting on V. I. Lenin's instructions, displayed unflagging concern for the preservation and extension of Soviet manuscript collections. In the years that have passed since then remarkable progress has been made in the field of developing and stimulating Soviet source research and auxiliary historical subjects. There appeared many publications of documents and numerous works on the history of the peoples of the U.S.S.R. as well as new magazines and symposiums devoted to problems of source research ("Historical Archives," "Problems of Source Research," "The Yearbook of Archaeography," etc.). Soviet historical research is making further progress in the critical analysis and study of sources.

At the same time the author dwells on a number of factors impeding further progress in the preservation and study of historical manuscripts in the U.S.S.R., paying particular attention to conditions in which the unique manuscript collections are kept and studied for the benefit of world science. Among other things it is pointed out that often enough the manuscripts are kept in conditions that cannot be described as favourable. Even in the country's biggest manuscript depository—the V. I. Lenin State Public Library in Moscow—there is an urgent need to extend the area occupied by the Manuscript Department. A vast amount of work still has to be done in the field of systematization and catalogiuzation of manuscripts, compilation and publication of archive guidebooks, etc. Another important problem is the publication of new documents, since the comparatively small number of published sources is clearly inadequate. The author also stresses the fact that it is urgently necessary to draw up a general plan for the publication of the most important sources covering all branches of historical science. Serious attention should likewise be devoted to the archaeographical classification of sources.

Soviet historians are confronted with serious problems in the field of auxiliary historical subjects (paleography, numismatics, etc.), which must play an important part in Soviet historical science. Special attention should be devoted to the methods of teaching

source research and auxiliary historical subjects in Soviet institutions of higher learning. The author calls for effective measures to ensure further improvement in the safekeeping, classification and study of the rich collections of manuscripts by carrying on explanatory work in the newspapers and magazines and disseminating the rich experience accumulated by the country's major scientific-research and archive institutions. In conclusion the author emphasizes that it is necessary to work out a series of measures for the near future without delay.

S. D. SKAZKIN, N. A. SIDOROVA, A. D. LUBLINSKAYA, A. I. NEUSIKHIN, Z. V. UDALTSOVA, E. A. GRANSTREM, V. L. ROMANOVA, Z. A. SAMODUROVA.

The Development of Auxiliary Historical Subjects in the Study of West-European and Byzantine Feudalism

The article is devoted to the pressing problems of developing in the U.S.S.R. of auxiliary historical subjects in the field of studying West-European and Byzantine feudalism, as well as to the tasks of further continuing the important work of utilizing Soviet sources on the history of the Middle Ages in the interests of historical science.

Extensive collections of unique West-European, Greek and Eastern manuscripts dating back to the 4th-19th centuries are kept in the Soviet Union's libraries and archives. West-European manuscripts form part of the rich collections founded by P. P. Dubrovsky, P. K. Sukhtelen and N. P. Likhachov, which are kept in Leningrad; they also hold an important place in Lamoignon's collection kept in Moscow's Central State Archive of Ancient Acts, in the extensive collection of the Manuscript Department of the V. I. Lenin State Public Library of the U.S.S.R., etc.

Of no less interest from the viewpoint of science are the Greek manuscripts kept in the libraries and archive repositories of different Soviet cities. All in all there are approximately 2,000 of them, the richest and most extensive being the collections of medieval Greek (and to a lesser extent of modern Greek) manuscripts kept in the Saltykov-Shchedrin State Public Library and in the Manuscript and Rare Book Department of the U.S.S.R. Academy of Sciences Library in Leningrad. The Soviet Union's rich collections of official documents and seals enable our historians to conduct research into specific problems of diplomatics and sphragistics of West-European and Byzantine feudalism; there are also valuable collections of medieval coins, which are essential to the study of the history of currency circulation, financial systems, metal treatment techniques, etc.

Soviet scientists are carrying on systematic work in the field of the scientific processing, description, cataloguization and publication of West-European and Byzantine manuscripts belonging to the period of feudalism, since these manuscripts are unique in character and are of immense scientific interest. A number of guidebooks and catalogues have already been published. Among the recently published works are such important collections of archive materials as "The Historical Documents of Cremona" and "The Vazelon Acts," "The 11th-Century Psalm Book of Constantinople, Illustrated with Ornamental Miniatures," documents on the history of popular movements in France in 1559-1560. etc. Volume I of the "Documents on the History of the Civil Wars in France (1561-1563)"—the first in a series of documents on West-European medieval history compiled by the Institute of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences—has already been sent to press. A number of theoretical problems pertaining to Latin and Greek paleography have been successfully solved in the works of O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya, T. V. Louizova, E. E. Granstrom, A. D. Lublinskaya and other scientists.

However, many major collections of West-European and Greek manuscripts remain uncatalogued to this day. The published surveys of the manuscript funds kept in the Soviet Union's repositories give only a very cursory and general characteristic of existing collections, with special emphasis being laid on most remarkable and valuable specimens. Some of the printed catalogues (catalogues of Greek manuscripts, for example), compiled in the 19th century, have become outdated. Hence, the authors of this article believe that one of the basic tasks now confronting Soviet specialists in medieval history is compilation and publication of catalogues of Greek, Latin and West-European medieval manuscripts from the Soviet Union's collections. These printed catalogues should serve as a basis for subsequent compilation of summary catalogues embracing all medieval manuscripts kept in Soviet libraries and archive depositories. It would be undoubtedly of much value if Soviet researchers in medieval history participated in the collective effort of compiling a summarized World Catalogue of dated Latin manuscripts, the work on which has already been started. The article also stresses the necessity of developing theoretical work in the field of paleography and in the history of medieval Latin and Greek writing as one of the branches in the history of culture; it is necessary to continue the study of palimpsests of which there is such an abundance in the Soviet Union's archive collections, and devote particular attention to tracing the ties between the Slav and Greek, as well as between Greek and Latin writing.

In order to carry out these tasks more successfully the authors propose, to launch on the training of specialists in Greek, Latin and West-European paleography not only in the country's leading universities but in the Institutes of History as well. With a view

developing auxiliary subjects, primarily paleography, it would be highly desirable to tend the scientific contacts maintained by Soviet universities and Institutes of History ith corresponding institutions in other countries, carry on systematic exchange of micro-ms, photostat copies of documents, the latest historical publications, etc.

The development of source research in the history of the Middle Ages and, conse-ently, the publication of sources is closely linked with the work of cataloguization d publication of archive materials. Important work in publishing valuable monuments medieval history of the peoples of Southeast and Central Europe is done by the rchaeographic Committee jointly with the Institutes of History and Slavonic Research the U.S.S.R. Academy of Sciences. Publication has been started of a many-volume lition of Slavonic, Byzantine, Hungarian, Rumanian and other monuments under the neral editorship of Academician M. N. Tikhomirov. However, very little progress has en made so far in the publication of sources on the history of West-European feudalism, though it should be perfectly obvious that their publication is of immense significance r the training of erudite specialists in the field of medieval and Byzantine history and xiliary historical subjects. In conclusion the article sets forth a plan for the publication the U.S.S.R. of source materials on West-European and Byzantine medieval history.

A. PREOBRAZHENSKY and Y. A. TIKHONOV. **The Initial Stage in the Formation of a Nation-Wide Market in Russia (17th Century)**

Drawing on a detailed analysis of Soviet literature, the authors of this article make an tempt to sum up certain results of their research into the problem of the formation of all-Russian market in its initial stage (17th century). The authors examine a number important questions pertaining to the state of Russia's industrial and agricultural oduction and trade in the 17th century. The attention is focussed on the problem of cial division of labour and commodity production in the sphere of industry and agricul-re. The authors note that the 17th century witnessed the continuation and further spread the process of the separation of towns from the countryside and the appearance of new ban centres in Russia. Owing to the rapid development of industrial and commercial tivity, a number of rural communities acquired the features of urban settlements. The nployment of wage labour in small and, particularly, in large-scale industry was growing d spreading. Parallel with delivering their output to the state, the first Russian manu-cturing enterprises directed a definite part of their goods to the market.

Important changes were taking place in Russian agriculture in the 17th century. rain-growing (Vologda, Ustyug, Vyatka, Kungur, Nizhegorodsk and other districts), ain-consuming (Northern Pomorye, Lower Volga, Cossack Don and other districts) d flax-growing (Pskov, Smolensk, etc.) areas stood out in bolder relief. The output grain, flax, hides, lard, fats, hop and other products for the market was gradually ming to play a prominent part in the economy of the Russian countryside. The peasantry s the chief supplier of grain to the market. The authors of the article examine the activ-of the middlemen who shipped huge consignments of grain and other agricultural oducts to those areas which could yield higher prices.

In the course of the 17th century handicrafts were gradually developing into small-mmodity production in the industry of such towns as Yaroslavl, Tikhvin, Veliki Ustyug, c. This period was distinguished by the steadily growing specialization of small-scale dustry and increasing division of handicrafts into individual branches (metalworking, ther dressing, manufacturing of fabrics, etc.). Various non-agricultural pursuits involv-g the countryside into market relationships were growing among the peasants. An im-rtant indicator of progressive industrial development was the strengthened position of e middleman, who squeezed the immediate producer out of the market. This resulted the artisan's growing dependence on, and subordination to, trade capital. The authors ess that the 17th century was marked by amalgamation of small-commodity production to state-owned and private manufacturing enterprises.

The authors cite facts showing the existence, in the 17th century, of commercial agri-lture organized by merchants and well-to-do handicraftsmen. Money-commodity rela-ns exerted a certain measure of influence on the system of feudal landownership as ll. Both in big (B. I. Morozov and others) and small (A. I. Bezobrazov, the Pazukhins) dal economies a definite part of the products began to acquire the character of com-dities. The same tendency was clearly manifested in the case of some monasteries, rticularly in the North. The 17th century witnessed the appearance of feeble shoots of ge labour in agriculture.

Operating in the sphere of exchange was the process of eliminating the narrow bounds the local markets and the emergence of capacious regional markets whose contacts tended to the whole of Russia. There was a clearly expressed tendency towards speci-zation of the markets (grain, furs, industrial goods, etc.). The wholesale traders' domi-nt position on the market was steadily increasing. The article devotes particular atten-n to little-studied problems relating to the history of the formation of an all-Russian rket in the 17th century.

The authors draw the following conclusions: in the early part of the 17th century ssia was a feudal country. The feudal system predominated; the growing serf-owning

relationships adversely affected every sphere of social life, laying a deep imprint on the rise and development of the new bourgeois relations. However, it would be wrong to conclude, proceeding from the weakness, comparatively limited spread and instability of new phenomena and processes characteristic of the initial stage in the formation of the domestic market, that the 17th century has nothing to distinguish it qualitatively from the preceding period.

The authors of the article believe that the following basic results of historiographical research into the problem are indicative of the qualitative peculiarities of the economic development in the 17th century.

First, social division of labour entered a stage when it created the necessary minimum of conditions required for the gradual development and consolidation of the money-commodity economy. Second, the important quantitative changes connected with a sharper division between industrial and agricultural labour, between town and country, specialization of production, continued expansion of the output of industrial goods and farm produce for the market, more extensive use of wage labour, etc., already give rise to certain qualitative distinctions of the period, including: a) amalgamation of production and the emergence of the manufacturing industry; b) extensive development of jobbing operations; c) increasing the volume of marketing operations and establishment of big merchant capital; d) elimination of narrow local bounds and a steep increase in the country's commodity circulation, particularly farm produce (grain, etc.); e) establishing a fairly stable nation-wide commodity exchange, which signified the emergence of a single home market.

The chief social result handed down by the 17th century to the next historical epoch was the establishment of "bourgeois relations"—the rudiments of the new capitalist relations not only in the sphere of circulation but in the sphere of production as well. A careful analysis of Soviet historical literature reveals that beginning with the 17th century commodity economy is gradually converted into capitalist economy, as is shown by the emergence of the labour market and the intensified exploitation of immediate producers by commission merchants.

内 容

論 文

弗·伊·列宁和1895 1914年布尔什維克的报刊……伊·阿·鮑尔田金
列宁在創立和巩固苏俄和苏維埃烏克兰国家联盟方面的作用……米·伊·庫里欽科（哈尔科夫）
二十世紀与殖民主义……格·伊·米尔斯基，列·瓦·斯捷邦諾夫
論我国文字財富的保护和研究……米·尼·齐霍米罗夫院士
爭取在研究西欧的和拜占庭的封建主义方面的輔助历史課程的发展……謝·达·斯卡兹金院士，尼·亚·西多罗娃，亚·第·柳布林斯卡雅（列宁格勒），亚·約·涅烏西恒，吉·弗·烏达尔佑娃，叶·艾·格兰斯特列姆（列宁格勒），維·洛·罗曼諾娃，吉·加·薩姆杜罗娃
全俄市場形成的初步阶段（十七世紀）的研究总結……亚·亚·普列奥布拉任斯基，尤·亚·吉洪諾夫

历史科学在苏联

在苏联科学院历史科学部和学术委員会

历史科学部的年度大会……瑪·伊·阿薩杜罗娃

短評与書評

新書
苏联历史杂志中的文章

学术新聞

紀念列宁的全俄电气化計划40周年的科学会議……伊·瑪·涅克拉索娃，波·瓦·加烏比赫
基輔高等学校际学术会議……尼·馬·馬特維楚克（基輔），波·伊·斯捷里亚（基輔）
紀念圣西門誕生200周年的学术会議……加·亚·西比列娃

历史科学在国外

短評与書評

国外刊物巡礼

学术新聞

論匈牙利历史协会的工作……安·伊·普什加塞

信件与短評

約瑟夫·阿布加罗維奇·奥尔别利

CONTENTS

Articles: **I. A. Portyankin.** V. I. Lenin and the Bolshevik Press, 1895-1914; **M. I. Kulichenko** (Kharkov). V. I. Lenin's Role in the Establishment and Consolidation of the State Union Between Soviet Russia and Soviet Ukraine (1917-1922); **G. I. Mirsky** and **L. V. Stepanov.** The Twentieth Century and Colonialism; **Academician M. N. Tikhomirov.** Preservation and Study of Historical Manuscripts in the U.S.S.R.; **Academician S. D. Skazkin, N. A. Sidorova, A. D. Lublinskaya** (Leningrad), **A. I. Neusikhin, Z. V. Udaltsova, E. A. Granstrem** (Leningrad), **V. L. Romanova** and **Z. G. Samodurova.** The Development of Auxiliary Historical Subjects in the Study of West European and Byzantine Feudalism; **A. A. Preobrazhensky** and **Y. A. Tikhonov.** The Initial Stage in the Formation of a Nation-Wide Market in Russia (17th Century). Historical Science in the U.S.S.R.: **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils. M. I. Assaturova.** Annual Conference of the Department of History; **Surveys and Reviews:** New Books. Articles in Soviet Historical Journals; **Chronicle of Scientific Life: I. M. Nekrasova** and **B. V. Gaubikh.** Scientific Conference Devoted to the 40th Anniversary of Lenin's Plan for the Electrification of Russia; **N. M. Matveichuk** (Kiev) and **B. I. Stelya** (Kiev). Inter-University Scientific Conference in Kiev; **G. A. Sibireva.** Scientific Session Devoted to the 200th Birthday of Saint-Simon. Historical Science Abroad: **Surveys and Reviews; Scanning Foreign Journals; Chronicle of Scientific Life: A. I. Pushkash.** Reviewing the Activities of the Hungarian Historical Society. **Letters and Notes. Joseph Abgarovich Orbeli.**

SOMMAIRE

Articles: **I. A. Portiankin.** V. I. Lénin et la presse bolchéviste de 1895-1914; **M. I. Koulitchenko** (Kharkov). Rôle de V. I. Lénin dans la création et la consolidation de l'union d'état de la Russie Soviétique et de l'Ukraine Soviétique (1917-1922); **G. I. Mirsky, L. V. Stepanov.** Le XX-e siècle et le colonialisme; **Académicien M. N. Tikhomirov.** Sur la protéction et l'étude de nos richesses écrites; **Académicien S. D. Skazkin, N. A. Sidorova, A. D. Lublinskaya** (Léningrad), **A. I. Néoussykhin, Z. V. Oudaltsova, E. E. Granstrem** (Léningrad), **V. L. Romanova, S. G. Samodourova.** Pour le développement des matières historiques auxiliaires dans les études du féodalisme d'Europe occidentale et de Byzance; **A. A. Préobrajensky, J. A. Tikhonov.** Bilans des études de l'étape initiale de la formation du marché de toute la Russie en XVII-e siècle. Science historique en U. R. S. S. **Au Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques: M. I. Assatourova.** Assemblée générale annuelle du Département des sciences historiques. **Révues et comptes-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: I. M. Nekrassova, B. V. Gaoubikh.** Conférence scientifique, consacrée au 40-e anniversaire du plan de Lénin de l'électrification de la Russie; **N. M. Matveitchouk** (Kiev), **B. I. Stelia** (Kiev). Conférence scientifique de l'école supérieure à Kiev; **G. A. Sibireva.** Session scientifique à l'occasion du 200-e anniversaire de Saint-Simon. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus.** Lu dans les revues étrangères. **Chronique de la vie scientifique: A. I. Pouchkach.** Travail de la société historique de Hongrie. Lettres et notes. Iossiph Abgarovitch Orbéli.

INHALT

Beiträge: **I. A. Portjankin.** W. I. Lenin und die bolschewistische Presse 1895—1914; **M. I. Kulitschenko** (Charkow). W. I. Lenins Rolle bei der Bildung und Festigung des Staatenbundes zwischen Sowjetrußland und der Sowjetukraine (1917—1922); **G. I. Mirski, L. W. Stepanow.** Das 20. Jahrhundert und der Kolonialismus; **Akademiemitglied M. N. Tichomirow.** Schutz und Studium schriftlicher Reichtümer unseres Landes; **Akademiemitglied S. D. Skaskin, N. A. Sidorowa, A. D. Ljublinskaja** (Leningrad), **A. I. Neusychin, S. W. Udalzowa, E. E. Granstrem** (Leningrad), **W. L. Romanowa, S. G. Samodurowa.** Für die Entwicklung der geschichtlichen Hilfsdisziplinen zum Studium des westeuropäischen und byzantinischen Feudalismus; **A. A. Preobrashenski, J. A. Tichonow.** Die Ergebnisse des Studiums der Anfangsetappe bei der Bildung des allrussischen Marktes (17. Jahrhundert). Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: M. I. Assaturowa.** Jahresvollversammlung der Abteilung für Geschichtswissenschaften. **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik. I. M. Nekrassowa, B. W. Gaubich.** Wissenschaftliche Konferenz zum 40. Jahrestag des Leninschen GOELRO-Plans; **N. M. Matwejtschuk** (Kiew), **B. I. Stelja** (Kiew). Wissenschaftliche Konferenz der Hochschulen in Kiew; **G. A. Sibirewa.** Wissenschaftliche Tagung zum 200. Geburtstag Saint-Simons. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: A. I. Puschkasch.** Die Tätigkeit der ungarischen Historikergesellschaft. Briefe und Notizen. Josif Abgarowitsch Orbeli.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.

А 01258 Подписано к печати 28/III 1961 г. Тираж 20 850 экз.

Изд. № 795. Заказ № 510. Формат бум. 70×108 1/16 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

«Шаньси цзыляо хойбень. Шаньси цзыляо хойбень беньцзи вэй аньхой бень. (Провинция Шаньси. Сборник материалов о прошлом и современном состоянии). Тайюань. Шаньси жэньминь чубаньшэ. 1960. 3, 15, 530 стр.

Ваньнань фэнхо. Уху вэньсюе ишу унцзочжэ ляньхой бянь. (Воспоминания участников революционной борьбы. 1930—1949 гг.), Шанхай, Шанхай вэньси чубаньшэ. 1960. VI, 417 стр.

Хайфэн нунминь юньдун. (Крестьянское движение в Хайфэнском уезде в начале 20-х гг. XX в.). Пекин. Цзоцвя чубаньшэ. 1960. 130 стр.

Це фу юань гуй (Бэйсун). Ван Цинь-жо дэн бянь. (Энциклопедия «Це фу юань гуй». Сост. Ван Цинь-жо и др.). Тт. 1—12. Пекин. Чжунхуа шуцзюй. 1960.

Нонон хёптон чохабы кёнжечок конгохварыль вихан мёт качи мунчже. (Некоторые вопросы политического и хозяйственного укрепления сельхозкооперативов). Пхеньян. Чосон нодонтан чхульпханса. 1960. 230 стр.

ПАК СИ ХЁН. **Чосон тхочжи чедоса.** (Историко-экономический очерк землевладения в Корее). Пхеньян. Квахаквон чхульпханса. Т. 1. 1960, стр. 335.

Kinh tê Viêt-Nam. 1945—1960. (Экономика Вьетнама). Ha-nôi. 1960. 364 tr.

ХАДЖИНИКОЛОВ В., МЛАДЕНОВ Д., ИСУСОВ М., ГЕОРГИЕВ А., ВАСИЛЕВ В. **Стачните борби на работническата класа в България.** София. Профиздат. 1960. 607 с.

KISS J. **16. századi dézsmajegyzékek.** Budapest. Akad. kiadó. 1960. 1120. old.

GALANTAL J. **Egyház és politika 1890—1918. Budapest.** Kossuth. 1960. 368. old.

A Magyar munkásmozgalom története. Budapest. Kossuth. 1960—1961. Évf. 1—1946. old.; évf. 2—64. old.

GRECESCU C., SIMONESCU D. **Istoria Tării Romînești 1290—1690.** București. ARPR. 1960. 251 p.

VIRTOSU E. **Titulatura domnilor și ocierea la domnie in Tara Romînească și Moldova.** București. ARPR. 1960. 1960. 4 p.

Studii privind Unirea Principatelor. București. ARPR. 1960. 542 p.

MIKA A. **Nástin vývoje zemědělské výroby v českých zemích v epoše feudalismu.** Praha. SPN. 1960. 238 s.

Vznik a počátky Slovanů. Praha. ČSAV. 1960. 482 s.

Bojovy odkaz roku 1919. Bratislava. SVPL. 1960. 212 s.

Bibliografia historii polskiej za lata 1956—1957. Wrocław-Kraków. ZNO. 1960. 386 s.

WYCZAŃSKI A. **Studia nad folwarkiem szlacheckim w Polsce w latach 1500—1580.** Warszawa PWN. 1960 286 s.

Prace archeologiczne. Zesz. 1. Kraków. Uniw Jagielloński 1960 266 s.

SCHNEIDER F. **Dante. Sein Leben und sein Werk.** Weimar. Hermann Böhlaus Nachfolger. 1960. 290 S.

STENKEWITZ K. **Gegen Bajonett und Dividende.** Die politische Krise in Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges. Berlin Rütten und Loening. 1960. 320 S.

HIMMELHEBER H. **Negerkunst und Negerkünstler.** Braunschweig. Klinkhardt und Biermann. 1960. VIII, 436 S.

THOREZ M. **La pauperisation des travailleurs français.** Paris. Ed. sociales. 1961. 156 p.

DIOP Ch. A. **L'Afrique Noire précoloniale.** Etude comparée des systèmes politiques et sociaux de l'Europe et de l'Afrique Noire, de l'antiquité à la formation des états modernes. Paris. 1960. 220 p

MALLERET L. **L'Archéologie du delta du Mékong.** T. 2. La civilisation matérielle d'Oc-éo. Paris. 1960. 398 p.

OSBORNE B. **Justices of the Peace. 1361—1848.** A History of the Justices of the Peace for the Counties of England. Dorset. The Sedgehill press. 1960. 254 p.

BAILEY H. M, NASATIR A. P. **Latin America.** The Development of its Civilization. Englewood Cliffs (N. J.). Prentice-Hall. 1960. XIV, 818 p.

LONG C. D. **Wages and Earnings in the United States 1860—1890.** Princeton. Univ. press. 1960 XVII, 169 p.

WADGWOOD G. V. **Truth and Opinion.** Historical Essays. New York. Macmillan. 1960, 254 p.

АСИДА ХИТОСИ. **Дайнидзи сэкай тайсэн гайкоси.** (История дипломатии периода второй мировой войны). Токио. Дзиндзи цусинся. 1960. 14, 700 стр.

ТАТЭВАКИ САДАЕ. **Сэнго фудзин ундоси.** (История женского движения в Японии после войны). Токио. Оцуки сетэн. 1960. 222 стр.

Цена 70 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на шеститомное издание

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.»

Подписка принимается книжными магазинами республиканских, краевых и областных книготоргов и потребительской кооперации, а также всеми магазинами «Военная книга».

«История Великой Отечественной войны» представляет собой марксистское исследование, охватывающее все стороны военной истории 1941—1945 гг. В труде дается общий обзор и характеристика подготовки агрессии против СССР со стороны фашистской Германии и других империалистических держав, обстоятельно разбираются крупнейшие операции Советских Вооруженных Сил, освещается превосходство советского военного искусства, излагается внешняя политика Советского государства накануне и во время войны, освещаются героическая борьба советского народа на фронте и партизанская война в тылу врага, пламенный патриотизм и трудовые подвиги советских людей в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве.

В труде широко раскрывается роль и многогранная деятельность Коммунистической партии по организации и руководству всенародной борьбой с врагом, показана великая, непобедимая сила социалистического общественного строя.

ЦЕНА ТОМА 3 руб., ВСЕГО ИЗДАНИЯ — 18 руб.

СОЮЗКНИГА